

7. August

Леон Богданов

Заметки о чаепитии
и землетрясениях

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА · 2002

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882-3
Б73

Составители
К. Козырев, Б. Останин

Художник
Е. Поликашин

В оформлении книги использованы графические
и живописные работы Л. Богданова

Богданов Л.Л.

Б73 Заметки о чаепитии и землетрясениях. Избранная проза. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 544 с.

Леон Богданов (1942—1987) — художник и писатель, чьи творческие достижения были восприняты в среде ленинградской неофициальной культуры как выдающиеся (премия Андрея Белого, 1985), а литературное наследие до сих пор оставалось неизвестным широкому читателю. Большая часть текстов, вошедших в эту книгу, писалась им не в виде законченных литературных произведений: это подлинные письма и подлинный дневник. Записи Богданова, сосредоточенные на самом элементарном в человеческом обиходе (подробности быта, радио- и теле-новости), ярко воспроизводят минувшую эпоху, а точное наблюдение, изумительная метафора, проникновенное размышление и т.д. определяют мощное поэтическое дыхание текста.

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 882-3

ISBN 5-86793-191-9

- © А. Драгомошенко, «Блеск», 2002
- © К. Кузьминский, «Черное стекло Леона Богданова», 2002
- © К. Констриктор, «Иноземец», 2002
- © Б. Кипнис, «Флейта земли», 2002
- © Л.Л. Богданов, тексты (наследники), 2002
- © Художественное оформление.
«Новое литературное обозрение», 2002

А. Драгомощенко Блеск

Минуло лето в сухом саду, с его цветением денег. Осеннее пальто заслоняет большую часть сухого сада. Нам просто не видно, что там еще высохло или увяло, или опало. Что все лето и весну падало, то сейчас опадает. Все чаще плесневеет чай, оставляемый на два-три дня. Осыпается побелка, даже кусками отваливается штукатурка. На полу грязь — осенняя, подразумевается. Вечная, сказать проще. И сейчас светит солнце — последнее, сентябрьское, что же изменилось по сравнению с весной? Весной его брызги долетали и сюда. Сейчас только тепло доходит до меня.

Леон Богданов

Я видел Л. Богданова один-единственный раз. Не спорю, кто-то может утверждать, что это был ноябрь. В самом деле, был месяц, не исключавший возможности иного года, — это было так, как действительно трудно вспомнить. Тень на лице. Летательные аппараты, канаты, акробаты, публика, тающая от сознания собственной причастности к тому, что никогда не существовало (о чем впоследствии будет скрупулезно

повествовать в возможных изданиях, доказывая обратное).

Да, говорю я, никто про Леона Богданова не напишет. Никто этого не сделает даже потому, что не успеет понять, как «уложить» себя в гипсовую марлю приближения к черте, пред которой он не хотел вообще существовать, так как был дан условием в имени.

Для собственного спасения: он *прибывал* в исчезновении. За это меня прибьют камнями. Скажут: он всегда хотел быть, — и не доказательством ли то, что терялся на горизонте *письма*, под стать кролику в шляпе факира?

Он исчез задолго до факира и шляпы в сухом японском саду на подоконнике. Главным и наиболее грозным растением того сада был ветер в балконной двери.

Далее — «Козырев» (plural), — также и астроном. По-иному понимавший «время»: про-вращение, волчок, лунные landscapes. Лед — тоже форма волны. Тогда мы с Зиной играли в теннис с Сашей Козыревым, а он, также «занимаясь временем», как и *все* Козыревы, — то есть плазмой, — после всего, когда льет пот, случалось, говорил...

Мне все равно, кто и что говорил. Главное — успеть. Did I? Я думаю о другом, о том, как время определено в «системе» отнюдь не европейской, — с усердным постоянством создающей нескончаемые тетради в клетку, книги про то, как надо понимать что было, вольеры для уродов и бороды для ученых. И даже не о том, что лежит фигурой сыра на дне фьордов. А что, собственно, было? Ничего. «Где же искать грань между ценным и ничтожным, большим и малым — вне вещей или внутри их?» — спросил Хэбо. Я намерен сказать о времени Леона Богданова, который никогда, в силу простого величия, об этом не обмолвился. Докажи обратное.

Leon Bogdanov возник тогда, когда я меньше всего думал, что он вообще существует. Что означает: сегодня в Скандинавии, в стране, прянувшей из бездонных цветных карт и где «висельник» и «мама» совпадают в квадрате трансатлантической прорехи, я к нему возвращаюсь.

Это — как идти против ветра. Где он возникает на подобие неправильно сшитой орфографии французской словесности (и вот тут-то я попрошу не спешить), и что отнюдь не есть скрытое заимствование из Берроуза о Боулзе, но относится к баснословной поре, когда все, кроме нас, думали, что писать означает если не открывать тайну, то, в худшем случае, говорить о том, что она неизбежна. Чему, вероятно, оставалась привычка к тому, что есть «враг», «другой» или книга в клетку, или история, или есть — «Бог».

Привычек, писал Богданов, нет. Бог не привычка. Это потому как это — есть «это». Он писал: *«сейчас только тепло доходит до меня»*. Его восхитительно-медленная ярость (лед волны) заключалась в том, чтобы не сказать, но дать сказать — «gose is gose». Но и это неправильно. Никакой не Розанов. Куда тому, в чугунных валенках по горло, — и не снилось. Вот почему сотню лет назад я едва ли не окошел от стихотворения Лены Фанайловой про зиму в автобусе, — все же как научиться не распускать нити, слюни, руки... воображение? Никакой не Беккет, Музиль, никакой не Кэнко Хоси, etc. Никакой. Вот что главное. Карту он смотрел на просвет, на воск, на крыло — поэтому и замок, и деревня, и сторожа, включая «врата», лишь пункты перемещения зрачка. Поэтому критику он не нужен.

Я же здесь чистой функцией; типа путником на северном краю олеографии. Без пальмы, лермонтова и выгоды, но с сигаретой. Идущий отовсюду. Идущий, как в учебнике арифметики идет наука воды и ржав-

чины. Почти теперь. Что означает также: не-существование станции. Прочти Леона Богданова и напиши предисловие.

Или, лучше, напишите, как писал Богданов. Что смехотворно просто. Слова и некоторая очередность, ну... возможно, чуть терпения. Я же пытаюсь всего лишь сделать так, как то делал Л.Б.

Чтобы увидеть свет в определенном прикосновении зрения, нужно отвращать его к противоположному по оси месту. Тут никакого терпения не достанет. Чтобы стало понятней, прибегнем к примеру из ни к чему не обязывающей словесности. Назовем имена Пушкина. Некоторые с другой буквы. Некоторые известны народу. И без сожаления в отсутствие их/его.

Почти весь Клее — бесшумное путешествие к «янтрам». К обратной точке зрения. Лезвие — не что иное, как процесс сведения к ничто некоего материального тела, или, как говорят друзья, — «hile». Но восхождение оказывается последним актом кукольного театра. Дальше пробегает обыкновенное лезвие, средоточие которого — блеск, *«из которого были созданы все творческие выражения путем расширения точки таинственной яркости»*.

Стало быть, совершенство есть не то, что оседает в памяти или же ее создает, но то, что лишает память ее же самой, то есть свершения, то есть «истории».

Я не знаю, когда Леон Богданов родился, когда умер и кто теперь собирает его сады. Говоря по-иному, однажды он дал возможность взглянуть *на* — не как на пейзаж, исчезающий в заднем стекле машины, тем, кого не устраивало подобное строение картины.

Главным и наиболее грозным растением в его сухом саду, повторяю, был ветер, пойманный балконной дверью. Леон Богданов и был таким непрерывным процессом *постоянного* создания лезвия, рассекающего любые «истории». Знает ли тот, кто вдыхает, что вы-

дох достается другому? Потому надлежит набрать дыхания и не спешить с головокружением. Хайдеггер отдыхает. Лезвия, пересекающего себя. Несколько цитат из Богданова. Они не оставляют возможности «третьего», которое якобы дано. Они свидетельствуют о том, что дано — одно. Он сам и есть *perilgates* его же «земли» (соединяющей в необязательной этимологии «емлить» и «за»), иными словами, края отсечения от «присвоенности», в том числе и «себя». Но не земли. Но не неба. Но не меня. Ничего не дано. Литературная истина, собственно, и занимается бесконечным отделением одного от другого. Надо полагать, ради спасения *отделяющих*, а возможно, по причине чего-то другого. Типа дайте рецепт от смерти. А кто спорит?

Боль тоже тень того, другого; как и фамильный альбом, и затертая порнолента, как в телевидении про слова, не знаю... — пиво есть, ноги несут к лестнице за окном. В дверь стучат. Говорят, есть будущее, затем прошлое, — значит, говорят, есть и «настоящее». Кто может выдержать подобную тавтологию? Последнее падает лакомым куском к философскому зубу. Но на каждый зуб есть свой дантист, и он поет песнь про — *«иди не в корень, иди по каналу»*.

Канал и есть пресловутое: «plural». Множества, от которых рукой подать до Клее. Украденного у Бенямина «ангела» и вантовых систем. Руин. Дантисты создали web, но не землетрясения. Не для меня и не для Богданова. Круги сужаются, как после нежных тектонических смещений. Богданов возникает на фоне кантовского шансона об абсолютном пространстве. Но и это не интересно на склоне дня в стране, где пустынной улицей идут все те же дети. Кто остался — вопрос из другого ряда. И как на это еще посмотреть.

К. Кузьминский
Черное стекло
Леона Богданова

вроде, и знаю — не хуже-ближе (дольше) михнова,
алкоголика, но между нами стояла черного стекла сте-
на наркоты

1967...

приходится заниматься «ИСТОРИЕЙ искусств»
поскольку «современников», в большинстве, уже
нет (и те — далече)

а память — вещь необычайно хрупкая, фрагментар-
ная и лживая

вероятно, встретился я с леоном богдановым, «эл-
ликом», в 1967-м

около того

где-то в том году состоялось знакомство с эрлем
«эллики и эрлики», как называл их я

документация пошла позднее
во всяком случае, историческое фото эрля и эллика
снято гран-борисом (кудряковым) — 28 июня 1970,
«на манежной площади около малой садовой»
и снабжено двумя автографами — эрля и эллика —
непонятных позднейших лет (1972?), см. «Антологию
новейшей русской поэзии у Голубой лагуны», том 4А

1970-м же «датируется» мой единственный визит к
эллику на блохина, с моей женой, «мышью»
когда лишь я и смог — воочию — наблюдать его
«творческий метод»

комнатушка, с немытыми стеклами, диван (про-
жженный) и горелая дырка в полу, около него: эллик
заснул с косячком или с сигаретой (или — он курил
«беломор»? — пригодный для того и того?)
по стенкам, вроде бы, ничего: грязные обои (вся-
ко: «окантованных картин», обычных в мастерской-
студии — не было)

был угощен чифирем, в белом эмалированном ков-
шике — по меньшей мере, «квартром» (слой чая зани-
мал три четверти посуды)

деньги — малые, пенсионные (по шизе?) и малые
же случайные приработки — уходили на индийский
чай (38 коп. пачка?) и афганский гашиш-планчик
(рупь — косяк, кодеин при этом стоил сущие копей-
ки, и в 60-х — без рецепта еще)

пельмени — 40 коп. пачка (<...> овчина <В.А. Ов-
чинников> их называл «акридами», коими в пустыне
монаси-схимники питались, — наш обычный рацион:
богданова, шемякина, мой, всехний...)

хлеб — 14 копеек буханка, формовой (и круглый,
в ту же цену или чуть дороже — 16?)

на кисти-краски и холсты-бумагу — оставался голый и абсолютный ноль

(изобретенный индусами, коего востока знатоком и поклонником, «ориенталистом», как и михнов, — был, в своей «дзеновой прозе», эллик)

где там стояла оцинкованная детская ванночка (или — стиральное корыто?) — в коммунальной ванной ли, но не в комнате — не упомяну

в корыте были свалены листы «мусорной бумаги»: тетрадной, альбомной, просто какой-то оберточной, разного формата и текстуры

«я, говорит, засыпаю их анилиновыми красками (2 копейки — или 29? — пакетик), потом порошокю алюминиевого, которым фонарные столбы красят, — и размешиваю

на готовые мокрые листы налепляю таблетки от шизофрении — от них желтый ореольчик остается»

потом по полу рядами раскладывались все — сотня — листов

эллик смотрел — и выбрасывал ровно 90%, оставляя 10

когда из десяти десятков складывалась очередная сотня — следовал новый (окончательный?) селекционный отбор

в результате, пришедший на мою выставку «23-х» михнов-войтенко — увидел с полдюжины работ эллика (вертикальный ряд, за скудостью места) — и сказал, на одну: «д-дааа... » (и помню — на какую, есть где-то в слайдах)

работы были из собрания эрля

два ведущих абстракциониста, участвуя в моей выставке 1974-го работами, — ни на открытии, ни далее — лично не появлялись

михнов уже был «антисоциабелен», а эллик, не исключено, находился в больничке-дурке

в тот единовременный визит 70-го — эллик не возражал, когда я отобрал пачку работ (из подвергшихся селекции, аннулированных)

на старо-невском, в своей комнате в коммуналке — «мышь» изобразила по лету 1970 (к нашей запоздавшей свадьбе) — коллажи из элликовых работ, по стенам: кресты из «кругов» (эллик явно пользовался лабораторные фильтры), композиции из прямоугольных листов

абстракции красно-сине-фиолетовых тонов (анилин), с блестками алюминиевого порошка

7 работ эллика (одна — с фильтрами и таблетками, похоже) — чудом сохранились, поскольку были «окантованы» (наклеены на дешевый полукarton, кальсонного цвету), все — «начала лета 1970» (поскольку к свадьбе в августе — они уже висели, на старо-невском)

остальная полусотня «неокантованных» — вероятно, погибла (поскольку матушка моя — никогда не была «поклонницей пикассо», выросши на клевере <художник Клеверов> и рерихе)

дело «исхуйствоведов» — разбирать абстрактные композиции эллика (магрит или мондриан?), равно и михнова-войтенко — и пишут уже (спохватились)

мое дело было — запомнить и полюбить художника эллика (леона л.) богданова — в мои немногие с ним эпизодические встречи 1970?—1975

и сохранить хоть 7 его работ

Вру: у нортон в коллекции сохранилась (от меня) элликова работа «со штампами», единственная имеющаяся в его музее циммерли-ратгерз:

где-то элик раздобыл какие-то допотопные монетные (?) клише — с двухголовым орлом и надписью допетровской кириллицей (диаметром в 5 и 10 см! — шас смерил) и тискал таковые на чем ни попадя (на заливках тушью и акварелью, или анилине)

белую рубашку, украшенную черными оттисками этих клише (подарок к свадьбе?), — мать моя с возмущением выкинула

присутствовал, как бы, элемент коллажа — и шрифтов

и это тоже мне помнится — все 33 года, треть века

его рисунки, представляющие тоже несомненный интерес — помнятся мне меньше (а видел — немало), нежели эти ташистские заливки анилином — и «желтенькие таблеточки от шизофрении», равно и орлиные штампы

для меня леон л. богданов — всегда был «антиподом» михнова-войтенко: там, где женя организовывал дисциплинированный «жест», элик организовывал «случай»

пальчиком в небо: тык — не попал... тык, тык — попал!..

михнов пальчиком в небо не тыкал, он его создавал

но элик, своей организацией «случайного», безошибочным методом «эстетического отбора» — удивлял меня еще больше

жаль, что с ровесником (он, вроде, 1941) — встретившись всерьез в 30 лет — мне, практически, не удалось пообщаться

по причине сугубой разности кайфов: алкоголического (у меня) и наркотического (у него)

хотя повязаны мы были — «всеми нитками» (см. в Ант.):

«Эллик и энтин чесались у меня на кушетке, как стадо обезьян, после коды с планом» (том 2А)

«Эллик, забивая косячок в каткином садике, в январе — обнаружил под скамейкой в дупель пьяного глеба горбовского и доставил его домой, на пушкинскую

“а ведь если б это был не я — я бы замерз!” — серьезно прокомментировал мне глебушка отчет об этом событии» (том 1)

эллик, как художник и прозаик, — присутствует у меня аж в двух томах: 4А и 5Б

и доброй полусотней расплзшихся по миру (и не-
вем куда) — литографированных и маслом портретов
работы легендарной герды неменовой — виденных у
нее в период написания и рисования моего

эллик был ее любимейшей «моделью»

странно, но эрля она практически не рисовала
(или — не видел?)

лицо у эллика было прекрасное, боговдохновенное,
тонкое

даже в период последних съемок наших, с фото-
графом геной приходько, в 75-м — когда эллика уже
довела наркота, пополам с шизофренией

«дзеновую» прозу эллика — я упоместил сразу в две
антологии: прозаиков питера «лепрозорий—23» (сам-
издат, 1974) и «антологию новейшей русской поэзии
у голубой лагуны», том 4А, массачусетс, 1983

не могу сказать, что часто ее перечитывал: меди-
тативная энергетика отрешенности — сугубо не по
мне, даешь — динамику (и динамит)!

но она во многом идентична — и венедикту ерофееву, в своей временной вневременности, и саше соколову —

ибо писалась: в 60-е—80-е (и — «не для печати», что — характерно)

традиционщики-реалисты (будь то неопубликованные тогда же «горожане», или попросту — деревенщики) — менее отражали «внутренний мир» шестидесятника

в особливости — колеблющегося между востоком и западом, между буддизмом и христианством, в евроазиатской непоследовательности

джимми хендрикс и тибетский гонг — равно звучали в головах и в ушах

особливо — под азербайджанский чай, из ленкорани (по соседству, в али-байрамлы, я пахал рабочим-ихтиологом на теплоэлектростанции, в 1963-м)

ленкорань возникает у элика (просверкнув в 30-е — паустовским)

читать богданова — очень автобиографично

по артему веселому — подразумеваемая канва (всеизвестная), по которой — идет вышивка словесная, узором — декором времени

так артем писал «ермака» (рукопись — спрашивайте в гб-нквд, мне известен — лишь его «прием»)

проза богданова — орнаментальна, наложением на знакомое,

подразумеваемое — ленинград 1960-х—80-х, методом чтимого мною веселого

читая — гостишь

будучи угощаем — чаем

беседа, как чаепитие

ритуал

(включил бы — целиком, в долгописомый роман «хотэль цум тюркен», в главу-узел «чайная церемония пен-клуба». включаю.)

это первое — знаковость слов-реалий, что сражает на первых же страницах элика

далее: псевдо-дневниковость — от «дневника» остается даже не запись «мыслей» (розанова-блока), но — состояний, в которых эти мысли приходят нечто еще более неуловимое, нежели сама проскользнувшая мысль

зыбкость бликов на колеблющейся глади воды
то, чем развлекали себя монаси — тибета и афона, — погружаясь в беспробудный дзен
исихасты — созерцанием пупка
да и где он еще, «пуп вселенной»

я хочу созерцать пупки — с эликом

и это вот «пуповое желание» — и есть, может быть, единственная оценка — со-переживания, не-равнодушия

так — «наискосок», наверняка, леон л. богданов читал глянувшие ему книжки

так — я читаю его

тридцать лет и три года, треть XX столетия — прожитых порознь, но сообща

далее см. — ненаписанные воспоминания эллы липпы, эрля, галецкого, михнова-войтенко, горбовского, кулакова/виньковецкого, ентина, славинского, аронсона/альтшулера, хвоста/волохонского, миронова/макринова, левитина и бровиной — всего нашего, не столь уж и узкого, круга

и следующего уже поколения — кирилла козырева, и?..

Б. Констриктор

Иноземец

Как потенциальному мемуаристу мне повезло — я никогда не был знаком с нобелями. В основном мне попадались на жизненном пути лауреаты премии Андрея Белого. Писать о нобелях плохо: скажут, завидует. Писать хорошо — скажут, подлизывается. То ли дело лауреаты премии А. Белого!

Мои встречи с Элликом можно пересчитать по пальцам. Да и встречался я с ним не персонально, а всегда кем-то ведомый. Прежде прозы я увидел его картинки. Монотипии. В множестве они висели и лежали у Эрля. Потом дошло и до «землетрясений».

Но самое сильное впечатление в те коматозные годы произвел на меня сам Леон Богданов. Это был посланец миров иных. Ни советчины, ни антисоветчины здесь не было и в помине. Это было другое дело, а может быть, и другое тело. Во всяком случае я до смерти не забуду взгляд Эллика. На память приходит

аббревиатура «ППВ» (Памятники письменности Востока), а именно — «Алмазная сутра».

Глаз-алмаз. Каково же было мне, начинающему самородку, когда Элик с Кириллом Козыревым в гробовом молчании, обмениваясь лишь взглядами, рассматривали мои пра-рисунки у Эрля на Гороховой. Из этого немного просмотра я вынес одно, два, три и четыре. В общем, много.

Леон Богданов представлялся мне неким пластическим совершенством, продвинутым вариантом Бастера Китона. Невысокий, угловатый, с какими-то совершенно особенными медленными движениями, он был инороден всему тотально. Это чувствовали профессора, дворники, милиционеры и т.д., и к. г. б.

Помню, как мы ходили на выставку Древина в Русский музей: Богданов, А. Ник, его бывшая жена Зденка. Была фотография, на которой Элик застыл с каталогом на углу Садовой и Итальянской (тогда ул. Ракова). А еще помню, как Борис Кудряков делал вылазку с Эрлем и Эликом в Михайловский сад. Тоже были потрясающие снимки. Куда все это делось?!

Хорошо, что осталась проза. Однажды я дал почитать толстую и бледную машинопись «хроники чаепитий» скрипачу Борису Кипнису. Этот текст на многие годы стал спутником, если не тенью, моего знакомого. Его интересовало все: и дома, где жил Элик, и как выглядит Вера, и кто такая Элла.

Постепенно мне открылась связь между прозой питерского хронографа и исполнительским искусством. Вся жизнь Богданов вслушивался в мир с таким напряженным вниманием, с каким скрипач прислушивается к своему инструменту. Богданов пытался добраться до партитуры вселенной. Вот почему фиксации деталей обычного дня (количество пачек чая, последние известия) становятся необычайно важны-

ми событиями. Эллик ничего не изображает, он просто живет, он просто напряженно вслушивается в тишину мировой паузы. Вибрации его текста недоступны среднему уху читателя, настроенному на ритм фабулы. Не смысл движет прозу Богданова, а то, что за ним, музыка тонких вибраций.

Б. Кипнис

Флейта земли

(из дневника)

.....
Человек описывает, как идет за пивом, а мы слышим дыхание и *музыку* времени. Вот размах. Леону Богданову удалось показать самую глубину и фактуру пространства, в котором он жил, и сделать это тонко и пронзительно. Атмосфера, когда жизнь — лишь неясное воспоминание, тень; когда реальность вдруг растворяется в музыке. Он эту музыку услышал и сумел записать. И я заморожен ее звучанием. Его дневник — как партитура чудесной симфонии.

Музыка не стремится к обобщению, так же как звуки капель дождя не стремятся к благозвучию музыки. Но для меня блаженство — и соната Моцарта, и ночной шум дождя. Таково и мое восприятие текста Богданова — оно выходит за рамки *литературного*. Это скорее впечатление чисто музыкальное, мелодическое. И вот оно-то в результате и рождает

ощущение воздуха, пространства и единственности звука долгой протяжной ноты его творчества.

Идентификация вещей у Богданова, возможно, результат приема наркотиков. Все под пристальным вниманием: рубашка, рассвет, шум в подъезде, книга, воспоминание, и все отдельно. Перечислю еще: расположение заварочного чайника на столе, пачка «Беломора», музыка «Гагаку». Полное отсутствие *психологии* и *эмоции*. И каждая вещь и явление вырастают до размеров своей *отдельности* и абсолютной значимости. Это как бы перевод (очень медленный) взгляда с одной вещи на другую. Перечисление. Эпос.

«Листва осенью — при электричестве. Стало холодно, и мы включили свет».

От составителей

В процессе подготовки к печати дневниковых и эпистолярных текстов Леона Богданова (1942—1987) поначалу мы вообще отказались от какого бы то ни было в них вмешательства (комментаторского, корректорского), полагая его ненужным и даже вредным. Вопреки своей жанровой привязке дневники и письма Л.Б. в первую очередь и по преимуществу являются *художественными* текстами (а, скажем, не историко-биографическими свидетельствами) — они замкнуты, самодостаточны, гармоничны, и потому сноски, звездочки и конъектурные скобки, как мы полагали, оказываются насильственным протезированием самостоятельного и саможивущего художественного тела. Некоторое время спустя изначальный радикализм в пользу «чистого наслаждения от текста» показался нам чрезмерным и искусственным, тем более что Л.Б. для многих читателей — загадочный персонаж, не известный им ни как писатель, ни как художник, ни как человек, и потому какие-то, пусть минимальные све-

дения о нем далеко не бесполезны. Но именно что *минимальные*, хотя личное знакомство с Л.Б. позволяет нам подробно расписать и «*cuniculum vitae*» писателя, и круг его ближних и дальних знакомых, и родственные связи, и редкие путешествия, и бытовые картинки. Причина нашего немногословия — вовсе не лень, но сознательно проводимая политика: мы чертовски утомлены книгами (каковых ныне немало!), на треть, а то и наполовину составленными из комментариев.

Большая часть текстов, вошедших в книгу, не представляет собой законченных литературных произведений: это подлинные письма (адресованные Миле Чистович) и подлинный дневник (две толстых общих тетради, красного и коричневого цвета соответственно), который Л.Б. вел то регулярно, ежедневно (точнее, еженощно), то с перерывами, не всегда помечая дату очередной записи и не всегда отделяя ее от предыдущей. Почерк у Л.Б. — парадиз для публикатора: очень четкий, мелкий, по его собственному определению, «картографический». С годами почерк мельчал, не теряя, впрочем, четкости, так что микроскопические строки последних страниц приходилось читать, вооружившись мощным увеличительным стеклом. Зачеркиваний и поправок в тетрадях практически нет; к тому же Л.Б. обходился без черновиков и *сразу* писал начисто, возможно, в завершение многочасовых размышлений за чаепитием и во время «вытаптывания» линолеума на крохотной кухоньке. Орфография и пунктуация — вполне грамотные, и если не всегда нормативные, то, как правило, с определенным умыслом. Особенно много пунктуационного произвола в ранних текстах, где царит «футуристическая вольница»: то отсутствуют и школьнику доступные запятые, то следует строчная буква после точки, то конец абзаца обходится без знаков препинания. В поздних текстах пунктуация нормализуется, хотя написание многих слов не унифицировано («Беломор» и беломор;

слава Богу и слава богу; «Академкнига» и Академкнига, «Дао Дэ Цзин» и «Дао-дэ цзин»), не приведены к единому виду географические названия и т.п.

Мы лишь изредка вмешивались в тексты Л.Б., слегка подправляя орфографию, и почти избегали конъектур, полагая, что в тексте о землетрясениях читатель и без нашей подсказки догадается, что «шк. Рихтера» *не означает* музыкальную школу великого советского пианиста. Короче говоря, старались избегать всего мелочного, занудного, навязчивого, утомляющего, а главное — мешающего читателю безоглядно воспринимать текст и наслаждаться им.

Перечень самиздатских и типографских публикаций Л.Б.:

Машинописные сборники стихов и прозы издавались в 1960—70-х годах Вл. Эрлем под маркой издательств «Польза» и «Палата мер и весов».

Окно, открытое вовнутрь — *Лепрозорий—23* (1974).
1974 год — *Часы*, 16 (1978).

Шесть писем; Возвращение в 1974 год — *Часы*, 23 (1980).

Красные карточки — *Часы*, 39 (1982).

Отрывки — *У Голубой лагуны*, 4А (1983).

Отрывки — *Транспонанс*, 26, 27 (1985).

Заметки о чаепитии и землетрясениях — *Часы*, 55, 58 (1985).

Ломоносов; Шестнадцать; Сон; Где это? — *Митин журнал*, 13 (1987).

Последнее — *Часы*, 70 (1987).

«В первый день листопада...» (Стихи) — *Митин журнал*, 28 (1989).

Шесть писем на желтой бумаге; Черногория — *Лабиринт/Эксцентр*, 1 (1991).

Проблески мысли и еще чего-то — *Вестник новой литературы*, 3 (1991).

ТР-Р ТР-р — *Поэзия и критика*, 1 (1994).

Отрывок — *24 поэта и 2 комиссара* (1994).

Лучей нет — *Новое литературное обозрение*, 25 (1997).

Большинство названий опубликованных текстов принадлежит публикаторам.

О нем:

Б.-К. <Б. Останин, К. Козырев>, Поиски дервиша — *Часы*, 70 (1987); *Новое литературное обозрение*, 25 (1997).

Творческие достижения Л.Б. были восприняты в среде ленинградской неофициальной культуры как выдающиеся. В 1985 году ему была присуждена премия Андрея Белого с формулировкой: «За “Заметки о чаепитии и землетрясениях”, позволяющие европейскому уху услышать “в музыке флейты земли — звучание флейты неба”». Сильнейшее впечатление от творчества Л.Б. засвидетельствовали Вл. Эрль, Б. Констриктор, Б. Кудряков, А. Драгомощенко, Д. Волчек, В. Кондратьев, А. Левкин; некоторые из них назвали Л.Б. в числе своих литературных учителей.

К писателям, оказавшим на Л.Б. особое влияние, следует, в первую очередь, отнести В. Хлебникова, В. Розанова, С. Беккета. Л.Б. очень внимательно изучал японскую и китайскую литературу. Несомненно его взаимодействие с неофициальными ленинградскими литераторами и не-литераторами (в т. ч. круга «Малой Садовой»): Б. Понизовским, Ю. Галецким, А. Кондратовым, Е. Михновым-Войтенко, Л. Аронзонном, А. Хвостенко, В. Швейгольцем, К. Кузьминским, Вл. Эрлем, А. Ником...

Относить литературное и художественное творчество Л.Б. к «психоделическому», объясняя его формальные особенности специфическим воздействием наркотиков, мы поостереглись — как из боязни впасть в «фармакологический детерминизм», так и по причине нашего неведения о сущности и границах *свободного*

творческого акта. Возможно, наркотики лишь усиливают уже имеющиеся у автора творческие «интенции», а не побуждают к формотворчеству на пустом месте, тем более что в случае Л.Б. речь идет всего лишь об очень крепком чае («цифире») и индийской конопле («плане»). См., впрочем, об этом у самого Л.Б.

Сказанное касается и такой «соучастницы» творчества, как психиатрическая лечебница, что неоднократно обыграно в формуле «творчество — это безумие». Л.Б. несколько раз лежал в психбольницах (Скворцова-Степанова, что возле Удельной; на ул. Лебедева; в поселке Никольское, под Гатчиной), но и здесь невероятно трудно определить «причины» и «следствия» психических и творческих актов — мы оставляем эту тему, равно как и тему сотворчества наркотиков, тому, кто смелее и безрассуднее нас. По выходе из больницы Л.Б. получил инвалидность второй группы и небольшую пенсию, обеспечившую ему полунищий досуг. Примерно раз в месяц он «ходил на укол», о чем упоминается в «Заметках...».

Круг общения Л.Б., сравнительно широкий в 1960-е годы (в «малосадовские времена»), в 1970-х годах стал резко сужаться и вскоре ограничился семьей (жена Вера Курочкина, мать Антонина Васильевна) и немногочисленными друзьями (Кирилл Козырев, Элла Липпа, Герта Михайловна Неменова, Борис Останин). К слову сказать, Г.М. Неменова за четверть века написала более 100 портретов Л.Б. — беспрецедентный, насколько нам известно, случай в истории живописи!

Из дома Л.Б. почти не выходил, жил затворником, самый обычный для многих поход в продовольственный магазин оказывался для него событием, не говоря уже про редчайшие «выезды в центр» или «приглашения в гости». Из мест жительства писателя назовем квартиру в Купчине и комнаты на Петроградской стороне (ул. Блохина и ул. Ленина). Последний год жизни

он провел на улице Лизы Чайкиной. (Упомянутая в книге «лошадка» содержалась вместе с осликом и бричкой в некоем подобии конюшни во дворе этого дома. Ее хозяин, предприимчивый армянин, зарабатывал в начале 1980-х годов неплохие деньги, катая на них иностранных туристов по Невскому проспекту.)

Внешних событий в жизни Л.Б. было, в общем, немного; писатель принадлежал к числу тех, кто «путешествует, не выходя за порог своего дома». Его отличали самоуглубленность, молчание и постоянная внутренняя работа, лишь изредка фиксируемая в словах или образах. Даже когда Л.Б. ничего не делал, невозможно было сказать, что он празднично проводит время...

В целом Л.Б. был «внесистемным мыслителем», что объясняет его близость к В. Розанову и привязанность скорее к образному мышлению, чем к логике, но было бы неверно вообще отказать ему в определенной системности и даже *ритуальности*, проявляющейся как в бытовом распорядке, связанном с «дальневосточным» чаепитием, так и в постоянном изучении землетрясений и иных природных и социальных катаклизмов. Впрочем, в каком смысле слова он их изучал? Не правильнее ли сказать, что Л.Б. неким образом *видел* «тонкий порядок» катаклизмов и пытался найти к нему ключ — подобно В. Хлебникову с его «досками судьбы» и «струнами времени»?

Конечно, прогнозированием природных и общественных беспорядков человечество занималось не одно тысячелетие (та же астрология), но только в последние годы — в связи с возникшей возможностью очень точно измерять скорость вращения Земли вокруг своей оси — этим всерьез заинтересовалась и наука.

Л.Б. мечтал прогнозировать то, что, казалось бы, не поддается прогнозу (ср. икота в ерофеевской поэме «Москва-Петушки»), пытался обнаружить скрытый порядок в зримом хаосе — но разве не этим и занимается искусство?

Дневниковые записи Л.Б. можно отнести к жанру, если таковой существует, «великое в малом»: сосредоточенные на простейшем (подробности быта, радио- и теленовости) и выраженные простейшим образом (переписанное из газеты сообщение), они позволяют читателю немало узнать об отошедшей эпохе. Среди прочего, и о том, что хорошего чаю и хороших книг было, не в пример нашим временам, мало, но, однако же, они *были*, что их «выбрасывали» (то есть неожиданно пускали в продажу), что за ними приходилось стоять в длинных очередях, получать в подарок от московских друзей, заранее заказывать по издательским планам — но и о том, что хороший чай и хорошие книги пили и читали с вызывающими зависть умением и наслаждением. Впрочем, Л.Б. почти ни в чем, кроме чая и книг, не нуждался, сумев ограничить себя этой *великой малостью*. В отличие от любителей «быта как такового» (К. Леонтьев, Л. Толстой, В. Розанов, В. Набоков), Л.Б. предпочитал, чтобы быта у него было «совсем чуть-чуть», «на последнем издыхании». Его аскетичность относилась не только к быту, но и к творчеству (простые средства, второсортные материалы), причем задолго до деклараций «Догмы» и, вероятно, в продолжение «корявости» русского футуризма.

К славе и известности Л.Б. был безразличен, хотя даже в среде «неофициалов» авторское тщеславие представляло собой немаловажный компонент жизненной установки и творческой стратегии. Мысль «продать себя подороже» просто не приходила ему в голову, а если бы случайно и пришла — он не ударил бы ради нее и пальцем о палец.

Возможно, не все читатели готовы к чтению, восприятию и пониманию текстов Л.Б. (особенно ранних), а тем более — к наслаждению ими. Чтобы облегчить им труд, мы публикуем произведения Л.Б. в

обратном хронологическом порядке. Эволюция литературного стиля Л.Б. (условно говоря, от сложного к простому и от простого к универсальному) — благодатная тема для размышлений и выводов; мы оставляем ее профессиональным литературоведам.

В ранних текстах внезапное, но очень точное наблюдение, изумительная метафора, проникновенное размышление то и дело пресекают читательское дыхание:

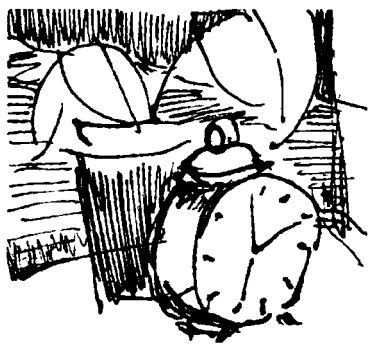
«Осколки зуба на верхней десне ощущаются как звезда», «Я видел ряд цветных закатов, похожих на устойчивую валюту, багряно-синих», «Пыль — национальный продукт Эстонии», «Чайник заварочный и пиала, очень точно расположенные на столе и относительно друг друга, как-то белой ночью произвели на меня неизгладимое впечатление»...

В поздних текстах Л.Б. отказывается от такого рода фраз как от «слишком красивых», отбрасывает исчерпавшее себя *поэтическое* в пользу чего-то другого, не менее сильного. Наблюдения, метафоры, размышления уступают место «эстетике списка» — то в масштабах целой планеты (перечни землетрясений и политических коллизий), то в размер кухонного стола (перечни сортов купленного чая, издательские планы). Следуя совету А. Введенского «Уважай бедный язык, уважай нищие мысли» и самого Л.Б. «Надо думать ровнее, чаще возвращаться к одному», мы *уважаем* эти списки и снова и снова *возвращаемся* к ним. И вот результат — поэтическое дыхание текста восстановилось: наше читательское дыхание вновь удивительным образом прерывается, на этот раз по неизвестной нам причине.

Воистину прав писатель, сказавший, что «чудеса могут происходить и в самой спокойной обстановке».

К. Козырев, Б. Останин

Заметки о чаепитии и землетрясениях

Часть 1

<1980>

как пишут на шелку, в орнаментальном стиле, со всей равнины камышей, из таких потоков, где по камням течет мелкая, но черная вода красивыми петлями, которые мы видим сверху, собирается эта река (а не из Луги и таких протоков, да и не важно ее название). От моря сюда, до почти неуловимого порога по ней, это я видел, прилетают два белых морских орлана, держась друг за другом. Ничего не слышно, поезд встал, и ветер видим. Птицы возвращаются чистые, Балтийское солнце оставляя с правого бока. Не помню где это, год 52-ой.

...«Чудесным образом», скорее дом изменится внутренне и внутри, чем что-то повторится в окружающей природе целое; напоминание существует ради сравнения в уме изменений — к лучшему. А понимание доходит только до приятного, т.е. оно протекает в

окружении никакого и неприятного, как «Футбол 189... года».

«Кто старое помянет...», что же в этом приятного? То, что только так испытывается полезность фикции времени. А пословица, со своей фиктивной абсурдностью? Основывается на необходимости поддержать коллективное суеверие. А поддержанное такой формой самосознания общество противостоит наркоманической и кшатрийской дваждырожденности, дословности.

«Пагсам-Чонсан»

Опавшие листья у хижины,
где коротаю досуг.

Возле самых ворот,
где нога человека, похоже,
не ступала с утра,
на опавшей листве павлоний
росной влаги прозрачный отблеск.

разве все люди так согласны жить? в коммунальных квартирах, в одной комнате? «Хорошо сейчас там, где нас нет», как то, что всегда где-то в космосе льется пиво. Вся мысль в этом. Рядом с условным резонансом пословиц безусловно-абсурдное... Как нет не пустого в сущности от значения вне речевого контекста... тут мы уже за диалогом, как за околицей, с фантомами загадок.

каждый красный дом музейный экспонат, осколок другой исторической эпохи, ново-голландской...

небо желто-зеленое к буре в Прибалтике. небо зелено на восходе от брызг морской воды. ходячее это мнение или правда? Не должны ли мы считать

Г.М. Неменова. Портрет Л. Богданова

все пословицы порожденными художественным вымыслом?

подмостки.

но и: где это там потом все тогда и беру? Я освободился и не нахожу места... Всего надо разом, вместе с тем все есть и ничего не надо. Стихотворение на предыдущей странице — пьеса, либретто, идея. Довмонтов город на Петроградской.

Чтобы дух был ровен в день. Лиши смысла пословицу — анти-Даль — тренировка в разыллюживании. «Не все коту масленица...» — анти-Мелвилл пломбирный Пипл Темпл

что называть, смотря ясным взглядом. При ярком свете это все (связанное с умиранием) становится видно, и вот почему, когда этого нет, свет неяркий. Так же как близкие, непереносимыми становятся пословицы, когда понимаешь, что тех и тех роднит одно абсурдное, невыразимое в мире слов и условного значения. И как неяркий свет не дает предвидеть, так же условными значениями ослеплено сознание лиц. Что же должно успокаивать? Что дети в субботу еще только ходят в школу? И им больше достается света совести.

В азербайджанский чай переплетен Рёан с Рёканом, с оранжевым солнцем, а мы пьем чай из Ленкорани, вот что-то такое для противовеса. Не спеши и ты успеешь.

— Где мне напечатать твое стихотворение, здесь же?

Если небо утром зеленое, обязательно будут известия о буре на Балтике. Просто желтое, чтобы не дремал.

Так вот холодно и как бы не существует ничего и этого-то, что с трудом удавалось вспомнить. Так холодно и бывает только в феврале—марте.

Крепкое розовое. И вот сплошь да разом выходит, что сильного света нет и достаточно крепкого чая нет. Все окутано патиной здравого смысла, и только из-за того и становится выносимо кичливое и пошлое на земле. Я ничего не видел только месяц и шесть дней, а что-то случилось. И один только ты можешь и выжить в создавшихся условиях.

Как краток первый проход на воле, как легки, ну а это и на три — первые две бутылки «Лидии» полторы недели. И я и идти не могу, а могу что-то выделывать такое ногами. Время года, та весна, что следует за идентификациями в пустыне. И чтобы значит и считали ее осенние цикады и ордена «Известий», стрелки в стиле Бернара Бюффе на будильнике и неуловимо напоминающая что-то перепечатка (ко-

аны Рёкана). Черно-корейская месса буддийская — утренний прогноз. Марта 1-ое, как всегда пасмурно. Легче первоапрельского дуновения свежего воздуха в атмосфере чайной, после кризиса простудной болезни. Мартовский человек.

Лежа и руками я пытался воспроизвести благоговейные жесты безличностной благодарности или «радости».

Недавно в прессе появилось сообщение, что исследования одного ученого из Америки показывают, что индейцы майя в своих летописях отмечали фазы планеты Венера так же пристально, как мы положение Луны. Сегодня 1-ое марта, спускаемый аппарат был посажен на Венеру... птица поет немного звонче; случай, когда воды так много, что всю грязную посуду и сальную решетку в раковине и саму раковину можно равномерно промыть под непрерывной струей, когда чая так много, что день кроме снов состоит из церемоний, благодарящих Веру, которая все для тебя это все-таки сделала... и т.д., когда глаза и не замечают никаких перемен к лучшему, кроме как уточнений в чайной утвари, в сторону упрощения ритуала, когда свободы столько, что буквально места себе не находишь... и т.п. По-видимому, и не хочется расставаться ни с чем этим.

2-го. Алжир требует Францию выдать участников банды, укравшей несколько Ренуаров в Алжире.

Ну, а когда, как не 2-го марта, бывают вторые похороны рыбаков с потонувшего судна. Вера видела.

Я еще из тех периодов, когда художники ходили ватагой. Изо всего Фолкнера «справедливости» и «красных листьев» ради, вырезывал «стрекозу и муравей». Иллюстрированный Jimmy H. В местах не столь отдаленных слышал по радио объявление о лекции

Меньшикова об Алексееве. Как с моим диван-кроватью. (Был заказан порошковый Лотреамон.)

Не только хуже оплывший, чем на булыжниках, лед, но и крошенный, как гранит, воплощенный во льду... Родился я, верно, с головной пронзительной болью. В феноменально короткий, мистический срок нетривиальным образом разрушал вещи с общей точки зрения зрелые, раздавить в руках чашку, etc. Слова отца за едой — вывод, что к сказкам и басням относится большинство, если не все «не даром говорится» в пословицах. Объявляя народнические мифы ересью открыто, он оказывал влияние авторитетом отца и за обедом. Но на кувшинчик молока вечером на утро напомнит. Низкое небо издавна началось, как и чернота не этой весны, силы Инь и Ян, антитеза жизненности и иллюзорной темной безжизненности, медленнее всего поворачивающаяся идея. Но и вместе с тем выражающая безначальная очеловеченность копошения пустоты, очеловеченность безлюдья и предрассветный свет, из чего, кажется, и происходит существование еще некоторых форм общения, сумерки, в которых сумело затаиться человеческое существование, кажущаяся противоречивой человечность улицы рядом с абстрактностью номера, понятия величины или антропоморфным и зооморфным. Светает и желтое перестает просто пугать, зеленое — освещать, черное блестеть. 4-ое. Видьте крупнее, точно, воздуха течение приостановилось, началось что-то весеннее. Март сообщил свою золотистость

Есть еще и все остальное.

забыл записать, что, как симфонический оркестр, по телевизору, похож на помойку, а еще там была кирха: никого, все залито солнцем.

эпический трагикомизм, в конечном счете тоталитаризм жизни создают культ сильных чувств. В не-

переносимом давлении страстей на мою натуру разглядывается только то положительное, что полное несогласие мое со школой сильных чувств одно поддерживает эфемерное существование индивидуалистической модели в философском подходе к существованию. Кроме несогласия ничто бы и не напоминало о существовании моего, другого взгляда. Так все-таки легче. Деревенька весенняя, на поворотном круге в этот раз не дала о себе знать, не успела. Что-то там сплавлялось постепенно из дополнительного света, ночью грязно-желтого, днем, к вечеру ничего, на вид даже приятного. Теплом оттуда впервые веяло. Как-то под вечер второго дня, 5-го марта стало видно, как лед изменился в отражения, и перед нами опять абсолютное единство раздвоения. Сопутствующий пар стал как туман повыше домов, вы замечаете, что и здесь мы, как и везде в этом отрывке, чем-то отделены от источника света...

— Господин отец, а господин отец, что если Адалин весь этот был не прав?

Начать с того, что мне этот скромный скрытый рынок не мешал, как и весь район, что-то вроде между свай и дерева на разнovidной части моста, как и их кустарщина. Пусть там не было тропических плодов... Вот хранить подобные воспоминания, как об местах ниже уровня моря, хотя бы только в уме — в этой деятельности уже что-то типическое.

на пути, которым никуда нельзя сходить, т.к. на всем пути ничего открытого нет. им можно только идти, как оттуда (из Волковой деревни) в клуб X-летия Октября. Работающий ночью на излучине гастроном речного участка и трактир в многоэтажной школе и больше нечего вспомнить. Этот одинокий путь, которым когда идешь все в твоей воле. к слову яркое запомнилось вмешательство чужой воли, это клумба,

где вперемешку с садовыми ромашками посеяны васильки обыкновенные. Но и как бы неожиданно, недуманно она ни возникала, это не производило диссонанса. Я описываю, что бы мне хотелось взять для своего города. Я хотел бы взять путь по задворкам, на котором и человека-то не встретишь, надо брать его с собой в дорогу и потом стараться не растерять двуединого восприятия. Охотник поговорить. Но мы еще вернемся (к этому вопросу).

Это было во времена, когда проводилась кампания по борьбе за экономию электричества. «В двух полутемных шагах она обернулась, оглянулась...» Оборот составил образец современной прозы. Но ведь только на место чернокожего себя и принято было ставить. Почему же на окраине чувствуешь себя первооткрывателем, там, где все осмысливаемое дословно, где обширны горизонты и ты один на один с еще более одиноким вторым своим я? Очередь за вином у светящихся забегаловок и магазинчиков. Тоже окраина... может, человеку как за вином туда надо или просто он, может, шел за вином?

Первую весну, с туманами, ту, что для поэтов, когда можно куда-то пойти, если бы не вялость, просыпаю. Думаю, самую скованность перехожу из угла в угол.

Внутренний голос говорит, что, когда само оцепенение качественно изменится, превратится в весеннее, поглядывать будет поздно, если поглядывать — то тут. Так думают многие. У людей прорезались птичьи голоса. Умер Т. Монк, а в Купчине с птицами дело обстоит, как в зоопарке, встречаются птички и очень красивые.

а это так только потому, что там, вообще кумирня «на углу». Что же рассмотришь в чужой тени великого в малом, дающего...

судебная орнаментика восточная

Процветание на снегу черных по-весеннему колючих кустов и людей в темной зимней одежде, заметных на последнем снегу. Брейгель тоже жил над детским садом. А мы тут стоим (на Мало-Московской) защищать вершки православия. Про обед — запретный плод. Заявляется о готовности районов к половодью и настроение должно подняться. Кстати, нашей тропкой, где знакомы все неровности почвы, рытвины и ухабы, на закате бредут и бредут люди. Дети сегодня индифферентны. Проходят минуты, а кажется, что все прошло. Весна. А люди все идут — и полшестого и полседьмого.

Только когда с кондициями 2000-го года будет существовать безвременье зимнего Санкт-Петербургского двора и осуществлять фантазию художника начала шестидесятых годов, полноценно будет осуществляться принцип жизни, заложенный код будет проступать прямо и правильно, как время на электрических часах с выскакивающими цифрами. Тогда этот шифр непосредственно, без перевода будет доходить до сознания и осуществления своего, а когда не одновременно сосуществуют эти факторы, то патологически не доходит смысл жизни.

Как и читать об Кяхте не пив чая не советует не залежалый, как невечерний, как язык — совесть. Момент, когда персонажи молчат, а яблони цветут, вечен. Молча глядят с улицы через палисадник в окно, и им кажется разное одно и то же. Максимум фиксации. Предложение новоиспеченную француженку хлебом накормить, а так в остальном она нормальная. Главное, и я потом много раз убеждался, как продуктивно подвергать данной интуиции жизнь характеров. От их сложности камня на камне не остается. Спрашивается даже не что, не на что ты смотришь и что ты видишь просыпаясь — как часто это бывает, а сколь-

ко раз начиная с полудня ты видишь что-то, как впервые. Например — в час поглядел на весеннюю улицу, ближе к двум так же поглядел на плевок, застывший на домашнем тупле и т.д. И вот выходит, что именно потому, что тебе нечего об этом сказать, и говорится. И опять как не было ничего на другой день.

Освещенные окна — как созвездия, а сами созвездия наблюдаются в открытые форточки — видимое гигантское световое табло. В разные часы и дни говорящее о разном, но о вещах предельно значимых. Это и есть язык цивилизации. Вот и кажется, что тебе многое предстоит узнать. И ничего в ней не понимая, не вижу причин не любить то, что дошло и понял. В самом этом по себе не вижу ничего нового как в проблеме. Солнце встает на небе равномерно. А сверху оно вот такое и есть — не белое и не красное. А так то те племена, что считаются самыми счастливыми, кроме того, что лежат да стоя заботятся о хлебе насущном, просто еще и водят хороводы друг за другом согнувшись — и это вся мудрость. Шесть по-семибальной шкале на юге Хоккайдо. И Калабрия. Ряд огней — каждый огонь новый — смысл ряда (у Козлова).

И у детей бывают дни, когда что-то не клеится, но в массовых играх мы этого и не видим. И так приятно на них смотреть, как писателю писать, когда не пишешь ведь тоже что-то не в порядке. А когда пишешь и не замечаешь, как время проходит. Я понимаю, что то сравнение было предельным, дальше оставалось сказать, что Брейгель и есть такой писатель, который рисует, поняв тщету слов.

Есть красный и черный цвета на белой бумаге и есть белый свет в витраже. Белый цвет и белый свет, каждый мучается сам по себе. Предельное сближение. Учись не делать ничего. Только такой безапелляци-

онный контраст, как красного с черным, вызывает представление от «белого» цвета о белом свете, но с этим каждый сам должен знать, что делать.

Глаза устали от голубизны, с музыкой порывистого ветра, которого нельзя не заметить. Как бы и мы подойдем

По поводу Брейгеля. Поселите на мое место детского писателя, чтобы он мог наблюдать за играми детей. Снег в марте стал такой ноздреватый, грязный и рыхлый, что все дети собрались на замерзшей луже. Они больше всего напоминают сточенные цветные карандашики или надломанные мелки. Что они делают на льду? Нам уже почти ничего не дано, и мы испытываем уважение, считаем, что это самоуважение — не требовать, чтобы мы осмыслили по-особенному то небольшое, что есть. Например, игры детей. Чтобы их осмыслил один человек — этого много. Мне как бы вот с этим приходится дело иметь. Но если подумать, то со многим и другим. Параллель детским играм. Я почему-то выбрал декабрьскую оттепель на городских каналах, но это сближение отдаленного. Давно.

Такой яркий блик на окне, что и стены и ничего кругом не видать. На небе гряды дождевых разорванных туч. Ветер. Постукивает с вечера вчерашнего наш дом всеми балконными приспособлениями. Продувается городская окраина. Люди в весенней одежде держатся кучей, чтобы не унесло, как цветные лоскутья бумаги. Воскресение. Весной не страшно. Холодно по-настоящему. Только после этого установились утренники, в хорошее солнечное утро у нас между домами сизый туман, не похоже на любую другую погоду. Начиная идти, люди видят весь свой путь намного дальше. Так бывает при безоблачном небе оттого, что сейчас еще солнце не способно разморить. Веет духом весеннего благородства. Сколько бы не было воды

под снегом и под ногами, как красиво. Как чай хватает за душу. Ранняя весна, утро. От весны до весны — несколько лет. И что всю жизнь будешь не признан — оцени это. Отец наш старался, чтобы мы были счастливыми, а не признанными. Снег в Баку, в Грузии, в Сухуми — он это видел. Подземные толчки в южной Боливии, южной Мексике...

<1982>

Когда понимаешь, что уже и не остается ничего понять, и ложись опять. Вспыхивают лампочки за твоими окнами, как короче не сказать, и их подмигивание складывается в лаконичную надпись — надо всем звучит политическая новость. Новый город напоминает газетный лист. В старом городе мы знаем об этом больше на слух: упал «Салют-6», землетрясение на Байкале, Индира Ганди совершает поездку в США.

Пахнет чаем, потом яблоками, отдает «пепси-колой». Гвоздики. Мне даже снится, сколько пасты в стержне должно оставаться. Вот как давно прошли и кончились белые ночи, а продолжают кое-как чайные дни, когда нет ничего сложнее в жизни, чем заварить чай, закурить беломор.

В старом городе соседи лукавей выглядывают из окон, хотя то, что им открывается, не содержит и намека на лукавство. Хлеб, до которого мы договариваемся в течение дня и на закате, как цветной кинофильм, разноцветное небо надо всеми этими новостями, зрелище в новом районе. Теперь солнце садится в одиннадцать, прошла половина лета. Вера уехала, оставив нас с матерью в маленькой комнатке, но здесь с новостями обстоит не лучше. Пьешь чай и догадываешься о завтрашней первой новости. Люди разъехались на лето или еще разъезжаются, и целые дни квартира принадлежит нам временно. Я хожу с утра до ночи по комнате и коридору, захожу на кухню. На

том свете так тихо потому, что всегда только что кто-то умер. Как в шуме городском ни мало нашего, но этой тишины мы не ищем.

Но счастья три раза и не ловят, удовлетворяются неуловимостью его и в первые два.

Вот и не пей крепче «Цейлона», и запомни, что чай растет не на Тибете, а на Кавказе, и тебе это надо бы знать лучше, чем кому-нибудь другому, а так и ходи, как помешанный. Мать ушла постоять в магазинах, а я остался дома. Вот что все время повторяется, вот что мне о себе приходится сказать. И чем раньше она это делает, тем лучше. Сегодня я проснулся от оглушительного, одинокого раската грома, понимая то, что я не в Индии Купчинской, а в старом городе, что это как-то меняет дело. Круглая туча, как бы сошедшая с картины Рейсдала, но вышитой болгарским крестом, стояла за окном над трубой. Оттуда сюда долетали капли дождя.

Прошла обнаженно-гротескная весна, белые ночи, такие холодные в этом году. Теперь уже начало августа. Все еще хожу по дому, почти не выглядываю на улицу. Значит, все есть. Да что мне-то видеть: группы туристов в старом городе да алкоголиков, которые и по двое уже составляют группу? Меня, я надеюсь, не замечает никто.

Под тучей прогноз составлять как-то не принято, и день выглядит бедным новостями. Правильно угадать, значит, правильно вспомнить.

Те минуты, когда забываешь о действии «Беломора». Вот что значит, что я чай выпил, а дело выдумываешь себе сам. Наши чайники я узнаю сразу. Немного жизненного пространства кухни захватываю себе. До сих пор, все это время, нам хватало индийского чая. С начала года не было почти перебоев.

И, конечно, забываешь, что куришь. Под уличным беспокойством я не нахожусь, и мне доступны все домашние беспокойства.

С кем я общаюсь немного? С подобными себе психически ненормальными людьми и радуюсь, когда и они меня не замечают. *Это одно позволяет* по временам поддерживать культурные общения. Жить так, что было или предстоит какое-то интересное дело, одно и придает смысл прямому стоянию на ногах. Но больше их и не может быть.

Варю вторяк. Не выбрасывать же такой хороший чай, тем более что у этого чая вторяк крепче первой заварки. Приходится подыскивать дела самому, да еще не становится за это известным. В уличной суматохе, каких бы это ни вызывало нареканий, я сразу же отступаю. Пока никого нет, все это принадлежит нам, точнее, мне и я спокойно могу ходить по всей квартире. И курю. Ждать абсолютно нечего, даже при этом утро проходит незаметно. Вчера попал в книжном магазине на запись на Фолкнера. Очередь в два счета вынесла меня на улицу.

Между первым и вторым чаем получил письмо от Веры. На юге холодно.

После чая первую. Жду итогов вчерашнего дня. Значит, созревают плоды сегодняшнего недеяния. Кончилась лошадиная жизнь. Ведь лошадь, всю жизнь здесь ходя, никогда не слыхала последних известий. Года два уже не видать эту лошадь. Завтра меня здесь не будет. Напоследок дом напротив, загораживающий весь вид на улицу, показался не таким уж большим. Из кухни у нас видно телевизионную башню.

Политграмоте учусь у вывесок. Задернуть занавеску, выбросить косточку от абрикоса, ходить из угла в угол, все это лучше делать у себя в комнате. Радио и газета ни о чем мне не напомнили. За несколько дней вот заметка, которая не оставила меня равнодушным.

«АРХЕОЛОГИЯ. Находка в горах.

В горном районе северо-западной окраины штата Джамму и Кашмир на высоте 3.600 метров группа

индийских археологов обнаружила руины древнего буддистского монастыря, относящегося к X веку нашей эры. При раскопках были найдены 12 статуй из дерева и слоновой кости».

Вспоминается свежий сон, мне снилась японская буддистская скульптура, как всегда в руку. Эта политграмма и есть чай.

Как ошибочные взгляды в ничем, и находят себе поддержку вот эти дни. Не жаль сознания потерять. Будь правы диалектики, их постулаты печатались бы на пачках чая. А так этот чай просто лежал рядом с тем, что индийским называется. Примиряющая тенденция — афористическое что-нибудь вроде: ошибки делаются, чтобы правильно вспоминать. Так и мечты суммируют неправильные взгляды, и их надо переваривать, чтобы они пришли в соответствие с реальностью.

Под окнами листва кипит, как чай в чайнике. Ветер, разыгравшийся не на шутку, вымел последние облачка с неба. Уже осень. Отапливаемся газом. Вода холодна и напоминает о близких утренниках. Но сегодня день обещает быть теплым. Молодею во снах, старею, сидя в четырех стенах. Вера смотрит телевизор, я смотрю в это время сны. Мне снится, что финские толстосумы придумали способ заставлять вулканы передвигаться сами по себе и ищут вулканические горы по всей Скандинавии, чтобы привести их к себе, под Хельсинки. И действительно, во сне, в заоблачной выси тут виден уже один вулкан. Суоми, Самоа... Утром передают, что началось извержение Сент-Хеленс. Вот какие странные превращения претерпевает действительность во снах. По телевизору такого не покажешь.

И иди. И тогда куда-нибудь, когда-нибудь ты приходишь. Чем ближе мечты к своему осуществлению, тем прочнее стирается в воспоминаниях эта разница и становится непонятным: мечты ли это реализуются, или явь до того переплетается с мечтами.

Свет в прихожей, невидимый с улицы. Новый день настает. Нашумевшим слухом и живи. Остальной свет уличный. Не нервничаю и прикуриваю одну от другой. Выдался денек, когда рассвело дружно в восемь. Слышен каждый звук с железной дороги, это вдохи и выдохи города. Выпил лечебный чай и надо размяться. Если посмотреть вдоль рельсов, виден Исаакиевский собор. Вот и все, что нас с городом связывает. В остальном он заявляет о себе несмолкающим гулом. Насколько привычней и понятней звуки с железной дороги, что они целиком растворяются в городском шуме, незаметны. Пробовали ходить гулять, но и с другого края района ветка железной дороги. Ночью это впечатляюще. И получается, что мы только и живем проходом и уходом поездов, набирающих тут скорость. Сад вдоль железной дороги напоминает ошипанную гроздь винограда, что само по себе напоминает миф о пьяной деревне, даосском винном рае. Но надо хоть раз поесть мяса Витебского вокзала. Уж осень, съездил в Пушкин.

Красные, желтые и зеленые кусты и деревья на дворе. Как из астрономической обсерватории, разглядываю дома за железной дорогой, самые дальние, которые здесь видны. Хотя там днем и разглядеть-то почти ничего нельзя. Третьего дня выпал иней и трава так и осталась белесою. Неторопливый разговор за окном, нюхаю осенний воздух.

Как только я здесь просыпаюсь, я обретаю газовую плиту с чайниками. Заварить чай здесь не такое уж большое торжество. Пью и слушаю «Международный дневник» или проглатываю с ленинградским выпуском последних известий. Но зная об применении его к себе, я каждую заварку воспринимаю как особенный ритуал, вернее, подбираю к ней некоторые ритуальные препятствия, выдуманные, говорю об этом заранее. Как пить нашу чистую ленинградскую воду после чая — вот ритуал.

Свет в прихожей, невидимый с улицы, все тепло сборов. Прихожая расположена в самом сердце дома, и только здесь мы договариваемся окончательно о наших делах. Я остаюсь, так уж повелось, что я весь день один дома. Безветрие. Пью чай, оставшийся с ночи. Вчера выпал снег, и детскую площадку под окнами, кустами разделенную на участки, вижу сквозь занавеску. Ловлю и не поймать отраженный белый свет на потолке и стенах. Вот когда можно походить и подумать. На зеленые деревья выпал снег. Здесь у нас оживленно на углу, как на улице. Не хочется выглядывать, потому что здесь все время таскают мимо окон детей. Сильный ветер не продержался долго и нанес с севера снега. Сегодня, слышно, начинает таять. Варю свежий индийский чай.

Теплые, сырые дни. Снег сошел, не пролежав и трех дней. Еще настоящая осень. Конец октября.

Света так медленно, что я успеваю полежать с включенной лампой. Заметил, что что-то в образе жизни неуловимо изменилось. Привык к новым условиям, которые вообще-то не раз становились для меня спасением от уличных треволнений. Я очень рано засыпаю, первый год, когда не слышу Виллиса Канновера. Мама привезла книгу Никитиной о древней корейской поэзии в связи с ритуалом и мифом. Сны к концу года начинают сбываться.

Чай выварил. Это уже другой день. Солнце светит широко и привольно. Раньше люди, выходя из дома, оказывались под деревьями, голые сучья да лужи на асфальте сейчас их удел. Никуда не тянет выйти. Западный ветер колышет остатки листьев. Здесь совсем не растут сосны и ели. Да, да, люди вспомнили время года и оделись почти сразу по-зимнему. Небо безоблачно, кошки вышли посидеть на опавшей листве.

Электрическая лампа включена. Осенью — луна. Ее вид остановил меня сегодня с первых же шагов. Как —

это надо знать. Луна садится и затемняет свет сотен квадратных окон, напоминая какой-то голландский пейзаж. Я такого пейзажа не помню. Значит, это анти-воспоминание. Первое ноября. Плюс два градуса. Два фонаря и луна делают невидимым свет городской. Электричество сегодня успокаивает, всегда — тревожит. Еще нечего делать нам с луной.

Солнце взошло, но и с солнцем нам нечего делать. На рассвете прошел снег. На дорожках он сразу растаял. В воскресенье возвращались от мамы и как бы для всего уличного закрыли за собой дверь. Живем только своими проблемами. Неделю назад умер Брежнев, траур уже кончился. Лично у меня какие проблемы? Чай выпить да покурить. Весь год проходил из угла в угол. Читал «Корейские предания и легенды», Цыбикова, Бежина «Под знаком ветра и потока», «Дао и даосизм в Китае», заглядывал в сборники китайских новелл. Почти нечего вспомнить. Так, на ходу и прочел, пользуясь светлым промежутком дня. Теперь темнеет рано, в пять, в шесть уже и строчки не разобрать. Даже во сне снится, что я владею манерой исполнения вслух китайских стихов. К кому из старых знакомых ни обращаюсь, не нахожу понимания. Что им? Что петь скандинавские руны. Прервал почти все знакомства. Да, где-то здесь же прочел Бежина «Се Линюнь», или еще в прошлом году, уже не помню. Маленького Го Си запомнил, потому что брал его на ВТЭК, а мне дали 2-ую группу пожизненно и больше на Васильевском раз в году не надо отмечаться. Вот, по-видимому, все, что я сделал в течение года. Еще раз в три недели хожу на укол, а так провожу свои дни в абсолютной праздности. Хочется сравнить манеру исполнения китайских стихов с тем, как, зная слова песни, догадаться о ее мелодии или, в ином плане, как по стуку пишущей машинки догадаться о содержании печатающегося текста. Или по виду ос-

вещенных окон догадываться о политических новостях, которые равно дойдут до тех, кто дома и кого нет. Вот настоящий аргумент в пользу очень пристального чтения.

После сна ловлю себя на ощущении вечернего покоя, так не свойственного утренним часам, когда до рассвета обычно и не вспоминаешь, что сегодня никуда не надо, да и делать по дому почти ничего не надо, во всяком случае, всю первую половину дня. Поэтому догадываешься о какой-то происшедшей перемене, хотя и не представляешь, в чем она состоит.

Сажусь писать дневник, пользуясь все тем же светлым промежутком дня или своего сознания, тут все перепутывается. У Кирюши прочел «Приговор» Кафки. Так вспомнилось, все-таки я несколько раз бывал у него. И сейчас чувствую, как с каждой строчкой становится темнее. Другие включают свет гораздо раньше меня. Помню одно — еще в этом году мне исполняется сорок лет.

Уже включают свет — три часа дня. Среди дня был момент, когда откуда-то изнутри домов засветило солнце и они приобрели вид готовых к своему раскрытию вещей, но нашла туча и стало на два часа темней. Как ни странно, повинуюсь внутреннему чувству, подхожу и гляжу в западное окно. Здесь, как на перепутье, всегда оживленно. Длинная дорожка уходит в сторону железной дороги мимо пришкольной лужайки, и пути между домами здесь пересекаются. Манит вдаль, туда, к домам за железной дорогой, как будто бы есть какая-то разница между теми серыми коробками и нашей, но в них чувствуется готовность к осуществлению. Тут всегда прогуливают собак. Те же дома, но в открытом пространстве совершенно иначе смотрятся. Я еще посумерничаю, так приятно в полумраке, потом впотьмах бродить по кухне. Думать — нельзя же так этого и оставить. Канада переда-

ет, что в Албании было землетрясение, больше нечего слушать. Все становится на свои места. В «Правде» сообщение об автомобильной катастрофе в туннеле Саланг. Имеются человеческие жертвы.

Уже неделю живем на Петроградской. Мама попала в больницу с сильным ушибом ноги. Приезжала на три дня Инна, все время проводила у мамы, только утрами и вечерами мы виделись и могли наслаждаться ее обществом. За это время произошло в Ленинграде наводнение, но мы об этом узнали на другой день из газеты. Нас оно никак не коснулось. Раз сходил к Герте Михайловне, позавчера. Поговорили о том о сем. Я пробыл недолго.

Сегодня проснулся четверть седьмого. Пошел варить чай, пока пил, Вера поднялась, стала делать зарядку, прилег снова. Инна уже уехала и мы вдвоем. Вера ушла на работу, и я прилег. Стало светать. День, кажется, ничего — небо голубоватое, но еще дует юго-западный ветер и к ночи обещают усиление ветра. Ничего не говорят — есть еще угроза наводнения или нет. Это было двухсотпятидесятое в истории города.

Сегодня еще можно ничего не предпринимать, а завтра, по-видимому, нужно будет съездить в Купчино. Наслаждаюсь полным отдыхом. Все у меня есть. Надо только за хлебом выйти. Лень. Слабое осеннее солнце.

Внезапно бросили все наше купчинское. Долго придется пожить здесь. Маме до полугода придется пользоваться костылями. Здесь лучше. Кроме того, что телефон здесь под боком и есть кое-какие соседи, гораздо лучше в смысле района. Ну ее к Богу, эту окраинную тишину, привыкну к непрерывно снующим мимо дома машинам. Книги есть и здесь. Алексеев, Боронина, хватит надолго. Боюсь магазинов, не знаю, как буду делать все необходимые покупки. Пока же можно отдыхать, и этой возможностью я пользуюсь в полной мере.

Что видно: люди ходят, мерещатся флаги на серых домах. День пройдет — все пройдет. Никуда.

Дни идут за днями, солнце больше не показывается. Грозят кратковременным похолоданием, я уже простудился на здешних сквозняках. Твердо решил эти праздники отметить дома, никуда не высовываюсь, так здесь подхватил простуду — насморк и чих, как во время абстиненции. Болезнь заново научит лежать и сидеть, а это доходился я по коридору, под дверями. Декабрь. Скорей бы новый год и кончался этот дневник. Ведь в этом году я подсел в январе, вот и будет что сравнивать в начале будущего года. И медленно ходя по дому и по улицам, глядясь в витрины винных магазинов, буду вспоминать восемьдесят второй год, как год, когда я бросал и пить, поддавшись на уговоры родных. Массовые посадки, по-моему, уже кончатся, и так будет не похож один январь на другой. До этого еще почти месяц надо ждать. Есть еще немного дневного света. При электричестве как-то над дневником не думается. Вчера по телевизору показывали еще один фильм с Высоцким, трудно сказать, к чему бы это.

В Купчино я так и не был, и никто, по-видимому, не знает, что я здесь живу, во всяком случае никто из моих знакомых не звонит. Темнеет.

.... И оказывающийся едущим на автобусе где-нибудь на Марата или за Лиговкой ты— ты же. Тот же, что сейчас ходил по комнате впотьмах, не представляя себе ничего красивее колокольни Владимирской церкви, до половины скрытой деревьями, и заросших дворов прижелезнодорожного района. Большие перестройки грозят старому району. Как жаль, если он станет неузнаваем. Так же жаль Малого проспекта на Васильевском острове. Я их не знаю, но есть много таких улиц, что сейчас меняются за счет новостроек

и которым это не очень идет. Ходил и видел, как изменилась Карповка, когда обстроили углы. Да где сейчас спокойно с сохранением исторического облика? Об таких местах пишут особо. Наш дом не может быть перестроен заново, а неказистые домишки за Лиговкой доживают свои последние дни.

После пасмурного дня — голубое небо. Плывут снежные облака — снег идет мимо, не идет у нас. И наконец целый день солнце при трехградусном морозе — сегодня.

Все встало на свои места. Стены комнаты как бы расступились от свежего морозного воздуха. С каких пор я стал таким домоседом? Кто говорит, что сегодня день не чайный? Сам заваривал «Цейлонский». Немного тяжела голова. Прилег. Телевизор предпочитаю не включать. Немного позже послушаю «Сегодня в мире». Тихо. Никакой такой яркой политической новости. И приходится себя успокаивать тем, что ты — ты же. А понял это потом как-то вдруг. Меня взбадривает только отсутствие выхода из создающихся положений. К этому бы можно привыкнуть. Перед концом, может быть, все это и выглядит картиннее. После чая надо размяться. Я хожу, остываю, потом лежу — греюсь. Веры снова нет — она ушла на книголюбский вечер. Вести о сильном землетрясении в Северном Йемене с двумя тысячами убитых. В Гиндукуше также произошло весьма сильное землетрясение, и ничего не надо слышать больше, все ж смотрю «Сегодня в мире». Завтра маму выписывают из больницы.

Заснеженный дом за окном. Слепые окна, как черно-белые газетные фотографии. Два раза окно принималось замерзать. Прошел солнечный день, потемнело ясное вечернее небо. В комнате тепло и накурено, а за окном западный ветер. Вообще же зима на редкость мягкая, все еще городу угрожает наводнение.

Здесь кругом снега, как там вокруг острова. Силюсь что-то читать при затухающим свете дня. Вспоминая книги, которых мне здесь недостает, я только к трем часам в воспоминаниях добираюсь до собственных сочинений. Настоящие сумерки начинаются около пяти. Силюсь вымыть пол еще при свете дня. Становится спокойнее, и дальше все делается спокойней. Сложилось такое положение, когда книги не нужно перевозить из дома в дом. И тут и там есть непрочитанные книги. Не буду их тут перечислять. Не надо скапливать книги, но сейчас и тут и там много книг. Кира перед отъездом успел зайти в «Науку» и купил три книги. Без статей Алексеева две, и я взял на другой день: «Ямато-моноготари» и «Философское учение школы Хуаянь». То все осталось у мамы. В день, когда он уехал, водил маму на снимок. На стыке дня и электрического вечера беру в руки книгу. Здесь это Никитина о корейской мифологии. Очень медленно читается. Да и то сказать, за два месяца я только два дня здесь. Сегодня можно посумерничать. Накануне были люди из Пушкина. Настоящий чайный кутеж.

Я понимаю, что вижу перед собой день, но слишком холодно выходить, даже чтобы пить пиво. Я все жмусь к теплу, а так имею тенденцию ходить по возможности раздетым. Десять градусов февральского мороза. Нет, конечно, для пива холодно. Как я люблю чай и тот экстаз спокойствия, когда ложишься и не дремлешь, а отвлекаешься сознательно от всех шумов.

По-настоящему впадаешь в забытье:

«телом подобен иссохшим ветвям,
духом подобен угасшему пеплу.

Темный, туманный, без чувств и без мыслей,
не говори с ним — ведь он настоящий».

Еще на Петроградской приснилось, что на Славе в книжном магазине продается Чжуан-цзы. Я поку-

паю два экземпляра. Книжка в мягкой обложке. Заношу домой. Сегодня двадцать градусов, слишком холодно, чтобы ходить проверять. Пью чай. По радио предсказывают новое извержение вулкана Сент-Хеленс. Как бы мы ни уезжали отсюда, но все возвращаемся к одному и тому же. Сгорел Кослас. Прочел «Союз дракона и тигра» из «Возвращенной драгоценности». В начале новеллы упоминается Су-дун-по. И всю ночь разыскиваю ускользящий пивной ларек у Московского вокзала, и во сне не удается выпить пива. Тут я одеваюсь гораздо соответственной погоде и во сне и наяву. Мое пальто висит здесь, где-то на стуле болтается костюм. Значит, я здесь уже живу. Бутылка незаметно исчезает со стола. Не пью. Готовлю чай. Курю. Я мог бы и не знать, что произошло подорожание. Снегом занесло все вокруг. Солнечные зайчики на снегу, и перед глазами плавают круги. Больно смотреть на снег. Не раздвигаю занавески. Здесь на кухне у меня ателье. Нету места спокойнее и проще, как проста по своему устройству однокомнатная квартира...

Христос с нами!

15 февраля радио передает о землетрясении в Синьцзяне. Имеются раненые и разрушения, 6,5 баллов по шкале Рихтера.

Конец февраля — начало марта все новые сообщения о подземных толчках. Лос-Анджелес, показывают, как рушатся маленькие дома. Сегодня, в пятницу 4 марта, радио передает о землетрясении в Тихом океане в 150 км от Лимы. В двенадцать часов я был в пути и не слышал о землетрясении в Киргизии. Пришел, посмотрел газеты за эти дни. Умер Н.А. Козырев.

В «Книжном обозрении» пишут, что издан Джойс. Тринадцатого марта в «Международной панораме» показывали центр по борьбе с последствиями земле-

трясений в городе Кавасаки. Говорят, что между десятым и пятнадцатым сектором в районе Фудзиямы будет очень сильное землетрясение.

Четырнадцатого два толчка неподалеку от Небит-дага силой до 7 баллов. Вчера извержение Ключевского вулкана, сегодня — землетрясение в Александровске-Сахалинском.

Показывают треснувший туркменский дом в программе «Время», говорят, что заморозки ночные мешают восстановительным работам. Землетрясение в 30 км от Небит-дага.

Сильный ураган на Камчатке. Трехметровые сугробы и сорванные крыши, сила ветра достигла 180 км в час.

В Купчине продают чай с нагрузкой — две банки сгущенного какао и майонез, так что две пачки тридцать шестого выходят дороже четырех рублей.

Неделю назад сильное землетрясение около Амола в Иране. По телевизору показывают пострадавшие деревни, снятые с воздуха. Тридцать первого марта почти разрушен город Попаян в Колумбии, руины. В субботу — в Ленкорани.

Во вторник пятого апреля Авачинский залив. Показывали разрушенные соборы Попаяна. В среду — извержение вулкана Килауэа, раньше, кажется в воскресенье, Этна.

У нас весна очень ранняя в этом году. Снег сошел еще в марте, и сейчас дни теплые и сухие. Земля быстро просыхает. Ездили в Купчино. Солнечные дни, температура утром под десять градусов. Пил пиво, немного вина. Мылся. Переделали все дела. В Купчино жарко даже в куртке. Может быть, еще будет похолодание. Слышны очень дальние звуки, все настужь. Вера видела уже готовые распуститься почки. Раздражение на людей, стоящих на улицах. Похоже, что в

книжных магазинах ничего нету. Не могу ручаться. Еще раньше сдал пятьдесят пять бутылок из-под вина, очень устал. Осталось довольно много, сил нет. На Петроградской тоже пиво. Люди проводят время у ларьков. В рабочее время меньше стало мотающегося народа. Проезжаю полгорода. Семьдесят четвертый немного изменил свой маршрут и едет по Волковскому проспекту и по Расстанной. Никогда он так не ходил на моей памяти, а Вера говорит, что это его обычный путь. Везде на пустырях прошлогодняя трава, солнце припекает. Сегодня, 7-е апреля, Благовещение. Не знал. Дошел бы до церкви. За день два дождика. Лекция Горегляда в Географическом обществе, первая интересная о которой я услышал за год. Вечером сообщение о землетрясении в Таджикистане, на афганской границе, в ста пятидесяти километрах от Хорога на север, силой шесть баллов. Восьмого в «Ленинградской правде» пишут, что убили Монтес, Анну-Марию, в Никарагуа. Утром землетрясение у Сидзуоки, приостановлено железнодорожное сообщение.

Нынче у них война —
Желтая встала мразь,
И усмирять ее наша страна взялась.
Много у нас теперь
в трюмах снарядов есть.
Чайки несли вперед о пароходе весть.

Эй, моряки, на борт!
Время торопит нас —
Снова в Лондонский порт
Мы уплывем тотчас.
В трюмах у нас теперь
Чай и свежий рис,
И убережь его мы должны от крыс.

Из Шанхая ушел корабль
Растаял, как лунный свет
И китаянка Лян
Долго глядит вослед

ничего *кроме* того, что видно сразу в пять окон не берись представить Заволховье. И берег, а на берегу другая церковь одна-две

Еще одна неправда; механичность мышления и переоценка предвидимого будущего. Петроградскую с Центром, районом Владимирской площади

чай пролился. «прыгнула в воду лягушка»

небо Купчино, двенадцать гусей в одиннадцать часов поглядят пролетая и часы снимут улетя на северо- или юго-запад, как два стиральных порошка: «Лотос» и «Старая Ладога».

Этим летом показывали северное сияние. Между июнем и июлем.

<1983>

«Искусство Кореи». О. Н. Глухарева. М., «Искусство», 1982 г., стр. 227... тридцать вторая глава, где рассказывается о сосудах для чая: «Народ Гаоли предается чаепитиям, и для этого изготавливается множество сосудов: черные чаши, украшенные золотом, и более маленькие чайные чаши “цвета зимородка”, серебристые треножники “дин” для согревания воды, вдохновленные китайскими образцами. Во время приема чай, приготовленный во дворе, покрывают серебряной крышкой в форме лотоса. Напиток подается с большими церемониями. Прежде чем начинают его пить, ожидают извещения, что чай готов, при этом

неизбежно некоторое его охлаждение. Если чаепитие происходит в специальной комнате, то принадлежности для чая помещают в центре стола, покрытого красной скатертью, и закрывают их сверху шелковым красным газом. Чаем угощают три раза в день и пьют его горячим. Народ Гаоли смотрит на него как на лекарство. Чаепитие для него — удовольствие, а если отказываются от него, — они этим огорчены. Вот поэтому лучше его выпить».

Перед праздником запасены мандарины и яблоки. Такое только к празднику и может быть: и ты и вы здесь. Говорится о женщине, у которой нельзя отнять ее права умереть. Без очереди продаются песни VI Далай-ламы. Заодно и Горегляд. Несколько книг из вышедших в последнее время мы все же пропустили. Часть песен была бы мною проиллюстрирована и кое-что о таких внутренне монгольских стихах я писал. На сборник «Песни, приятные для слуха» у нас денег хватит. «Ки-но Цураюки» мне подарят. Не пропустить бы — готовится «Бяньвэнь по Лотосовой сутре» и «Книга об идолах». Я начинаю эти записи еще в декабре, по привычке под праздники. Сперва день рождения, потом елка. Вырезки о землетрясениях продолжаю собирать, но прогноза на Новый год нет. Вчера говорили об Иссык-Кульской области. Пока я вырезки складываю в «Чонди монгол» — «Песни о благодарении Чанди» — удалось достать у Киры с Эллой. А дальше куда их девать, не знаю. Отмечающиеся землетрясения как вехи другого исчисления времени, жизни не по часам и не в часовых поясах. Пропустили также «Курьер» с Борободуром, должно быть, самый интересный за последние годы. Многого не достается, о другом только слышу. Об Дуньхуанских документах только мечтать приходится, а, наверное, их не так уж трудно было достать — не в драку и все

это. Вере удалось купить Восточный сборник, выпуск седьмой, «Осень в горах», и она дарит его мне, еще раньше. Там стихи поэтов — учеников Ван Вэя — очень интересно. Арестовав у Кирилла еще Корейское и Монгольское искусство, это две разные книги или альбома, я оказываюсь снова окруженным восточковедной литературой. Это уже привычно, но не очень привычно обилие иллюстрированного материала. Книжки, что я перечислил здесь, очень хорошие. А начал с мандаринов, чаев и вин. По-своему красивые приготовления к празднику. Вере приходится притаскивать мясо и консервы, оба мы приносим бутылки, и все чего-то не хватает. Как-то ночью тут, во сне, она замыкала, точно как маленький котенок. Мне стали сниться котята и кошка, и когда я уже проснулся, лежу с закрытыми глазами и не могу понять, почему это котенок мяукает так близко, а не идет ко мне. Кажется даже, что он сидит под дверью. Потом догадываюсь, что просто Вера так дышит. Не припомню, чтобы еще раз слышал что-нибудь подобное.

Гвинея 6,3 по шкале Рихтера.

28 декабря большая статья в «Правде» о Мессинском землетрясении 1908 года. Я ее сохранию. На эту тему пишется не так уж много, но годовщина именно Мессинского землетрясения отмечается у нас не впервые. Прошло семьдесят пять лет, а люди все не забывают, как в один час погибли восемьдесят тысяч человек.

Сегодня четверг. На этой неделе я успел сходить в Эрмитаж на выставку швейцарского коллекционера. Кажется более старой, но более яркой живописи я не видел. Картины Альтдорфера и Эль Греко, Франца Хальса и Гоббеми, и Гойи, и Химен-и-Леона, натюрморт с ярко-красной посудой, светятся, как репродукции из журнала «Америка» или еще ярче. В понедельник весь музей закрыт, и пускают только художников

и родственников их, на эту выставку. Обещали принести каталог. Что-то общее с выставкой Метрополитен, но ту я не успел осмотреть в отведенные час-полтора. Тут картин меньше, но и народа меньше. Я гляжу на этих людей артистического мира и что-то вижу в них не похожее на толпу обычных музейных посетителей. Но между нами не найти общего. Всего картин тридцать в одном зале на стендах. Каждая со своей подсветкой. Может быть, только стремление охватить такой большой период времени, от примитивов до Шардена и Фрагонара, способно вызвать какие-то нарекания. Мне презентовали билет на выставку, и хоть я пробыл на ней недолго, но успел все посмотреть не по разу. Очень благодарен тому, кто надоумил меня сходить на выставку в понедельник.

Днями нулевая или даже плюсовая температура, капель, а по ночам завывает ветер и метет. Утром, когда понемногу начинает светать, деревья и кусты стоят опушенные свежим снегом. В это время ветер стихает, но днем он успевает сдуть весь снег. В какое одиночество погружен человек в такие ночи. Меня спасет яркое представление о местах еще более не защищенных от непогоды в сравнении с нашим, о миллионах жилищ в задернутом ночной темнотой, пеленой снега и сырого тумана городе, в каждом из которых завывание и гудение ветра на этих днях воспринимается по-особому. В такие ночи не пойдешь проверять, плотно ли заперты окна в других твоих домах. Я сижу у радиатора парового отопления, греюсь и не могу не обращать внимания на силу ветра. Вдруг начинают дрожать рамы и балконная дверь, неплотно сидящая в своей раме. Ветер еще неслышим, лишь дыхание ровное и мощное, как кажется, распространяющееся и по комнатам, предвещает новый порыв. И тут же он начинает дуть, как бы в какой-то примитивный фанот или другой музыкальный инст-

румент. Иногда эти партии продолжаются подолгу, иногда какие-то обрывочные. Сквозь муть и облачность не разглядеть, конечно, луны и неба. Может быть, начинается зимний подъем воды, и лед потрескается в местах, где каналы впадают в реки или залив, поднимется и подвинется. Как замороженный смотрю на щели во льду, я вспоминаю, так было, кажется, они верно выражают происходящие процессы и в этом смысле, это готовое искусство или мотив и повод для создания живописи и стихов, как будто эти трещины сами по себе произведение каллиграфии.

Приходит повестка с почты, мама из-под Москвы прислала чай, будет на Новый год в доме «индийский». Ах, как хорошо.

Солнце висит невысоко над домами. Как хорошо на улице. Ветер стих, несмотря на мороз, кажется тепло. Солнце не греет, но погода очень мягкая, люди ходят по бульвару, чтобы побыть в его лучах. Потихоньку, может, и чувствуется тепло. Сегодня люди в куртках не вызывают удивления. В магазине очередь, принимают товар, русскую водку по пять пятьдесят в картонных коробках. Я стою за своей бутылкой «Изабеллы». Грузчики одновременно вносят сумятицу и наводят порядок в толпе. Покупаю хлеб и газету — все рядом. Медленно идти по улице, вдыхая морозный легкий воздух, хотеть расстегнуться, вот и все удовольствие сегодняшнего дня. В «Известиях» выражаются соболезнования Ахмеду Секу Туре в связи с постигшим страну стихийным бедствием. Выходит, что из-за одного этого я и должен был купить газету. Продается масса польских и венгерских журналов, и куда-то все это расходуется. Мне и в голову не придет покупать болгарский журнал. Дома тихо, а вокруг стирают, пахнет стиркой с другого этажа. Тихо пью вино, учеников Ван Вэя трудно в руки взять. Сегод-

ня так бы пошло читать учеников Ван Вэя. Яркий свет заливают дома на Будапештской.

Сейчас предновогодняя ночь и не спится. Выпил и выпался днем. Дожили мы наконец до 1984 года. Желудок чай не держит. Сегодня Вера получит «индюшку», отдышусь маленько. Насколько мы тщательно готовимся к двадцать пятому, настолько же ничего не делается к Новому году. Даже шампанского еще нет. Придется обойтись «Искрой». Запасено мясо, но мы его еще не готовили. Нет рыбки для греческого салата. Наготове только яблоки и консервы, да две бутылки «Агдама», Вера звонила, сказала, что купила там у себя где-то. Может быть, днем она и проектирует сделать что-то.

<1984>

Так пасмурно и тихо, что нельзя и представить себе, что день начался. В праздничный день люди не спешат вставать без нужды. Только судя по остановке, можно сказать, что уже не ночь. Первое января, никуда не надо, можно спокойно и тихо сидеть дома. В домах не включают свет, по улице почти не ходят. Кажется, что еще глубокая ночь, таких ранних, как я, мало. В доме есть вино, да Вера спит, а надо спрашивать у нее, дождусь, пока встанет, тогда и выпью. Сегодня и она мешать не будет. Праздновали вдвоем. Очень долго работал телевизор, почти до утра. Не знаю, когда и спал, под телевизор, что ли? Когда его выключили, я и глаз не сомкнул, полежал немного, задремал и встал — уже выпался. В тишине как-то легче дышится и яснее и трезвее думается. Тридцать первого успели получить чай. Уже восемь, а еще ночная темнота. Спешить не надо и некуда, сегодня праздник везде. Сам я отдыхаю, когда записываю.

Вечером, после программы «Время» передают предупреждение о наводнении. Все чаще стали случать-

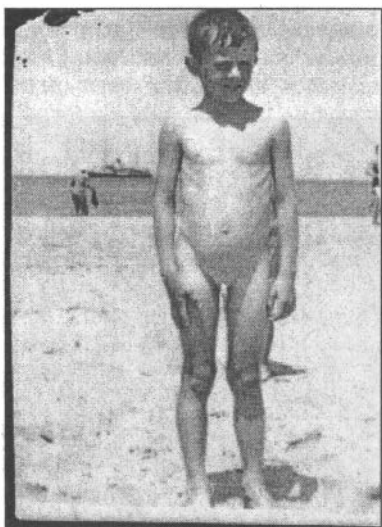
С родителями Антониной Васильевной
и Леонидом Лаврентьевичем Богдановыми

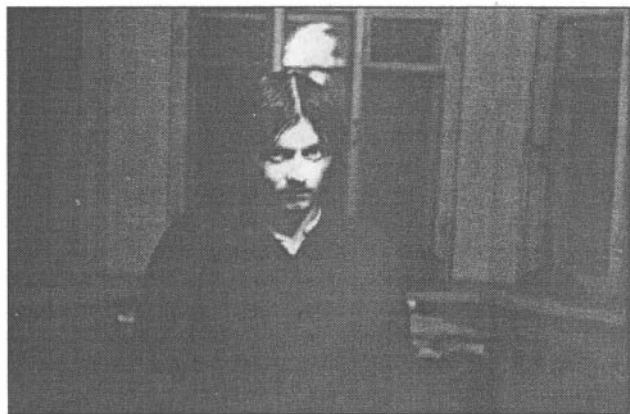

Фотографии 1948—1950 гг.

Дома у Вл. Эрля на улице Правды. Лето 1969 г.
Фото: Вл. Эрль

ся небольшие наводнения. Ветер воет между домами, продувает все щели, открывает дверь. В вентиляционной шахте он ревет, как реактивный самолет. Встают сегодня попозже, а спать ложатся пораньше. Всем этим группам по борьбе со стихийными бедствиями вообще не спать. — Что, Вера, завтра будем на лодках плавать? — До нас не достанет.

Действительно, от воды до Купчино далеко. Единственная здесь речка Волковка бежит в высоких берегах, а местами и просто забрана в трубы, трудно поверить, что она может выйти из берегов. Места здесь хоть и ровные, низменные, но сухие. Сюда воде прийти неоткуда. Посмотрим по телевизору, каковы будут плоды такой борьбы с наводнением. Передали, что в девять с чем-то подъем воды составил двести двенадцать сантиметров. Ветер не стихал всю ночь. Наверное, наломал льда. Как-то на Неве, на заливе? Последнее время стали привыкать к подъемам воды.

В Новый год произошло сильное землетрясение в Японии. В Токио зарегистрирован подземный толчок силой семь баллов, но не говорят, по какой шкале: японской, Рихтера или Меркалли. Есть человеческие жертвы и разрушения. Эпицентр находился в трехстах с лишним километрах от Токио.

Наводнение продолжалось одну ночь, но ветром сорвало крышу с одного дома, говорят, и порвало много линий контактной сети. Вода поднялась до двухсот двадцати пяти сантиметров, и большие льдины стало выбрасывать на берега, да и вода разлилась по паркам и подвалам. В общем-то ничего особенного не произошло. «Циклон, образовавшийся над Ботническим заливом, пронесся над Карельским перешейком и северной Ладогой...»

Под то еще один дом сгорел на Садовой, но там было много пострадавших, двое умерли сразу, а эвакуировать пришлось сотни. Сорок шесть отделений

пожарников выезжали на пожар. Больше ничего выдающегося не припомню. Теперь ветер стих и стало теплее. Дома не так холодно, и можно ходить раздетым. Когда так буря прервется, как-то меньше начинаешь уставать, под ветер все тянет в сон, а сегодня, и был-то всего косяк, долго сидел ночью и чувствовал себя совсем легко, думал о том, что я прав, выбрав тысяча девятьсот семьдесят четвертый год как счастливый для предсказаний землетрясений. Чуть не проспали время, когда Вере нужно вставать на работу, и она убежала без завтрака. У нас Новый год начался хорошо, теперь нужно ждать, чтобы мама приехала. Еще неизвестно, как у нее идут дела. Пью ее «Бодрость», но просыпаться на работу, конечно, нехорошо. «Ветер утих и утих», и стало много легче, раньше я этого не замечал, давно, во всяком случае. Три градуса тепла — курорт. Бросили пить, деньги нужнее. Я вспоминаю одних и тех же людей и одни и те же дела и чувствую, как тревоги сменяются успокоенностью.

В пальто, перешитом из шинели, снятой с Акакия Акакиевича. Поскольку оно первые десять лет, чем дальше, тем становится привлекательнее, не придаешь никакого значения искусственности данной ситуации. Но идентификация — это когда кажущееся чем-то этим и оказывается, а при этом казавшаяся базовой и фундаментальной «реальность» оказывается фиктивной, фикцией. Апокрифическое пальто вместо канонической «Шинели». Самоопознание, содержанием которого является жизнь, полная понимания и сочувствия не только и не столько к жертве преступления, сколько к преступнику. Модель хулиганского социализма или коммунизма, я не разбирался в них, поскольку это было так давно, как когда я смотрел «Пятеро с улицы Барской». Выход в свет книжки Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» помечен был годом пятьдесят девятым, так вот, а это проис-

ходило еще раньше. Как до сих пор я не знал афористического названия книги Арона «Опиум интеллигенции» и у меня при шмоне изъяли Евангелие, а морфин нет, в тот момент, когда Л. Аронзон кончал с собой в Ташкенте, и, по-видимому, только поэтому я и был временно выпущен на свободу. А потом продержали все же в Скворечнике и в Гатчинском зверинце около полутора лет.

Как тяжело сейчас Ирке на принудке. Там нет ни свиданий, ни воскресений и не колют, небось, только по праздникам, которыми являются Новый год, Первомай, да день седьмого ноября. Я в скольких больницах не перебивал, но совершенно не представляю, где она, скорее всего в зоне, а в зоне — в больнице. И так десять лет! Знаете, я не передавал все оттенки того, например, когда человек не знает что-нибудь такое, что известно всем окружающим и, пожалуй, в применении к нему самому, я не становился подражателем Чехова или польского кино. Я враг не только чешской модели, но и многих аспектов польских разновидностей этого нового движения, вот кроме этой хулиганской модели общества, в которой всегда заключается какое-то самопожертвование. Простите мне этот каламбур.

В этом году воскресенье приходится на восьмое января, ну а сегодня еще только среда пятого. Мне бы самому не запутаться в этих дневниках иных лет, чем намаркировано.

Что же все-таки произошло в последнее время такого, что надолго? Мне запомнилось, как вслед за двумя эрзерумскими землетрясениями, первое — силой 7, второе — 5,6, турецкая община на Кипре возгласила независимость своего государства — Республики Турции на северном Кипре. Запомнилось многое. Прежде всего я вспомнил частушку, сложенную по поводу перехода к летне-зимнему времени: Кто был никем /

тот встанет в семь, / а у ко́го чего есть / — тот в 5, 6. Затем запомнилась статья, в которой говорится о том, что турки засаливают земли и лимоны на плантациях становятся горькими до того, что их, по-видимому, только в сахаре можно становится употреблять. Весь мир не знает, как относиться к независимости этого маленького стопятидесятитысячного народа, и относится отрицательно, кроме, впрочем, самой Турции и Бангладеш. Как это часто бывает, что-то сталкивается с непониманием с момента своего появления... Помнится, Марко Поло пишет о том, что в его времена Иран также назывался Ираком, что же — теперь и Турции — две? Хорошо это или плохо? Еще запомнился юбилей Ивана Федорова, накотившее четырехсотлетие книгопечатания на Руси, в то время как еще в XIX веке Сахаров писал, что Павма Берында работал еще раньше и был не только первопечатником, но и оригинальным художником-гравером, и журнал «В мире книг» поддержал году в 1974 эту точку зрения. Что это — рутина или сила традиции, официального взгляда? Если это рутина, то и такой организации, как ЮНЕСКО. Никакого закона здесь нет, а есть одни исключения из правил, становящиеся закономерностями, да так, что становится по ночам шорох звезд слышен.

Уверенность, что бляди незнакомые, должны укреплять мой дух и быть прямо моими глазами. Якобы тогда я смогу рассматривать мысленным взором проблему того, что экзистенциализм уже развился на почве дзен-буддийской философии и смыкание Сартра с маоизмом в конце жизни (жизней их обоих — и Мао, и Ж. П. Сартра) служит лишним подтверждением этого взгляда. Проблема выбора и пассивности предельной ситуации, парадоксальное и абсурдное, пустое Коку-стране. «Оросиякоку суймудан» <«Сны о России»>. Предисловие — основной труд о том, что

думается вообще о снах, а затем и сами сны, явившиеся поводом для затянутого предисловия. Это обычный современный тип книги научной, и так бы это и должно прозвучать. Т.е. что я воспроизвожу ту схему и произвожу ту модель этой книги, до которой мы дожили. Вся серия «Писатели и ученые Востока». Какие будут мнения? «Женщины Востока»? Хорошо. Идентификаторство мыслей Манделъштама, не орнаментальность, в восточном вкусе, а именно идентификаторством нужно назвать подмеченную особенность — суггестивность и доходящая до герметичности усложненная метафоричность. Я слишком мало читал его прозы, но сталкиваюсь с мнением, что она трудна для понимания без словаря. Вот корень и исток проблемы. Это действительная трудность, камень преткновения для правильной мысли. Также подмеченная неправильность при выборе шестого Далай-ламы показывает трезвость ума. Способность ответить ложью на дезинформацию правды. Таков ряд кардинальных вопросов, выясняется. Предельно изменчивая экзистенциальная ситуация существует в каждый момент под тем или иным видом, наряду с вопросом о смерти и последующего выбора между раем и преисподней.

У нас прямая предрасположенность к чаю — он нам дороже алкоголя становится, управляет регуляцией жизни.

И признай, насколько дороже потом обходится на выставку, в кино сходить и за это дело и отдать свой полтинник, чем даже на самую фешенебельную просто в Эрмитаже, где за вход все-таки берут рубль, бумажный или металлический, ординарный или правильный — все равно. Я так посмотрел на Галецкого в фойе «Прибоя», где мне вовсе не светит встреча с Барской или с кем-нибудь подобным, а также не мог посетить Михнова в клубе МВД. Вот и живет себе на

Варшавской пианисткой для избранных по сюжету, по канве и прописанная в огненного ангела по Брюсу, а не по Брюсову. Прямо «танцовщица из Идзу» какая-то, а у меня таким путем пропал и Чжуан-цзы и Лецзы. Да вообще-то таким путем только и пропадало, если что-то пропадало бесследно, например Саят-Нова, Пу Сун-лин, Сборник памяти Бахтина, Ницше, «Вагнер в Байрейте».

<1984>

Новый год прошел, уже шестое число, а в мыслях моих какая-то предновогодняя толчея, мысль рвется, возобновляется и снова рвется, пока совсем не теряется, вытесненная побуждением каким-нибудь. Я хочу сказать, что если что-то не поддается воспроизведению, то оно может быть поддано идентификации. Ведь какими бы глазами я ни смотрел на то, что видел, под это еще было подложено и первое впечатление от самого по себе города, когда мы, еще как приезжие, ходили больше, чем ездили, не доверяя своему знанию транспорта, и попадали куда-то под выходной, не могли попасть на один фильм и смотрели поэтому какой-то другой. На необходимые идентификации нам хватало, и тем страннее видеть, что у людей теперь этих денег нет, а они, якобы, коренные ленинградцы. Например, эта подруга с Варшавской, не глупая, а в том и ограниченная, в чем мне уже пришлось принять участие, и к которой я, будто бы вследствие этого, и не подходим. Как будто процесс периодического обновления заканчивается и человек снова становится совершенно одинок, не имеющим или не поддерживающим знакомства... Вот и живи на Варшавской, давай по карточкам. Смотри на толпы работниц на Красного Курсанта. Вижу я, как служащие валом валят от Левашовского до Зеленина, слышу своеобразие звуковой палитры города. А ходил я по

этим улицам в пятьдесят втором, пятьдесят третьем годах и могу судить об изменениях характера городского шума, шарканья тысяч ног одновременного по панели, девушек, одетых, как раньше можно было себе позволить разве что на демонстрацию. Да и обо всяких переменах могу судить в этом тихом сравнительно углу города, где в часы начала и конца рабочего дня, во время пересмен, немного побольше в среднем днем, бывает народ толпами, расходящимися по магистралям и проулкам. И в другие часы я наблюдал за этим районом в гораздо более поздние годы (с шестьдесят пятого и по настоящее), когда в дни соревнований, летом, по воскресеньям, на стадионы и в парки люди ехали в переполненном транспорте, и им кое-где приходилось доходить пешком до островов, и людей при этом до того бывало много, что казалось, что на улицах никого не оставалось. И все эти годы, все это время бредущий одинок, какие бы толпы ни проходили по этим магистралям: Добролюбова и Максима Горького и по мостам. И в любые часы — по Петровскому проспекту и на Петровском острове, издавна, со времен еще нашего переезда в Гавань, я наблюдал и по другим часам, часам продажи и принятия спиртного, и часам сладости безделья по выходным дням, и в каникулярное время. И я требую для себя возможности жить уличной жизнью в то время, когда они схлынут, в будни, именно потому, что я насмотрелся с детства на большие скопления народа на железных дорогах и пристанях, в местах отдыха и развлечений, на бесчисленных остановках и на зрелищных мероприятиях, я так ценю одиночество в этих же местах, но в другое время, в будни или поздно, или рано, когда нет никого, или когда все уже внутрь собрались своим коллективом, или на так называемом юге, или особняком когда держатся наши от иностранцев, в туристический се-

зон, один исповедую культ ангельского чина, бесполого одинокого существа в атмосфере, пронизанной сексуальностью, точнее даже женской сексуальностью, городских кварталов. И вот что еще — чем проецировать наяву такие сновидения праздничности ситуаций экстремальных для одинокой личности, лучше всю жизнь, как говорится, живя ничего этого не зная.

В Тульской картинной галерее есть скульптурный портрет Н. Кончаловской 1919 года.

Все же выглядел. Альбом богатый. Натюрморт Штеренберга без даты, а так все художники, от Лентулова и до Петрова-Водкина. Было так же рано, как сегодня, еще не зажигали огней, но в домах, как и всю ночь, светились по одному-два окна. Не нужно было вставать. Рождество пришлось на воскресенье. Решил не записывать. В этот день выбрались и мы, ездили к Кире с Эллой. Там много пластинок, перепечаток джаза: Фредди Хаббард, Колтрейн, Эллингтон, всего мы не успеваем послушать: Бэйси, снова Эллингтон, другой какой-то Колтрейн, американский. Музыка играет все время, но мы можем на ней сосредотачиваться только урывками, в промежутках между разговорами, вдруг затухающими, когда напрягается слушательское внимание, и вспыхивающими спонтанно. Мы недолго пробыли в гостях и вернулись домой. Сегодня уже понедельник, девятое, рано. Вот-вот люди начнут вставать. Как рано здесь просыпаются. В пять начинают вставать, зажигаются огни, начинают выходить. Задолго до шести видны люди на остановках. Я приобрел привычку вставать очень рано, но я стараюсь не шуметь, когда пью чай или когда потом хожу по кухне с прихожей. Даже в шесть, полседьмого я включаю радио потише. День наступает незаметно, но у меня не хватает выдержки высидеть до наступления дня, я ложусь, может быть, засыпаю. Светает так медленно. Может быть, к одиннадцати

только светает. А так все тихо в зоне. Еще, по-видимому, каникулы не кончились, хотя рано и детям. В этот ранний час никто не пользуется лифтом, поэтому так тихо.

Рождественская оттепель кончается, и наступают холода. На реках и каналах взъерошенный лед, вылезающий на берега. Особенно много льдин на берегу у Петропавловской крепости, но деревья, насколько видно, уцелели. Говорили об ураганном ветре. Вот каковы последствия наводнения, двести шестьдесят третьего. Может, на Островах, там деревья ломало?

За этот месяц, с пятнадцатого декабря до пятнадцатого января мы несколько раз бывали в городе. Целый концерт Веберна и вечер трубача из Западного Берлина Леона Шпирера — вот что было перед праздниками на афишах. Вечернее предпраздничное взрослое оживление, коммерческое несколько и развлекательное, сменилось детским посленовогодним, каникулярным. На улицах и в транспорте все время видишь детей. Они простаивают в очередях у музеев, и каждый день те, что поменьше, ездят куда-нибудь на елки в сопровождении взрослых. Они держатся так серьезно и самостоятельно. Им не надо уступать место. В сами праздники я выходил только за вином, к одиннадцати, покупал бутылки по две. Теперь отдыхаю. Взяли вчера «Старки». Вместо Эллы пила Наташа маленькая, которая тут же оказалась в гостях. Элла неважно себя чувствует и совсем не пьет, Наташа — понемножку. Вера очень переживает, что мне ее придется везти до дома, как будто я мог бы ее оставить или бросить на полпути.

Мне вспоминается, что последний раз, когда мы возвращались этой дорогой, цвели вишни. Мы были изрядно навеселе и прошли несколько мимо своего дома, чтобы полюбоваться деревьями, растущими дальше по улице, под окнами наших соседей.

Этот месяц, с половины декабря, можно назвать праздничным, хотя он проходит довольно тихо в первую свою половину, зато потом каникулы не переставая дают о себе знать, даже какой-то специфической тишиной в доме, не такой, как в те дни, когда дети на занятиях. Гуляющих или куда-то направляющихся мы их видим все время на улицах. И здесь их много. Здесь остановки, и вот они здесь скапливаются.

Дневник на восемьдесят четвертый год, это должен быть прямо не прогноз, а расписание того, о чем думается, последовательно, одно за другим. Год заранее выбран для пристального наблюдения за ним и за собой в течение его. В этом году должно хватать сил и энергии и на фиксацию и на анализ, условно говоря. Всерьез этот процесс мы анализом не называем. Мы наблюдаем нашествие синиц на балкон. Они такие аккуратные, их как-то видишь прямо нарисованными, но они так непоседливы. Такое разноцветное и разноперое царство я видел в Московском зоопарке, но там все эти птички сидели в клетках, а мы, то есть люди, разгуливали на свободе. В Купчине же они, видно, интуитивно знают, кто где сидит в своей квартире. В начале этого периода, еще задолго до наводнения, я заметил тут, возле детского сада, двух белобоких сорок. Это, на мой взгляд, самая загадочная и таинственная птица наших мест. Какой-то особенный воронок, с прямым разворотом крыльев, похожий на маленького соколика с гравюр Фаворского к «Слову о полку Игореве», попался мне на глаза. Но в тот день уже вороны кружили стаями над двором, что-то готовилось. Теперь я занимаюсь один и не замечаю никого, кроме голубей и чаек в небе, но к тем и другим я привык, и можно сказать, что просто не замечаю ничего вокруг себя. Мы сидим на Виндавско-Рыбинской, бывшей, железной дороге, но сейчас, в эти слабозимные дни, оттуда ничего не доносится. При-

вычный рокот моторов с улицы не приковывает внимания. Голосов почти не слышать. Я включаю и выключаю радио. Не попал. Не на тему. В этом месяце мне еще пару раз необходимо побывать в городе, там, как говорится, и посмотрим. В начале периода гораздо внимательнее слежу за событиями, да под конец внимание слабеет, да и незачем становится так следить, как-то события исчерпываются, ни о чем уже так не говорится, кроме как о новых войнах, но до нас мало что доходит из этого. Так далеко.

Я включаю свет. Сумрак, сгущающийся за окном, оказывается точно отмечен своим часом. Еще четыре. Темнеет. Свободой жить независимо от дня и ночи и независимо от человека, который рядом, я заручился. Часто встаю ночью, завариваю чай, курю, и так дожидаюсь утра семи-восьми часов, когда снова можно прилечь. В тишине человек осмотрительнее, не надо забывать. Похолодало. Теперь ограниченный мир нашего дома реально противостоит стихии холода. От стекол окон веет холодом, и не хочется задерживаться у окна. Спасают занавески. Мертвенный свет уличных фонарей лежит пятнами по углам двора, а середина его тонет в тени. Если бы на первом этаже детского сада не горели бы контрольные лампочки, было бы совсем темно здесь, у наших дверей. Двор напоминает план района. Четыре железнодорожные станции как бы образуют его углы, но этот участок, ограниченный со всех сторон железной дорогой, настолько велик, что я никак не могу представить его весь. Я представляю только те места, где проезжаю или прохожу или бываю еще почему-нибудь. Сортировочную вижу только из окон транспорта, никогда не бываю на Фарфоровском посту, на Боровой. Лучше знаю проспект Славы. Электрички, в своей защитной окраске, проносятся и исчезают стремительно. Здесь не должно бы быть никакого покоя от сигнала

лов, но в городе сигналы не подаются, состав молча подлетает к перрону. Во всем районе много деревьев, но в большинстве это молодые посадки, к тому же сейчас они стоят голые. Между домами пропадает след поездов, пропадает бесследно. Так только поезда умеют растворяться вдали. Кажется, если хватает этого, то и жизнь полна и в жизни довольно вот этого полного ее содержания. Но мы живем в центре района и ухитряемся не замечать рядом жизни железных дорог и этим обедняем свое восприятие. Здесь мы не раз и не два пересекаем железнодорожные пути, я не устаю восхищаться расписанием, которое так составлено, что совсем не приходится ждать на переездах. Переездов становится меньше, дорогу поднимают над транспортными магистралями, но в районе Веселого Поселка в этом направлении ничего еще не сделано. Невдалеке от улицы маячат несколько железнодорожных цистерн, это придает своеобразие виду городскому. Мне особенно много приходится замечать всего, связанного с железными дорогами на моих дальних концах. Никогда не забываю осмотреть эти, по всем признакам товарные, полустанки и придорожные строения, пакгаузы и какие-то казармы в районе Витебского. Все это окружено обветшавшими изгородями, стенами и заброшено. Сложенные из красного кирпича, эти дома прекрасно гармонируют с омытой дождем зеленью. Мы проезжаем по району осенью. Травяная насыпь и деревья сами изменяют свой цвет, красные дома так и будут стоять полуразрушенными, а желтые угловые дома в центре города, в районе Сенной, обрушиваются. А синих домов у нас не бывает. Мы путем заброшенных домов вырываемся в город и успеваем заметить кое-какие перемены. Сейчас не так, все равномерно присыпано снежком и если не черно или серо, то бело. Изредка, где-нибудь в боковой улице бросается в глаза роскошный голубой

особняк, обязательно с белыми колоннами, почти дворец. Вот созерцания чего мы лишены совершенно, в наших новых районах или в кварталах коммерческой застройки. А где-нибудь неподалеку от Лиговки и Марата это еще встречается. Сидишь безвыходно дома и боишься, что пропустишь очень значительные перемены, сам будешь идентифицирован как какое-то место, полужнакомое или забытое, но поражающее как громом происшедшими изменениями. Я жалею обваливаемых домов на углах улиц и не перестаю думать об этом, мне кажется, что даже если их восстанавливают, то они уже придают иной характер всему месту. Или строят новые дома по специальным проектам, это совсем уже заплаты на рубище. Но город тихонько меняется, и в этом что-то есть не совсем безынтересное. Мне кажется, что его можно будет или придется не узнавать, как человека, которого прекрасно узнаешь, но к которому не подходишь, так давно вы не встречаетесь и не разговариваете. Я неприметен. В этих переменах есть что-то и успокоительное — в старых местах ты неузнаваем, но в целом они раздражают, как говорить об этих новых пристройках всерьез, как об архитектуре или как о камуфляже? Кварталы доходных домов, в этом смысле, даже выглядят строже. Они более приемлемо относятся к новому строительству. Я стараюсь замечать и запоминать то, что изменится неузнаваемо. Такого много, много на этом пути. Но далеко не все еще начато. Может быть, что-то и уцелеет. Например, в районе гостиницы «Южной». Мне кажутся очень привлекательными ничем не замечательные небольшие дома в той части города. В них совсем неприметно люди существуют. По-видимому, все это будет снесено. В других районах, на таких же улицах уже появились пятиэтажные дома из белого кирпича. Становится не отыскать, допустим, даже старый адрес. Как все ме-

няется. И людей тех, что проходили здесь, чувствуешь, уже не встретишь. Монолитная тишь, да, как щели или полости в ее неколебимости, гудки и сирены, шипение тормозов и отрывистые сигналы водителей. Вот почему и путеводители здесь не выходят, ведь новые районы такие однообразные. Но вот мы, живя здесь постоянно, к чему-то все-таки прикрепляемся. Чтобы попасть к нам, нужно объехать все Волково кладбище, улица Будапештская начинается от задних ворот нового Волкова кладбища и тянется далеко за метро «Купчино», но там я еще никогда не был. Здесь, у кладбища, строится больница скорой помощи, вершина здания видна над деревьями с Бухарестской. Выражение — пойма реки Волковки и Волковский канал, говорят о благоустройстве. Томашевский. Пишут — два самолета с помощью отправлены в Конакри, в Гвинею. Вообще в эти дни встречаются странные заметки, например, что в Ливорно пытаются поднять со дна канала скульптуры Модильяни, которые он сам туда сбросил. Вот, примерно, скорость, с которой поступают новые новости. Еще пишут, что одна фирма выпускает репродукции «Тайной вечери» да Винчи в натуральную величину. В начале года не очень много новостей, обсуждаются прежние. Ливан, Ангола, визит Чжао Цзы-яна в Штаты. У нас об этом не говорят, но в Аргентине находят все новые тайные захоронения лиц, не поддающихся идентификации. В Софии погиб авиалайнер Ту-134 с сорока девятью пассажирами и членами экипажа. Новости обычные, передается что и всегда. Похолодание установилось только на пару дней, под самый конец каникул, а сегодня к вечеру опять обещают потепление, будет не десять, а три градуса мороза. После завтра, в пятницу, мне предстоит поездка за пенсией, справлюсь как-нибудь.

Министра мясной и молочной промышленности Антонова заменили на Сиденко. Вот какую новость я извлек из радиопередачи.

В день, когда Вера задерживается на весь вечер, время течет не так, как в обычные дни. Вот тут свой чай и пей. Дальний угол двора не загорожен, и в просвет между домами виден школьный двор, где сохранились старые деревья. Со дня приезда сюда, еще пятнадцать лет назад, было ясно, что это направление самое красивое. Взрослые деревья курчавятся. За сквозящими деревьями четырехэтажное здание школы, отделанное голубой кафельной плиткой, так навсегда и останется рисунком и архитектурным проектом, так все это место кажется нарисованным на бумаге. Деревья протянулись подобием аллеи по лугу, школу окружает луг.

Так бывает, когда мороз отпустит — можно снова вставать и, стараясь не шуметь, шагать по квартире раздетым. Тело чувствует колебания уличной температуры через всю искусственность комнатной атмосферы. Вечерний озноб кончился, ночью согрелся. Смотрю уже вторую передачу «Прогулки по Москве». Показывают Новодевичий монастырь и местность у Девичьего поля. Это так интересно, интереснее альбома об монастыре. А недавно была передача о Таганке и Заяузье — много старой архитектуры. Передачи короткие, поздние. Вот и вставай и отстаивай свои строчки. Я завариваю чай на утро, но сам пью его сейчас, в три часа ночи. Вода, сперва белая, как молоко, постепенно отстаивается, становится прозрачной. С этим явлением я познакомился давно, в детстве. Меня познакомил с ним отец. Он налил прозрачный кувшин такой туманной водой и сказал, что воду хлорируют и надо давать ей отстаиваться. Может быть, это было еще в Германии? Скорее, здесь где-то. В новых районах тут и там встречаются автостоянки.

Вот, может быть, кто-нибудь из сторожей на автостоянках пьет со мной одновременно, а так никто не встает, конечно, в два, в три, чтобы выпить. Чай густой, негорький, индийский. Очень крепкий, с настойчивым запахом. Выпить чашку и закурить, вот самое большое удовольствие, которое можно позволить себе ночью. Не бережем электроэнергию. Мы много в чем не экономим. Обогнали англичан по количеству выпиваемых чашек. Кирюша дал почитать Восточный альманах, десятый выпуск. В нем «Непрощенная повесть» Нидзе. Я только успел заглянуть, говорит — интереснее «Записок у изголовья». А вот попив его, можно подумать и о том, чтобы прилечь. Ведь не трястись же вместе с холодильником, обнаруживая у себя все новые симптомы простуды. Хочется подвигаться и согреться, но не возле Веры. Кроме шороха шагов ничего не слышно. Мерещатся какие-то пространства, проходимые мной по одному месту. Что, если б целый день пришлось шагать от Ленина до Зеленина, не сдвигаясь с места. Это еще тот расходняк. Я ощущаю себя в другом месте, чем то, в котором я нахожусь, где-то на Глухой Зелениной, среди заводов. Вот где одиночество нам гарантируется. Мысленно я попадаю под разезд. Работницы переполняют трамваи, на углах скапливается народ, да и на улицах много прохожих. Наполняются магазины. Час, когда обилие людей так же не способно помешать переживать чувство одиночества. В эти часы, утром и вечером, среди мимолетных реплик и разговоров, я стараюсь и не бывать. Как-то ото всего этого становишься без вина пьян, моложе и взрослее одновременно. И ни с кем не можешь познакомиться.

На снежной тропинке талая вода, в лужице красиво лежат балластные камни. Делают попытку засыпать эту ямку. Озерцо стоит, лужица и все яснее — ноль градусов. Здесь не считаются с газонами, дорожка

проложена прямо наискосок. Если бы только зимой так, но и летом ее протоптали намертво. Я догадываюсь, что здесь проходит тепловая магистраль. Пойма реки Волковки это там, где деревья расступаются в перспективе, создавая и на кладбище своеобразные просеки, как линии на скалах в Перу. Застигнутая между шоссе и железнодорожной насыпью, речка тут делает изгиб и уходит под шоссе. На этом месте построен Белградский мост. По-видимому, вот здесь она перестает быть каналом. Я вижу, что можно пейзаж написать, так картинно раздались деревья вдоль по ее течению. Здесь не хватает хорошей охоты. А свободные участки загораживаются. Я читал, что милиция тут строит для себя ипподром или школу верховой езды. Поить своих коней им из Волковки не придется. Что-то будет с новым кладбищем? Дух Тургенева витает над естественными перелесками Камчатской улицы. Как свечечка, руками укрытая от ветра, церковь. Заброшенность старого кладбища, и так до самой до Растанной с ее музейным безлюдьем. А большая церковь, без главы, как храм погибшей цивилизации; миражирует за деревьями. Храм был большой. Вот зеленый заповедник пока стоит, а нам уже пишут о других речках, больших и малых, на других концах города. Начинаясь где-то под Шушарами, наша речка пробивает себе путь, теперь уже в пределах города и вливается в Обводный канал. На месте их слияния я что-то никогда не был. Надо спросить у Веры. Тихая у выезда на Волковой деревне, она совсем не похожа на себя. У города есть резерв. Как он поступит с этой территорией между Волковкой и Обводным?

Опять дует ветер. С пьяных глаз я этого не замечаю сначала. На Финском волны под два метра. Где-то вдаль слышно непрерывное гудение, а у нас ветер налетает порывами.

Я, вспоминаю, ходил вышѐ по течению, там у станции метро есть место, где речка разливается по лужайкам, затапливает деревья, но и там у нее есть речной напор и какое-то подобие русла, поросшего камышом, не очень чахлым. Но сам ли это исток, и откуда она там берется, я не знаю. Там, где она становится шире и глубже, на кладбищах, мы имеем естественно-исторический музей-заповедник в духе Федорова — «Философии общего дела». О да, это не каток в городской черте. Над кладбищенскими зарослями сгущается не электрический туман на закате. И в соединении с этой обильной по руслу реки растительностью, своеобразно подчеркивающей неровности рельефа местности, закаты производят неповторимое впечатление. А в остальном своем течении она не отделима от железнодорожного мира и местами напоминает какой-то подсобный канал или даже большую канаву, правда, в этих местах уже забранную в железобетонные берега. Паровозный дым над Волковкой так же естествен, как розовеющая сумрачная мгла над кладбищами. Как мы оказались связанными с этим местом, просто поразительно. Это судьба. Надо больше бы читать Федорова об этом. Как-то ускользает от внимания, что, в общем-то, все это уже кем-то и когда-то говорилось. Это рассказ о другом годе, вот в основе его и лежат другие события, а антураж, весь жизненный фон переходит из предыдущих лет. Но на самом деле повторений недостаточно и повтор выдуман уже как искусственный прием. И потом, какие-то вещи нельзя не повторять, а описание все же развивается и в чем-то совершенствуется. И не пытаться воспроизвести эту картину поймы, как я ее вижу, я не мог бы. Я повторяю, что я ее действительно не знаю, а только вижу, да и то с колес большей частью. Мне кажется, что речка заходит куда-нибудь на запретную территорию, но я сам слышал, как говорилось

о строительстве, кажется, жилищном, в пойме Волковки, а это где-то здесь, она ведь совсем небольшая, но где же здесь строить? Ипподром, что ли, они имеют в виду?

С утра был туман и метель, Вера говорит, что не хотела выходить у своих из дома.

Воскресенье пятнадцатое. В ночь на понедельник началась оттепель, слышно, как капает с крыши. Мы подражаем тем, у кого запруды прямо в крови и во плоти. Я имею в виду эту дамбу через Финский залив. Но мы совсем не голландцы, и у нас от тихих деревенских уголков, в каждом из которых было что-то свое особенное в смысле ландшафта и местоположения, пригородных, — ничего не остается. На всех этих местах вырастают огромные серые районы, одинаковые на вид и которые никак нельзя представить у голландского живописца. Когда мы переехали жить сюда, еще капустные поля простирались между кладбищами и новой застройкой, был и совхоз. Теперь дома подходят почти вплотную к кладбищу и деревянные постройки снесли. Во многом этих мест уже не узнать. В особенности изменились маршруты. Новые улицы. Мы можем теперь двояким способом ездить хоть в Веселый Поселок. Получается, что мы только немножко земли под ногами и видим в садике или на пустырях, сохранившихся еще вдоль дорог, а так только на небе удастся наблюдать что-то картинное, а у нас все от погоды зависит и часто посмотреть не на что. Вот я побывал на днях и на Петроградской, а внимание привлекли только наши пустыри и замерзший разлив Волковки. Я совсем не бываю в книжных магазинах, даже здесь, сравнительно недалеко от дома, не говоря уже о более дальних «Старых книгах» или «Академиях». Ничего, кроме того, что узнаю от Киры с Эллой, не знаю о выходе новых книг. Мне и на Невском-то, где есть ларек, делать нечего, выберусь

раз в год по обещанию. Раньше я чаще бывал на Литейном, но я привык жить, не зная об этом. Просто скорей трудно совсем новых книг не видеть, чем обходиться без них. Совсем не бываю и в промтоварных, ничего не знаю, что где продается и почему, слышу что только если от Веры или по радио. Информация неполная, Вера сама нигде не бывает, и неживая какая-то по радио. Никаких рекламных приложений мы не получаем, даже «Книжное обозрение» второй год не получаем. Только Кира и Элла что-то показывают. Вдруг обнаруживаем, что что-то пропустили, это неприятно и как-то так и действует. Дунь-

хуанские документы еще, может быть, попадутся, но я ничего не знаю и о планах издательств. Обещания, что печатаются в «Памятниках письменности Востока», так неточны. Пока новостей нет, кажется, купили «Лес начертаний», перевод с тангутского. Я не видел. Теперь сижу дома и слушаю ночную капель, ночной холодильник. Совсем не могу спать. Лежать — лежу, а уснуть никак не удастся. Ну и в сердцах встаешь, начинаешь пить чай, курить, ходить или записывать, что на ум придет. Так ночи проходят. А днем, если все же утром усну, по привычке просыпаюсь в одиннадцать и дальше ближайшего винного и не хожу, и не дерзаю. Изредка, когда тут ничего нет, приходится пройтись куда-нибудь подальше, и это уже чуть ли не целое приключение. Долго нет мамы, начинаем скучать и беспокоиться, но оснований нет, слава Богу. Хоть бы письмо от нее получить. Чай кончился. Хорошо пожили. Посидели на «азербайджане»

перед Новым годом, но зато пятнадцать дней потом горя и забот не знали. Может быть, Мише удастся что-нибудь достать. У Киры с чаем тоже плохо. Подарили что-то на праздники, но этого хватило ненадолго. Тихо, очень тихо и спокойно. К нам никто не приходит. Накануне Старого Нового года позвонила из Новосибирска Танечка, долго разговаривали, она почему-то была проинформирована, что я умер. Но это не так. Я не ожидал звонка. Больше всего она поздравляла меня и рассказывала о сыне, которому уже одиннадцать лет. Слушаю Эллингтона, смотрю передачу про Веллингтон. По всей стране нетрудно про-

верить, кто чем занят. В «Известиях», в статье, отрывок из «1984». Надо вырезать. Уже с неделю нет новостей от сейсмологов. Сегодня, говорят, умер майор Хаддад и его место займет какой-то Халиль, кажется. Я об этом очень мало знаю и понимаю. Неделя прошла совсем спокойно, без потрясений. Мы уже запели было хвалу или «песнь о благодарении». Завтра надо выйти в магазин, пожалуй, надо лечь. Придумал, что забыл, и очень жалко, спросить у Галецкого, что значит по-французски — ФБЕ — из Монгольфе. Никто, как он, не ответит. Утром говорят, что рухнула дамба золотоотстойника на Дальневосточном проспекте и маршруты изменяются на ходу. Связь Веселого Поселка с Малой Охтой.

Как разноцветные камешки, все эти соринки, что мы выбираем из риса. Рис и чай, и наша действительность становится такой же дальневосточной. В другом месте, на буфете, я наливаю себе чифир. Я не знаю, что значит рис необрушенный. Может быть, эта грязь — это рис в шелухе? Некоторые зерна, просяные, напоминают коноплю, но они гораздо мельче. Все это вместе — это обточенные морем полудрагоценности, такие разнообразные и неповторимые. Почему-то слабый чай, в котором видна тень на дне пиалы, а не чифир, ассоциируется с Востоком. Оля говорит, что мама уже стала забывать про палку и ходит так. Мечтаю ночью о ее готовке. Приедет, сварит борщ или щи, а сами мы не умеем. Что-то часто тошнит, перекуриваю, перепиваю. Раньше как-то реже это случалось. Вера нашла под лифтом перстень и повесила объявление. Я говорю, давай пропьем или носи сама. Посмотрим, откликнется ли кто? Перстень так себе — серебряный с зеленым камушком, но аккуратный. Но она не может присвоить себе чужого, спросила у А. А., назвав его Александром Алексеевичем. Он, конечно, не знает ничего, а М. Л.

дома нет. Маленький такой, едва ей на палец налезит. Ей не нравится, дешевый. Крещенские морозы так и не начались, хотя говорили, что будет ночью и пятнадцать и двадцать, но ничего подобного. Я не спал. А днем на улице было так тепло, что, наверное, можно без шапки ходить. В Крещение буду один — у Веры опять лекция — о Брюсове. Пусть послушает. Кто был обделен этим в детстве — полезно и интересно. Сдал посуды на червонец, взял «Балтийского». Этот аперитив еще ничего. Хватит денег и назавтра. Оказывается, завтра крещенский сочельник. Сегодня не слышал даже последних известий, в газете ничего нового, и по себе не могу сказать, случилось ли что. Аперитив-то, в общем, хороший. Дома все спокойно, ни звонков, ни писем нет. Как-то дожидаться одиннадцати и придется поискать вино подешевле, нужно кое-что еще купить. Снова испытываю какое-то подобие удовлетворения жизнью. Пока все хорошо. Я вспоминаю, что и раньше у меня на руках случались свободные копейки и я мог покупать что угодно, хоть репродукции, и потом их раздавать. Но бывали и такие дни, что за грош продавалось все, от туфлей или бушлатика до японского издания Сессю. Книг и не перечесть, сколько я напродавал. И у меня появилась какая-то новая осторожность, так я проходил мимо и не брал, хотя мог, книгу с репродукциями Вельса, которая мне была бы нужна и сейчас, лишь бы потом не пропивать. Раз на Сенной, я ехал в метро, в вагон вошел человек с книгой, только что купленной, по-видимому, «Землетрясения, тайфуны, цунами» Болта, и, хотя у меня был трюльник, я не пересел и не вышел, и не купил. Я заглянул, когда он ее открыл, но там сразу же пошли какие-то диаграммы, может быть, это специальное издание. Супер черно-белый, ташистский. Не могу не пожалеть об этом. А так-то, конечно, я массу соблазнительных

вещей перевидал, но как-то нет у меня стремления все заполучить. Давно прошло или и не было никогда. До одиннадцати не досидеть, сейчас ночь, пятый час. Придется ставить на то, что инстинктивно проснусь вовремя. Куда пойти, магазины так разбросаны, важно угадать, где будут давать бормоту. Сам-то думал взять на эти дни три фуфыря, да купил шоколадку, как Вера просила, по рубль восемьдесят, а вина второй день нет, на Бухарестскую сходить поленился, и вот выходит, что еще и сэкономил, беря тут подороже. Значит, если будет «Агдам», хватит и на чай, и на беломор. Да, так вот раз тут в Купчине я набрал на немецкий атлас мира, за семь с полтиной, я взял глянул, но немецкие географические названия до того путаные и сложные, что охота брать его прошла сама собой. Неужели что-нибудь в этом роде мне может быть вменено. Издан-то он, конечно, лучше наших, карты качественные, но ведь в этих их названиях черт ногу сломит. Христос спаси от такой идентификации, ведь эти холуи могут зацепиться за то, что я был в Германии и чего-нибудь должен сознавать в связи с этим. Х.. на рыло, меня не купишь.

Встретил котика, в точности как на картине у Герты Михайловны. Третью морды рыжая, остальное — черное и два ярко-зеленых глаза. На теле есть и белые пятна. Шерсть лоснится, и весь он очень раскормленный, сидит рядом с голубями, и они друг на друга не обращают ни малейшего внимания. Но у Герты Михайловны эта животина миниатюрная и написана матовым маслом, а этот будет покрупнее. Фосфоресцирующие глаза, и хочется его прямо украсть. Много кошек выпускают сегодня погулять. Тепло, а они далеко от своих дверей не отходят, сидят на снежку. Продается ром кубинский по четыре двадцать полбанки, но я беру портвейна по два семьдесят. Как и предполагал — хватает на все, кроме су-

шек. Вот на сушки у меня почему-то никогда не хватает. Включаю магнитофон, на удачу, поет Отис Раш. Как давно я не слыхал этого блюза — «Вся твоя любовь». Слушаю всю кассету, доколе можно. Тут, на другой стороне, и Джаннис с Фул Тилт Буги. Слушаю английские новости: похищение, убийство, самолет сел в Карачи — взрыв, никто не пострадал. День напряженный. Уже не секрет, что Перу и Эквадор вновь начинают военные действия в Кондор-Кордильерах. К вечеру что-нибудь случится еще.

Нашлась хозяйка перстня.

Двадцатого января в десять часов двадцать четыре минуты произошло землетрясение в Румынии. У нас сила его была четыре с половиной балла в районах южной Молдавии, а в Кишиневе — четыре. Жертв и разрушений нет. После полумесячного перерыва это первое сообщение о подземных толчках. Вообще, там они бывают и катастрофические, как бухарестское.

Похолодало не сильно, но люди замерзают. Понадобится несколько морозных дней, чтобы привыкли. К счастью, ветер утих. «Известия» снова интересно читать. Сообщается, что одна американская газета писала, что атомоход «Ленин» продали на металлолом Южной Кореи. Было это в семьдесят девятом году. Вышла книга переводов с пушту стихов одного поэта, афганского или пакистанского, Михаила Еремина. Ее продают только по заказу. Достали и чая, говорят, более дорогого, как в Англии. Не отражать мне свойственно так же, как видеть сны и потом их помнить. «Знать» — по-моему значит что-то другое, чем по принятому значению. Давать всплыть воспоминанию во всю ширь, до содрогания. Не в спекуляциях на почве этого дело. Я признаю автономию подсознательной деятельности. Такое же чувство испытываешь, когда видишь и понимаешь, что что-то из кажущейся обыденной жизни оказывается внедренным в твое

сознание. А без этого живешь как бы без оглядки, и вот на этом себя ловя, испытываешь то же. В этом и сам смысл жизни растворяется. Сознание разумности и неразумности, заложенных в основе сложных ситуаций и их уразумения, вот что это такое. Происходит, кажется, вне меня, но это со мной, и только, связано. Этим трудно поделиться. Все немного знакомо друг с другом, как признак зрелого возраста. Знаю, но мало, но и совсем не знать не могу. Раз, да другой — и что-то откладывается навсегда. Как бы я ни замкнул был, но какое-то подобие общения я поддерживаю бессознательно почти всегда. За пределами этого область уже нирванического покоя и безличности, то, что существует, не сжимаясь и не расширяясь, третья форма жизнедеятельности. А вот в чем сущность поэтической переводческой деятельности — не могу сказать, да это и не моя обязанность пока, кажется. Все в сравнении, и приходится подбирать для сравнения параллели к тому, к этому. Все полно этим, и медленно и без сомнения это доходит до моего сознания. А еще есть ночь, чай, курение в процессе работы. По слову о каждом из этих компонентов, и мы имеем дневник, точнее уже ночник, какой-то настой всяких мелких дел, которых и замечать-то не стоит. Но иногда фиксировать и их подряд необходимо для уяснения себе того, что все, что мы ощущаем личным своим или нам принадлежащим, и то, что, являясь самостоятельными вещами, входит во взаимодействие с нами, создано по одному образу и подобию, как бывает ткани, разные по качеству и расцветке, но в сущности являются просто тканью. А самой по себе идеей о сотканности мира всего не увлекаться. Хоть и злишься, бывает, но не вынашиваешь в себе другого человека. Есть будничность и в субботних и в воскресных делах, нескончаемая повторяемость одного и того

же. Находясь в области психологии, оказываешься в области фонетики.

Жена сидит напротив и делает лечебную ванну для ног и одновременно читает, потом отвлекается — необходимо ухаживать за ногами. Возможно, ей лучше бы здесь меня не видеть, но я занят интересным наблюдением за ней. Мы обмениваемся привычными репликами, но большую часть времени проводим молча, не мешая друг другу, и каждый занят своим делом. Я сегодня подумал, что диалог мог бы состоять и из совершенно несравнимых по объему частей, например: один говорит одно слово, другой ему в ответ две тысячи слов. Мне пришло в голову, что это нечто о формотворчестве, и вспомнился один мой совсем старый натюрморт, где на веснушчатом фоне красном и рыжем в крапинку были изображены два бумажных пакетика с сахарным песком, с остатками, точнее, сахарного песка. Не могу понять, куда он девался. Он был на картоне написан маслом, которое я тогда разводил до консистенции лаков и, нанося на грунт, снимал бритвой краску, оставляя только яркие пятнышки. Мне показалось, что он был прост и неплох. Потом мне знакомые однажды принесли с улицы дощечку, кусок фанеры, весь испещренный следами каких-то красок, почти повторяющих гамму моего натюрморта. Но на ней я ничего не нарисовал. Со временем и она исчезла. Скорее всего, что и ее приняли за мою продукцию. Много только позже, я увидел дом с вкраплениями красного кирпича в качестве декоративного рисунка, который я должен был сравнить с отбросами, с выплеснутыми в унитаз чайнками, а я старался подобрать какое-то другое сравнение. Как перечисление мест изготовления разных пищевых продуктов в надписях на консервах или на упаковке, могут быть интересны и эти, с позволения сказать, воспоминания. Как кто-то говорил — бес-

конечная их длина уже является литературным приемом. Но как же быть, если второго лица в них вообще нет и диалог происходит если, то как бы между разными половинами меня? Так же и со сходством — вещи, схожие между собой, схожи внешне и внутренне. Я кладу книгу на табурет, а они одинакового цвета, и за счет этого они кажутся и из одного материала сделанными. Я думаю, эти восточные сборники, это «Солнце в зените», выпуск десятый, это настоящая табуретка для сидения, так же примитивно сколочен. Это, наверное, вообще можно сказать об их характере. Или, например: кофейная чашечка и блюдо одного цвета со сборником китайских новелл. Я кофе не пью и вижу сервиз редко, использую не по назначению — храню в ней мед. И китайский сборник с глянцевой, темно-глиняного цвета обложкой достойно сравним и с кофе, и с медом. Какой-то человек бродит у нашей остановки перед магазином в пятом часу ночи. Видно, что тихо и холодно. А жизнь в домах, как бы разделенная на мужскую и женскую половины, тут как бы вся оказывается сосредоточена на женской половине — весь город спит, только я да еще считанные люди в нашем дворе и на всем обозримом пространстве, которое охватывает не один, а несколько дворов по обе стороны улицы наш взгляд, только считанные окна освещены в нашем углу двора. Пусть говорят обо мне, что я художник чая и его принадлежностей, живописавший в тревожный век успокоение чайных обрядов и церемоний, любивший только предметы, имеющие отношение к чаю, хотя бы и не прямое, как алкоголь и фрукты, книги и курево, и про себя добавлявший еще иконы ко всему этому. И вот сюда вводящий еще что-то, в свой натюрморт, что-то, гармонично сочетающееся с чайной утварью, — огонь или хлеб или, наконец, облака, озаренные не вечерним светом за окном, всему этому стара-

ющийся придать простую, но граничащую с хитростью, крепкую конструкцию хорошо поставленного натюрморта. И в жизни старающийся усматривать красоту явственных взаимоотношений вещей, законы красоты приравнивающий к всеобъемлющим понятиям, с бесконечным количеством значений. Художник семиташистский по методу, в смысле полуташистский, дитя или продукт эпохи знаковых систем.

Это было в то время, когда, случайно зайдя в магазин, можно было купить и масляную красную краску, и сборник стихов Саят-Новы в малой серии «Библиотеки поэта». Я поздно возвращался домой и, положив рюкзак с этими предметами под сиденье автобуса, потому что он был пуст совсем, задремал от усталости, которую я испытывал, и, задремав, сошел на своей дальней гаванской остановке, забыв все это там. А я только успел где-то заглянуть в сборник. Мне показалось, что перевод очень качественный, прямо по-праздничному хороший, и мне было потом жаль этой пропажи и не хватало чего-то в связи с этим постоянно, как не хватило тогда красной краски для работы, не помню какой; пока я не посмотрел в кино «Цвет граната» и не понял, что в подобных приключениях граничат книга и кино и им названия-то не подобрать. Если это называется быть обокраденным, то я и был обокраден. При этом рюкзак с книжкой и тюбиком стоили какие-то копейки, но ущерб состоял не в стоимости их, а в другом. Мне кажется, что я раньше бы обратил внимание на искусство Кавказа и гораздо лучше бы знал, скажем, легенды о Пиросманишвили и мог более целенаправленно расспрашивать своего отца. Он говорил мне сам то, что считал нужным из своих воспоминаний о кавказской жизни, и о том, что выставку Пиросманишвили он видел еще в Москве, т.е. он сообщил мне какое-то отношение к этому лично, но я был приговорен знать об этом

заочно. Я помню, как один человек смотрел толстый новый том «Грузинского искусства» в старой книге, в «Академкниге», и было его не перекупить. Он стоил что-то пять рублей. И получалось, что мне предстоит узнавать об жизни этих людей из кино и книг со значительным запозданием. Фильм об Нико Пироманишвили я посмотрел, сидя в сумасшедшем доме, а выставку его и вообще впервые его живую живопись — уже по освобождению. А так я знал только, что не обладаю таким точным глазомером в выборе формата и размера своих натюрмортов, принципиально по-другому выбираю.

23 января 1984 года. Мы живем в таком мире, где помимо непрерывной встряски и ее последствий, мук, имеем, почему-то, еще разговоры о живописи как особый предмет. Даже «Известия» сегодня напечатали статью о покраже из Будапештского музея шести холстов Рафаэля, Тьеполо и Тинторетто итальянской мафией. Независимо от этого кажется, что уже есть искусствоведы, следящие за судьбой похищенных и исчезнувших произведений (если им о ней что-нибудь известно, то это их самих заставляет подозревать в причастности к похищению), и не достаёт только описания приключений, переживаемых шедеврами, как самостоятельного жанра. Это с утра так представляется. Но вот красть произведения в зародыше — что-то особенное и отличное от разговоров об искусстве.

Сегодня в девять утра по московскому времени, в тридцати километрах от Пржевальска, на границе с Киргизией произошло землетрясение. Ну и, как обычно: по предварительным данным жертв... и т.д. Вот образец оперативной информации сегодняшнего дня, а в остальном мы имеем дело с мыслями и новостями вчерашними, о которых только сегодня что-то сообщается по телевидению. Говорят еще о циклоне на Сахалине и показывают город, весь заваленный

снегом. Также показывают испаряющиеся на сильном морозе реки в Соединенных Штатах, говорят о сороградусных морозах. Крещенские морозы.

Чайник закипает, и некоторое время шумит пар, пока не выключая газ. Простой «трехсотый» чай распускается как будто необычайным букетом с вкусом и ароматом, затмевающим все. Ночь. Сегодня я погружаюсь в забытие, соответствующее состоянию сна без сновидения, и так провожу все то время дня, когда идут телевизионные передачи, более-менее сносные. Они повторяются на неделе. И вот состояние сна без сновидений устанавливается в одной сфере, а состояние забытия — в другой. А на другой руке негативизм всеотрицания, отталкивающих выходов, каких-то крайне своеобразных привычек. Это сердцевина мудрости, пустота. А судить обо всем остальном надо по полутени, по тону и по полутону, по оттенкам.

В то время я еще не мог быть знан по городу за красный Псков, и мне пришлось добраться до Ташкента, чтобы немного разобраться в правовой стороне этого дела. Там с нами поступили по-каракалпакски. Мы добирались до студеной горной струи, чтобы немного прийти в себя после ленинградской пьянки, а нас посадили к плану в спецприемник, и мы вышли оттуда перерожденными. У нас были с собой книги, которые привязывали нас к родным краям, а нам нужно было сидеть в подвале с загородкой и ждать дня отправки на север. У нас был альбом Феофана Грека и книга по священной истории, о первых христианских подвижниках в Святой Земле. Так тогда были раздвоены наши помыслы и мы не представляли себе, что один грек прошел перед нами этим путем задолго и навсегда. Зато я ясно сознавал, что мы там попали в период полного спокойствия. До уничтожительного ташкентского землетрясения оставалось года три или четыре. И я помню, что мы на все ок-

ружавшее нас могли смотреть прямо. Несмотря на ранний месяц, март, уже днем хорошо припекало и, по-нашему, мы могли раздетыми быть по-летнему, а ночами дышалось свободней под синим небом или не спалось на нарах. Вот какие есть законы в Узбекистане, позволяющие приезжего упрятать в спецприемник. Такой профилактикой жизни там, должно быть, занимаются и сейчас. Я думаю, что вся эта эпопея с планом — не слишком дорогая цена за номер «Туркестанских ведомостей», который мне попался позже. Настолько интереснее он по содержанию современной газеты. Теперь, когда говорят или передают телевизионную передачу о Ташкенте и я вижу, что там ничего старого и не сохранилось и все заменяют современные здания с обилием, как кажется, стекла, я вижу, что мне в новом Ташкенте не бывать, так все изменилось. И мы должны понять, насколько более живучи привычки у людей, поскольку только они сохранили и пронесли дух, связующий несоединимое, и не перестали быть такими, какие они есть, соединением Востока с Западом, на деле, в человеке. Особенно поблуждать по городу не удалось, но мы побывали в картинной галерее и музее современного народного искусства. Сходили в русский храм, где обилие прихожан было необычайное. Побывали на городском базаре, где все продавалось, все осенние плоды, фрукты, виноград; на барахолке на окраине мы уже продавали с себя шумтки и переодевались в ватники и переобувались в сапоги для поездки в горы. Кому-то я продал свитер, хотя он бы мне не помешал, пожалуй, а вот со своей меховой шубой я так и не расстался там. И вот все эти переходы по городу, особенно долгий путь в церковь и на барахолку за город почти, потом прогулки по дороге к дому, в котором мы обитали, а, главное, конечно, трехдневная поездка в горы через Чирчик и Бричмуллу, созерца-

ние гор по дороге оттуда, когда мы шли долго пешком по шоссе, ночью, и вечером, и утром. Я составил себе какое-то представление об этом крае, хотя чего-то не похожего на перечисленное выше не увидел совсем. Юра был любопытнее меня и совершил вылазку из приемника и говорит, что повидал район, совсем не похожий на то, что нам довелось повидать вместе. И путь из приемника на вокзал, когда нас выпустили с билетами до Куйбышева, а мы еще думали, не продать ли и их и не махнуть ли в Чаткальский хребет, где, говорили, можно было просуществовать, собирая грибы. Интересно знать, как бы нам это удалось, путь вдоль глубочайшей песчаной канавы, на противоположном берегу которой уже цвели деревья, персиковые или абрикосовые, мы не знали, но видели, как они прекрасны.

Сейчас счищают снег на улице и машины идут одна за другой с небольшим интервалом на маленькой скорости, слегка притушив свет, и их тяжелое и долго слышимое гудение вызывает представление о перевозимом нестандартном грузе, который ночью тащат по нашей улице тягачи.

23 января. Произошла путаница с числами. Оказывается, я писал на день раньше, чем помечал числа. Все еще двадцать третье. Первое, что я сегодня узнаю, так это то, что картины, украденные в Будапеште, нашлись и вчера их передала греческая полиция. Вот и вся история. Сегодня говорят, то есть пишут, о Кипре, о воссоединении его частей. Как я заторчал, что уже числа переставил местами. Я бы мог еще вспоминать о Ташкенте, но боюсь, что это будут одни мои воспоминания, кажется, ничего из этого не уцелело, все было разрушено. Обжигающий горло глоток. Когда мы узнаем о смерти Лени Аронсона, мы пьем «Узбекистон» на улице. Наши семиградусные морозы никого не останавливают; делают вид, что их

не замечают. Но в жизни природы они заметны и оставляют свои следы. Вода, стоящая над канализационными люками, испаряется на воздухе, и не видно птиц и животных. Голуби, правда, получают свою порцию зерна у торгового центра, но приснившееся нашествие синиц остается сладким сном. Тогда-то Юра и написал свою серую книгу, и по приезде в Москву мы ее уже продолжали пристраивать, но никто не хотел брать. Мы прожили в Москве месяц, все не ехали домой. Может быть, это было главное. Я видел, как он ее уничтожал потом, хотя она едва ли не вся была еще нами перепечатана в Измайловском. Но и потом мы с нею носились. А внезапно оказывается, что никто не забыт и ничто не забыто и что прекрасно знали этого человека с другой стороны. Это был еще один портрет Хлебникова, но в форме. Но выше — варить кашу, слышать этот шум закипающей воды. Я должен готовить нам поесть, и мне приходится изобретать блюда для наших обедов, и самому их готовить, и самому и есть. Варится гречка, будет на обед сардельки с кашей, и я должен быть успокоен насчет своего будущего. После того, как вышел Артемий Богданов Араратский, ничего удивительного нет, что мы торчим на простейших отправлениях. Мне дело не дать ей убежать, но она и не бежит. Нужно будет еще отварить сардельки, а кашу спрятать под одеяло, в газетах, во всем, что греет. Посолив кашу, я заглядываю в чайник. Осталось два глотка чая.

Мороз ослаб, и пошел густой снег, полегчало. Я думаю, что ветер не стихал и что при выходе на открытые пространства он подхватывает человека и заставляет сопротивляться ему. Со всех карнизов веет снежком, когда налетает порыв ветра. Слышно, как, несмотря на низкую и плотную облачность, в небе ходят самолеты. Передают, что в Москве сегодня была гроза, якобы оттепель на почве и при этом сильный

мороз на высоте пяти километров создали условия для зимней грозы и что за последние десять лет это не то пятый, не то седьмой случай подобный. Идет дождь. Никаких вестей оттуда, от мамы, мы не имеем, наверное, сегодня Верочка будет звонить. Оля обещала разузнать подробности ее жизни. Мама поехала, когда бабушка еще была жива, и успела побыть с ней недельку с живой, попрощаться. Уже месяца два прошло с тех пор. А у нас туман и все падает косою мелкий снежок. Уже занес все крыши, припорошил следы, разровнял поверхность участков, занес автомобили. Детские площадки, как небольшие репродукции с малых голландцев. Миниатюрные постройки для детей передают некую уникальность каждого отдельного вида, на участках, разгороженных неодинаково подстриженными кустами. Детей сейчас нет, они чем-то заняты в детском саду, и под падающим снегом никто здесь не гуляет, не видно ни кошек, ни собак, ни птиц. Хоть мороз и отпустил, утром было градусов двенадцать, но погода, как видно, не из приятных. Я часто смотрю на площадки детского сада в ночное время и вижу их в ином освещении. Они среди кустов и сугробов, в темноте, рассеиваемой или гущаемой одинокой голой лампочкой у здания, напоминают замерзшие голландские пруды при луне или в непогоду. Тени подчеркивают эту пропорцию, и она хорошо передана в архитектуре беседки, очень тесной и покосившейся, столов со скамейками, песочниц, каких-то навесов и фантастических лесенок и каких-то кувыркалок, сваренных из трубок. Как на картинах, иногда детского народа становится вдруг много-много среди всего этого. Купил вчера бутылку «Стрелцкой» в ближайших «Крепких напитках», но пошла плохо под усиливающийся мороз, спал, отсыпался, как-то и день, и ночь, и утро, и вечер. Просыпался, конечно, но выпью и засыпаю снова, отчего-то так

устал, или это только от погоды зависит? Болели ноги, я пытался что-то посмотреть по телевизору, пьесу Горького, но сам переключался на «Международную панораму», а потом и засыпал вовсе. Пишут о комете и специальных кораблях для обследования ее, об затоплении двух станций московского метро, об урагане в Шотландии и о пожарах в Южной Африке, о железнодорожной катастрофе под Бомбеем, во время которой погибло более тридцати человек. Регулярно сообщают о подземных толчках, но не прогнозируют этих явлений. Столкновения в Марокко не стихают. Пятки еще ноют, в пятницу, по-видимому, будем ночевать на Петроградской. Как-то получается <, что> даже лучше не пить, но трудно удержаться, когда есть возможность. У меня там столько бутылок несданных, что можно висеть дня три на той квартире и пить, да у меня одного сил не хватит своротить эту гору пустой посуды. Я успеваю заглянуть в Федорова, пожалуй, его нужно перевезти сюда. Или пусть там хранится? Ждет, пока мы опять приедем туда пожить. Тут ведь, в связи с переломом у мамы, очень долго пришлось прожить там. Я читал Федорова по утрам, когда Вера уходила на работу, понемногу. Я недалеко продвинулся. Еще там есть номер «Часов» с моими записками и со стихами Ю. Галецкого. В один день всего не пересмотришь. Пожалуй, Федорова нужно забрать. Ну а что делать с Федоровой? С «Мифами острова Пасхи»? Там таких книг нет, а здесь сказок и легенд очень много. Еще несколько книжек там сложено, в частности, «Происхождение славянской письменности» — нечитанная, а несколько книжек моих. «Кара-тепе» с описанием одного сосуда и надписи на нем, Шидфар об исламском влиянии. О реке Великой есть место в одной смешной брошюре «По Псковско-Чудскому водоему».

Мне нужно разогревать обед к определенному часу, и я готовлюсь к этому нехитрому делу целыми днями, не могу быть спокоен, пока все каши и сардельки и бульоны и чай уже не разогреваются потихоньку, дожидаясь только прихода Веры. Пока я успеваю смести крошки со стола, подивиться на буфет и подмести и протереть мокрой тряпкой пол. Каждый день одно и то же: пыль, волосы, песок, табак, пепел, крошки, чайники. Пятна, капли, подтеки. Я забываю о газовой плите, за чистотой которой должен следить, и она, как и всегда, облита чаем.

Свет фар прорезывает туман на несколько метров впереди, яркие красные задние огни горят в темноте. Чья-то машина ночью выбирается со двора. Противоположная сторона улицы тонет в темноте, у дорожного фонаря дрожащий ореол. Он только подсвечивает туман. Зеленый немеркнувший глаз говорит, что путь свободен. Через полчаса, когда я выглядываю случайно в окно, туман сгущается настолько, что двор начинает плыть и его очертания теряются за пределами круга видимого. А на улице нечего и смотреть — там такая темень, ни фонарей, ни светофора. Во тьме начинают перекликаться гудками какие-то заводы. Сначала они. Надсадный рев моторов доносится со стороны улицы, но не видно ничего. Ничего абсолютно не видеть, такого не запомню. Вот и хочется просто сказать, что от каких-то мыслей не надо и пытаться меня отвлечь. Почему не сегодня? Эти мысли сегодняшние. К утру прояснилось. Тумана осталось ровно столько, чтобы на небо не смотреть. Город весь запылён свежим снежком. Девять градусов. Обещают к вечеру повышение температуры. Улицы вынырнули из тумана тщательно подметенные, а на небе, конечно, никто не разгреб дорожки.

Наступает тишина, и ночь завладевает своими правами. Серия последовательных тихих звуков, сопро-

вождающих приготовление чая, завершена. Может быть, в последний раз срабатывает лифт. После всех этих манипуляций большой чайник запекает свою песню. Только работает холодильник, да шумит зуммер на дверном звонке. Зуммер можно выключить, а холодильник выключается сам. Ничего нет сильнее, здесь это скажу, ночных приемов чая. Выпить чашку густого, такого, что вторую не скоро захочешь, «тридцать шестого», закурить, глянуть на часы — начало ночи. Испытать удовлетворение от самой той позы, в которой ты сидишь. Будет тишина во всю ночь. Не видно уже на улице прохожих, и городской транспорт не ходит. Такси да грузовики еще пробегают изредка по улице. Общее впечатление сырой оттепели прекрасно передано состоянием улицы. Хоть утром и был мороз, к двенадцати, когда я поднялся, началась капель, оживленный стук по карнизам, и на улице было затишье, я не попал нигде на ветер. Было не меньше нуля и совсем тихо. Я хожу в магазин дворами и если вижу что, так из дворовой жизни. Дорожки подтаяли, снег стал скользкий, а в тех местах, во дворах, где асфальт прогревается, очень быстро начинает таять. Темные круглые лужи на месте люков, откуда-то из-за мусорного сарая валит пар. Люди гуляют с детскими колясками, здесь всегда утром и днем много молодых матерей с детьми, так как в соседнем доме детская поликлиника. А вообще гуляющих в этот час не видно. Немного народа в очереди, можно бы пива выпить, как раз по погоде, но у меня расходятся все деньги. Кроме «Стрелецкой», у меня ни на что не хватает, а мелочь приходится отдать за «Беломор». Вера ругается, когда я покупаю «Стрелецкую», и мне приходится объяснять ей, что на кубинский ром не хватает, а «Стрелецкая» то же, что раньше «Перцовая» была, и у нас к ней привычка. Кое-как она соглашается выпить эту, как она говорит, отраву. Мне про-

сто очень не хочется далеко отходить от дома и долго оставаться на улице, я спешу со своей авоськой домой, забыв о пиве. Ничего примечательного по дороге не попадает, да и потом тут так близко, но все же встречаю Алексея Александровича, здороваемся. Скорей, скорей, выпивка, закуска, газета, все занимает по немного времени. Мне скоро начинает хотеться спать. Обед готов, можно лечь.

Чай чуть теплый, комнатной температуры, он остыл, пока я исписал страницу. А я и всего-то хотел сказать, что чайник заварочный и пиала, очень точно расположенные на столе и относительно друг друга, как-то белой ночью произвели на меня неизгладимое впечатление. Почему-то в полумраке возникла иллюзия, что стол за этими предметами полукруглый, хотя он прямоугольный. И сколько я ни курил всякой всячины, чайный приход, позволяющий созерцать гармонию, сильнее всего прочего. Конечно, когда одно идет в сочетании с другим, еще сильнее, но, может быть, и нет. В белые ночи у меня появилась привычка оставлять с треть бутылки вина на ночь. И, конечно, ночная тишина, вино и чай создают предпосылки для обострения видения. Я нарисовал на серой бумаге такой натюрморт, но он является скорее знаком, чем адекватной передачей состояния. Тогда чайничек был еще старый. Вот ничего не видишь, не ищи, не подбирай, а чайнички знай. Сейчас у нас чайник очень обычный, или я к нему еще не привык? Он больше по объему и устойчивее. Достаточно поместительный. Говорят, что в Москве к утру мороз достигнет семнадцати градусов, а у нас нет, как будто. Не хочется застыть у окна. Мне случалось простужаться, сидя так у окна, и я стал гораздо внимательнее к погоде. Раньше, бывало, что-нибудь выдающееся привлекало внимание — неслыханный дождь, ветер, наводнение... Но однажды я шел по Большому, мы

жили еще в Гавани, нужно было в больницу Ленина. Погода, зимой, предположим, что в такое же время, как сейчас, была абсолютно тихой, все до последней веточки, а там ведь сплошные деревья, было покрыто роскошными кристаллами снежинок, которые совсем ничем не были тревожимы. И я понял относительность разницы между внутренним и внешним, между домом и улицей. Я, конечно, и мечтать не мечтал о том, чтобы это состояние природы перевоссоздать дома, но я был так им захвачен, что как бы слился с этим состоянием. Конечно, чудеса редки, и я редко теперь выхожу из дома.

...Почти пьяный должен был встретить Таню в глухом углу Петроградской, как-то осенью. Вот, пожалуй, еще раз тогда, вид осенней листвы в садике или рощице, место-то это по виду совсем загородное, я почувствовал гармонию природы, которая сильнее меня. Да как-то осенью, в другой раз, залюбовался деревьями до того, что можно сказать навсегда, здесь, в Купчине. Но охватывает подобное состояние редко. Ничто так не возвышает души. Только любованье весенним цветением деревьев сравнимо с этим. Зрелость осени, особая спелость впечатления — была проявлена полностью. И мне кажется, что каждое это впечатление, это прямо марка амриты, как бывают марки чая. Даже так можно сказать, что я и пью нечто вот этих марок: зима, да две осени, да весенний цвет, пожалуй.

Выгляни в окно. Почти все спят. Автобус не останавливаясь проезжает по улице. Где-нибудь во дворе должна дежурить «скорая помощь». Может быть, зима будет такой мягкой. Впереди февраль, самый холодный месяц. Какой-то он будет? Так надо понимать, что от Москвы на нас движутся холода, но балтийский воздух не вытесняется, не уступает морозному московскому. Это обычно зимой. В пятницу надо

ехать на укол и к врачу. У меня теперь новый врач. Как-то так перераспределили участки, что мой, где я и не бываю, достался другому врачу. Теперь нужно снова знакомиться.

Как-то тут мне очень понравилась музыка Гагаку, слушал ее после большого перерыва. Особенно первое произведение, которое, как мне показалось, занимает целую сторону пластинки или кассеты. Я дал себе слово устроить еще раз такое прослушивание, но пока что-то от этого удерживает. Еще живо то впечатление. Получилось, что из всех кассет лучше всего записана эта, да «Rage Hendrix» Вот и слушаю их по очереди, иногда вставляю блюзы. Есть еще опера «Иисус Христос» — ее тоже громко и хорошо слышно, а остальные кассеты погублены или до того неинтересны, что я их никогда и не послушаю.

В такой день лучше бы было слушать птиц. Солнце еще не село, но птички больше не поют. Медленно летают вороны по одной, по две. Ветра нет. На небе мелкие орнаментальные облачка, сквозь которые видно голубое. Они вызывают представление о молодом льде. В такой день очень четко различаешь музыкальное от немзыкального. Отсюда из дома, по виду, прямо день весны.

В этот час оживление на улице утихает, только школьники расходятся по домам группами и поодиночке. В доме то же, что и всегда: работает лифт, выносят отбросы, гудят какие-то тяги, шумит вода, воют трубы, хлопают двери, слышны шаги и голоса. Во всем этом ничего музыкального нет, как нет его и в «последних известиях». Весь этот набор шумов способствует утомлению.

Люди видны только на остановках, там развешены флаги, но отсюда они не очень-то видны. Сегодня шестидесятилетие переименования города. У нас все тихо, хотя мы слышали о праздниках по радио и

телевизору. Это, наверное, где-то там в городе, наши же пространства растворяют все, все признаки праздников. По ассоциации, когда мы говорим о пейзаже, то имеем в виду пейзаж малых голландцев, пишут в газете о традиционных швейцарских праздниках, одному из которых триста лет. Ничего более не похожего на наши праздники я представить себе не могу. Пишут о деревеньке, не признающей григорианского календаря и празднующей Новый год по старому стилю. Это наша зависть к чужой упорядоченности проявляется в таком подходе. Кончатся вести из дальних стран, и начинаются объявления. Это то еще, что я слушаю. На этих же днях празднуется сорокалетие снятия блокады, так что праздник вдвойне. К сожалению, сегодня никуда не надо, у меня совершенно нет денег. Уже двадцать шестое. Весной не пахнет, но что-то в такой тихий и теплый день напоминает о весне, когда начнут раскрываться окна и двери. Сейчас новостей никаких нет, перечисление мест на карте. В Калининграде открылось новое здание университета, все в этом роде.

Мать, безусловно, думает о нас перед сном, и вот ночи у меня, выходит, моленные. Тут я чувствую себя вправе на все это. Три часа, и я напился уже чая. Чай идет так много, что все чаще мне хочется докупить на свои копейки лишнюю пачку. Присылали два раза посылки с чаем из Москвы, тем только и спасаемся. Верина мама, когда делает закупки в своем «Универсаме» и дают «тридцать шестой», всегда берет нам побольше, пачек по десять. Обещал Кирюша большую пачку Индии, да сгинул. Вот за всех этих людей мы и молимся Богу, в таком-то тайном родстве чаинком состоим. Надо дожидаться, по возможности, спокойнее утра и ехать в город. Я думаю, что визит к врачу стоит того, чтобы здесь чая быть набуханным, укуреным, от чая сытым. Мне и остается исповедовать эту

успокоенную чайную сытость в ночные часы, когда легче сосредоточиваться. Мама вымолила мне покой. А в утренние часы — спать. Раньше так не было. Я просыпался рано — в пять, в шесть, и вот, не продравший глаз, готовил себе чай. Теперь я делаю это в более успокоенном состоянии духа. Отвариваю и переливаю в джеззу вторяк, споласкиваю чайник и выплескиваю старую заварку, засыпаю новую, помногу, вы даже не представляете, какой крепости у меня утром чай. Заливаю заварку вторяком и прокипячиваю все это обязательно под присмотром. Конечно, я привык все это делать автоматически. И так, чай идет у нас первым, а бублики — вместо всего остального. На столе рассыпаны аккуратные папиросы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что они обильно крошатся. Я выбрасываю пачку раньше, чем окончится содержимое. Почти все окна погашены. Темный, почти неразличимый стоит за светофором автобус. Потом он медленно, едва слышно трогается и скрывается. Сейчас спят все привыкшие к совершенно другому ритму. В самом деле, чем хуже спать утром, когда люди больше всего приходят и уходят из домов? Этот новый ритм выработался сам. Все время я могу прилечь, полежать, но спать еще не хочется, а часто хочется курить, и я встаю, а перекуры затягиваются до утра.

Так я сам врач (и в первую очередь сам себе), но я своих пациентов не вижу и вот в это верую, что своих видеть и не надо, важно только, чтобы они были своими. Эта уверенность развивается сейчас, я позже приведу какой-нибудь другой пример из того же ряда.

Я верю в то, что со своими встреча нас ждет, если мы были праведны. Эта вера как-то всколыхивается повременно, и закрадывается сомнение, не сменится ли она жутким каким-нибудь безверием. И вот в это вот верю. Так я могу это повторять за каждой мыс-

лью, но дух этой спонтанной веры отрывочных убеждений передан верно. Даже неважно, кто вселил в меня эту уверенность, можно сказать, что она мне свойственна. Кто-то поддержал меня, и прежние разочарования кажутся не захватывающими самого ядра существования. Это вера какого-то сердечного восклицания, но как ее ни называй, ни характеризуй, дела это не меняет. Я верю в то, что вот тут что-то не подведет, т.е. в то, что все состоит из уверенности в том, что каждая вещь уже есть вера и что поэтому вера во всем. Короче всего можно так сказать, что тот, кто находится на этом пути, с настоящим безверием и не сталкивается, а то бы его шарахало так, что никакое бы лечение не помогло, и вот это-то существование в сфере веры постоянное и доказывает существование Бога... Здесь начинают зажигаться окна, когда я еще и не думал ложиться. Боже, как рано встают люди. В четыре уже начинают подниматься, они работают, наверное, так далеко. Вот это приходит на ум особенно часто. А уже почти пять. Время пролетело незаметно. Надо довершить эти записи до утра. Просто и не быть и не казаться вором. Просто не быть среди людей. Есть соблазн зайти в метро в академический ларек. Я изображаю человека, у которого на уме текущие хозяйственные заботы на первом месте, в день, когда продают «Курьер» с Борободуром, я обхожу журнальный киоск так, чтобы этого не видеть. Якобы у меня все сосчитано: три «Беломора», хлеб такой-этакий, чай, не знаю, что там еще — вино, думаю, довольно.

Этот молитвослов посвящен той, что сейчас сидит, и слово бы себе дал из дома не выходить, не попадаться ни при каких беспорядках, лишь бы так не попадаться. Я последние десять лет только и делал, что пил, да курил, да писал еще в «Часы», да рисовал. Тонна чая, небось, и была отпущена. Это я все о мате-

ри, но вот на что-то такое, как «все пройдет, сын мой, все пройдет» отца, дважды напарывался и верю, что и не избег. Я верю в то, что постулаты отца выдавали гораздо большую человеческую твердость, но как знать, если бы мне пришлось учить сына... А так учишь самого себя. Я верю, что тот сам дитя, у кого нет детей. Даже не десять, пожалуй, уже больше лет, я так рассеянно провел за питьем чая, нигде не бывая, кроме как у Эллы, много было и вина. Я не только не прав был, но и этого чая он больше не пил — модель его высказывания такова сейчас. С изучением себя и сталкиваешься. Ночь на дворе — какая темень. Начинается слабое движение. Как-то там? Там все не так — чая никто не даст, а надо вставать, соблюдать режим. Там еще строже, нельзя быть за вора даже приняту. Может быть, все же что-то попадает на глаза и составляет опыт? Редко памяти нет настолько, что я ничего не замечаю. Как же плохо ей должно быть сейчас, там даже и не покуришь. Я хорошо знаю порядки психиатрических лечебниц, но вот специально на принудке никогда не был. Может быть, в этом и вера. Она такого огромного срока не заслуживает. И все переделав, и повеситься, и видим. Так, кажется, говорится, но я повторяю, что это только модель высказывания, калька. Что способен человек, он способен годами копить усталость, никак, фактически, не отдыхать. Как это может быть? Я даже представить себе не могу ничего подобного. И вот у человека накапливается ощущение, что достаточно память изгнать и пройдет с ней вместе все.

Сегодня мне и стоит встать пораньше. Я побрился вечером, и никак особенно готовиться не надо. Не забыть захватить лекарство, может быть, в диспансере его и нет, такое бывает. Но перед тем как вставать и собираться, я могу еще немного расслабиться.

Сборник «Традиционная культура Китая» весь посвящен памяти академика Алексеева. Мне не по карману. Выбросили в продажу «Фламенку». Ее разбирают очень охотно и быстро. Книги по русскому говору, исторические словари продаются свободно. Иметь бы побольше денег... Таким образом, усталость до беспмятства является для меня непреодолимой вещью. Но я долго не понимал, что всецело подчинялся ей. Даже теперь мне не представить во всем истинном размере, до каких же пределов распространяется ее власть. И сейчас я ловлю себя на том, что совершаю нечто под влиянием усталости, и мне приходится побыстрее сматываться. Успев до трех переделать дела в диспансере, я делаю необходимые по дому покупки. Поскольку на «Звездной» вермут сегодня дешевый, по два сорок, азербайджанский, у меня в руках оказывается немного денег. Я покупаю два пакетика молока, кажется, Вере оно сегодня не положено. День сегодня выдался как раз темный и пасмурный. В центре так много народа, а на Петроградской нет. Пивное заведение заперто на висячий замок, в розливе бутылку портвейна подешевле сегодня не купишь. Удар ситечком по чайнику, чтобы стряхнуть нифиля, как удар гонга, привлекающий внимание к чаю. Пусть дольше служат обувь и верхняя одежда, и даже то рубище, в котором я хожу дома, залитое чаем и рваное, пусть дольше прослужат, это теперь я так молюсь, прежде чем выпить чая. Мне хочется и из этих, кажущихся в чем-то окончательными, заметок сделать свои выводы. Кажется, я успеваю в этом. Помнишь еще? — «Из всех страстей апатия самая возвышенная страсть, и, в самом деле, нет страсти более возвышенной, чем она...» Беккет. Мое условие, чтобы за деланием выводов мне не надо было уставать от беспокойства, мной принято. Я волен в своем распорядке дня; рыбный суп не успел сегодня приготовить. В

такие дни, когда мне надо ездить в город, Вера дает мне всякие поблажки. Сама моет полы, не печатает, только вечером, почти ночью, просит приготовить чая со сливовым джемом и тихонько сидит, читая свою нескончаемую фантастику. Вот и все дела за день, не считая ее работы.

В газетах от двадцать седьмого сообщается о сильном землетрясении в ста километрах от Лимы, имеются разрушения и в других городах, и о подземных толчках в Таджикистане, эпицентр находился на территории Афганистана. Здесь жертв и разрушений нет. Вчера ничего об этом было не слышать. Вот и польза от газет. Может, прослушал сообщения по радио.

Сильный рыбный дух наполняет квартиру. Как я голоден, если такой неаппетитный запах вызывает чувство голода. Пью «Грузию» помаленьку, но от этого чувство голода не проходит. Сначала рыбку, несмотря на то, что она соленая, нужно обжарить, а потом переложить в кастрюлю с водой. Эти снетки такие крупные. На сковороде все это выглядит примерно как шпроты. На второе есть гарнирная морковка. Моя обязанность утром приготовить свежий чай и собрать что-нибудь Вере пожевать. Сегодня мы просыпаемся поздно, перед двенадцатью часами. День морозный, восемь градусов, и это чувствуется. От голода ли, от холода ли, чешется голова и озноб пробивает. В сводке говорят, что по области ночью будет до двадцати, но в городе поменьше. Потом потеплеет. Сегодня мне выходить не надо, и я думаю, что все эти благие начинания разрушу, как только Верочка уйдет, ей надо к своим. Там она и купит вино на завтра, а ночевать будет у родных. Я остаюсь один, и какой бы вкусный суп ни был, все это по боку. Я не скучаю, делать ничего не хочется, остается ходить, да думать, да подваривать время от времени чай. Когда беломор уже начинает напоминать вкусом лук, я понимаю, что

надо поест. Все делается быстро. Открыть банку с морковью да отварить сосиски — минутное дело. Несмотря на то, что мы проспали все на свете, как будто бы все успеваем. Когда хочется есть, а пище еще надо постоять на огне, а на улице мороз, чай начинаешь готовить поминутно. В три я смогу пообедать и покурить. В щель в занавеске вижу, как по улице ходят люди. Ничего особенного не заметно, только дорожки наши, как нарочно, накатанные, скользкие, как каток. Люди ходят осторожно, стараясь не поскользнуться.

Для эпоса: пылевые бури на Северном Кавказе и очень сильные ветры, которые постепенно начинают слабеть, а на Сахалине бушевал циклон и железнодорожные пути расчищают автомашины. Все это далеко от нас. Говорят, что юго-западный и восточный ветра столкнулись где-то над Татарией и там сильный мороз. У нас день был опять солнечный, праздники кончились, Романов уехал. Завтра буду слушать музыку, это маловероятно и заманчиво одновременно. Я поглядел на небо — звезд не видно, небо синее, земля промерзла, повсюду лед, и зимняя красота, вследствие этого, как-то приелась. Чувствуется холод. За обедом пьем «Агдам» и сразу спим, но кое-что все же я вижу из «Международной панорамы» и слышу по приемнику. Новости различные. Потом из программы «Время» я вижу часть. Вчера показывали пожары в Лос-Анджелесе — последствия урагана, сегодня о стихиях ничего не говорится. Сейчас самый спокойный период моей жизни, мне не приходится напрягаться и делать усилия, наверное поэтому я фиксирую какие-то события, происходящие на других континентах, но это не сплошь. Ночами чая не пил, и у меня появилось новое развлечение. Пока ничего не делаю, хоть эти заметки буду писать, не хочется завернуться совсем с головой. Заходил в гост-

роном, там появился новый продукт — жидкий концентрированный чай с лимоном и сахаром. Значит, не подойдет. Разлит по баночкам, почти черный на вид, каждая баночка стоит рубль двадцать. Я покупал, что и обычно — хлеб, но на этот товар поглядел с интересом. Верочке Бог послал полкило сыра за два рубля, так мы и устраиваемся с питанием. Теперь можно готовить мясо под майонезом. Спрошу утром — не сегодня ли? А так я готовлю бульоны или супы, и в мои обязанности входит заваривать чай, чем я и занимаюсь постоянно и уже и ночами не могу остановиться. Больше меня его, наверное, одни сторожа на стоянках пьют. С ними связь у меня потеряна, прервана. В холодные дни больше времени провожу под одеялом, но вот в такие, как сегодня, еще ничего, двигаюсь нормально, хожу и все делаю, раздетый, как обычно, хотя под одеялом ощутимо теплее. Хочется и двигаться, не только лежать, но вот из дому, как ни странно, не тянет. Все время провожу дома, так же и у мамы, это прямо условие покоя.

«И для тебя нет мест, где б я ни был. Возьми Афганистан, Кавказ, Германию, даже Францию. Не жди, что кто-то нас поймет». Волковка течет мимо кладбища одноименного. Все ближе строительство. Я вижу еще зори над Волковкой. Раньше так бывало, я возвращался в час заката, когда уже горят фонари на ярком небе. Каждое такое впечатление долго не изглаживалось. И ночами, когда мне случалось проезжать среди кладбища, я постоянно имел в виду краски заката. Солнце, севшее за железнодорожной насыпью, за всеми железными дорогами в той стороне, небо, сияющее какими-то оттенками чайного цвета или палой листвы, но обязательно желтое и даже ослепительное, не заслоненное никакими постройками. Кстати, больница будет первым высоким зданием у кладбища. И, конечно, сами кладбища в центре внимания.

Начиная с Расстанной и все время пока едешь по Камчатской, а потом и по Бухарестской, Фучика, до самой Будапештской, с одной стороны от дороги — кладбище. Как ни давно оно существует, но на нем хоронили еще до последнего времени. Деревья всегда тихи на закате и большой массой очень впечатляющи. К чему бы ты ни привык, не забудь, что твой отец похоронен рядом с твоим домом. Пока еще это острова леса на пустырях, но подо что-то их пустят. Никогда состояния природы, тихие, так сильно не выражены, как в эти моменты. Сама городская дымка гораздо виднее и ощутимее, когда смотришь отсюда. Растворяются дымы в безбрежности позолоченного неба. Лишь бы не сплошная серая мгла, как в наших краях нередко в этот час. Запоминается все так, как будто это исчезнет, и в этом полным-полно уверенности. На Камчатской среди деревьев, в стороне от шоссе церковь. Никогда в ней не был, но на старое кладбище ходил гулять не раз. Кладбище раздвигает улицы, и здесь они очень широко расположены и далеко одна от другой. Если что-то скрыто в природе загадочное, то на закате это видно и ближе всего к своей разгадке, к которой вплотную и приблизиться нельзя. И позже, когда небо догорает, а с востока уже надвигается тьма. Выходит, что дом покупался на всю жизнь, осмотрительно. Такого парка здесь никогда не вырастят, хотя за железной дорогой есть парк, не уступающий красотой и возрастом деревьев.

В самом начале Невского — выставка китайца, народа мало, нет. В «Книгах стран народной демократии» полно репродукций — никого. Людей привлекает совершенно другое, а вся эта демократия на таких, как я, держится.

Мы выпили бутылку «Белого крепкого», и я дал себя подстричь. После этого я пошел и помылся в ванне. Чтобы не было холодно, я лег спать и заснул,

и проспал программу «Время» и проснулся только в половине двенадцатого. Я встал, Вера легла. Я чувствую себя налегке после бани и стрижки, думаю об иконах. Вчера Кира приносил каталог выставки Тиссен-Борнемисса, и Вера смогла посмотреть на эти картины, вернее, на репродукции. Все картины отрепродуцированы, прекрасный текст, очень интересные биографические справки. Как ни странно, но о таких деталях, как то, что натюрморт принадлежит кисти Химен-и-Леона, а не Сурбарана, заявляло телевидение еще в день ее открытия в Москве. А вот Тинторетто нет. Пока я спал, Вера сварила щи и удивляется, как я этого не ощущаю. Варю чай, я и заснул при крике Веры, когда она обнаружила, что в коробке осталось всего две пачки чая. Теперь кто-то приедет из Москвы, Оля ли с мужем, или и мама с ними, еще не знаю, но чая подвезут точно. Тут все дело в паре дней — нам надо до субботы пару дней переждать. Интересно, что мама надумала вернуться, с делами что-то у нее не вышло. Точно едем на Ленина и встречаем молодоженов. Я Сергея никогда не видел. Пока впереди половина недели, а все кончается, надо что-то предпринимать. Книги, подаренные мне на день рождения, как были положены на кухонном столе, так и лежат стопкой, я заглядываю в них по очереди, но очень коротенько, только песни Далай-ламы прочитываю все с комментарием. Самое приятное, что в тех стихах, где говорится о его скитаниях в Лхасе, он называет себя Данзан Бангпо, а я на одном этюде в углу написал по-тибетски не так давно: Лобсан Данзан Джамцо, над воротами какого-то дома, не то китайского, не то тибетского. Кира сказал, что в воскресенье по телевизору будет передача «По направлению к Тибету» о коллекции Цыбикова. Под той же рубрикой «Шедевры Эрмитажа». Надо обязательно не проспать. Случайно и удастся увидеть все. А вот эта

прическа, под Ирину Константиновну, уже и говорит обо всем. Человек спит и во сне видит, как он поднимает свою текущую идентификацию и жизнь людей, — это попытка поднять до уровня сознания свою идентификацию, и, тщетно пытаясь добиться этого, человек устает, и засыпает вновь, и видит во сне уже дальнейшее идентифицирование, и снова встает, и стремится вывести ее на поверхность. Те, кому это удалось, спать никогда не хотят, за исключением того времени, что спят, и в этом смысле все верят в сны. Но в те, которые запоминают, а есть более глубокая уверенность, что сон снится всегда, как бы человек ни спал, просто он не отдает себе в этом и отчета. Таким образом состояние сна без сновидений отодвигается куда-то в тень нашего понимания, ведь предположение о том, что типичное забытье и есть это состояние, так предположением и остается. Либо это уже какой-то великий сон, сродни нирване. И эти вечные идентификации, относительно которых просто и не знаешь, как себя вести, и создают все характерное в поведении людей, это прямо воздух того, что зовется жизнью, и недаром ее называют кладбищем несбывшихся надежд. Действительно, все обозримое пространство — это свалка наломанных идентификаций. Это и воздух и земля и свет одновременно. Часто люди ошибающиеся выглядят особенно ловкими в подходе к этой проблеме, таких людей я знал. А людей, живущих в соответствии с этим законом, немного, большинство — несогласных с такой постановкой вопроса или подчеркнуто апатичных в этом плане. Другие, как игроки, смотрят на это, по-ихнему, тут что-то от карточной игры. Но быть профессионалом признанным еще не значит пользоваться той свободой разнообразной деятельности, которую дает только следование дхарме. Ведь чудеса могут происходить и в самой спокойной обстановке, вот и при-

ходится признать, что готовность испытать чудесное есть особый дар, бесценный и ни с чем не сравнимый. Смею надеяться, что повидал и такое. Но, выдав и таких, я должен понимать, что от жизни больше пожелать и нечего, а приближение к идеалу бесконечно. Варю чай. Победит закон сансарического идентификаторство, что-то убеждает в этом. Я много пью чая и могу много записывать, и, в конечном счете, эти записки — наименьшее из того, что я мог бы сделать. Вот тут понимаю, что вышесказанное так и просится открыть собой заметки, но нет — всему свое место. Недаром это рассуждение оказалось в этом месте, не созрев, мысли не готовы, а сегодня я почувствовал какую-то готовность.

Костром горит светофор сразу красным и желтым светом. Видно, что на улице холодно, под сплошным льдом блестит дорожка. Людей почти нет, те, кого вижу, проходят торопливо. Не включали городское освещение, и все в голубой дымке сумерек. Блестящая белая снежная дорожка — самое светлое на этой картине. Час, когда я разогреваю обед, особенно уже около шести, мне приходится прождать Веру. Вот опять не ее шаги, ведут мимо нашей двери, или лифт доехал до не нашего этажа. Иногда она появляется неожиданно. Заболеваю, даже к Кире отказался не зря поехать, чувствовал озноб. Вот и приходится по ночам чай распивать. Сна нет. Поднялась температура. Только тут достаю из шкафа свою спасительницу, всю изрезанную и залатанную английскую кофту. Почему только теперь? Поди ж ты... В кофте еще ничего, а так зябко. Маргарет Тэтчер едет в Венгрию, каких еще чудес нужно ждать от жизни? Я знаю, что простуда сильнее меня и свалит в постель, но пока можно походить, попить чифир, покурить. Плынешь под температурой, и кажется, что все это уже было и точно так же я заболел перед маминым приездом. Когда?

Может, лет двадцать-тридцать назад. Ощущения все знакомые. Вера умудряется сделать закупки для той квартиры, то не достать ничего, а тут сразу накупает сыра копченого, сосисок и соломки. Чаю для того дома. Я подумал, в какой захолустный угол Петроградской превращается весь наш микрорайон в связи с тем, что автобусы маршрутные больше не ходят по улице Ленина. До любого автобуса надо стало остановку пройти или подъехать. Но так мы тоже жили, когда мы не понимали, есть ли за стенами нашего дома, нашей комнаты, что-нибудь, кроме темной ночи. Кира приглашает к Герте Михайловне. Все зависит от того, как буду себя чувствовать. С гриппом в гости неудобно идти, туда, в столичные апартаменты. Так вот начищаешься, готовишься к чему-то, а потом вдруг заболеваешь, значит, уже перестарался. Я очень хорошо знаю в себе признаки болезни, и меня трудно застать врасплох. С небольшим недомоганием я справлюсь; не было бы гриппа. Сейчас я знаю, что отговорюсь от любых приставаний, зараженность оптимизмом так велика и явна. Человек ведь имеет в своем составе две доли: оптимизма и пессимизма, и вот сейчас выявляется первая. А так я превращаюсь на какое-то время в ординарного слушателя последних известий по радио. Очень немного вычитываю из газет. Все еще есть с чем сопоставлять происходящее, хотя люди, которые внушали мне поддержку, умерли или находятся так далеко, что до них не достать никоим образом. Запереться снова в комнате у мамы и воспринимать все звуки, как вой ветра за стенами жилища, что нам предстоит? Или пожить всем трем в квартире с японской музыкой?

Китайский Новый год 2-го февраля. Хороший грузинский чай «Эгриси». Если насыпать заварки побольше, с полкулька, получается отвар, от которого витаешь в воздухе. Этот чай, заключенный в аккуратные

пачки, с рисунком серо-зеленым, стоит семьдесят шесть копеек, не из дорогих. Вот «азербайджан» — он стоит дороже. Звонил Кира, говорит, что взял для нас немного «Цейлона» у Миши. Я так и представлял, что это тут произойдет, какая-нибудь радость обнаружится. Даже думал все о «Цейлоне» — он-то должен бывать в продаже. Этот чай дорог, его подают перед концом. Создается новый запас, «Индию» любят больше. Смотрим, что из-за болезни мне, наверное, не придется ехать встречать Олю с мужем. Выпиваем «Диллера», не пьем, а лечимся. Сил хватает только досюда, все еще Новый год. Увидал, как по трамвайным рельсам ехал паровоз, на этот раз маленький паровозик был положен на трамвайную платформу, без колес и очень старый. Это, действительно, прямо навязчивое видение, «Человек-трамвай» какой-то. Почему мне так хочется видеть городскую железную дорогу и трамвай, не зависящим от подачи тока в контактную сеть, а передвигающимся автономно. Я видел его так коротко, что, не записывая я этого вот здесь, и это видение уличное, где-то на оживленной транспортной магистрали, в разрыве между транспортом, оказалось бы внедренным прямо в подсознание. Надо быть заметливее и отдавать себе отчет. Все дело зависит от того, что мы забываем из того, что видим странного и необычайного, и даем ему внедриться глубоко в психику. Потом ведь всегда находится кто-то, кто ничего в этом странного не находит. Вот причина постоянного несовпадения людских взглядов и причина бесконечного конфликта между людьми.

Наступило восьмое февраля. Чуть ли не неделю болею, даже чай, чуть крепче столовского, вызывает рвоту. Но температуру удалось сбить, а была высокая — тридцать восемь и семь. Нехорошо, мама в гостях, а я даже вина толком выпить не могу. Сегодня сто пятьдесят лет со дня рождения Менделеева, слу-

чай выпить особенно подходящий бы, но вот ведь... Выпускают памятный рубль, и у нас дома часто вспоминают его, так как под Солнечногорском, откуда мама только что вернулась, его имение и неподалеку Блоковское имение и сейчас производятся реставрационные работы. Говорят, в этом году подписка на академического Блока. Вообще постоянно упоминаются в разговорах эти две фамилии. Поневоле вспоминаю свои стихи, посвященные нашей Гавани, где говорилось о домах, построенных Менделеевым для лаборатории. А впереди у нас юбилей Хлебникова, и это будет, без сомнения, самое значительное событие из всех, которых я был свидетелем. Сейчас день и тихо, а по ночам воет за домом юго-восточный ветер и не дает ни спать, ни сосредоточиться путем. Светлые юбилеи сопровождает тишина и какая-то разреженность внутри себя. Помню, когда я стал работать на Ковше, я испытывал постоянно это грустное чувство, как бы сожаление об бесплодно растрачиваемом времени. Прекрасная дорога вдоль Ковша на наш завод всегда производила такое впечатление. Мне постоянно казалось, что эти места больше подошли бы для курорта или для съемок «Острова сокровищ», а не для добывания этого «крылатого металла», я говорю о зарботке. В час, когда люди начинают стоять на остановках, а транспорт еще не ходит, когда не началась еще утренняя круговерть, а на дворе темно, хоть глаз выколи, даже не похоже на Ленинград, я встаю приготовить Вере завтрак. Ей еще можно поспать с часик, и я все делать стараюсь тихо, чтобы ее не беспокоить. Теперь и мама здесь, но она утром спит крепко и ей я не помешаю. Удастся, бывает, что-нибудь и записывать в это время. Чувствую себя гораздо лучше, не тянет все время в кровать, не подташнивает. Снова могу пить чай, пока с молоком. Новостей у меня никаких нет. Сегодня должен прийти телеви-

зионный мастер, что-то испортилось в телевизоре, и передачу «Путь в Тибет» мы почти только слушали, так как не было устойчивого изображения. По счастью, в ней мало что было нового и незнакомого, в основном изложение обстоятельств экспедиции Цыбикова, но кое-что все же говорилось интересного о большом комплексе скульптур, размещенных в разных комнатах, чего я не знал. В этот же день в «Клубе путешественников» показывали город Наровчат и его пещерный монастырь, третий на Руси, после Киевской лавры и Печерского монастыря. Вот эту передачу жаль, что плохо видно; материал интересный. А так все о правительственных визитах, да об охоте на дипломатов с Ближнего Востока, которая развернулась в Париже. Говорят об американских космонавтах, об их успехах и неудачах. Индонезийскую «Полапу» запустили неудачно, и она вертится на орбите незапланированной. Говорят, что при следующем запуске «Челленджера» американцы хотят захватить какой-то неисправный спутник и отремонтировать его. Все в этом роде. Пишут в «Известиях» об ужасном циклоне в Магадане, ветер сбрасывал перекрытия с производственных корпусов, и о жертвах циклона в Южной Африке. Сейсмических новостей нет, но с начала года их уже было предовольно, думаю, вырезок набралось на картинку, еще не знаю, как ее сделать. Новые сообщения о борьбе с контрабандой наркотиков — шеф монреальской полиции утаивал часть конфискованного гашиша и героина и схлопотал четырнадцать лет; один француз, официант из Парижа, провез в туфлях в Польшу два килограмма героина и был задержан, так как туфли были очень большие. Будут судить. Отмечают десятилетие независимости Гренады, жалуются, как плохо там под американской оккупацией. Война в Ливане, новое правительство, «Нью Джерси» обстреливает из главного калибра горные

местности, говорят, что морских пехотинцев передислоцируют из Бейрута на корабли. У нас все занято подготовкой к выборам в Верхний Совет, а в Никарагуа отложено обсуждение законопроекта о выборах в связи с нападениями Гондураса. Некоторые из этих новостей еще долго будут обсуждаться и не сойдут с газетных страниц. Читаю, очень понемногу, Вячеслава Иванова, кажется, начал привыкать к нему. У нас немного русских стихов, но есть Иванов, Батюшков, Веневитинов. У Веры несколько томов Большой серии, но не такие интересные.

Восьмого запустили «Союз Т-10» с тремя космонавтами. Программа прежняя, стыковка и работа на станции. Вот самая главная новость, пожалуй, из сегодняшних. Биографии публикуются в печати.

Девятого февраля умер Ю. В. Андропов.

Принесли Хаттака Хушхаль-хана, избранные стихотворения в переводах Мих. Еремина.

«Спит мирный семьянин, пока беспутного дервиша
Морочит призраками счастья опиумный мак».

Книжка очень симпатичная и переводы, должно быть, хорошие. Я постепенно поправился. Начали сниться сны, где все время я в какой-то компании людей, которым не доверяю. Снятся различные ситуации, но это во снах общее. Только на барахолке, разбитой на Кузнецях, я как будто бы один, но и тут все время останавливают и предлагают посмотреть то-се. Выпускаю из рук синюю книгу о мартинистах, рассматриваю меха, графины, как будто отбираю вещи, принадлежащие мне, а когда прохожу ряд до конца и начинаю возвращаться — все уже исчезло, импровизированные лавки разобраны, из окна второго этажа смотрит какой-то крашенный в ржаной цвет субъект с синяками под большими глазами. Кто-то

подсказывает, что это художник, рисующий здесь учителей, а в окно он так сильно высовывается, чтобы присмотреть какую-нибудь уличную натуру. Хотя он меня видит, но ничего не говорит. А в том месте, где я нашел вещи, по праву принадлежащие нашей семье, открылась боковая улица, где еще нет движения — поперек натянуты веревочки и вдоль, кажется, тоже, как если бы она была только что заасфальтирована. Фасады небольших, выступающих на улицу или прячущихся в палисадниках домов все разноцветные, один — самый современный куб, синий, другие терракотовые и бежевые, есть и серые, наши обычные, но в целом улица производит не ленинградское впечатление. Другой сон: я, в группе каких-то пушкинских лоботрясов, с Геной и какой-то миловидной дамой, оказываюсь в районе нашей, на Блохиной, церкви, где на этот раз разбиты какие-то летние кафе. А выходит так, что этот прекрасный теплый день приходится на середину зимы, и вот люди, которых день застал случайно, на улицах, на Большом, в зимней одежде, а те, кто гуляет в садике, превосходно чувствуют себя в легкой одежде. Мы начинаем путешествие по набитым залам каких-то шашлычных, где все или играют в застольные неведомые групповые игры, или стараются сорвать что-то друг с друга. А у меня, кроме куска анаши, в карманах ничего нет, а это я скрываю и мне неприятно очень, что все выглядит так, как будто я пытаюсь выпить на дармовщинку. Я пытаюсь скрыться от честной компании, и с большим трудом мне это удается. Но у касс Юбилейного, где какие-то помещения секций коллекционирования, я попадаю в руки коллекционеров, которые что-то хотят сменять мне из своих вещей. Такие цветные сны, не очень угнетающие, но очень странные. Я как будто только в конце дня, под вечер, могу остаться один, попасть к маме на кварти-

ру, может быть, покурить спокойно. Конечно, есть еще и другие детали, всего сна не опишешь, весь интерес в вещественных подробностях, да в том, как об этом говорится. Потом уже сплю без снов, но при включенном телевизоре, которого я не слышу. Днем почитал «Мудрое вдохновение» Завадской о Ми Фу:

«Великое умиротворение опьянения»

[На] очаге, [который зажжен] на ветру, кипит чай,
ножом острым, как льдинка, разрезана дыня.
Мелодичный женский голос проникает сквозь
москитную сетку
Да посреди озера цветы — водяные лилии.
Высоким гребнем подняты ее волосы.
Как соблазнителен и как красив затуманенный
румянец ее щек!
Своими прекрасными пальцами она заставляет
дрожать [струны] циня.
Не попросить ли мне для питья душистый напиток?

Кира приносит баночку марокканского чая, серого, как графит, свернутого в шарики. Когда его варишь, каждый шарик распускается в довольно крупный зеленый листок. И этот отвар пьем помаленьку, но Миша сразу просит себе простого русского чая. Я завариваю «тридцать шестой», как всегда немного чересчур крепко. Мы выпиваем по две дозы, Кира говорит, что от него сон пропадает, кажется, правда. Или единственный чай на западе Африки, навевающий дремоту? Так и так можно попытаться его охарактеризовать. Но за смерть непосредственно и курят. И вот как бы исподволь готовься в дневнике к этому самому. Этого бы довольно в качестве содержания или основного пафоса всего этого в целом. Те сны куда-то как бы отодвинулись, и ты видишь новые сны о смерти. Сегодня дома даже Веры нет. И это курится. А завожусь я, как видите, с пол-оборота.

У нас есть еще килограмма полтора хорошего чая, а всего кило с два. Пока перебиваемся. Завтра будет вино — день воскресный. Позже вставать. У нас можно хоть вовсе не вставать. В эту субботу мне несказанно повезло. И опять-таки все выглядит вполне естественно, значительность момента дает основание чем-то его выделить из ряда обычных моментов.

Ветер утих. В газете пишут, что в области намело пятиметровые сугробы и было прервано сообщение. Передают, что в Австрии, Венгрии, Швейцарии и по всей Италии, вплоть до Сицилии, выпали большие снега, много людей погибло. В Югославии переносят соревнования. А в Северной Европе реки вышли из берегов: в Бельгии, ФРГ, Англии. А на той стороне земли, на Гавайях и в Штатах — извержение вулканов — Килауэа и Хелен. Не смог найти Хелен на карте. Есть такой город. Впервые приснилось что-то похожее на картину, какой-то свиток. Годится для школы, как пособие. Неприятный сон. Даже в Китае и в Японии снегопады. У нас так много снега не было. Миша рассказывает про Кандалакшу, что там из дома выходить не стоит. До глубокой ночи показывали «Место встречи изменить нельзя».

Уголок зимней природы у нас на балконе. Ящики для цветов, пол балкона и большой зеленый бак замечены снегом. Нужно рассматривать все это как очень простую картинку, лишенную сосново-кафельной красоты, с которой мы имели дело в Скворешнике. Следы птичек на снегу — вот единственное, что нарушает симметрию. Зимой мы на балкон не выходим. Любоваться из нашего окна нечем, дома новой постройки очень однообразны, только кусты и деревья останавливают взгляд. Здесь нет покатых крыш и деревянных изгородей, поневоле внимательнее приглядываешься к людям, а это не очень интересно. Хотел записать, что утренние сумерки не таят в себе

голубизны, предвещающей ясный день. Хмурый рассвет и поползновения людей какие-то будничные. Становится все теплей, завтра обещают от минус одного. Наши рассветы содержат в своей сердцевине огни автобусов и троллейбусов, а они быстро становятся неприятными, однообразными. Люди меряют шагами пространство на остановках, несколько шагов в одну сторону, несколько в другую, а потом садятся на автобусы и пересекают большие пространства, перемещаются по городу, отчужденно поглядывая на все их окружающее. Хотелось бы более красивой картины перед глазами, но приходится только помнить о другом.

В издательстве «Искусство» вышла монография В.Г. Брюсовой «Русская живопись 17 века», напечатанная в Милане. Некоторое время что-то готовилось по иконописи, я спрашивал, но у Киры ничего нет, только небольшие книжки с английским текстом. По иконописи книг очень мало издается, а эту наверняка не достать. Я, помню, случайно купил книгу о коллекции Корина, потом пришлось продать, да еще большой альбом о тверской иконе как-то попался. У меня иллюстрированных изданий своих вообще нет, а кроме того, я, наверное, самый обделенный иконой человек. Впервые я увидел иконы у бабушки, когда мы вернулись из Германии. То, что я видел написанного на камнях, мне не показалось, да и в иконостасе ее я так и не разобрался. Тогда книг таких совсем не было. Помню, как на Коневце отец показал мне фреску — основатель монастыря уводит с острова змей. Даже на «Курьер», посвященный русской иконописи, я смотрел, как на чудо. Был всего один образ у меня, из бабушкиных, Анны Кашинской — отдал за омнапон. У меня никогда не было креста или складня, то, что появлялось где-то рядом, не задерживалось ни минуты. Пожалуй, у нас, как не ищи,

даже одной репродукции не найдется иконы. Все это вытеснено дальневосточным искусством. Все больше и больше вещей я вижу как до нас не доходящие, в том числе — икона. Вообще-то, и все это на нас не распространяется, издается Бог знает для чего, так что мы, как воры, и имеем что-то о Дальнем Востоке, пользуясь тем, что это не очень популярно. Доживем до времени, когда и за это будут прихватывать. Посадили одного спекулянта иконами, при обыске у него нашли пятьсот досок, я имею в виду Рулева-Когана. Дали двенадцать лет. Как видно, икон много. По оценке у него всего, с антиквариатом, конфисковали на четыреста восемьдесят тысяч ценностей. А жена отделалась легким испугом. Пью чай, чихаю. На улицу по-прежнему не тянет. Сколько времени я уже просидел так у Веры? На Блохиной была пыль другая, ее наметало на подоконник и на мебель, и я даже представлял себе, что это мои сухие сады — пыль, да случайные, грубо обделанные или старые вещи. А здесь мебель полированная и Вера следит за чистотой, а пыль до того белая и мелкая, что ее и не разглядишь. Мне кажется, это не дает и натюрморта составить. Цветов у нас нет, а до весенних веточек еще далеко.

Выкопали и увезли деревья, те, что росли возле дома, те, что повыше и потолще. Остались ямы, запорошенные снегом. Пока производилась погрузка, по радио передавали выступления Черненко К. У. и Тихонова Н. А. Выбрали Генеральным секретарем Черненко, передали его биографию. Теперь возле парадной остались одни кусты. Наверное, подсадят еще кустиков. Вход оголенный. Пора суп варить.

Сегодня четырнадцатое февраля. Похороны Андропова. День рождения Эллы. Пятнадцатое. Сретенье, днем землетрясение в Джизаке — шесть баллов. Говорят, сгорел костел на Невском, который так долго ремонтировали, что в сорок восьмом году в нем сго-

рел городской архив. Теперь там должен был быть устроен зал органной музыки, но орган еще не установили. Рассказывают, что пожар продолжался несколько дней, с десятого числа. Пропали все труды реставраторов.

На полигоне в штате Невада провалилась земля через три часа после подземного ядерного взрыва. Двенадцать человек получили ранения, показаний на радиацию нет. Завтра буду на Невском, надо посмотреть, как выглядит костел, зайти в киоск «Академии», зайти домой за сборником со статьей о Хлебникове. Вообще из книг кое-что просмотреть, может, взять с собой. У меня они совершенно даром пропадают. Один «Контекст» с главой «У Тихона», «Статус Тибета». Что-то из этого можно не брать, а то тяжело тащить. У меня уже будут деньги, да редко тут же что-то и попадетсЯ. Верочка сходилА на лекцию об Иннокентии Анненском и теперь просит что-нибудь его почитать. Вспоминаю, как много лет подряд у меня хранился его том из «Библиотеки поэта», который я потом продал за бесценок. Сейчас он очень бы кстати. Раз ночевал у Иры Месс и там нашел зарубежное издание «Книги отражений», как сейчас помню — пятидесятый том библиотеки славистики. Теперь «Книга отражений» издана, но все, и стихи, стоит страшно дорого. Может быть, «Книга отражений» есть у Кирилла, что-то, помнится, была. Надо попросить. Везти ли сюда том Махабхараты? Место пока есть. Очень уж он тяжелый. Лучше будет на месте посмотреть. Не забыть кошелки.

Сегодня впервые после болезни выходил на улицу. У дома расчистили дорожку — чистый лед. Постепенно привыкаешь, но страшно за бутылку. В винном, когда я пришел, не было никого. «Диллер» свободно продается и все что надо из табака, за пивом очередь. Но холодно, не рискую. Страха нет, можно попросить

подогреть, но стоять в очереди не хочется. В киоске посмотрел журналы, ничего интересного не заметил. Мне кажется, что я начинаю узнавать в лицо многих местных жителей. Может, час такой. Даже у детской консультации как будто знакомые. Раньше этого не замечал. Даже милиционер у пивного ларька будто бы знакомый. Я не брился все время болезни и изрядно оброс, а завтра к врачу. Нужно не забыть разные мелочи. Верочка помнит. От «Диллера» побаливает затылок. Я принимался спать раза три в течение дня и теперь, ночью, пишу, без сна. Тихо. Все делай ночью, а читай днем. Ночью шуметь сам не станешь. Хочу сделать Эллочке картинку из чайных этикеток и газетных вырезок, да как-то упустил время. Хорошо бы под Джизак, она должна быть похожа на узбекское сюзанае — желтая, красная и зеленая, как чайные пачки — Цейлон, первый сорт. Видно, еще до конца не придумал. Почему же читать лучше днем? А почему новости узнавать лучше днем? Ночью приемник слушать невозможно. Моя комната и комната для чайной церемонии — это кухня. Вот так и живу, кроме журнала с бодисаттвой, ничего тут нет моего. Книги, что целый месяц пробыли на столе, переехали на подоконник, за занавеску. Теперь мы едим и пьем чай втроем, и больше нужно места. Засматриваюсь только на чайники и чашку на буфете — ничего более картинного вокруг нет. Наверху сложены чаи — еще много. Вот и вырисовывается кое-какая композиция. Маленькие уфимские пачки из твердого картона (второй сорт индийский) похожи на электролампочки в упаковке. Два пакета «Бодрости», сплюснутых в блин, на коробке из-под «Розовой воды», где тоже хранятся чаи — поплоче. В нашем хозяйстве все найдет себе применение — жить долго. По пачке в день. Интересно, что стограммовая пачка расходуется так же быстро, как и маленькие.

Мама собирается уничтожить письма и ненужные фотографии из своего архива. Инна просит привезти ей отцов альбом. Как жалко отдавать, там фотографии начала века, прадеда и, может быть, прапрадеда. Теперь это так модно. Вот так же и с книгами, расставался за бесценок, до того, что стал считаться за сумасшедшего и среди книгопродавцов, а теперь, говорят, тот же Анненский стоит сто пятьдесят. Даже не верится, подумать страшно. Ведь я никогда ничего не покупал из дефицитной продукции. Значит, в пятьдесят девятом году его просто не брали. Но я помню, что покупал и Хлебникова совершенно свободно, когда он выходил в малой серии — к семидесятипятилетию. Представляю, что будет делаться в будущем году. Вот что значит развели спекулянтов. Даже не жаль, что отдавал даром. Пусть у меня не будет библиотеки. Несколько книг всегда есть. В каждом нашем доме. Все равно оставлять мне некому. Все только для личного пользования. Пора становиться мастером чая. Я с ужасом думаю о том, какой же я еще художник, когда я ничего так подолгу не делаю. Но, конечно, когда работается — забываешь обо всем этом. Приятно бывает увидеть вдруг свои старые работы. Да и свежие, выходящие из-под рук, не менее приятны. Только вот перерывы непропорционально большие. Такова особенность работы. Мама скоро уедет, и тогда что же? Надо бутылку да банку с клеем, да кисти. Акварель есть. Холст есть, картонки. Мало идей, но это, может, и к лучшему. Куда их много-то? Все в процессе. Как эти записи — есть на две строчки, а пишешь и не оторваться. Попиваю чай, лечу голову. Ночью так тихо, по улице редко проезжает что-то темное, даже не понять, что это — фургон, грузовик или автобус с потушенным освещением. Мне приснилось, что я вот так, но в другом месте провожу ночь без сна, и вдруг, когда я уже не смогу

этого увидеть, мне говорят, что сегодня ночью светила яркая луна. А я наяву так соскучился за зиму, все ночи безлунные. Это как первая детская ложь, тоже связанная с луной. Как подл этот человек, этот Володя, который, хоть и во сне, пытается меня обмануть. Вот в этом явь и сон сливаются, и личность моя цельна, и связанность с ночным светилом, проходящая через всю жизнь, не носит розановского («Люди лунного света») характера. И из астрономических наблюдений напрашивается моральный вывод: не связывайся с подлецами и хамами, пойми, что большинство людей, с которыми сталкиваешься или еще предстоит столкнуться, просто плохи от природы или испорчены. Эта моральная сентенция может продолжаться бесконечно, поэтому я здесь это рассуждение не развиваю. Но и в таком виде я не даю его оспаривать. Хочется только отметить, что это самое проклятое большинство еще хуже, чем просто спорщики, которых я не перевариваю по другим причинам, из-за бесплодности споров. Люди плохи тем, что на поверку оказывается, что они хотят просто тебя выставить, или заполучить что-нибудь, или, так или иначе, скомпрометировать ближнего. Вот и держись в стороне от хамов, простых или из элиты, в данном случае все равно. Вот так астрономия. Интересно, что Кира об этом думает. Я не ошибся, когда где-то записал, что я не беру у него книги, а арестовываю их. Может быть, непоследовательно, но уж так пошло, лучше эти упражнения для руки, чем ничегонеделание.

17 февраля. И непоследовательность ничего. Это, знаете, как в нашем деле совершенно невозможно чаек не разогреть, хотя это и не рекомендуется делать.

Вчера был ветер, очевидно, посильней, и фонарь так раскачивался, что тени деревьев, как на светящемся табло или на светящихся рекламных бегущих словах, пробегали по стене детского садика тут под окнами.

Казалось, что в доме пожар начался, но нет, никто не проявлял беспокойства, хотя еще не все спали и даже какие-то люди шли с остановок. Юго-западный ветер, должно быть, редко бывает в наших краях, во всяком случае, я не замечал раньше этого эффекта. Стена садика гладкая, и силуэты деревьев совершенно так же, как строчки при письме, пробегали слева направо. В зимней темной сырости я все силюсь уловить какую-то ташкентскую небесную синеву. Чайник закипает, готовлю чай на утро. Сейчас три, а у меня уже вошло в привычку в это время выпивать чашку. Затылок не отпускает, и нет смысла ложиться. Лучше уж проведу этот день без сна совсем. Верочка купит вина. Замечал, что с похмелья лучше всего работается. Мама учила в детстве самому себе всегда подыскивать занятие уметь. Вот и приискал, как пианист гаммы, так я — дневник. Рука устает, но пока пишешь — не замечаешь. Я встаю, хожу, и кухня, со своей чайной утварью и занавесками на окне, с бумажным мешком с сушащимися у батареи нифилиями, представляется вдруг жилой комнатой, в которой только не хватает места для лежания. Мы так привыкли, что в жилом помещении обязательно должна быть кровать или хоть топчан какой. Редко я совершаю вылазки из дома. После усиленного новогоднего курения, длившегося целый месяц, все приходит в норму, в обычную колею. Я уже свежими глазами взглянул на мои обстоятельства с врачами, у новой врачихи остается уточнить кое-какие детали относительно лекарства. У меня сложилась довольно стройная картина моих дел. Я вдруг представил: когда я сижу, что я сижу? Она подорожала. Что-то раньше об этом не думал, а ведь это простой вывод. А возможность делать более простые выводы из своих обязательств должна развлекать посреди любой тоски и скуки. Становится что сказать в ответ на любые вопросы, в

результате мыслительной деятельности. Но хотел по-лежать сегодняшнюю ночь. Вот ведь не судьба.

За последние двое суток уже пятый подземный толчок в Фергане; открылась выставка натюрморта с XVI века из Дрездена и Москвы в Эрмитаже.

18 февраля. Привез репродукцию одной очень старой «Тайной вечери» среди прочих книг. Еще привез книгу Хомонова о Гэсэре и ряд других. На Невском не пришлось побывать. Сегодня должны приехать Оля с Сережей, готовят пироги, купили коньяк. День опять теплый, и все предупреждения насчет двадцатиградусных морозов относятся, очевидно, к другим районам области. У нас градуса четыре. Интересно, что вчерашние предсказатели с сейсмической станции «Ташкент» еще надеются кого-то предупредить о готовящемся землетрясении. Интересно, удавалось ли им хоть раз эвакуировать народ? Говорят, что подобное землетрясение было в двадцать седьмом году. Показывают рельефную, очень красивую карту, но о силе толчков не говорят, также не говорят о жертвах и разрушениях. Сейсмостойкий дом, который показывают в Ташкенте, настолько велик, что у нас его не с чем сравнить. Я представляю, что такой город — прямо из оперы «Огненный ангел», ничего общего с восточной архитектурой не имеющий.

Приятно найти снова книгу, считавшуюся потерянной. У себя дома нашел «Корейскую поэзию» в переводах А. Ахматовой. Дома холодно, батарея отключена, можно находиться в комнате только под одеялом. Лампа и приемник работают, но не греют. Везде пыль и известка, осыпаящаяся с потолка. Диваны накрыты тряпками, которых не жалко. Ничего почти нет, а я забираю последние книги. Провел там около полутора часов, кажется, не простыл. Все болеют, с новым врачом не удастся повидаться. Снится какая-то сексуализированная чушь, что-то о порядках новых

школ. Может, это гуру является во сне, а может, злой гений из видеофильма. Сон налаживается. Просыпаюсь с ясной головой, вовремя. Со злобой на своих знакомых и на их отношении к современной культуре. Все это шукшинская скотобаза и позорная педерастия знакомых. Снится и отец, прогулка по заброшенному мифическому городу. Кошка извивается и не дает пописать. Учитель, со своей гологрудой шкурой, как эти ташкентские близнецы-сейсмологи. Говорится что-то крайне невразумительное о вступлении Испании с Португалией в Общий рынок, а новых сведений о положении в Фергане нет.

Надо отдыхать, пока есть время, потом придется присутствовать при разговорах. Во сне успеваю пови-

дать столько народу, сколько за день, с учетом того, что я побывал на Электросиле. От таких снов только и отдыхать.

18 февраля. В отрогах Чаткальского хребта, в районе города Пап — восемь баллов. Сегодня принесли «Известия» за два дня, и в каждом номере есть что-то на эту тему. Заметка о Турции. Пишут о сильном землетрясении в Афганистане, так что в Таджикистане есть повреждения зданий. Митрополиту Новгородскому дали за активное участие в войне и в связи с шестидесятилетием ордена Ленина. Такие новости по телевидению, а вот о Таджикистане я не слышал. Подсчитали, что в Турции в этом веке погибло в результате землетрясений около шестидесяти восьми тысяч человек, но я слышал как-то, что во время одного только землетрясения в Адане или в Анталье, точно не помню, я сидел в это время, погибло или пострадало сто пятьдесят тысяч. Это было одно из самых страшных. Году в семьдесят втором. Мне тогда даже не сказали ничего, так же как о Сиди-Ифни и еще каком-то, так что это уже позже, из передачи Би-би-си я узнал. Может, и преувеличено количество жертв. Ведь вот в Тянь Цзине сперва говорили, что погибло четыреста тысяч, потом сошлись на двухстах шестидесяти. Ведь восемь баллов — это страшно сильное землетрясение, но заявляется, что жертв нет у нас. Это невозможно проверить. Места эти пустынные, я помню, что ташкентские бродяги в этих отрогах весной, а она там ранняя, собирают на продажу грибы. Будто бы это единственное место в Средней Азии, где грибы растут. Вообще-то, без жертв ни одно оно не обходится, наверное, ни бродяг, ни перекупщиков за людей не считают, да и никакому учету они не поддаются. Би-би-си больше дало, чем все мои знакомые. Может, они и внимания не обратили, даже Милка. Да никого эти землетрясения, как меня, и не интересуют. Я помню, что еще в детстве страшно заин-

тересовался Ахшабадским землетрясением, я уже тогда понимал, что сообщения о жертвах и разрушениях — это что-то из ряда вон выходящее, чуть ли не первые известия о беспорядках на нашей родине. Вообще, должен сказать, что примерно с того же времени я начал бывать и в кино, так ничто на меня не производило такого впечатления, как титры. Другие, видимо, смотрят иначе, им интереснее сами кинофильмы. Но, конечно, отец все это замечал и подрастил меня соответствующим образом. Зря мой папа не приснится.

А вот профессор Козырев, когда, после его открытия в пятьдесят восьмом или пятьдесят девятом году извержения на Луне, о нем стали писать у нас в прессе, вторично, после Ашхабада, стимулировал очень сильно мой интерес к этим природным явлениям. Конечно, я столкнулся потом с тем, что его взгляды явились почвой для многообразных спекуляций, но сам я, как ни рос и ни менялся, не мог изменить своего отношения к этому. У меня какой-то застывший и остановившийся интерес, и я в этом не податлив. Даже когда Родя пытался свести все это к разговорам о зоне, я, как бы мне ново ни казалось то, что он рассказывал, в своем не уступал. И мне кажется, что племянник Козырева, Кира, лучше понимает меня, чем другие люди, и доверчивее относится к моим интересам. Вот как все переплелось в нашей жизни. Ашхабад мне, как будто бы, ничего такого не дал. Правда, одно время курили ашхабадский план. От него не тошнило, не то что от узбекского сорта или от морфина. Конечно, дневник был бы гораздо полней и интересней, если б можно было хоть в нем писать о наркотиках, это прямо половина жизни временами, а так: «в Намангане яблоки / очень ароматные, / на меня не смотришь ты, / неприятно мне».

Вдруг вспоминаю, что ведь в комнатах для чайных церемоний стульев нет, а мы во всех наших домах си-

дим на стульях, и это наши жены нас приподымают над первым этажом. Когда я жил в изоляции от всех, на Блохина, у меня матрас стоял на полу и я как-то не пугался мышей или крысят, которые частенько заходили. Так было до самого пожара, психиатров и Верочки. Потом пошли столы да стулья, да диваны на ножках. Но раньше я об чае столько не думал, больше о климате и рассеянном слабом свете, царящем в моем доме. Конечно, я придавал больше значения дружеским связям. На живопись, еще на что-то смотрел по-другому. На чтение, например. Теперь сижу на страшном чифире и сижу на стульях, ем за столом. Это не по-японски и не по-китайски, даже не по-узбекски. Ничего, был бы чай сортовой. Я все готов перенести за свой покой, за спокойствие в своем доме.

Нравится прибирать перемытую после гостей посуду. Много вилок, ложек, рюмок, чашек. В субботу, когда все допоздна занимаются своими делами, каждый своим и в своем помещении, я остаюсь предоставленным сам себе в прихожей. Она одна никем не занята. Эта маленькая комнатка, с выходящими в нее четырьмя дверями, представляется мне идеальным местом. Как бы приспособиться к ней и пить? Я сижу на корточках над банкой для мусора и курю. Свет только здесь мягкий. Из комнаты слышно телевизор, на кухне Вера печатает. Мне остается только готовить чай, когда ей захочется, или пить самому. На ночь в моем распоряжении, конечно, еще и кухня, где я и работаю, но на кухне свет слишком яркий, поэтому иногда я его выключаю совсем и шагаю или сижу в темноте, при слабых уличных отсветах.

Сережа показал материалы для своего диплома — несколько десятков фотографий московских и подмосковных церквей и фрагментов, в точности таких, как мы покупали в Старой Ладогге. Мне интересно. Еще каталоги, в составлении которых он принимал учас-

тие. Это тоже интересно. Он профессионал-фотограф и будущий искусствовед. Это материал для книги, видимо, у него собран. Некоторые церкви, да большинство, в страшном запустении. Он фотографирует наличники окон, заложенных кирпичом, и архитектурные детали, лепнину. Выпили, много разговаривали, но у него на носу экзамены. Оля завтра уже возвращается в Москву. Он зовет летом в Кириллов, бывает там каждый год, но говорит, что негде остановиться. Как же мы без ночлега? Быстро уходят. Мама смотрит телевизор, и мы к ней в комнату и не заходим. Свои новости я уже узнал. Остается послушать религиозную программу, но она повторяется завтра не в такое позднее время. Вчера Виллис Канновер передавал замечательного Фила Вуда, но из-за этих серий «Майора Вихря» я услышал только кончик. И сегодня кино еще позже, наверное, до двенадцати. Хорошо у нас хоть Сараево никто не смотрит — чуть ли не до часу ночи. Живем по субботам, как в насмешку. Я помню, когда и этого второго выходного не было, как сейчас у школьников, да сколько времени тому назад второй выходной установили, я все еще путаюсь — все кажется, что завтра уже понедельник и надо на работу. Верочке, по крайней мере.

Репродукцию иконы вешаю повыше, над китайской тряпочкой с дорожкой в бамбуках и своим разливом, передающим пропорции Исаакия. Так подробно все записываю только для памяти, ведь когда-то и эта кажущаяся неизменной обстановка изменится. Например, Верочка решила переставить книги в шкафу иначе, выделить мне целую полку.

Воскресенье — продолжение субботы. Через два часа Верочка кончит печатать и спектакль, который смотрит мама, закончится. Сегодня солнечный день, вызывающий представление о Подмосковье. Если в обычные пасмурные дни люди выглядят, как барель-

еф, то в солнечный день они выступают скульптурно. Даже какие-то подагрики выступают характерно. Что-то блестит на дорожках. Наверное, большинство людей уехало за город, людей немного, и каждый похож на резную деревянную игрушку. Все нараспашку.

Я нахожу в словаре бурятских шаманистических терминов подходящее место. Истинная поэзия заключена в этих древних представлениях. Беру наугад: «Алтан дэгэлтэ (досл. «имеющий золотую шубу, золотшубый») — дух-хозяин, покровитель утуга — унавоженного луга при зимней усадьбе. Культ покровителя утуга у бурят, вероятно, связан с олицетворением обильного травостоя, необходимого для содержания скота в условиях сибирской зимы. А. д. представляется мифологическим, художественным образом утуга, покрытого летом золотистыми цветами». И.А. Манжигеев. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Издательство «Наука», М., 1978 год. Тут встречаются замечания об уйгурском происхождении некоторых терминов. Я пытаюсь на новой карте найти эту самую уйгурскую автономию, но она, как заколдованная, никак себя не обнаруживает. Находится только поселок Уйгурсай в Узбекистане, о котором сегодня пишут в «Известиях». Это рядом с Папом — семь баллов. Люди были заранее предупреждены, и все вышли на улицу. Непривычный десятиградусный мороз. Старые дома разрушились, повреждены производственные помещения, сразу же приехала экспедиция. Мне хватает наблюдений за улицей из окна. В детстве, когда мы жили под Москвой, я много болел и вот такую хорошую зимнюю погоду привык видеть в окно. Но самый вид заснеженной солнечной улицы меня сильным и особенным образом успокаивает и сейчас. Непривычные полупустые автобусы, по временам сумятица на остановках. Ветра нет, дым больших труб поднимается вертикально и висит шап-

ками над трубами. Сегодня не пьем, а только смотрим. Все мы немножечко нездоровы, и, в конце концов, нам было важно только принять наших гостей. Мне даже не очень важно, но ведь это новый родственник. Вера обрезала мне волосы и, вместе с ними, всю силу и здоровье. Буквально так. Теперь, когда я поправился, сама себя чувствует неважно. Вот и закончил страницу.

Девятнадцатое февраля, землетрясение в Салониках силой пять баллов, испытание в Семипалатинске — шесть с половиной баллов по шкале Рихтера.

Двадцать первого февраля сейсмических новостей нет, только в «Известиях» фотография «Отчаяние турецкой матери» — несколько мертвых близнецов и их причитающая мать, но не сказано, что это жертвы землетрясения. Умер Шолохов, его назвали великим, будут хоронить в Вешенской. От такой новости даже голова перестала болеть. Выпили «Балтийского», лечимся чаем с молоком. Похолодало, днем десять градусов. После гороха с сухариками очень хочется пить, даже спать не лечь. Верочка больна и завтра, кажется, воспользуется отгулом. Говорят, будет еще холоднее, в Эстонии сегодня обещают до девятнадцати мороза.

Двадцать второго ездил к Кире. Вышли и продаются в Москве две японские книжки на английском: «Но» и «Кабуки» — очень красиво изданные. В них даже вложены билетки на представление, все фотографии цветные, стоят по семь рублей, привез Боря. «Бхартрихари» в серии «Писатели и ученые Востока»; «Русская летописная (но не так!) повесть» — это он уже в Веселом Поселке покупал. Их деревенька уместилась под Мурманским мостом, никто не знает ее названия, это самый конец города, за домами проглядывает садоводство. Кроме пивного ларька, здесь никаких распивочных нет, магазинов нет вблизи, столо-

вых, кафе. Самый выезд из города, дальше лес. И вот мы ничего, даже названия не знаем, но сходимся на том, что, чем дальше она простоит здесь, на выезде из города, тем лучше. Как-то трогательно она выглядит, занесенные снегом крыши и проулки. В день, когда умер Шолохов, я просыпаюсь с мыслью о Фолкнере, такое впечатление, что кого-то с кем-то спутали и приняли за русского Фолкнера — Шолохова или еще кого-нибудь, факт тот, что этой эпопеи — «Деревенька», «Поселок», «Город» у нас нет. Вот только так, на натуре, мы это видим. Вот и не хочется, чтобы деревеньку уничтожали. Я помню, что в Москве, когда мы останавливались у одного писателя, он жил в настоящей деревне, около Мосфильма, в настоящем деревенском доме. Теперь все это снесено, а жаль. Посреди города вдруг сельцо, с деревьями возле изб, с приусадебными участками и надворными постройками. Это, конечно, не мешало слушать там Альбана Берга на «Грундиге» и читать воспоминания о Розанове. Я предлагал бы город, в его теперешних границах, обвести окружностью и законсервировать то, что в ней оказалось, а новые районы располагать за ее пределами. Но этот план не пользуется успехом — город расползается лучами по ведущим магистралям, и такой мост, над железной дорогой, конечно, не является препятствием для его развития. Слышать лай собак и крик петухов не удастся. Я чувствую себя как какой-то альпинист на заснеженном склоне при свете дня на бульваре Крыленко. Или, еще точнее, я чувствую себя, как белый негр, внутренне неблагозвучный, заброшенный в этот благополучный район. Мороз и джаз, день чудесный, солнце, ветер на бульваре, а под ногами камешки.

Двадцать третьего открылся под нашим гастрономом в подвале отдел «Водка, крепкие напитки». У меня хватает денег только на «Стрелецкую», да еще

и это-то хорошо — другой раз и трех двадцати не набрать бывает. Играет в отделе музыка, и непонятно, что это — по случаю праздника или вообще так будет. Помещение никак с гастрономом не связанное, вход со двора, я помню, что раньше там был посудный пункт, но его много лет как закрыли. Вина нет, только водка и табак, но «Лайку» я покупаю в нашем ларьке, в новом отделе она не продается. В ларьке продаются новые пироги из серой муки без начинки по восемь копеек. Беру попробовать, знаю, что нам с мамой они понравятся. Вместо черного хлеба. Вечером узнаем, что в другом конце города нам достали десять пачек «тридцать шестого» — больших, а он у нас, привозной, как раз кончается, достал последнюю пачку.

Попробовал склеить работу, посвященную узбекским землетрясениям, я писал, да клей оказался стеклянистый, и картон и вырезки газетные очень трескаются. Но все вырезки уложились как раз в формат и ярко выделяются чайные этикетки, как действительно какой-нибудь узбекский орнамент. Этикетки из другой бумаги и не потрескались. Придется оставить ее такой для собственного употребления — этих вырезок мне больше взять неоткуда, а они — прямо хроника всех землетрясений конца восьмидесят третьего — начала этого года. Даже крохотная заметка о землетрясении в Гвинее точно находит лоскуток свободной поверхности. Первый блин, как говорится. Я так давно ничего не делал, только вспоминал Володю Пятницкого все это время. Можно, конечно, попросить Киру сфотографировать ее так как есть, но газетный текст, боюсь, будет неразборчив.

Сегодня спать ложимся совсем рано, не знаю, что за фантазия мне пришла, — еще десяти нет. Позже, когда мама и Вера засыпают, я встаю, чтобы переделать свои дела, чайку выпить, да записать сюда что

Бог даст. Взял у Киры почитать воспоминания об И.Ф. Анненском в одном сборнике, где напечатаны еще письма Лескова и много чего другого, вплоть до рассказа Зошенко. На задней обложке, как тогда водилось, перечислено множество изданных книг, в том числе книг пятнадцать Джека Лондона. Сборники рассказов и романы, а также книги с названиями типа: «Мятеж», «Революция» и т.п. В объявлениях по радио говорят, что двадцать пятого и двадцать девятого будут принимать макулатуру на четырехтомного Джека Лондона. Но нужно много, у нас столько нет, восемьдесят килограммов. Романы, о которых я прочел, наверняка не попадут в это издание, а вообще собрание его большое у Веры есть. Оно хранится у Оли.

Взял еще Спирина, хочу подольше посмотреть и прошу Веру привезти мне желтую двухтомную «Антологию древнекитайской философии», тоже от Оли. Пусть лучше будет у нас. Но об этом желании не говорю. Может, она Оле зачем-нибудь и нужна. Как-то ни у Киры, ни у меня ее нет. А Спирин делает кое-какие поправки в ней. Достались еще листки с «Мимолетным» Розанова. Это перепечатать. Кажется, одну хорошую книгу по древнеиндийской мифологии он мне предлагал, да я отложил до другого раза. Мы оживленно болтали, он умеет принять и одного человека, даже такого, как я, и когда дошло до Джерри Малигана, слушали уже невнимательно. Вот что значит не виделись. Сразу находится о чем поговорить. Хотим предложить Герте Михайловне к столетию нарисовать портрет Хлебникова, его она еще не пыталась нарисовать, ну и есть свои за и против. Обсуждали и книжные дела. Получается, что на восемьдесят четвертый год они не оставляли заявок. Правда, они подписаны на «Книжное обозрение», но чего-нибудь будет не достать.

С морозом мы уже свыклись. Я радуюсь, что дела делаются упорядоченно и спокойно. Вот мама, да и те, с кем она разговаривает по телефону, жалуются, что давление высокое. Мне только немножко зябко по ночам, и я хожу по кухне, согреваюсь. Утром у нас одиннадцать, а в Пулкове, например, двадцать градусов. Вера поправляется. Других дел особенных нет, и я наслаждаюсь покоем. Кира обещал зайти, но о точном времени не улавливались. Эллочка тоже обещала приехать в Купчино, но у нее родители очень больны и она у себя-то не бывает совсем. Кира рассказывал, что была по телевидению интересная передача о нашем джазе, даже его в клубе показывали мельком. Я пропустил ее, а пока телевизор не работал, было что-то и о рукописях на пальмовых листьях. В разговоре с ним вдруг ловлю себя на том, что ускользает нить разговора. Мне, как всегда, интересно, что, чтобы поддерживать в этот момент беседу, необходимо вспомнить дословно ее ход или достаточно этого усилия, не приводящего к воспоминанию, но достаточного самого по себе, усилия над памятью, абстрактного, которое мы тут делаем? Не знаю. Это одно из важных моих сомнений.

Сегодня похоронили Шолохова. В Ростове был са- лют по случаю дня Советской Армии. По радио го- ворят, что иранские войска продвинулись чуть ли не на сорок километров и форсировали Тигр. Ирак это отрицает. Шведы говорят, что мировое общественное мнение на стороне Ирака. Но, я думаю, персы тоже не должны бы выдать, какой Хомейни ни изверг. Дру- гих новостей как-то не замечаю, говорят что-то о высылке из Ленинграда иностранных туристов, двух, кажется, пар, у которых нашли литературу для здеш- них евреев. Еще передавали, что Перес де Куэйяр до- бился от польских властей освобождения Алиции Ве- селовской. Она отсидела пять лет из семи, и после его

приезда, ее выпустили. Больше и записать нечего, все рассказал, все передал, а фантазия у меня как-то совсем перестала работать. Никакие средства не помогают. Уж не мешают ли они только? Надо посидеть на одном чаю с небольшим добавлением алкоголя, для повышения работоспособности, посмотреть, что из этого выйдет. Раньше я писал совсем не так. С собой справляюсь, а с творчеством — нет. Утлая мечта что-то еще произвести, выдумать, называй как хочешь; вот здесь я об этом говорю. Я как-то не представлял, что дневник поставит меня в такие рамки голой фиксации видимого и узнаваемого. Ведь я из дома почти ни шагу, выхожу только по конкретным делам и, в сущности, замечаю-то что-то чуть ли не случайно. Не вижу ничего. Прикурился, что ли, так сильно, или чай требует этих фиксаций без отвлечения? Может, бормота мозг сушит, испепелила воображение? На белой легче работалось, но после всех подорожаний у нас и на вино-то не хватает. Верочка одна сглаживает колдобины нашего бюджета, а то было совсем невоготу. Надо передохнуть. Я пока пишу дневник, все думаю, что это я отдыхаю. Пусть окажется хоть так. Но непривычно совсем ничего не делать. Вот и стараюсь только не разучиться писать окончательно. Буквально весь доступный мне полет фантазии качественно видоизменился. А сколько надо отдыхать? Вот и видно, что мы один на один со сплошной неизвестностью. И непривычкой мыслить отвлеченно, о самом составе неизвестности. Сейчас не выходит ничего сочинять, а впереди? Мне кажется, что я скорее лишусь возможности и дневник-то вести, чем что-то еще сделаю. Поживем — увидим. Надо лечь согреться, из носу начинает самопроизвольно течь. Что это — совсем не заглядываю вперед? Опе-режающее знание по Спирину? Другое что? В жизни

что-то произошло, в чем я не отдаю отчета. Пока, или и не способен уже понять, в чем тут дело?

Двадцать четвертое февраля. «Сокращение силы землетрясения даже на один балл дает большой экономический эффект, несколько сотен тысяч рублей...» — это из передачи о таджикских геологах, о строительстве больших плотин. Не очень ясно выражена мысль, не совсем понятно, что имеется в виду. Очевидно, это говорится о размещении плотин в спокойных сейсмических зонах. Попозже я понимаю, что дома не так уж холодно, но, когда мороз должен ослабнуть, всегда вначале как-то зябко. А что же у меня дома? Ведь это пространство под пятиметровым потолком совершенно не отапливается. Неужели психиатры изучают влияние холода на человеческий организм или невыносимых условий на психику? У себя, придя, я мог бы только запрятаться под одеяло, и никакими силами меня оттуда не выгнать. Хотели посмотреть, как я буду медленно обрастать грязью, покрываться черной пылью? Но в Ленинграде, особенно после блокады, проблема холода и неотапливаемых помещений самая обычная. На Блохина я жил одну зиму с выбитым окном и затыкал дырку в стекле подушкой. Правда, тогда я спал, прижавшись к батарее, а тут не топят совсем, радиатор совершенно холодный. Но люди приспосабливаются иначе, и вот я в Купчине уже несколько лет сижу в трусах и нижней рубашке — и ничего. Но летом можно бы пожить и на Кировском.

Сегодня почитал письма Лескова, какое-то совершенно другое чувство, чем когда читаешь исследовательскую литературу, пусть даже китаеведную. Руки иначе держат книгу, гораздо роднее и понятней язык. Как все понятно! А проблемы, обсуждаемые им, толстовство и что с этим связано, не менее сложные и отвлеченные, чем у современных литературоведов. Это

язык гения, доступный и родной. До адресов, как все просто и понятно. Особенно то, что он пишет об Усть-Нарве и тех местах. Когда много читаешь, сам записываешь меньше, труднее взяться за дневник. Откладываю это назавтра.

Водочный магазин, точнее угол дома, за которым расположен вход в него, теперь стал виден из моего окна, заслоняемый только прозрачными зимними деревьями. Я смотрю, как там снуют черные мужские фигуры. Многие только тут узнают об этой новости, заходят впервые. Завтра Верочка привезет что-нибудь выпить. Она ночует у своих. Захватит и древнекитайскую антологию. Наконец я добрался до Спирина. «Черная корова — черная...»

Я просыпаюсь с готовыми стихами. Мне снится, что, когда мы переезжаем на Кировский, на первом этаже огромного дома 26/28 расположен какой-то пансионат — мастерские для слаборазвитых детей, что-то вроде детского отделения психиатрической клиники. У нас на этаже, в моей комнате, по случаю новоселья, одного человека на подоконнике прямо закачивают промедолом, и он грозитя спуститься на улицу прямо из открытого окна. На улице появляется группа советских военных офицеров со своими дамами, они пришли провести время в кафе, расположенном напротив. И вот когда они входят туда, дети на первом этаже поют озорную песенку: «Клюква раз и два на свете / ничего вам не ответит, / а возьмется спозаранку / и расследует гражданку...» Такое впечатление, что все это происходит в какой-нибудь стране народной демократии во время событий. Очень веселая песенка, не умею мотив передать. А у нас дома настоящая поколка оленей, какие-то узбеки со своими узбекским коньяком и курительными палочками, праздничный ажиотаж. Такой сон.

В перерывах, у меня в чтении, а у нее — в стирке, мама рассказывает мне о бабушке, со стороны отца, и о старших наших родственниках по той линии, которой я совершенно не знаю. Думаю, не стоит ли этого записать, но это не для моего дневника. Она так хорошо помнит, кто кем кому приходится, кто где жил и кто когда умер, что мне хочется выучить эти рассказы из семейного альбома наизусть. Как тяжело быть оторванным напрочь от жизни, от знания о жизни своих родных с их трагическими судьбами. Кажется, один вид паркета, ведь мы-то выросли на крашенных полах, в эпоху НТР, должен напоминать о старшей семье. Ничего этого я не знаю и не помню. Одна моя тетя в Клину убежала из нервной больницы и погибла на реке во время ледохода, когда пыталась перебежать по льдинам. Я смотрю по карте. Река в Клину называется Сестра. Ее сестра попала под бомбежку на платформе Подсолнечное, которая теперь называется Солнечногорском, неточно. И погибла прямо под бомбами на этой платформе, говорят, что в тот день многие погибли. Мамины рассказы об этом производят тем более сильное впечатление, что ведь это семья папы, а не ее. О своих она знает еще больше.

Весь день никуда не выхожу и телепаюсь по дому, сплю недолго после раннего обеда, успеваю за всеми телевизионными программами еще послушать приемник. Виллис Канновер передает Вуди Шо. Слышимость очень хорошая, слышу обрывки последних известий. Сорваны выборы в региональные советы Баскской провинции, сепаратисты застрелили представителя и кандидата от соцпартии в Сан-Себастьяне. Новости вот такие, о природных явлениях что-то нет ничего. День опять солнечный и морозный, ночью видел на небе звездочки, слабые, но ясные. Г.В. Романов посетил дамбу, заложено новое водо-

пропускное сооружение с опережением на два года, но до Котлина еще далеко. Он, наверное, поторапливает строителей, а то они при его жизни и не кончат. Дамба Су Дун-по. После «тридцать шестых» и «Бодрости» неплох и грузинский высший сорт, вечером и утром.

Думал послушать джаз, да мои что-то улеглись. То сидели читали свои детективы, а вдруг захотели очень спать. Не буду им мешать, и опять остается ходить по кухне. Сегодня мысли в порядке. Сейчас как раз двенадцать, и я, по привычке, не знаю, каким числом пометить эту запись. Знаю, что суббота была, а началось воскресенье. Смотрел «Время», и мне все кажется, что это меня силком тащат в польский экспериментальный театр. Особенно предвыборные выступления с трибун, ну точно кадр на спектакле снятый. Раньше такой театр был у них в моде, а как теперь дело обстоит, я ничего не знаю. Вся эта программа заменяет мне и фильм и спектакль и литературу в значительной степени, так как ощущение такое, что в каждой передаче у вас стараются выворовать хоть по одному, нет, именно по одному старому слову, заставить забыть что-нибудь связывающее вас со своим родом-племенем, с дореволюционной действительностью. Я не о правдивости их говорю, а о том, что все привычное вытесняется какими-нибудь сверхнаучными сообщениями об черных дырах во Вселенной или чем-то подобным. Все это называется прогрессом, но вот сегодня, например, показывали, какая с утра стоит очередь в Эрмитаж, и становится ясно, что без постоянного блага и соваться нечего, а в «Известиях» пишут, что они сняли сто пятьдесят квадратных метров фресок во Пскове, в храме Покрова, и какую-то часть их выставили теперь. Так бы надо глянуть, да неудобно снова просить Герту Михайловну. Вот что надедала эта выставка натюрморта с шестнадцатого по

двадцатый век. Разбитую бутылку, обломок кирпича, глиняный кувшинчик с отбитым горлышком и засохшей веточкой в нем я бы поставил в токонома. Еще металлический чайник с несмываемыми следами чая, пиалу с чистой водой, даже газовое пламя я включаю в число несомненно красивых вещей. Какую-нибудь простую луковицу и пачку чая, красивый спичечный коробок и смятую пачку «Беломора», ведь не важно что именно, а важно, как поставить. Такие разрушающиеся, разрушительные натюрморты противостоят актерству с трибунством его. Я не против цветущих деревьев, но до весны еще далеко и, потом, здесь, может, ничего нет красивее, чем когда зеленые газоны покрываются целыми полями желтых одуванчиков. Мне так кажется, и своего ощущения и мнения я не изменю.

Даже для меня крепко я выпил чифира. Звенит вода в бачке унитаза, а перед глазами белые зигзаги, как абстрактные натюрморты, и белые пятна, не позволяющие видеть, как пишешь. Я поэтому написал в «1974»-м, что Довмонтов город на улице Ленина расположен, я и имел в виду, что Покровский храм теперь стал номер дома такой-то по какой-нибудь Октябрьской, точнее не помню, улице. Трагикомическое восьмое чудо света. Иногда показывают по телевизору раскопки. В Новгороде и под Рязанью роют очень тщательно, на то есть свои причины: берестяные грамоты, на которых, кажется, все помешаны, или сугубая древность рязанских находок. — Плохо ищут, — сказал бы тот Володя Пятницкий, которого я создал в своем представлении. Да, именно о других примерах. Интерес к книге? А не способ ли развести мелких кровососов-спекулянтов на месте тех титанов, что просто кровь пили? Не успели объявить об подписке за макулатуру на Джека Лондона, и уже вижу, потянулись со стопами газетно-журнального хлама люди.

Интеллигентные лица попадают, и много людей. Лондон в почете, но так было всегда. Об иконописи ничего не достать, об церковной архитектуре. Об этих псковских находках была давно статья в «Науке и жизни», да там уж больно скверная печать. Видно только, что фигуры во весь рост. Как же просочиться на выставку? Стыну. Достоевский где-то писал, что русский может замечаться на морозе до смерти. У Заболоцкого есть магаданское стихотворение, посвященное этому. Итак, что же я делаю самозабвенно, раз уж мысли сегодня упорядочены до больше не могу? Сплю: и вижу сны и вспоминаю их. Варю и пью чай. Курю. Пишу. Все. Греюсь до самозабвения, лежа в кровати под одеялом. Сражаюсь с вездесущей иллюзией. Знаете, сильная творческая воля — не предмет моего рассуждения. Это как бывает ток сильный и слабый и они исследуются порознь. Сказать, что я исследую слабые художественные проявления, нельзя, но что-то такое напрашивается. Деятнадцатый век очень ломал голову над проблемами гениальности, и вот к чему это привело. К смещению понятий и выдвиганию бесконечного числа ложных авторитетов, к культу личностей взамен традиционного взгляда на безличностное существование как главное. А я бы, выходит, мог еще что-то сделать и в русле этой традиции. Хожу самозабвенно, пока не почувствую, что смогу уснуть. Грезить не свойственно. Мечтать, кажется, больше не могу или нельзя. Совсем по Ильичу. Кончаю запись.

С воскресенья пива не осталось, начинают продавать с одиннадцати. Пены полкружки, только что зарядили баки. В газетном ларьке продается, не обращая на себя внимания, Фолкнер на английском. Вышел за покупками. Солнце греет вятно. У меня пальто черное, и спине даже жарко. А ветер холодный, февраль месяц. Помню, однажды, тоже в газет-

ном ларьке на Кожевенной линии, я купил «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра, тогда у пролетариата он интереса не вызывал. Потом, одно время, начали продавать в киосках Н. Лескова, красное собрание. У городского мещанства, видно, он спросом не пользовался. Я много томов покупал, безобразные супера выбрасывал и зачитывался им, как никем. Много позже так же зачитывался Щедриным, но того я вообще достал у старьевщиков. У них можно было хоть книги на древнееврейском купить, но, к сожалению, языка не знаю. «Авессалом, Авессалом!» издавался в переводе, и чего это Политиздат надумал распространять его в подлиннике, не знаю.

Оля приехала забрать своего мужа. Ему второй раз дали академический отпуск по болезни. Сегодня уезжают. Я думал, мама поедет к себе, но нет, она от нас пока уезжать не хочет. Кто же ее теперь в Москву повезет? Если понадобится получать страховку?

Выспался днем. Ночью читал Чжуан-цзы в переводе Кучеры. Потом задремал. Вера ушла на работу, опять поспал до десяти. Выпил «Стрелецкой», спал до начала шестого, пока не подошло время Канаду слушать, да тут и Вера возвращается и обеденное время подходит. В общем, отоспался вперед. Ночью бодрствую. У каждого человека, я думаю, своя есть постоянная надежда, мысль. У меня, прямо, как молитва — лишь бы ничего не случилось. Я разлюбил всякие непредвиденности, может, и раньше не любил, но, по первости, находил их занятными и интересными. Теперь мне постоянно хочется одного — лишь бы ничего не происходило, протекало бы спокойно, без лишних разговоров. Иду в магазин или на укол, или куда-нибудь еще, и только одно опасение, что может что-то случиться, меня тревожит. Кажется, даже холод не так досажает, как эта мысль.

Теперь у меня есть Лао-цзы, и я чувствую себя успокоенным. Вообще мне кажется, что восемьдесят четвертый год у нас пройдет тихо и незаметно. Как в високосный год, всегда много покойников, но это на верхах или по сторонам на некотором удалении от нас. Сегодня Масленица, давали копченую селедку. Еще Вера купила яблочного повидла в консервной банке, как кильки. Блинов не пекли, слава Богу. Религиозной программы не слышал, так как в это время показывали английский фильм «Неизвестный Чаплин», третью серию. Похоже, что составлением программ занялась партия. Ну, этих надолго не хватит, скоро пост, и они с Масленицей борются с переменным успехом. По-моему, и такая оголтелая спекуляция книгами должна закончиться, только не знаю, под влиянием каких причин. Неужели нужна война, чтобы цены на полиграфическую продукцию упали и перлы уцененные снова стало можно покупать походя, как бы случайно. Что наделали спекулянты, почти ничего стало не достать не втридорога. Я покупал Державина и Анненского, Глинку и Тютчева, Хлебникова и Пу Сун-лина, Лу-Ю и антологию китайской поэзии, Случевского и Аполлона Григорьева и даже не знал, что такое этот чертов всенародный интерес к литературе. А теперь пока только из «Памятников письменности Востока» кое-что перепадает, а за «Библиотекой поэта» надо с большими деньгами ездить на «черный рынок». Я посмотрелся на эту кухню, и мне никакой охоты нет этим заниматься, да и возможностей нет. Вот и осталось только ночью чайку попить посидеть, да и то надо за это Бога благодарить. Хоть на одной квартире не трогают психиатры, остальные загублены. Чуть чего — и там, а потом выцарапывайся от них по три месяца, и это еще в лучшем случае. Об них я много мог бы навспоми-

нать, да, кажется, противно и неинтересно. А так дневник «не из чего» состоит. Если представить, что все и передачи и газеты не мне адресованы, то ничего и не остается. Какие-то «Последние дни» сплошные. Нервы и сдают. Обязательно нужно удовлетворение. Теперь сушим спитой чай, веря, что он является хорошим удобрением для огорода, вот занятие. Втроем тесно должно быть, но мы привыкли и в одной комнате жить. Как-то по временам забывали, что могут меня загрести в любую минуту. Даже не верится, что можно быть таким рассеянным, допускать такие оплошности. Но без этого как-то выходит, что и жизни бы не было. Как подумаешь о лечебницах, лучше сидеть тихо тут, лучше, кажется, не видеть и не слышать ничего, никуда носа не высовывать. Выходит, что других возможностей не осталось. А наш с Элкой портрет купила Третьяковская галерея. В общем, прямо «Из пасти лошади», английское кино, а не жизнь. Мало читаю, совсем ничего не делаю, не рисую, да и замыслов как-то нет вроде. Исушили страхи за свою свободу, поглотили элементарные отношения. И это называется покоем. Все относительно, но ничто так, как соответствие со временем. Козырев был прав. На путях абстрактного мышления только и возможно свободное существование. А солнышко уже пригревает, вот и начинаешь беспокоиться за ближайшее будущее. Год-то високосный. Очень не хочется залететь в восемьдесят четвертом, хотя мода стоит и такая.

Раньше, когда я еще учился в школе, я пробовал писать стихи и некоторые запомнил. Хочу воспроизвести их здесь, чтобы показать, что как я ни менялся, но что-то общее с тем временем осталось.

Первое, это начало какой-то неоконченной поэмы о нашей жизни в Гавани, на В. О.

Здесь строят порт, как строят памятник.
А там, где башенки канала, которым двести
с лишним лет,
Как будто козы стоят по грудь в воде...
Здесь пусто все, как на Аляске,
Ангары первых поселенцев вокруг Петровского
Ковша;
Дома построил Менделеев,
А на воде, как на картине, по грудь в воде стоит коза,
Напоминанием о Гавани, Галерной гавани Петра...

Что принесло нам Рождество?
Залив растаявший и незамерзшие каналы.
Детский сад. Здесь дети учатся учиться;
Меня учили там вставать не поздно, ложиться рано.
Здесь уже за неделю до праздника
Дети с утра и до вечера празднуют.
Тихо, огнями украшена елка;
Несколько взрослых, но кажется пусто,
Только под окнами у батарей
Тихо присели банты и макушки наиболее
взрослых детей...

Я ходил читать в библиотеку Маяковского, читал впервые Лао-цзы и «Неизданного Хлебникова», я был так поражен изложением теории Козырева, что посвятил ему короткое стихотворение:

Хлеб Козырева, козырь Хлебникова,
Но оба кажутся святыми,
И прорицания их вещи,
А время будет делать вещи,
И козырь Хлебникова станет хлебом Козырева.

Других стихов я не запомнил, хотя, читая, я постоянно перефразировал какие-то строчки и, оттал-

киваясь от них, пытался создавать что-то свое. Я уже любил китайских умиротворенных поэтов и тоже пытался описывать природу на их лад, но сейчас не могу восстановить в памяти тех стихов. Может, и этих двух примеров довольно, чтобы объяснить мое тогдашнее умонастроение. Первое я прочел не так давно Яр. Влад. и Тане Гетман, но они ничего мне не сказали. Второе, кажется, я вообще никому не показывал, я уже был скрытен, в особенности в том, чего я недопонимал сам в себе. Я имею в виду взгляды Козырева. Узнать же подробнее об этом было негде, ведь он постоянно, мне кажется, был в загоне, и, если бы не это его открытие, мы, широкая публика, так бы ничего о нем и не знали. Я жил как-то летом в Сестроречке и об видимом там на море острове-форте сказал: «Черный остров Ананас / На Востоке разгорелся / На закате угас...» Я описывал залив в стихах и прозе с таким энтузиазмом, наверное, потому, что всякие настоящие морские впечатления ушли в далекое детское прошлое, а то, что я пожил с отцом на Коневце, мне казалось, нельзя затрагивать, так как полигон-то там был военный. Может, я и обещал отцу чего-нибудь из этого не рассказывать, теперь уже не помню и думаю, что все можно. Надо сказать, что и раньше, у Понизовского и у Анри мои опыты писательские не вызывали интереса или сочувствия, и я принужден был всем этим заниматься исподволь. К тому же тяжелая физическая работа, которой я тогда добывал себе средства к существованию, никак не способствовала расцвету таланта. Хорошо, что я еще в той среде не старался стать известным, пролетарская подлость несмылаемое барских прихотей и затей, как уже не раз заявлялось в русско-еврейской поэзии... Постепенно я от стихов совсем отстал, а прозой писал много и позже. Теперь меня даже печатают в подполье, но никаких откликов на то, что делаю, я

не слышу. Вообще, я все время писал и рисовал как бы параллельно. Я очень много рисовал видов морских, залива и думал, что разовью такой стиль. Элла должна лучше всех помнить, что тогда у меня работ было не меньше, чем теперь у Киры, но все они пропали, некому было их сохранить, как раз еще более ранние уцелели, а все пейзажи моря я повыкидывал. Я вспоминаю эти стихи как бы в память о тех рисунках. Может, вспомню и еще. И теперь я смотрю, что я читаю и перечитываю книги те же и Хлебникова читал бы и перечитывал, будь он у меня, а Кирышу имею в качестве заложника вечного непонимания астрономических проблем и плохого знания законов абстрактного мышления. В общем, тут я подписываюсь, до некоторой степени, под этими стихами, и это, наверное, уже окончательно. Выпив крепенькой «Бодрости», не жалею о том, что я их написал. С другими не так. Стыдно того, что делал наспех, а вот когда мне показывают какую-нибудь мою старую живопись, я искренне радуюсь, кое-что искренне нравится в старых работах. Сколько перезабыто!

Опять солнечный день, лед на дорожках тает, теперь видно, что дело к весне. Раньше я любил солнце, умел пользоваться теплом. Правда, даже на Украине, на Днепре, вот где я писал все эти домики и хатки, я одевался тепло и носил свитер и пиджак, но любил и погреться, как на пляже. Во время странствий одежду, кроме как нацеплять на себя, больше девать было некуда, руки и так постоянно были заняты картонами и сумкой с красками. Да еще я прикупал понемногу книжки, и вот эти вещи всегда таскал за собой, а хотелось свободы рук, большей свободы движений. Недаром я теперь по дому шатаюсь в трусах и рубашке и, как ни прохладно, не могу на себя ничего одеть. Только когда приходят люди, а это бывает нечасто.

.....
...и только там, вдали, где ветер,
дождь, волны в крапинках
и ветер все ближе, ближе
гонит дождь.

а здесь, где не видны
на волнах крошечные всплески
и крошечные всплески волн...

.....
...в лагунах маленькие дети
купают крошечные груди...

Кое-что из того, что говорят о надоях на фермах, на ферме Горской, например, непосредственно доходит. «Надо селиться ближе к земле...» План поэмы был обширный, он включал даже транспортировку Громкамня на прежнее место под Лахтой и устройство центра города в новом месте. Я думал, что это способ борьбы с наводнениями, я посмотрелся, живя в Гавани. Это был бы мой «Медный всадник», но написать его я бы мог только из чувства противоречия, а противоречить тогда еще было нечему, это было еще в пятидесятых годах, и тогда еще не замыслили такого большого строительства, как эта дамба, которую строят теперь. Тогда писали о том, что в связи с ростом города необходимо создать круговую железную дорогу, и я так же увлекался этой идеей. Но стихи писать бросил. Тогда с утра мы слушали приемник — станцию тысяча сто сорок один метр, а она всегда передавала что-нибудь о торфоперегнойных горшочках и о тракторах ДТ-54, и теперь мне дорого воспоминание об этом времени. Мы завтракали очень сытно по нашим понятиям, так как мне надо было ехать в школу на Фонтанку, а отец уходил в свой институт на Ковше, и более дружных семейных сцен я и не

припомню. Конечно, было в этом что-то от посещений в больницах, когда он, а теперь и я, уже был болен и лечился в военно-морских госпиталях, то у Калинкина моста, то в больнице Ленина. Мы даже подумывали о том, что ему следует уйти в отставку, а нам всем уехать жить куда-нибудь в область, в колхоз. Но эти планы никогда так и не осуществились, и, может быть, они были несерьезными. Может быть, он дольше бы прожил, если бы мы поступили таким образом, все может быть, поздно говорить об этом, теперь, когда он уже двадцать лет как умер.

В сельской местности я бывал летом во время каникул и позже приезжал летом к нам в Лихославль и там ходил по окрестностям. Мне очень нравилось на Украине в глухой провинции, особенно когда я уже начал рисовать и познакомился с начатками мифологии. До тех пор мои впечатления были исключительно городского свойства и всякие полуоформившиеся легенды приурочивались к городским условиям. Так что вначале я писал исключительно городские виды, а позже уже стал много работать над деревенскими пейзажами, а еще позже над видами залива.

И вот когда я стал раз за разом передавать в своих работах равнину моря, да пустыри и заборы на берегу, моими работами все и перестали интересоваться, и из-за этого я начал много фантазировать, долго совсем не работал, по временам рисовал псковские храмы, используя фотографии, возвращался к пейзажу, когда выезжал из города, писал и с природы, но работ было мало, разрозненные и случайные. Теперь я с природы не пишу, новый городской район очень беден впечатлениями, но я по-прежнему люблю железные дороги и окраины, всякую неповторимость пустынных мест и вид на город как бы со стороны. Эти впечатления копятся внутри и, когда я пытаюсь что-

то выразить на бумаге, выливаются и они, наряду с попытками поднять те или иные идентификации.

«Дао Дэ Цзин» § 45: «Великое совершенство похоже на несовершенное, но его действие [не может быть] нарушено; великая полнота похожа на пустоту, но ее действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа на кривизну; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику.

Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создает порядок в мире».

«Дао Дэ Цзин» можно бы переписать весь, не будь он под рукой хорошо напечатанный. Можно переписывать, как «Дхаммападу», начинать с одного места, сопоставлять с другим, выбранным из контекста, и ничуть не нарушится собственный порядок произведения.

Нельзя пренебрегать действием чая на том основании, что к нему привыкли и оно слабо. Ничто так, как чай, не дает понять внутренность помещения, где его пьют, силу освещенности и т.п. По-русски я не помню, чтобы кто-то описывал непосредственно действие чая. Приходят на память слова: «Многие корейцы постигли Дзен и создали образ Авалокитешвары, использовав собственные символы». Чувство вечернего покоя, им сообщаемое, является фундаментальным понятием. Выпив чашку чифира, мгновенно успеваешь перевспоминать все загадочное во вкусах за день, если нет сегодняшних «новостей», вспоминаются отдаленные по времени запахи и привкусы, а потом наступает ясность сознания, которую не знаешь, как и охарактеризовать. Скорее всего она просто над характером, окончательная белая сияющая ясность.

Сегодня хорошо пообедали. Консервированный литовский борщ с колбасой и копченая селедка с картошкой на второе. Бутылка восемнадцатиградусного «Прибрежного», которого я раньше никогда не

пил, пахнувшего чем-то неуловимо. И на третье, конечно, чай.

Так мы стараемся выравнить наш бюджет, Вера затевает купить еще какой-то шкаф или секцию в прихожую. Мне кажется, что это будет не так уж хорошо. Займут мой уголок на полу, последнее место, где я скрываюсь, когда все в доме займутся своими делами. Опять обычный зимний бессолнечный день с прозрачным воздухом. Холодно. Ночью начинается ровное и сразу незаметное гудение и завывание ветра. В газете описываются последствия циклона в Мозамбике. «Люди по нескольку дней провели привязанные к верхушкам деревьев». Пишут, что долго придется восстанавливать разрушенную систему водоснабжения. Собирают в Мапуту вещи для пострадавших и сравнивают это с ташкентским землетрясением.

У нас день проходит совсем спокойно. Верочка приносит заказы: ветчину в прямоугольных банках, шпроты. Все продают к восьмому марта. Вместо плохого чая в заказе болгарский консервированный компот. Я советую ей побольше купить литовского борща, так как его очень просто готовить и у нас останется больше времени для поддержания чистоты в доме. Выпиваю вторую чашку, чайник стоит накрытый ручным махровым полотенцем и не стынет. Под «Прибрежным» успеваю до двенадцати выспаться два раза. Впереди ночь. Под чифиром время проходит незаметно, успеваешь остыть, походить, полежать и согреться и снова пора вставать. Если перед двенадцатью много освещенных окон, то к часу уже их совсем мало, но люди еще маячат на остановке, здесь, в отдаленном районе, транспорт действует допоздна.

Первое марта, ноль градусов, на дорогах выпал снег, ветер юго-западный до двадцати метров в секунду. У нас в Купчине снега не было, третий день подтаивает. Радио не нужно включать, а то возникает

стереоэффект. С другого этажа слышно все слово в слово. В Афганистане за два последних месяца зафиксировано десять толчков разной силы. Красный Крест передал им медикаменты и палатки. Многие остались без крова.

Второго марта день был, по воспоминаниям, пасмурный и на редкость однообразный. Заметил только, что снег под окнами не сияющий, искрящийся, как в солнечные дни казалось, когда больно выглядывать на улицу, а весь в серых, как и сказать не знаю, налетах каких-то саж, грязи и пыли, как будто пасмурность погоды резче подчеркивает тени на поверхности земли. Началась метель, слабая, но протявшиеся дороги покрылись новым снежком. Потом шел уже не то снег, не то дождь. В ночь, когда был тут сильный ветер, снесло часть крыши с иезуитского подворья на канале Грибоедова, значит, порывами был ветер очень сильный. Так говорят, другие люди подтверждают, сам я не проверял, конечно, так ли это. Второго было землетрясение под Краснодаром, в ауле Джиджихабль, о силе толчка в эпицентре не пишут, как и о жертвах и разрушениях, но в Краснодаре 4—5 баллов отмечено. Это уже не дальний свет, ближе к нашим краям. Еще меньшая по размеру заметка об атомном испытании в штате Невада. Не могу ничего об этом дне вразумительного сказать. Выходил из дома, пил пиво. Третьего утром потопило от чифира, с пивом не связано. Пил и третьего, даже больше, ездили с Кирой на Ленинский проспект в магазин. Раньше никогда этим маршрутом не ездил, вообще места для меня новые, раньше в Дачном был всего пару раз. Проезжаем мимо железнодорожной платформы на Балтийской ж. д., я говорю, далеко от дома забрались, но Кира поправляет, что от нашего недалеко, ехали прямо без пересадок с полчаса. Купили впрок мяса и поехали обратно, разговаривая обо

всяких вещах, в частности о книгах. Прочел «Между собакой и волком», показалось очень интересно, но страшно мрачно и не понять, о каких временах идет речь. Да это и неважно. Читал ночью, прочел быстро, потому что много места занимают стихи. День снова ветреный, солнце светит сквозь тучи, больше похожее на утреннюю луну. Неприятно на улице, но есть то преимущество, что в такую погоду люди только плятятся, в худшем случае, друг на дружку, а заняты собой, своим неудобством. Никто ничего не скажет, хотя перед выборами широко продается вино, «Мускат» и «Мадера» дагестанская и «Советское шампанское». Подгулявшего народа, несмотря на это, немного, только у ларька заметны личности, но от холодного ветра и они совеют как-то, видать, своя рубашка ближе к телу. Оба дня помогал маме спорадически по хозяйству. Верочка ночевала у своих.

Весь маршрут, я опять про поездку, смотрел в окно, хоть и исключительно новый район, но интересно. В автобусе тесно, и будь окна замерзшие или безнадежно грязные, это напоминало бы какой-то другой день и другой маршрут, а так замечаешь все же какие-то особенности. Кира говорит, что на этом пути есть кафе «Старые годы», я не обратил внимания, старался ничего не пропустить связанное с ж. д. Тут она расходится двумя ветками на Гатчину и на Сиверскую, вот это место и приметно. Вокруг домов даже нет, пустота, а дальше, в глубине кварталов, пятиэтажные дома выкрашены желтой краской. У нас этого нет. Вообще, архитектура чем-то от купчинской отличается, с непривычки кажется какой-то немецкой. Вечер проспал. Завтра выпьем вина, вот день и выделится немного. Надо уже готовиться к восьмому марта. Может быть, соберемся к Герте Михайловне, тогда Кира успеет мне передать книги, я просил Су Дун-по и одну об индийской мифологии, он совето-

вал почитать, я глянул у него, в самом деле интересная, но тогда не взял. Не помню ни названия, ни автора. Какой-то англичанин. Посмотрим. Но, может быть, никуда и не соберемся, это все еще неопределенно. Куда определенной ночной чай и записи. Слушаю в темноте Канновера и даже задремываю, такой сладкий джаз, какой-то дублинский гитарист, а квартет канадо-американский. Позже слушать нечего, ничего не слышать, и перехожу на кухню, разводить эти тары-бары с самим собой. Сидеть на свежем воздухе приятно и чай пить приятно. Не забыть Вере сказать, чтобы батон купила, когда пойдет выбирать, а то белый хлеб кончился. Вообще, перед праздником образуется много пищевых отходов, приканчиваем консервы, и мне приходится вытаскивать в мусоропровод больше чем обычно всякой ерунды. Хлеб бы тоже был должен я покупать, да уж в праздник, ладно, она справится. Сегодня, кстати, погода ли, что ли другое, но за пивом очереди под вечер нет, выпил походя кружку. «Иверия» и армянский портвейн продаются свободно не то третий, не то четвертый день, это так непохоже на нас. Что же, краснодарское землетрясение уже можно бы и отметить как-то, как из ряда выходящее. Никакого предмета памятного под руки не попадает. Ни книги никакой об Краснодаре. На днях мама вспомнила, что у нее хранится детская фотокарточка папы в башлыке, с сумкой через плечо, якобы это он снят, идет с краснодарского базара, году, может, в семнадцатом. Но там уже есть родственники у Вериных сослуживцев, да и вообще связь с этим городом непосредственная, не то что с Чаткальским хребтом. У каждого что-нибудь с Краснодаром да связано. Был там, проезжал, кто-то останавливался. Я много слышал от папы о тех местах и, хотя не помню слов, но общего чувства не забыть, не передать. Как

и вообще его рассказов о Кавказе, Афганистане, Кубани, etc.

Перечитываю «Дао Дэ Цзин». Успеваю за раз весь его прочесть, но дня через четыре-пять беру снова. Так я и до Конфуция доберусь. Однажды я его прочел в Гатчине, в Никольском, в больнице, быстро очень, без комментариев, и мне показалось, что перевод очень гладкий, даже нарочито гладкий какой-то. А вот за Мо-цзы я не принимался. Что-то удерживает пока, но если книги будут у нас храниться, то доберусь и до Чжу Си. Не все же слушать, как на кухне Вера читает вслух детективы. Мне мерещится, что как детективный жанр развился, так появляются книги о землетрясениях, со своими законами жанра и т.д. Упованием на это и живу. Мне кажется все, что это хотел мне сказать Володя Пятницкий. Что будь у него такие образа, он бы повесил их и еще повыше, туда, где нельзя ни руками потрогать, ни нос сунуть. Может, я ошибаюсь, мне бы хотелось понимать его поточнее. Смысл тот, да, все же, сочувствия своим мечтам я не нахожу. Ничего и так. Папа приучил одному стоять за свое все и не уступать никому в главном. Так и нужно жить, а память медленно оборачивает то одной стороной, то другой разные события уже моей жизни. Как я копья ломал из-за никарагуанского землетрясения, старался Яр. Влад. доказать, что сижу уже за революцию, а во время срока произойдет еще только разрушительное землетрясение там и что по степени причиняемого ущерба эти народные восстания только с ними и сопоставимы. И так оно и было. Землетрясение в семьдесят втором, старшее Манагуа, революция в семьдесят девятом. Ну, эта сотрет и что осталось. Он тогда, как меня увидел после освобождения, сказал, что «это меняет дело». Но это слишком неопределенно было сказано. Правда, при этом была Мила, но теперь мы с ней никаких

отношений не поддерживаем. Так и пропала за ней книга о религиозном отречении. Неудобно, но где ее взять, она бэби нянчит, подъехать мне к ней никак. Странно, что и эта молодежь тащит книги, мне казалось, что это бы должно с нами, с Лешей Хвостенко и его возрастом пройти. Вот уже Кира ничего себе подобного бы не позволил, а эти, значит, более разбитные, чем им на роду написано. Или я ошибаюсь и мне так кажется. В наше время было модно пропивать чужие книги и свои, но ничего кроме запоздалых сожалений это не вызывает. Потом я столкнулся с серьезной и иной постановкой этого дела. С куплей-продажей книги в больших масштабах. Но и тут, хоть как против такового предприятия и не найдешь что сказать, я смотрю — кого. Вот так же вообще, раз Яр. Влад. сказал, что «Книгу так любить нельзя». Я с этим не согласен. Был и есть. А буду ли, поживем — увидим. Легко пишется. Как бы снимаются какие-то ограничения, которые ставил себе. Буду считать, что я так опредмечиваю наш Краснодар.

Темно на улице, гомон в доме стих, я один хожу и рассуждаю о будущем.

Когда в январе восемьдесят четвертого года я задумался о прогнозах на будущее, мне показалось, что дальше прогноза нет, весь он исчерпан. Может, в этом и пафос Оруэлла, что дальше восемьдесят четвертого и заглянуть не удастся? А я писал, что и дальше семьдесят четвертого уже можно говорить о том, что тут будет только в плане футурологического, как я его понимаю, прогноза. «А вообще-то и нет», — сказал бы Яр. Влад. И вот попробуй пойми, к чему бы его слова подошли? Видать, без кровной связи авторитеты не такие уж авторитетные. Будем считать, что это была манера выражаться. Я хожу и пытаюсь неосознанные предчувствия поднять до уровня сознания. В этом есть что-то от попытки заручиться от неожиданностей

происходящих, но есть что-то и другое. Состав жизни самой по себе и в этом проглядывается. Будем считать, что прогноз на дальнейшее надо нажать еще. Накурить, напиток-наесть, накопить. Скопить немного этих денег будущего — взгляда в будущее. Вот и выходит, что этот год мы должны, я должен прожить так, не зная, что ждет впереди. Может быть, это исчерпалась какая-то способность. Буддистская мудрость учит вообще не развивать способности, но, по-видимому, пользоваться тем, что есть. Если учит и не использовать того, что уже накоплено, то это уже перевод в другой несколько план. До такой степени буддистом еще надо быть. Я говорю о другом. Год рассеяния. Прогнозы были приурочены к этому году, и вот он, сам по себе, оказывается пустым в плане предчувствия будущего. Ну что ж? Это все же жить в соответствии с какой-то культурой, а не опустеть окончательно. Год дает только заглянуть туда, где пусто. Но сам по себе он не не дает жить, как предсказывалось, что уж тут совсем житья не станет. И вот выходит, что и из одного упрямства его стоит пробыть как-то. Пусть без ясного знания будущего. В каком-то смысле жизнь тут и начинается по новой, в смысле возможных ошибок и непредвиденностей. Осторожность терять и тут не следует, не обязательно. Амальрик вот прогнозировал, а сам помер, не доехав до Мадрида полдороги. И мы никогда не узнаем, по-видимому, что произошло там. Может, и узнаем, конечно, случайно или с большим запозданием.

На выборы мне не надо, психические не голосуют, радио в такой день тоже слушать не станешь, ничего хорошего нового не говорят, вот я сижу у окна и прикидываю в уме, за что я сидел последние годы. Ну, за Никарагуа, это уже прямо лейтмотив. Потом за китайско-вьетнамскую войну, тоже три месяца, да она дольше и не продолжалась, ну это, допустим —

война, наших бьют. Но главным образом, за Афганистан. И тут я смотрю, что сажалова ихняя начала сдавать, за такое дело свободно месяцев шесть—восемь можно было отхватить, а то и год, как докопались бы до связи с этой афганкой. Но нет — три месяца, скромненько и со вкусом. Суслова, там, похоронили и пожалуйста вам, выписывайся из Скворечника. Помню, как за ДЕНД <Движение единого народного действия> чилийское прихватывали с этой е..... переводчицей, таскали на Лебедева раз за разом. И шесть, и восемь, и четыре месяца, всякие срока волок. Как с Вербовскими за Милку подсадили — полтора года (только в Никольском — год), а теперь сажалка что-то мельчать стала, уже как за эмиграцию вообще не садят надолго. Отъе..... гады понемногу. Я и квартиру переменял. Эта чилийская патриотка от матери сама съехала, получила жилье на Большой Московской: а на новой квартире меня уже не поймает, какие бы тихари там ни держали хату. Последний раз брали меня за взрыв в Тбилиси, еще Наташка пришла, попросилась ночевать. Я говорю: спи себе, а сам последние известия тихо слушаю. И только «Голос» объявил про этот взрыв, приезжают два амбала и, пожалуйста вам, опять Скворцы. Но это у Наташки с Тбилиси какие-то осложнения, я тут чист, мне там взрыв, что извержение на спутнике Сатурна, еще дальше. Ах да, позже еще я сам подсел за драку с квартирными соседями. Опять два с половиной. Не держат. Очень свободно стало. Вот теперь-то меня не тягают, а Андропов умер, под эту масть совершенно свободно я бы выписался. Ну, с Афганистаном еще не все потеряно, да и прежние знакомые могут зацепить. Отраженным светом освещаюсь, так сказать, вот и не голосую, не хожу никуда, и в такой день и по-давно все на жену сваливаю — и вино, и хлебы. За какие еще успехи нашего оружия придется постра-

дать, — в метро эскалатор оборвется или опять в Тбилиси что, не знаю. Вдруг, может случиться, Магдалина окажется действительно журналисткой и бабракеровской патриоткой, тогда, конечно, не отвертись; будем надеяться на лучшее, что все это плешь, что Боливийское народное единство до меня не достанет. Аминь. За МПЛА еще вроде не брали, за НФЛО. За польские дела еще успеем. Вот и пришлось со старыми друзьями распрощаться — всех не пересидишь, хватит не на одну жизнь. Это мои «мелочи для погрома». Почему купил. Избирательная способность еще не потеряна.

Про Ленинград-то никак не скажешь, что это городок в табакерке. Это про больницу Скворцова-Степанова так можно бы сказать или про Новую Голландию, если взять ее изолированно. Но я думаю, что Кронштадт имелся в виду первоначально, потому что в девятнадцатом веке, говоря относительно, город тоже таким маленьким не был уже, чтобы об нем так выразиться. А и имеется в виду городок каких-то с ума сошедших дембелей, или институт комиссованных вчистую поручиков, или мир балета, вот что-то из этих трех. И чего эти педерасты хвостом крутят, я так и не понял; не нравится им романовская дамба и не нравится, не признают они ее за великую стройку коммунизма — их дело, но меня ведь тоже не заставишь на Г. Уланову Богу молиться или смотреть на театралов и балетоманов как на перл создания. Политика тут ни при чем, об политической стороне я на предыдущей странице говорю. Вот и получается, что этот .... (Вербовский) помогал какой-то здешней ДНД <Добровольной народной дружине>, очень призрачной власти, людей под себя ушивать, а я, например, этого не терплю, поэтому вообще ни с книжниками, ни с театралами, ни с этим братством по оружию дела

не имею и никаких отношений не поддерживаю. А чтобы спросить за это, надо бы, чтобы я к ним принадлежал, хоть к записным поэтам или меломанам каким-нибудь. А так как этого нет, то и прийти в голову меня под эти круги размазать могло Элле Фингарет или чьим-нибудь знакомым психиатрам. Но у меня никаких их знакомых нет, и со мной бесполезно обо всей этой табакерке разговаривать. А «Русские ночи», как бы нарочиты они ни были, у нас есть, но и путать их с этой историйкой о пользе палочной дисциплины не стоит. Вот и пришлось сказать этим народам «отсос», не заставят они никого под свою дудку плясать, пусть расскаются хоть в том, что родились. Но вообще-то это все уж чересчур не ново, и надо подо всем этим искать попытку тебя вломить как-нибудь, а вовсе тут никакой не «Городок в табакерке». В конечном счете это все женская психология довлеет здесь, женская любовь к порядку. Мне это ни к чему, и я отказываюсь знать их условия. И выполнять, конечно.

В воскресенье зарегистрировано два землетрясения в районе Кавказа, одно пять и восемь десятых балла, сообщает Упсальская обсерватория. Точнее об месте не сообщается. В газете пока ничего не было. Одно в Дагестане, второе в Армении. В Боливии в пятницу произошел колоссальный оползень, погибло сто двадцать человек, в месте с названием, похожим на слово «снег», погибло сорок семей. Обо всем этом дается совсем мало информации. Сегодня в «Известиях» заметка о том, как испытывается сейсмостойкость зданий в Алма-Ате; создаются условия девятибалльных подземных толчков. Все новые постройки проходят такую проверку, но это в Казахстане. Может, завтра будет напечатано сообщение об этих двух землетрясениях.

В программе «Время» показывают извержение Килауэа, вулкана на Гавайях, показывают раскаленную лаву на склоне горы. Зрелище очень впечатляющее. Один раз я только видел по телевизору свежие расщелины в земле. Тоже не с чем сравнить. Мы как будто и не на земле. Эти съемки были сделаны очень давно, чуть ли не в двадцатые годы. А теперь обычно показывают щели в стенах зданий или оставшуюся от них груды мусора. На новых повреждениях взгляд фиксируется, но щели в земле еще страшнее. Говорят, под Ашхабадом есть разлом глубиной тридцать километров, никаких и шахт и скважин не надо. В нем установлены приборы специальные, фиксирующие толчки. Кто-то и это видел своими глазами. Такие раны ничем не залечиваются, я думаю.

Выходил на улицу. За домами, во дворах слышен громкий птичий щебет. За поликлиникой в голом кусте шиповника сразу десять—пятнадцать синиц, как в ажурной клетке. Рядом с ними, по-весеннему грязными уже, окраска простого воробья выглядит экзотично. Угадывается какой-то цвет оперения, помимо серого, иной, сдержанно-яркий. Или идешь по тропинке, и на кусте толстый нарядный снегирь, даже сумку перекладываешь из руки в руку, кажется, можно его взять или хоть погладить. Но он предупредительно перелетает подальше. Так давно я не видел стрижей и ласточек, а раньше часто приходилось за ними наблюдать под Москвой и в других местах. У нас они совсем не водятся. Им нужны обрывистые берега рек или деревянные дома, где бы можно было прилепить гнездо. Зато сколько в последнее время развелось диких уток. Во дворе за Будапештской вырыли пруд, так там их не меньше сотни я видел, трех мастей. Потом часто чайки к нам залетают, вороны стаями пасутся на пустырях. Какие-то птицы, издали не

рассмотреть, облюбовали одно дерево и сидят утром, как и под вечер, несмотря на морозец. Голубей не так много, как в старом городе, но есть и они.

Вчера уже начался пост, а накануне был большой праздник — пятисотлетие со дня смерти Святого Казимира, покровителя Литвы, сорокалетие Ялтинской конференции. Вчера Вера ходила на конференцию по книголюбству и купила две книги: «Поэты пушкинского круга» и «Воспоминания» Анастасии Цветаевой. Очень довольна. Здесь, в Купчине, вообще не встретишь человека без покупок. Приезжая сюда, все несут с собой коробки или свертки, либо идут с сумками и кошелками. Руки всегда заняты. Я прикидываю, что и по прямой от наших садиков до города далеко. Если смотреть в сторону города, то виден один Исаакиевский собор. Теперь и у нас возвышается ориентир — высокое здание больницы скорой помощи, а вот круглая башня в том конце Будапештской не видна, ростом не вышла. Чтобы не пропустить сообщения о землетрясениях, впору прослушивать подряд все выпуски последних известий. Я этого не делаю, гадательно выбираю, когда слушать. Вдруг мама вчера вечером говорит, что уже слыхала об Кавказских, но одно было не пять и восемь, а пять ровно. Я это пропустил, дремал. Все еще холодно у нас, ветрено. Сегодня опять ночью выпал снег. Время между зимой и весной. Сами мы просто так на улицу не выходим, обязательно идем за покупками, даже просто ходить пить пиво не принято. Смотрят уже как на насущего человека. Только пьяные подходят к ларьку просто, без дальнейших околичностей. Поэтому большую часть времени просиживаю дома. Ну а из окон, кроме двух дымящих огромных труб, никакие ориентиры не видны. То, что видно — тысячу окон, надо еще раз помножить на тысячу таких видов, чтобы пред-

ставить себе, что такое современный город. Когда-то я думал, что новые районы будут раскиданы, не будут смыкаться один с другим. Но нет, уже сейчас не разобрать, что куда относится. Заметно делят их только железные дороги. Надо хорошо знать названия районов, чтобы не путаться, а так я с иллюзиями живу относительно того, как называется то или другое место. На старом плане города было все это лучше видно. Один раз мне дарили такой план, да я не взял, отказался. Пару часов каждое утро провожу бодрствуя, а потом, когда Вера уйдет, могу снова лечь спать. Если чифир горячий, то тебе никто не брат и ты способен отказаться от чего угодно, если немного остыл, то грешься возле газа или батареи, смотришь выпить еще. Я много курю. Несколько дней назад я переписал § 45 «Дао Дэ Цзина».

§ 46. Когда в стране существует *дао*, лошади унавоживают землю; когда в стране отсутствует *дао*, боевые кони пасутся в окрестностях. Нет больше несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен [своей жизнью].

§ 47. Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественно *дао*. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому совершенномудрый не ходит, но познает [все]. Не видя [вещей], он проникает в их [сущность]. Не действуя, он добивается успеха.

Ван Вэй

Если лед скрыт в сосуде из нефрита,
Волна так холодна, как зеркало луны.
Сосуд, как и луна, от солнца яркого лучей сокрытый,
Сияет, как луна, сквозь прорезь [облаков],
Таит в себе замкнутый свет, внутри же нету тайны,
Там скрыта чистота, извне он как пустота.

Ван Вэй

С приходом весны повсюду разлились воды Персикового источника, и не разберешь, [где] священный источник, в каком месте [его] искать.

«Пишу в деревне у реки Ванчуань в пору долгих дождей»:

В чаще глухой в пору дождей
Вяло дымит костер.
Просо вареное и гаолян
К восточной делянке несу.
Белые цапли летят над водой —
Залит полей простор,
Иволги желтые свищут в листве
Рослых деревьев в лесу.
Живу среди гор, вкушаю покой,
Люблю на цветы смотреть,
Пощусь под сосной, подсолнухи рву,
От мирской тщеты в стороне.
Веду простую крестьянскую жизнь,
С людьми не тягаюсь впредь,
Но птицы, не ведаю почему:
Нисколько не верят мне.

«Когда Су Ши в 1060 г. посетил Кайюаньсы, храм, расписанный этими двумя великими мастерами <Ван Моцзе и У Даоцзы>, он написал стихотворение: «[Ван Моцзе] был глубоким поэтом. Он носил ирис у пояса, а его одежды были украшены душистыми орхидеями. Теперь, когда он [дал мне возможность] созерцать эту настенную живопись, [она мне показалась] очень похожей на поэзию [художника, поэзию] чистую и одинокую. В храме Будды послушники исхудалые, как журавли. Их сердца, как угасший пепел, который ничто не может оживить. Перед дверью два

куста [молодого] бамбука. Их заснеженные коленца спускаются до обледеневших корней. Их переплетенные стебли, их смешанные листья бесчисленны, [они полны] движения. И все же [можно] проследить [каждый из них] вплоть до точки их связи. Сколь ни чудесен, сколь ни исключителен мог быть мастер У [Даоцзы], который почитал только искусство живописи, Моцзе улавливал его [дух] сверх внешних форм. Он, казалось, имел крылья бессмертного, чтобы улечь (се) из клетки».

Солнце садится, и сперва кажется, что это красный отблеск на облаках. А потом, постепенно, вырисовывается большой красный круг. Целиком его не видно, отсечен то нижний край, то верхний. Дым появляется на фоне шара того самого цвета — красного солнца. Вот это у нас видно в западное окно. Передают, что зарегистрирован сегодня подземный взрыв, силой шесть и шесть <десятых> балла в районе Семипалатинска, сегодня ранним утром. Остальные новости культурного свойства, я шучу. Сняли Любимова. Больше ничего не слышно. Испытания новой ракеты в Канаде прошли успешно. В этом году они больше производиться не будут. Угон французского самолета в Ливию. Ушло в отставку правительство Сирии по неясным причинам. Говорят, борьба за власть. Все это новости одного дня, накануне праздника восьмого марта. Обещали плана дать. Подчитываю «Мудрое вдохновение» Завадской, пора возвращать владельцу. Вон сколько выписал стихов. Внезапно вспомнил свое старое-старое стихотворение: Зимнее.

Дым из трубы не мог подняться выше.
И вот весь он здесь, на фоне стены.
Колокольня дальше говорит «Прощай!»
«Прощай» — я еду дальше.

Придуманно в сильный мороз, когда дым не распространяется в воздухе, а висит в одном месте. Танки по-русски я пробовал писать время от времени и позже, но сейчас не вспомнить. Кроме одной:

Изнутри — снаружи, изнутри — снаружи,
Я стучусь в себя. Какой ты?
Розовая кукла? Отзовись.

Я их написал в подарок Элле Фингарет, но она, кажется, его не приняла или ей они не понравились. Были и еще какие-то, но не помню точно. Я готов считать их неудачными, и, кажется, с этих пор уже стихи не пишу. Да-да, я раньше приходил к выводу, что у меня сочиняется не стихотворение, собственно, а размышление, длиной в одну строку. Но пришлось бы часто очень грустить, чтобы потом записывать эти ламентации. Чаше, чем мне свойственно. Я не очень, оказалось, люблю предаваться грусти. Вот результат — отсутствие продукции.

Чем лежать да потеть не от жары, лучше встать, выпить чаю, походить и размяться. К такому выводу я прихожу в последнее время часто ночью. Сегодня еще работает радио, когда я встаю. Для очень одиноких людей эти передачи до часу ночи, для тех, кто работает не из-за денег, а из-за невозможности так прожить. Для тех, у кого на работе и приемника нельзя послушать или нет возможности его завести, для тех, кто должен тут просто сидеть на месте и может слушать. Это универсальное одиночество, но в других городах, наверное, еще не так дело поставлено. В смысле, что там и одиночество жесточе. Одиночество и его спутница, копошащаяся жизнь, распад жизни, что-то по ту сторону и алкоголизма и наркомании. Всякая бытовая патология и, как продолжение ее, и социальная патология. Вычеркивание людей из чис-

ла нормальных существ, постепенная деградация, скатывание к какому-то нижнему пределу. Все знакомое, что пережил или хоть одним глазком повидал. Реальность, отличная от социалистической, но с ней сосуществующая в больших масштабах. Пища для размышлений тем, у кого есть силы и способности размышлять. А наша жизнь и заявляется как существование для размышлений. Вот и пойми, что же — инстинктивное бытие или медитативное. Что же это — противостояние, неразрешимое противоречие. Мне кажется, что новая литература, в частности польская, занималась этой проблемой. Но у нас часто осуждают и эту проблематику как попытку выпятить ущербность, отсталость. Осуждали за это и отдельных художников и целые направления. Это, в конце концов, выражение национальной непримиримости и невольно всплывает выражение «великодержавный шовинизм», но это с одной стороны, а с другой — это и непримиримость человеческих темпераментов. Сегодня Вера пришла позже — праздновали на работе, и дала мне выпить три неурочных плошки «Лидии», и вот до чего я раздумался. 8 марта. Кончилась паста в шариковой ручке, дописывал с большим усилием, а новая ручка была под рукой. Эта тема очень обширная, просто так от нее не отпишешься. Жаль тут не польскую литературу или искусство, о положении дел в котором сейчас ничего и не известно, а, отчасти, жаль и самого себя, со своими настроениями, которым предлагается наступить на глотку. Эта тенденция так сильна в социалистической культуре, что контркультура, какая ни есть, буквально перестает быть производящей. Но и бесплодность, как и чувство одиночества, одна из характеристик современной жизни. У нее вообще так же много характеристик, как и у всякой, и не надо предаваться перечислению одних отрицательных. Надо мерно перечислять их, «с рас-

становкой», а не обязательно стихами. Мы с социалистической культурой не боремся, но не признаем ее проявлений, а спешить с этим некуда. Вот и производится не художественное, в традиционном смысле, произведение, а какая-то наукообразная публицистика, что ли. Горевать надо не о том, что журнал «Польша» плохим стал, а о том, что подорвана в себе самом творческая активность. Но на все есть свои причины. Может, и просто горевать не надо. Надо повторять и всем известное, как это. Вот с каким усилием пишешь, когда паста кончается, с таким же усилием и думаешь, так же затрачиваешь неоправданные усилия на размышления о простых вещах, которые так ясны. Надо ровнее думать, чаще возвращаться к одному, только так и перерешится эта проблема. И, конечно, надо думать одному и самому. Не оглядываться в этом на других, пусть мысли банальны.

Был на дне рождения у Киры, фотографировались. Это, должно быть, хорошо вышло. Смонтировали несколько картин, а перебрали уйму. С трудом подыскиваем место на стенах, перебрались в прихожую. Пили. Народ посматривает и делает какие-то не подходящие до меня замечания. Очень странно, что я привлекаю внимание. Что это? Излишняя женственность восьмого марта так на них действует, или что-то непонятное привлекает внимание ко мне? Я не понимаю, в чем дело. Косятся, как будто не у себя в городе. Слушали много джаза, сначала внимательно, постепенно все более рассеянно. Привез «Японские легенды о чудесах». Дело было. Договаривались о том, как пристроить эту рукопись, говорили вообще о новостях. Настроение очень хорошее, и его ничто не портит. Погода очень мягкая, в магазине на Искровском полно напитков. Взял два «Кавказа». Разные дорогие вина продаются и водки всякие. Один «Кавказ» употребили, а второй так и остался. Может, вечером

кто-нибудь зайдет. Допились до «Апшерона». Вот жизнь.

9 марта. В праздничную ночь не сплю, читаю. Хоть ночью никто на тебя не смотрит. И дома еще выпил немного «Лидии». Теперь ее продают в бутылках с пробками. Не знаю никаких новостей. Пора отдать дневник Боре, обсуждали, как у него получить предыдущие тетрадки, надеемся, что он их обработал как следует, а с этой будет уже легче. Почерк разборчивый, и записи последовательнее идут. Будет ли он редактировать, ведь я пишу ничего не исправляя, как есть. Может, он не возьмется, тогда пускай Кира прочтет, кое-что ему наверняка интересно. Я бы мог больше о его дяде навспоминать, как я пытался безуспешно, еще со школьных времен, разузнавать о нем, но сейчас что-то больше не вспомнить. Может, и так понятно. Надеюсь. Это дело, потом разные другие дела — надо будет еще раз приехать в картинках порыться. Есть большая коробка, до которой руки не дошли. Хотим поснимать что-нибудь из работ на черно-белую пленку. С Эллой он нас снимал с одной картиной с цветами, к которой не удастся пару подобрать. Мы сидели, как на литографии Герты Михайловны. Интересно, что из этого получится. Он только начинает со вспышкой снимать, а может, и нет, не знаю. Натюрморт мой чайный не достали, я бы хотел попробовать его снять. Он хорошо должен выйти на фотографии.

Завтра Вера уезжает на весь день своих навещать, надеюсь, что бутылку нам оставит, еще «Лидия» есть у нее, запасена. В нашем магазине думал вначале что-нибудь купить, но очередь такая, что даже не верится, таких я и на Белы Куна не припомню. Дошел туда почти, а там закрыто. Кира ходил за вином перед обедом, и ему ничего не досталось. Вот какие порядки, рады и «Кавказу». Нельзя сказать, что мы только из-

за выпивки встречаемся. Я здесь это вижу. Передам ему дневник, пусть поступает как хочет. Может, и Эллочке будет что-то интересно из моих воспоминаний. Я о многом еще не вспоминаю, о наших московских похождениях, да и многих ленинградских знакомых. Одни уехали, о других еще не вспоминается.

Завтра собираемся на три дня уехать на Петроградскую. Вот там у пивных ларьков меня никто не помнит. Надо укол сделать, деньги получить, а мама собирается остаться у себя подольше. Хочет, чтобы мы пожили одни. Это не так уж важно. Я книги оттуда захвачу, и все мои они будут опять в одном месте. Хотелось бы все же в Эрмитаж попасть. Не знаю, наверное, не получится. Плохо, когда много зарубежных выставок. Арманд Хаммер привез в Москву «Кодекс» Леонардо. Можно представить, что там делается, а он говорит, что удастся возобновить культурный обмен. Культурный обмен — это что-то, что проходит мимо простого народа, это как бы где-то не здесь. Во времена «Метрополитена» и выставок всякого золота это очень становится заметно, но, когда эти модные выставки следуют одна за другой, становится ни за ними не уследить, ни просто в Эрмитаж не попасть. А отделы Востока закрыты. Прямо настроение китайской поэзии. Привез еще Су Дун-по. Может, Верочка захочет попечатать. Есть поэма «Тайфун», сочиненная на Хайнане. Никогда ничего сочиненного там пока не встречал. Сборник маленький, но нарядный. А Тэрнер читается легко, несмотря на избыток незнакомых непереводаемых слов и выражений. Успел только заглянуть. Мне казалось, что это на материале индийской мифологии написано, а оказывается, что все о первобытной мифологии. Но читается легко, если не вдаваться в суть разногласий между разными учеными.

Вышла еще книга курдского писателя, не знаю ее названия и не видал, но, кажется, у Миши она есть или будет. Можно будет глянуть, что это такое. Больше ничего нового, кажется. У них если есть новости иного рода, то они молчат, как-то не доходит до них.

Вот три подряд праздничных дня, а в воскресенье нужно на работу. Внимание рассеянное. Это недостаток. Хорошо и нехорошо одновременно пить помногу. Не ругаются дома, и то ладно. Вера сперва хорохорится, но потом уступает и соглашается, что я прав по-своему. От этого легче. Когда я возвращаюсь, они уже кончили читать свой детектив и быстро готовят праздничное мясо с фасолью. Но за едой говорят о том, что я, конечно, пьян. А я не пьян, но спорить не в силах. Просто рассказываю все как было и ложусь после еды. Неожиданно засыпаю. И когда просыпаюсь, время уже Канновера одного слушать. Боб Шэнк играет на флейте, но я еще не совсем пришел в себя. Мама уже легла, к тому же очень много музыки было днем.

Спасаюсь чаем да писанием. Читаю понемногу, курю. Несмотря на праздник, все тихо. С шумом гости уже разошлись. Ночью ненарушимая тишина в доме. Мне спокойно. Все успеваю до утра, но не чувствуется совсем творческого подъема, как-то делаешь все только привычное. Сегодня не надо выходить на улицу. И не надо действительно. Как не надо мешать другим заниматься своими делами. Развлекаться. Тут развлечение-то одно — пиво да вино. Вот не мешай тем, кто все остальное время занят делами. В будни у меня довольно времени для всего того, для чего у других в праздники только находится время. Скоро теперь уже наступит весна, но она в этом ничего не изменит. Кажется, школьники будут больше заняты, а так все круглый год одно и то же. Любоваться на отпускников я тоже не привык. Но и летом бывают буд-

ни, когда довольно свободно можно переделывать все свои дела. Я ходил в прежние годы много за вином и повадился брать его в магазинах у железной дороги. Там есть яблоневый сад, теперь аккуратно расчищенный, так вот как-то тут вина не оказалось, и я должен был пройти через него, и он был днем в будень полон загорающих. Я с этим как-то не сталкивался. Не все, значит, предпочитают ездить за город. Много, прямо много красивых девушек, и вообще, я понял, что мне там делать нечего. Но летом лучше, свободнее, не так скользко. Нет-нет, что-то нами делается.

Получается, что мы в праздники да под видом дня рождения работаем больше всего. Эх, надо бы Кире подарить эту «Вавилонскую башню», да обещали уже Маше, когда подрастет. У него, кстати, тоже никто не понимает по-венгерски, и разобраться в правилах игры нелегко. А в саду обещали городок аттракционов устроить. Не знаю, в шутку или всерьез. И когда это будет? Надо лечь полежать, рука устала.

Попалась пачка со слонами, а чай в ней гранулированный, что такое? Такая партия. Из другой пачки, такой же, заваривал в первый день праздника, был чай обычный, как всегда, а эту открыл и глазам своим не поверил. Чай хороший, до того крепкий — вырви глаз, пью не нарадуюсь, жалею, что мало. Есть еще пара пачек таких, да не знаю, что в них. Очень вкусный чай. Ночью он незаменим. Читаю «Японские легенды о чудесах». Это уж вторая такая книга, первая — «Корейские предания и легенды». Обычно подбирают рассказы, где высмеиваются буддийские монахи, а здесь наоборот. Большая редкость в наше время. Музыка сейчас передается неинтересная, слушать нечего, беру книжку, где ни откроешь, все прославление учения Будды. Вот корейскую книгу легенд нам просто удалось купить в «Букинисте», как-то ут-

ром зашли, и Вера ее без труда нашла. Я ее уже читал в больнице, и по внешности она была ей знакома. Спекулянтов хоть и много развелось, но таких, чтобы принимали Закон за чистую монету, нет совсем, поэтому с серьезной востоковедческой литературой полегче. В первом номере «Нового мира» за этот год напечатан роман У. Голдинга, Нобелевского лауреата. Тоже, наверное, можно достать. А «Японские ле-

генды о чудесах», думаю, попадутся, если поискать. Правда, мы сейчас по магазинам не ходим. Я пью пиво и дальше ларька от дома не отхожу, тем более что он расположен возле торгового центра. А у Веры и Киры из-за работы времени нет шастать по «старым книгам». Все же я у него тут увидел полное собрание сочинений Салтыкова, отдельными выпусками. Купил где-то без двух последних выпусков за двадцать рублей и очень доволен. Мне бы такого Гончарова хотелось достать. Он не очень дефицитный. Да деньги все свободные уходят, совсем не остается. Пожалуй, мне не придется ехать на Петроградскую, что-то ссорюсь с мамой, все из-за вина. Провожу их, а сам лучше отсюда съезжу два раза в город. Не пить мне на Щорса, а я уже собрался у нее бутылки сдавать, ничего, так-то легче еще. Второй день праздника прошел незаметно, день был солнечный и, Вера говорит, теплый. Я не выходил, посматривал на гуляющих. Наверное, многие пьяны, и женщины тоже. Не резон тут шляться. Вот тут что-то переворачивается, и я думаю, что как много книг я ни терял и ни утрачивал, находил все же еще больше. И те, что есть, и те, что проходили через мои руки, все найденные. Каждая по-особенному. Можно книги любить.

Подслушал передачу, точнее хвостик передачи, шведского радио. Интервью с Г. Улановой, в процессе которого говорится, что на ее ногах воспитано целое поколение советских людей, а потом интервью с человеком, который участвовал в «Неделе любви», проводимой в шведских школах. Уланова тоже там, натаскивает «девочек». Никогда ею не интересовался, на ней не воспитан, из школ любви слышал больше всего о школе любви по Генри Миллеру, но и в перспективе здесь нет никаких указаний на то, что он может быть издан или распространен как-нибудь. Приходит на ум, что вот города Богданова нет ни одно-

го, но зато есть город Богдыханов, Пекин. Есть гора Богдо.

Где Волга прянула стрелюю
На зовы моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
Темнеет взору рыболова.
Слово песни кочевое
Слуху путника расскажет:
Был уронен холм живой,
Уронил его святой, —
Тем холмом пронзивши пажить.
А имя, что носит святой,
Давно уж тем краем забыто.
Высокий и синий, боками крутой
Приют соколиного мыта!

Вот городов с названием Леон на земле много: во Франции, в Испании, в Мексике, в Никарагуа. Есть мыс Леона в северной Африке, возле Сеуты, есть страна даже — Сьерра-Леоне, и есть в Австралии город Леонгата. Так что сидеть приходится за Леон отдельно, а за Богданов — отдельно. Вот отчего срока по плану порой так часты. Собственно, Сталин Богу молиться не запрещал, это уж в новое время вместе с евреями они выдумали что-то на сей счет. Вообще Богдо — бурятский святой, с этой стороны я чист. Но еще в пять лет я знал, что уповать мне остается в своей жизни на Китай только. В пять лет я это сообразил внезапно, почувствовал одновременно, что никто меня в этом понимать не будет, и испытал чувство той грусти, которую вечной можно назвать. Так что это весьма непросто. И об Тянцзине я знал с пятилетнего возраста, что, когда Мао умрет, там произойдет величайшее землетрясение второй половины XX в. Но,

например, что под то и в Бирме будет не меньше, выводил сам, и на Новой Гвинее — сам.

Весной видно отчетливо далеко. Женщина между дальними деревьями высвечена вся, вплоть до сумочки, как асфальт виден подо льдом, как через лупу видно или как сквозь бутылку Хереса. Всю ночь — луна. Тринадцатое число. Очень сильный свет лампочек в одном окне привлекает мое внимание, я не понимаю, что я их раньше не замечал? Оказывается, я не видел ночью этого окна освещенным. И вот я гляжу на лампочки и вдруг над собой чувствую свет звезды, гораздо более слабый, но гораздо более сильный. Небо серое, и звездочки — это слабые точки на нем, но они отвлекают от головной боли, их нельзя выключить, как люстру надоедливую, с ними ничего нельзя поделать, и поэтому они сильнее. Под утро небо начинает синеть, а луна краснеть, по мере своего приближения к горизонту. Она начинает бледнеть за утренними облаками, туманами и дымами, пока не садится за дома, почти уже растворившаяся в раннем рассвете. Здесь нет теневых сторон улицы, по какой бы стороне ни шел, солнце прогревает, лед сияет, смотри себе прямо под ноги. Очень полезно переделывать хозяйственные дела, замечаешь что-то особенное. Баночки с горчицей в сетке у человека — не из ближайшего магазина, ну а у меня и могло бы хватить только на баночку с горчицей, а так я пью пиво и покупаю белый хлеб, все примерно по двадцать копеек, каждая покупка. Вчера, нагруженный, возвращался из города и только у железнодорожного моста понял, как хорошо весной на воле. Никого нет на улицах, залитых солнцем, только какие-то девчонки колют лед на шоссе. Здесь, где дома даже не просто широко расставлены, а тянутся линией вдоль одной только стороны улицы, а вторая — железная дорога, солнце слепит вовсю. На асфальте лужи и характерное марево в

воздухе, удерживающее людей в тених где-то, где их и не чувствуется. Самое солнечное время я и привык проводить за решеткой и любоваться весной из окна, забранного сеткой. Это так несправедливо, ведь я как раз из тех, кого манит весенняя даль, кому хочется тут идти совершенно свободно. Перевожу от мамы книги свои, в расчете на книжный шкаф. Да, эта весна сделана. Пишут, что на Менделеевской линии поставят памятник Ломоносову к восемьдесят шестому году. На Белы Куна навалены кучи глины, что-то тоже затевают. Ну, не памятник же. Люди, если бы я не сидел так часто, почти все в транспорте были бы уже знакомые, а так я признаю только хоть отвратительные рожи. Обеденный перерыв, и белые халаты все на улице, придется спуститься попозже, я еще должен купить хлеб, какую-нибудь рыбку в томате для супа, да и вина вторая бутылка не помешает. Трудно разменять пятьдесят рублей у прилавка, приходится ждать кассиршу. «Иверия», это очень хорошо для нашего магазина. Тихо совершаю все свои покупки, вчера люди где-то брали тюльпаны-леденцы на палочках, но, видно, это где-нибудь на Славе или еще дальше. Тихо играет музыка Гагаку. Сажу дома. Все, что надо было, сделано. Остается попить Херес и поджидать Веру. У нее сегодня будет работа по дому. Люди бредят весной, тут только понимая, что они уже не так молоды. Утром передача про вулканологов, довольно интересная, но однообразная. На днях в «Лен. правде» была заметка, что со спутника заметили дважды извержение вулкана в Арктике, в стороне от Аляски, неизвестного доселе арктического вулкана, а здесь показывают экспедицию на Эребус, подробно, с данными о силе ветра. Показывают озеро лавы на дне кратера. Интересно. Г. Тазиев говорит о том, сколько людей погибло во время извержений этого времени — цифры внушительные.

Хатка. 1958 г.

Купчино. Натюрморт с чайником. 1982 г.

Черный лотос. 1979 г.

Цветы. 1983 г.

Натюрморт. 1983 г.

Лихославль. 1966 г.

Красная крыша. 1966 г.

Сидящие фигуры. 1972 г.

Без названия. 1980 г.

Без названия. 1970 г.

Без названия. 1982 г.

Женская голова. 1971 г.

Женская голова. 1972 г.

Анамнез со слов больного. 1967 г.

Солдаты. 1970 г.

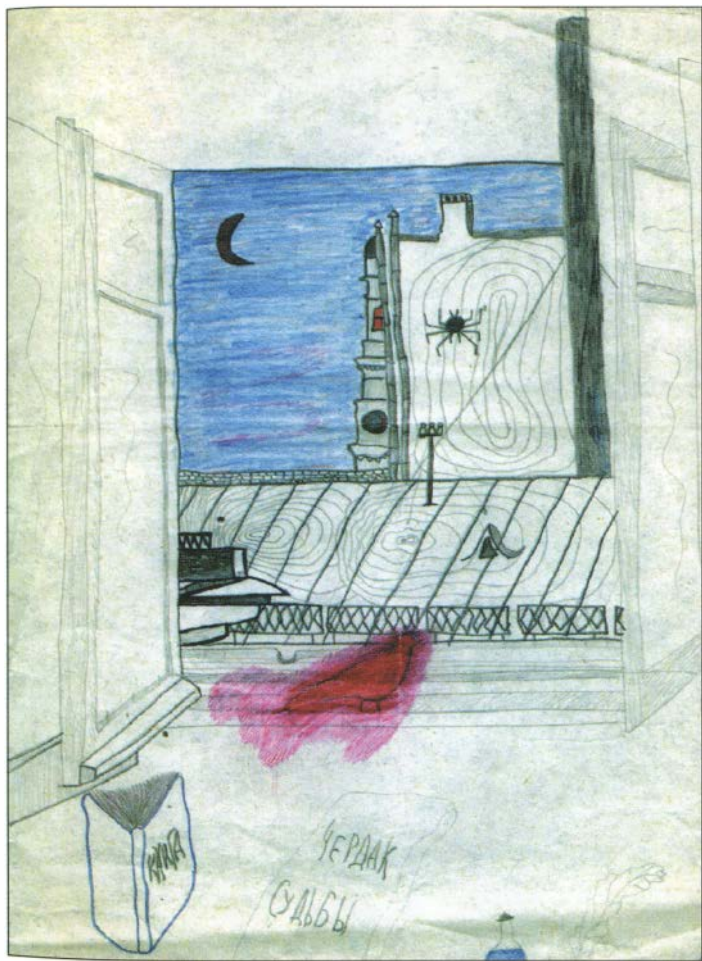
Солдаты. 1970 г.

Без названия. 1981 г.

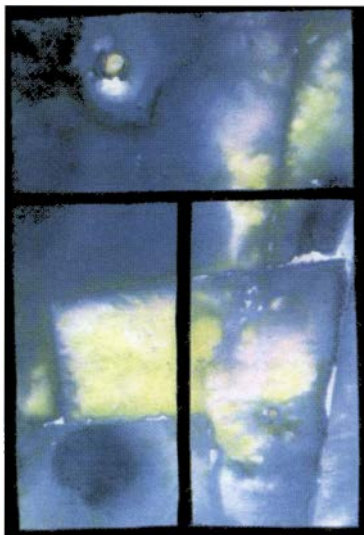
Железнодорожный мост. 1970 г.

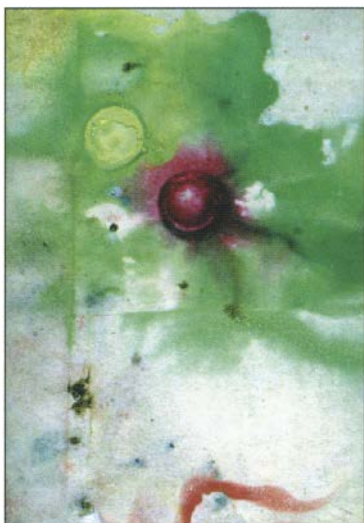
Чердак судьбы. 1980 г.

Сидящая фигура. 1978 г.

Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Конец 1960-х гг.

Пап, с 29 янв. Уйгурсай посл. 2-ое суток — 30 толчков, 13—14 марта РОЭ землетрясение. Отправлена помощь.

Деревья, заметил, красноватые, желтые и зеленоватые даже, чем-то напоминает это золотую осень, но это только весеннее пробуждение посреди снега их к жизни. Воздух такой прозрачный. Передают, что в Москве, в Троицком переулке открылся музей хлеба. Выставлены всякие выпечные изделия.

И на завтра еще есть на пиво с вином. Херес продается второй день подряд. В газетах пишут об увековечении памяти Андропова. Город Рыбинск переименован в Андропов. Еще пишут об испанском триптихе Мыльникова, выдвинутом на соискание Ленинской премии, что он экспонируется на выставке, посвященной 225-летию Академии художеств. Я наливаю до краев пиалу с бело-зелено-золотым орнаментом чистой водой, и мне кажется, что это верно передает образ землетрясения. Дело не в том, что она расплескаться должна в случае подземного толчка, а в том, что, заглядывая в нее, мы видим воду прозрачную до дна и в ней содержится отражение будущего-предстоящего. Но сегодня холодно, ветер студит руки, и, пожалуй, далеко не стоит идти. Лед тает, так что среди дня будет час, когда запахнет весной, но точнее я этого времени не ловлю. Минус. Я уже переоделся в весеннюю одежду, да на март надежды плохи, пока солнце, а завтра, может быть, наступят холода. Теплится жизнь у пивных ларьков, тут что-то говорится и произносится. Звонила мама. К ней заходила за снимками врачаха, почему-то поднялась по черной лестнице. Пока все в порядке, Верочка ночует у нее.

Колумбийские повстанцы совершили нападение на город Флоренсию и освободили из тюрьмы сто двадцать пять человек. При этом было убито около двад-

цати повстанцев. Акция совершена в ответ на захват подпольной фабрики по производству кокаина, где было захвачено семнадцать тонн кокаина на сумму сто миллионов рублей.

А вообще-то и нет. Просто на вкус этих людей ты уже развращенный. Не понять, что их вкус извращенный, нельзя. Но это особенность окраин. Странно, что этот закон действует здесь, в новых районах. На Ивановской или на Народной это просто бедствие. В этом выражается, в какой-то степени, неприятие ими действительности. Но совершенно с другой стороны. То есть они не приемлют в ней нечто совершенно другое. В центре люди поневоле терпимее, но за первым же углом бурлят эти страсти. Сверху опричники, под ними балет. Они дают ИТР. И вот этот Т. Р. огрызается. Огрызается всенародно, не только они. Городское мещанство, как всегда, недовольно и культивирует свой взгляд, свое мнение. Без этого жизнь была бы невозможна, не имея никакого выхода своему недовольству, которое неизвестно на чем основано, они уже не люди. Но, чтобы из этого что-то вышло, город должен бы быть гораздо теснее. А так выходит, что и огрызаться-то им приходится только по праздникам. Люди искренно непорядочны. Это стихия. Как бы они ни были удовлетворительны с точки зрения властей, но ими полна тюрьма. И вот вой стоит у них внутри. С таким противоречием малограмотным и нечего думать справиться. Скольких людей я знаю в лицо, но не знаком по имени. Чем меньше такие знают, тем лучше. Каждый день новые новости. А вот узнаем ли мы их на улице? Нет. На улице стало уже ничего не узнать. Вертишь в руках газету, заглядываешь на последнюю страницу — ничего. А надо бы читать с начала. Сегодня там все сказано.

Предстоит построить новые дома на девять тысяч семей, двадцать три школы и т. д. в Папском райо-

не. Последний сильный толчок произошел двенадцатого марта. Люди не живут в домах, даже дети занимаются в палатках, одеты еще по-зимнему. Сегодня показывали репортаж. Пятнадцатое марта. Дома, поврежденные, стоят, но их придется сносить.

Японские легенды о чудесах

О святом Сэйку с горы Сеся, что в земле Харима.

«Бывший государь Кадзан дважды посещал гору Сеся. Во второй раз приезжал с монахом Энгэном. Тот запечатлел Сэйку во время вечерней молитвы. Когда Энгэн отложил в сторону кисть, содрогнулись горы, затряслась земля. Испугался Кадзан, задрожали и остальные. Сэйку же сказал: “Не бойтесь. Земля трясется оттого, что рисует меня монах алчный. И еще раз трясоти будет”. И вправду — когда живописец работу закончил, земля и горы содрогнулись с силой. Кадзан упал и склонился перед Сэйку. Тут Сэйку почуял, что пришел его смертный час. Ушел он в свою келью и сел неподвижно, душа очистилась, и покой снизошел на него. Стал читать “Сутру лотоса”, дыхание его прекратилось, и Сэйку скончался».

Двадцатого марта семибалльное землетрясение на границе с Ираном. Ничего не сообщается о жертвах и разрушениях. Англия передает в десять утра, раньше других.

Весенние дни продолжались недолго. Был еще снегопад и морозы, и сейчас по утрам еще ниже десяти. Тут в субботу упал на льду у винного магазина и страшно ушиб руку. Пил анальгин, думали уже, что трещина, но постепенно боль отпустила, потом и опухоль спала. Новостей никаких. Кое-что прослышал про планы книгоиздательств. Книжка о Ван Вэе дол-

жна выйти со стихами, книг много обещают, да я сам планы не видел, знаю со слов Киры. С рукой сижу дома, читаю газету и «Японские легенды о чудесах». Пишут о доме, где родился Кафка, в Праге, о новооткрытых картинах Гойи, якобы нашли шесть холстов на тему «Детские игры», разные другие сообщения. Но на сейсмологические темы пока ничего не появляется. Наверное, уже слишком много по-ихнему коротких и распространенных заметок было. А мне все мало. Чуть не радуюсь, когда сообщают о новых землетрясениях. Парадоксальное состояние ума. Весна. На юге Туркмении уже девятнадцать градусов было. Там все не так, как у нас. Но я никогда не был в Туркмении, да и в Закавказье тоже. Тысяча триста шестьдесят третий год на Востоке. У нас туман постепенно сгущается. Сегодня буду один. Вере в среду в институт, и она должна помочь маме. Там и заночует. Вот у меня и целые сутки. Идет снег. Кира еще рассказал, что вышла книга-альбом в футляре — «Новгородские таблетки». Я тут посмотрел передачу об иконах Русского музея, и после этого показывали авторский вечер П. Аедоницкого. И это множество народа в зале, освещенном огромными люстрами, с мраморными колоннами, со многими исполнителями на сцене, мне казались иконописными сценами, я никак не мог от этого впечатления отвязаться. Был закат, я видел территорию детского сада, и его пустые игровые площадки вдруг тоже стали казаться иконописным пейзажем, а не голландским, как напрашивается обычно сравнение. Пустые, детей в этот день нет, на закате, ну совершенно иконописные клейма. Мне казалось, что все это в целом уже так отрепетировано. Сам Аедоницкий — заказчик своего торжества. Закат окрашивает нашу землю чем-то национальным русским. Но солнце село, и это впечатление прошло. Да и исполнителя на эстраде нельзя без натяжки счи-

тать персонажем иконы, скорее скоморох с ярмарки. Потом стали показывать фильм «26 дней из жизни Ф.М. Достоевского». Его я не смог выдержать. И правильно. Сны окрашиваются тем, что направлено на вызывание сильных эмоций. А я жду снов независимых и прозрачных, без стилизации под немчуру, таких, которые непосредственно предсказывают будущее и в которых создается новый образ, а не стилизованное под старину театральное действие. Три раза засыпаю и вижу три сна. Посмотри я больше передач, и сон стал бы еще более дробным. В последнем я пью вино с грузчиками нашего магазина прямо в торговом зале, в канун какого-то праздника, следующего за восьмым марта, но который я ошибочно хочу все время назвать восьмым марта. Может быть, это мусульманский Новый год, но получается, что в этот день и у меня день рождения, мне сорок два года. Вот какая путаница. У меня нет ни сумки, ни авоськи, и я покупаю для дома три бутылки вина красного до черноты, почти литровых, с названием «Дельцер». И это в бакалейном, чтобы не стоять в очереди за портвейном. Три бутылки умещаются как-то под мышкой. Я знаю, что мне скажут на это дома. Там тоже не любят красных вин, но стоять час в очереди, да еще на улице, это слишком. Тут я просыпаюсь. Этот сон был последний.

Выясняются подробности. Произошло три, а не одно, землетрясения девятнадцатого числа. Самое сильное — в Бухарской области. В Газли — 8—9 баллов, в Бухаре — семь. В Чарджоу — семь баллов. Но так же и в Таджикистане. Ощущалось во всех крупных городах — Ашхабаде, Ташкенте и т.д. Не успел записать все места, которые перечисляли. Надо будет телевизор посмотреть. Говорят, населению оказывается помощь, даже в Бухаре имеются разрушения.

Вчера была большая статья о буранах в Ставрополе. Целый край оказался без электричества, так как под тяжестью льда на проводах повалились тысячи столбов в степи. С вытекающими последствиями. В больнице нет отопления, на фермах корма готовят вручную. Пишут о недостатках, т.к. этот буран не первый, лет пять назад был еще сильнее. Нет возможности провести подземные кабели. Землю выдувает, шифер крошит, в стенах домов дыры. Тридцать метров в секунду ветер, да при этом мороз, а надо ремонтировать линии электропередач. Настоящее стихийное бедствие. Семьдесят тысяч человек без электричества.

Шведы говорят, что разрушения есть в Ташкенте и Самарканде, но сильнее всех пострадал Газли. Первую информацию о землетрясениях они получили от Колорадского института или лаборатории. О жертвах ТАСС ничего не сообщает. С начала года это самое сильное, вообще, девятибалльные землетрясения редки. Запад заявляет за семибалльное в Туркмении, не в Узбекистане, более сильное. Сейчас восемь часов. Кажется, ждать больше нечего. Сегодня бы должны были ребята подойти, все условия для этого. Но ничего нет. Видно, какая-то задержка вышла. А новости подходящие, такие сильные толчки происходят разве что на дне морском. Теперь у нас в доме два будильника, тот, что в комнате, маленький, не больше рубля металлического, ходит совсем неслышно, а старый громко тикает на кухне.

Да, но все же не три землетрясения, а одно, с эпицентром в Газли, но такое мощное, что в Ашхабаде его сила достигла пяти и пяти с половиной баллов. Оказывается помощь населению. Даже до Таджикистана донеслась его волна. О силе его там ничего не говорится. Девять баллов, это, кажется, предельно сильный толчок, который способны выносить новей-

шие постройки. О старых говорить нечего. Что в Газли, в Бухаре делается?

В Москве открылась выставка прикладного искусства Цейлона, конца XIX—XX в., в Музее искусства народов Востока. Говорят о древности ритуальных масок, тканях и т.д. Как быстро меняется погода. Это к снегопаду. Такая резкая перемена: весна, весна — и вдруг снова все по-зимнему. А в Средней Азии двадцать, двадцать пять. Наверное, на юге, потому что в репортаже из Уйгур-Сая не видно было признаков тепла особенного. Снега нет, но деревья голые и дети, и люди в теплой одежде. Может, там, где подолгу трясет, и погода портится. Мне показалось пасмурно. Вчерашний день задал задачку. Как это зафиксировано одно и то же землетрясение в разных местах, в трех республиках? Значит, что по всему этому пространству трясло. Просто там в пустынях нет населенных пунктов? Поэтому фиксируется, как, якобы, имеющее свой эпицентр? Не могу этого уяснить. Что значит, что помощь оказывается по линии союзных и республиканских организаций? Какая-то недоходчивая форма выражения. Да, но значит, что рассматривается в масштабе всей страны. Об предыдущем землетрясении в Газли много писали, всех призывали оказать помощь, ехать на работу туда. По силе сопоставимо с Бухарестским, но нельзя забывать, что Бухарест столичный, европейский, населенный город. Поэтому об Бухарестском писали как о катастрофическом. Вообще-то девять баллов — уже катастрофа. Пока неизвестно количество жертв, но можно представить, какой ущерб нанесен памятникам Бухары и Самарканда.

Вот-вот пойдет снег, да весны еще полмесяца-месяц ждать настоящей. У нас ранняя весна обманчива. Несколько дней погрелись, и довольно. Правда, стало заметно холоднее по утрам, чем днем. Оттого, что днем успевает подтаять, образуется особенно

страшный гололед. Только что передали, что в Газли прибыли цистерны с водой, открыт воздушный мост Ташкент—Бухара, начали работать предприятия, руководители партии прибыли в район бедствия. Назвали еще город Каган, как сильно пострадавший. Это совсем рядом с Бухарой. Доставляется хлеб, продукты, палатки. Говорят, что половина домов в Газли разрушена — жилые дома, детские сады, больницы, школы, а перекачивающая газ станция устояла, только линию электропередачи пришлось восстанавливать. Медицинская помощь оказывается, но о жертвах ничего не говорят. Вспоминают семьдесят шестой год, но, по-видимому, это землетрясение сильнее. 24-го на Курильских островах землетрясение, эпицентр в океане, в двухстах километрах Ю.-В. Итурупа.

В воскресенье началось извержение влк. Мауна-Лоа на Гавайях, который «дремал» девять лет. Париж тут распространяется о пирамидах Лувра, а под конец говорит, что ни с Елисейских полей, ни от сада Тюильри их почти не будет заметно, поэтому архитектурный ансамбль они не нарушат. А вначале обзывают их пристройкой к Диснейленду и т.п.

Провинциальной до невозможности вдруг показалась жизнь. В конце детского праздника что-то случилось в доме со светом, вызывали аварийную, и они выключали электричество. Я был дома один. Никаких новостей почти, кроме того, что я записал выше. В понедельник встал рано, наводил порядок в доме, выбрасывал пустые консервные банки, пол подметал, брился, готовился идти за вином. Всюду выборы, результаты которых станут известны позже. О некоторых, например, в Турции, у нас ничего не говорится. Собрался съезд Польской крестьянской партии. Я вспоминаю, что в конце недели в Италии украли враз пятнадцать миллионов долларов, пишут, что фальшивых денег столько, что лиры будут заменены. Еще

раньше говорилось об колумбийском кокаине, что-то на сумму в миллиард долларов. Фантастично. Посмотрел в воскресенье «Клуб путешественников», но это детский лепет, а так буквально ничего. Пишут о пожаре в здании ЮНЕСКО в Париже, об идеологических диверсиях против Словакии. Читал самого себя. Может быть, удастся достать «Тысяча девятьсот семьдесят четвертый» мой — не знаю, что с ним делать, перепечатывать, что ли? Хоть прочту. Договорился о сборнике Мандельштама из Большой серии — работа для Веры. Странно, что у меня нет «Семьдесят четвертого», как так вышло? Мог бы побеспокоиться. На работу к Кире приходил Боря и сказал, что напечатают новое. Но за ним еще несколько текста осталось. Не знаю, как он решит с ними поступить — две записные книжки, которые мне бы хотелось получить обратно. Кира напомнил, что есть еще принадлежащий мне третий роман Беккета у Лены в перепечатке, сказал, что, пожалуй, заберет его. Будет что читать. Надо вот как-то с этими делами разобраться. В остальном же думал об уехавших, о том, что их способность уживаться с новыми людьми и обстоятельствами гораздо лучше моей. Представить себе себя не могу вдали от дома. Не еврей.

Зубы ломит, как при начинающейся простуде или как перед резкой переменой погоды. Сейчас солнце с утра, день не будет холодным, можно идти в магазин, ничего не переодевая из домашних вещей. Дотерпеть трудно, но, с другой стороны, время идет довольно быстро, когда хоть чем-то занимаешься, хоть ходишь и думаешь о чем-то. Конечно, как ни тепло и ясно, но лучше, чтобы вино было в ближайшем магазине. На Бухарестскую не тянет. Постараюсь здесь что-нибудь.

«Стрелецкая». Судя по передаче «Клуба», вышли «Старые мастера» Фромантена.

Показывают извержение на Гавайях. Оказывается, этот вулкан — самый большой в мире. Еще нет сообщений о жертвах и разрушениях. Целый день чувствую себя легко и хорошо, только сплю много. Я уже писал, что «Грузию» полезно иногда пить. Вообще, чифир «полезный, хорошо усвояемый напиток»... и т.д., как на пачках. Нельзя сказать, чтобы что-то мне в программе показалось, но вот сюжет о выставке прикладного искусства в Новосибирске, с пением, оказался необычным. Знакомых лиц нет. Кружева, резьба по дереву. Вера сегодня принесла развесные пельмени, килограмм. Варим их на второе. «Стрелецкую» она не пьет, и мне достается вся бутылка. Под этой настойкой я сварил замечательный бульон. Положил много мяса, и он получился желтого цвета, густой, на вкус очень приятный, когда хорошо посолен. Где же она покупала в воскресенье? Значит, «Универсам» был открыт, т.к. она привезла еще банку литовского рассольника. Чая еще хватит на недельку, а там уже нужно создавать новый запас. Сейчас около четырех ночи и так тихо. За окнами темно. Поспал пару часиков — и готов. На ночь Вера читала макулатурного «Пушкина на юге» Новикова. Я заглянул через плечо — описание Бахчисарая и базара, показалось интересно.

Вчера, точнее — позавчера, отнял у нее книгу, нет, еще точнее — позапозавчера, на ночь и там было что-то о землетрясениях в Бессарабии, о которых говорит Раевский. Не уйти никуда от этой темы.

Наши известия можно знать не слушая. Их новости отличаются от наших. То передают о забастовке индийских докеров и о том, что полиция наубивала с сотню человек в отместку за убийство в порту четырех полицейских офицеров. О колумбийском кокаине у нас замалчивают. Но, вообще, с эфиром что-то случилось. Уже не слышать долгосрочных политичес-

ких прогнозов, а те, что еще делаются, какие-то бескрылые и носят характер гадания за два дня вперед, часто ошибочного, несмелого. Даже назначения наверху у нас представляют трудности. Раньше как-то этого не замечалось. Еще и со слышимостью это связано, с общим похолоданием. Я слушал всегда приемник, т.е. весь диапазон, и подбирал какие-то оттенки во мнениях, которые не доходят до тех, кто привык просто к радио. Сейчас я трачу на это меньше времени, да и передачи Ирана или Греции просто не слышны, мне кажется. Югославия. Тоже мало и редко. Пекин. Не всегда слышен. Французский джаз по воскресеньям куда-то подевался. Путаница в расписании в связи с переходом то на зимнее, то на летнее время, создает свои трудности. Вообще меньше музыки. Но «Последние известия» еще слушаю, кто-нибудь, Швеция ли, Канада, Би-би-си на английском, но слышны. Может, просто период затишья в политике. Угон на Тайвань английского самолета с тремястами пятьюдесятью пассажирами на линии Лондон—Гонконг—Пекин. Ничего об этом у нас. Об бомбардировке Омдурмана, правда, говорят. Об муниципальных выборах в Турции передали очень коротенько, что победила консервативная партия «Отечество» Азала. Но очень коротко, а, например, по телевидению и вообще ничего. Ну, о расхождении взглядов с Румынией, конечно, не говорится. О переговорах Накасоне с китайцами полуправда, о том, что они замалчивают советские предложения. Они же их не замалчивают, а прямо и говорят, что вряд ли скоро из этого чего хорошего получится. Надоело каждый день слушать новости, начиная с Ливана. Все уже как-то не то после этого. Не то чтобы мне не хватало сенсации, но я просто привык к более широкому охвату политических событий и мнений. Может быть, эти силы ушли с радио или прогнозирование вышло из моды?

Слышал, что они устали, как, например, поляки устают иногда. Еще эта распря из-за распятый в школах. У нас нет даже упоминания об этом. Или об арестах и допросах и обысках последнего времени. Вдруг сообщается, что еще выходит подпольная газета «Солидарность», или о том, что работает подпольный передатчик. В отместку за это сейчас начинают прихватывать тех, кто начинал забастовки еще раньше Гданьска. Очень много внимания с обеих сторон уделяется спорту, а меня он не интересует. Особенно яростные нападки, конечно, глушат. Об громких процессах, «Свободе». Но, например, в молодежной программе Г. А. вдруг говорится об преподавании в университетах футурологии. Не слышал. О Газли говорили всем миром, но понемногу. А другого такого предмета, как природные катаклизмы, и нет. У нас чаще стали сообщать о природных явлениях, но, например, обычай самооповещать о своих подземных испытаниях отошел в прошлое. Как-то плохо слышать иностранные станции, вещающие на иностранных языках. Все Польша да Польша, и не поймешь, кто это говорит. Скорее всего, Запад, конечно. Не понимаю попольски. А какой тут музыкальный фон. Эллингтон сорок пятого года, нахваливают Ганелина, Амина Клодин Майерс, еще один саксофонист-модернист, которого я раньше не слышал. «Форинерз». Поминают «Прогноз погоды», Козлова, Курехина, каких-то сибиряков. Уже незнакомый джаз. Говорят и о больших фестивалях, и о симфонических конкурсах, имени Глена Гульда, например. Наши передают джаз, но не авангардный, группы неизвестные, Элтона Джона. Вот что сопутствует Газли в эфире. Так-то, можно сказать, спокойный период, но, с другой стороны, не очень спокойный.

В кратчайший срок восстановлена работа всех двухсот тридцати скважин в Газли, доставляется беспре-

рывно оборудование для школ и детских учреждений, люди из двадцати городов помогают населению. Скончался президент Гвинеи Ахмед Секу Туре в госпитале в Кливленде во время операции. Ему было шестьдесят два года. В Гвинее сорокадневный траур объявлен. В Чили все госпитали приведены в состояние готовности, что бывает только при землетрясениях, в связи с днем протеста против хунты. Парижская формулировка. А о кончине Секу Туре утром еще не было известно.

«Стрелецкая». Вот в такой же день я поеду в город. Будет под ногами сыро, а на воздухе тепло. Сегодня безветрие, и можно бы много прогулять даже в моей легкой одежонке, да бутылка взята — прямиком домой. Я еще успеваю осмотреть продающиеся журналы, какой-то толстый болгарский «Обзор», никогда не виданный раньше, и новую «Польшу» с букетом с флажками на обложке, ну а дальше я спешу, и не только по видимости, действительно мне хочется поскорей добраться до своего стола. В газетном киоске — беломор, а в булочной — буханку за двадцать копеек, хоть крошится, но зато вкусная и мягкая, кружка тепловатого пива у ларька — вот все мои дела на сегодняшний день. Воистину: «за несколько монеток можно было выйти на улицу». Здесь это еще не так чувствуется, но район расстраивается, теперь, чтобы добраться до конца улицы, надо совершить целое маленькое путешествие, а я помню, как мы выходили просто вечером погулять на кольцо автобусов. Там еще была канавка, которую тоже за речку можно было принять, с ужасно топкими берегами. Дальше была площадка, где делали кольцо маршруты от Московских ворот, от Электросилы и из Волковой деревни, а дальше уже начиналось садоводство. Точнее — кончалось, потому что оно переживало свои последние дни, а за садоводством была изрытая, заросшая тра-

вами равнина до самого горизонта, и там, у горизонта, виднелась большая серая деревня, говорили: «Шушары». Я не знаю, так ли это или нет, а теперь транспорт в том направлении, разных маршрутов, подается днем и ночью, и нет ему конца. Хотя в том конце улицы и открыто метро и, по-видимому, устраивается что-то вроде центра, но мы там не бываем. Собирают экспедицию, так уж прямо в Ташкент. Теперь только и разговоров, что о Газли. Дожил я до того, что звоню, а мне отвечают с другого конца провода: так ведь там же трясения... Просыпаюсь, как обычно, около трех. Снятся небесные крылатые кони, а на земле, под ними, идущие верблюды и застывшие лани. Такая картина, почти перевертыш. Сперва она стоит, повернутая не тем боком, и я долго, во сне, разглядываю образующиеся на ней полуабстрактные фигуры. Но никак не предполагаю, что это пустынный ландшафт с кипящим небом. Только пустота левой верхней части играет свою роль в обоих положениях холста и сохраняет свое значение, когда художник ставит его как надо. — Перевертыш? — Он недоумевает. После показывает кусочек пенопласта, типа брошки, с прорезанными насквозь фигурами верблюдов — вот как родился замысел. Он говорит, что работает над ней как над абстракцией, скорее всего используя знание об своем лице как модель. Делает наброски носа, предварительно выбивая его в туалете. Серебристая и гладкая в одном положении, она в другом оказывается довольно шероховатой, как Гоген, а не как Рерих, хотя сюжет очень близок к Гэсэровскому циклу работ последнего.

В связи с таким подходом к творчеству мы говорим об абстрактных рассказах, как трудно достать сборник абстрактных рассказов, трудно даже привести пример абстрактного рассказа, основанного не целиком на юморе, что мы отмечаем, как не относяще-

еся к жанру. Мне является, во сне, машинопись с одним таким, удовлетворяющим нашим, точнее — моим, требованиям, рассказиком, но там так все держится на цифрах, что, проснувшись, я не могу его записать. Это не Джойс, а скорее Сэнди Конрад, определенного периода. Действительно, адский труд подсобрать сборничек рассказанных абстракций, одному ему это не по плечу. Я же просто подхватываю стихи китайских древних поэтов, и когда, варьируя так и этак, исчерпаешь возможности переключки-подражания, иногда, редко, остается на сдачу еще чисто абсурдная идея. Это другой тип по сравнению с чисто абстрактным рассказом, но таким же коротким и лаконичным, как какое-нибудь пятистрочное стихотворение. Важно, что информативный смысл не исчезает в нем, как в абсурдистской прозе. Говорят, что по плану этого года выйдет сборник стихов западных поэтов, перекликающихся или написанных под воздействием восточных. Как Эзра Паунд в «Востоке—Западе» или как Адалис в том сборнике, что есть у Эллы с Кирой. Я сегодня спрашиваю Элли по телефону, что нового с книгами, она отвечает — ничего, а потом рассказывает, что купила Гейне, на чешском, что ли, с иллюстрациями Эль Лисицкого. Вот тебе и ничего. Мы наелись за обедом пельменей, и поневоле вспоминаются старые времена до-Галецкие, когда из пельменей художники варили еще и суп и закусывали водочку по два восемьдесят семь этой похлебкой, и это было ритуальной пищей художников. Это было еще в те времена, когда Хвостенко работал как художник, и артистическая жизнь еще тогда кипела и била ключом. Надо пить, конечно, более крепкие напитки, чем бормотуха, но за последние годы я уже переквалифицировался. Но когда выпиваешь хоть «Стрелецкой» с пельменями, вспоминаешь поневоле прежние времена, и кажется, что от той диеты никакие подорожания и перемены

не отучат. Эллочка приглашает в гости нас с Верой. Надо съездить. Уславливаемся на конец недели. Думаю о польских католиках, которым остается, в знак протеста против несогласия с ними правительственных сил, сидеть на хлебе с водой. Чувство солидарности у меня с Кирой, на которого Элла жалуется, что книги, покупаемые им, никто, кроме меня, не читает. Хочется сказать ей, что он собирает как бы монастырскую библиотеку для будущего дацана здесь. Все какие-то проблемы поэтические, как кажется. А завтра уже надо ехать в город, и хотелось бы зайти, конечно, в книжные магазины, да денег нет. Верочка дает червонец, но при нем список из семи или восьми пунктов, не считая вина, того, что нужно купить маме. И вот можно рассчитывать только на карманную мелочь, которая предназначена для пива и беломора, а книги тоже подорожали. Остается только ограничиваться книжками серии «Дороги к прекрасному», когда они попадают.

Земля оттаивает под нашими окнами, в первый, кажется, раз вижу людей под зонтами. Дождей в этом году еще не было. Сегодня суббота, самый конец марта. В тумане птицы поют. Накануне вечером ездил к знакомым, они живут почти за городом. Обложившись планами издательств, пили чай с мятой и «Русский бальзам». Им уже приходят открытки на новые книги. Вот опять две надо выкупать, а что-то еще не выкуплено с прежних времен. Эллочка говорит, что над ней смеются в магазине, таких книг она назакзывала, а мы пытаемся ее урезонить и направить на верную мысль. Хуже, оттого что смеются, ведь книги не становятся. По-видимому, просто очень их много. В плане Кира отмечал название за названием — в плане издательства «Восточной литературы». Но, действительно, индийские тексты из Центральной Азии в

переводах, или Бхагаватгита с комментариями Рама-
нуджи. А он еще отмечает и книги по мусульманской
культуре. Вот и набирается за год до сорока названий.
На этот раз книги вышли, одна по монголистике —
перевод Нейджи-тойна, а вторая — большая поэтичес-
кая антология из стихов индийских поэтов, вплоть до
наших дней и классиков среднеазиатской поэзии.
Элла собирается в отпуск, и, наверное, ей деньги
нужны. Но чем я могу помочь? Она уже возвращать-
ся будет, когда я что-то получу, а книги сохраняются
только до шестого. Еще в плане есть книга Дагдано-
ва о чань-буддизме у Ван Вэя. У меня есть его статья
на эту тему. Из-за тумана день кажется пасмурным,
дома сумрак, полусумрак. Привез свою книжку о
семьдесят четвертом годе, совсем, было, забыл, что
это, но тотчас вспомнил, когда Кира достал ее из
бюро — эрлевский отдельный переплетенный оттиск.
Как я мог забыть ее — я помню, что у меня и своя
такая была, да я ее Тане подарил. Но содержание
подзабылось. Она небольшая, рядом с «Возвращени-
ем в семьдесят четвертый год», как статья-заявка. Я
слушаю Эллингтона, почему-то уже вторую неделю
слушаю его одного и читаю. Один я засыпаю неукос-
нительно, а к трем встаю, один или не один. До конца
не дочитываю, оставляю немного непрочтенным, надо
подумать. Но, кажется, в продолжении, если предста-
вить, что это первая глава, все уже переварено и ска-
зано что необходимо. Я, конечно, не просто людей
хотел развлечь, но большие цитаты из Завадской и
Марко Поло служат и развлечением, отчасти. Кира
говорит, что в журнале их опустили. Вот и получает-
ся, что записи семьдесят четвертого года — это ста-
тейка, а книга по ней была написана в семьдесят седь-
мом и последующих годах. Этот труд закончен, хотя
мне и хотелось бы еще над ним поработать, можно

считать, что закончен. Это как бы пародия на Завадскую, во всяком случае на ее отношение к первоисточнику — «Дао Дэ Цзину».

§ 39. Вот те, которые с древних времен находятся в единстве. Благодаря единству небо стало чистым, земля — незыблемой, дух — чутким, долина — цветущей и начали рождаться все существа. Благодаря единству знать и государи становятся образцом в мире. Вот что создает единство.

Если небо не чисто, оно разрушается; если земля зыбка, она раскалывается; если дух не чуток, он исчезает; если долины не цветут, они превращаются в пустыню; если вещи не рождаются, они исчезают; если знать и государи не являются примером благородства, они будут свергнуты.

Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого. Поэтому знать и государи сами называют себя «одинокими», «сырыми», «несчастливыми». Это происходит оттого, что они не рассматривают незнатных как свою основу. Это ложный путь. Если разобрать колесницу, от нее ничего не останется. Нельзя считать себя «драгоценным», как яшма, а нужно быть простым, как камень.

И завтра бы не надо никуда выходить. Дни стоят теплые и тихие, часто пасмурные, но чувствуется, что уже наступает весна — пора, первое апреля. У Веры день весь распланирован таким образом, что она не остается без занятий, много читает, а кое-что успевает и перепечатывать. Она успевает прочитывать и макулатурные книги, а я, из чувства противоречия, наверное, при ней ничего не читаю. Заглядываю только в Лао-цзы по субботам и воскресеньям, а так имею много свободного времени и успеваю поспать под вечер часа полтора. Все снятся какие-то погра-

ничные ситуации или столкновения с иным социумом на почве имущественной или плана, впрочем, пьем и во сне вино или даже курим, и я просыпаюсь со вкусом косяка на губах. Просыпаюсь мокрый от пота, наверное, это от чая, в пору спать без рубашки, но тогда я и совсем утону в постели. Сегодня большая статья в «Известиях» «До и после землетрясения», все о Газли. Стоило такому толчку произойти, и разом заговорили все. Кое-что можно было предполагать. Так, например, решено не отстраивать город, а построить поселок «вахтенного» типа из сборных деревянных домов, лучше приспособленных к землетрясению, а город, жилой микрорайон газодобытчиков, построить в Бухаре, «подальше от эпицентра». Вот о таком рассредоточении я думал сам, перед лицом неизбежности. Говорится о больших разрушениях по Узбекистану, особенно в прилегающих к Бухарской областях. Один человек был оттуда, приезжал за ленинградскими реставраторами, да мало, говорят, что осталось реставрировать. В самом же Газли все почти дома подлежат сносу. Рассчитанные на восемь баллов не выдержали. Выявился строительный брак, как всегда, но много было «халтуры». Я только мельком видел по телевизору — вид с вертолета — ровные ряды четырех- или пятиэтажных домов, но это город после страшной бомбардировки, такое впечатление; пишут о крошечке кирпича, бетона и стекла, о том, что не выдержали даже двухэтажные дома повышенной сейсмостойкости, частной постройки. Ну и, конечно, о «боли Газли» и т.п., правда, конкретно о жертвах и в этой большой статье ничего не говорится. Все о проектах гасить силу подземного удара путем закачки воды в глубокие подземные пласты, но это для будущего. Пока же результат налицо. Передают, что Штаты произвели сегодня четвертое в этом году подземное ядерное

испытание в Неваде. Помаленьку всяких новостей доводится послушать. Еще два парохода подорвали в Никарагуа, кто-то убит левыми в Сан-Сальвадоре, кто-то чуть ли не бежал, будучи смещен со своего поста, из Гондураса. Все новости такие парижско-румынские, ближневосточные и центральноамериканские. У нас какой день уже говорят о юбилее Гоголя, показали миниатюрное семитомное издание его произведений, сами называют его шедевром полиграфии. Из пятнадцати миллионов его книг, выпускаемых в этом году, боюсь, мы не увидим ничего. Тут был на Петроградской, остановился в очереди у книжного магазина на Большом, минут двадцать простоял до открытия, а оказывается, все эти люди, и женщины, за какой-то книгой по электронике и радио, я даже не стал специально рассматривать. А в других отделах пусто, я говорю о покупателях, «Русское изразцовое искусство» за двенадцать пятьдесят свободно продается, и книга «Французская миниатюра в советских собраниях», и наборы открыток — «Русская миниатюрная живопись» увеличенного формата, и обычного — Павел Кузнецов. Я от досады, что замерз, стоя на улице, даже не посмотрел ничего, но я представляю и так, насколько это интересно. В метро, в академическом ларьке, пустые полки. Почему-то он в этот день был закрыт. Некогда было, и не зашел в «Старую книгу», но там глаза разбегаются, а у меня всего треха, да надо еще вина купить. Хорошо, взял на Московской, а то и в нашем гастрономе санитарный день и за хлебом надо идти бы на другую остановку. Но вечер этого дня, когда я ездил к Кире с Эллой, я уже описывал раньше. Вот, кажется, нечего сказать, а прикалываешься и исписываешь страницу свободно. Но больше ничего не видел. Мог бы, конечно, сам зайти в «Академию» на

Васильевском, да что-то проехал мимо. Прошу у Эллы, если что будет, взять и на меня. Как-нибудь рассчитаемся. Я прошу о сравнительно дешевой монголистике и, кажется, безуспешно. Посмотрим. Тираж такой маленький, что ей бы только самой досталось бы, хоть. И то надо быть благодарными. Каникулы школьные сегодня кончаются, и днем будет больше порядка. Я не жалуясь, но, как я ни менял своих убеждений об упорядоченности, сам я приспособлен только к полупустынным улицам, а <к> жизни — по регламенту. С этим уже ничего не поделаешь. Да, очень хорошие и интересные получились негативы, которые снимали восьмого марта. Теперь подождем фотографий. Я сам себе понравился и Элла с Кирой тоже. Съедаю почти литр простокваши, это при чае-то, и надо уже снова ложиться. Как отец говорил: «спляй да спляй». Миша, говорят, достал нам десять пачек «индюхи» второго сорта, Вера привезла десять пачек «тридцать шестого», я — два «цейлона». Так и живем. Не все, должно быть, еще возможности используем, но каждый достает где может. Пока хватит, а вот за хлебом в понедельник утром придется сходить. Там и пиво и все. Завтра день безвинный, как и сегодня. На треске с пюре из полуфабриката. Благодарны и за это. У родных появляются новые планы относительно жилья. Все.

Наше радио в связи с ливанским кризисом становится невозможно слушать, это все необыкновенно близко читателям Пруста. Музыка прослушанных последних известий. И надо слушать их за землетрясения, за то, что не укладывается в наш календарь. Развивается ощущение другого измерения времени и другого понятия о ходе времени, а это и создает непосредственный взгляд на ход событий. А так мы почти каждый день знаем количество убитых в Ливане

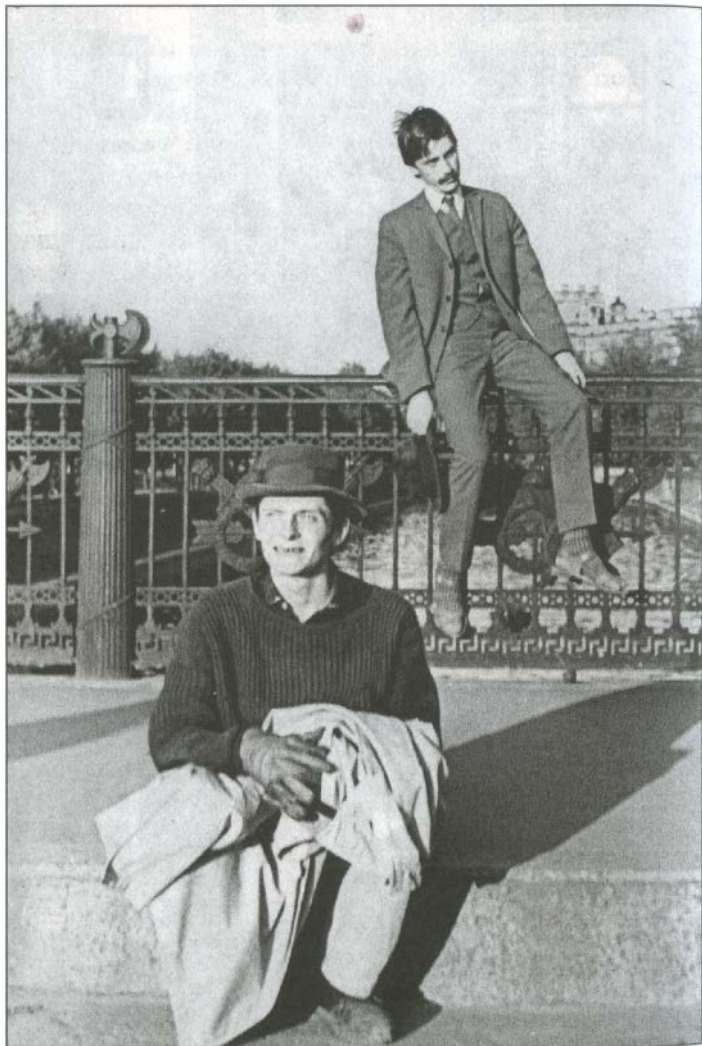
и со стороны фактической хорошо знаем о том, что там происходит, но обобщающего какого-то подхода не хватает. Или это иллюзия?

Пятьдесят стран согласны участвовать в восьмом ташкентском кинофестивале. Вот что больше говорит о текущих событиях, нежели сводки из Ливана. Кто лучше подготовлен, тот лучше и понимает, по-видимому. Мне бы больше нужно знать о Сирии и об ее участии в этом деле. Еще очень давно, не помню в связи ли с антиегипетской войной или около того времени, мне уже стало казаться, что мы глядим на все происходящее на Ближнем Востоке глазами каких-то сирийских бродяг. Если бы наши взгляды совпадали с ихними, а так мы и не имеем непосредственного прямого взгляда на происходящее. Но нельзя сказать, что самосознание возникло только тогда, например, о Турции я имел представление раньше. Скорее, у всего нашего народа появился взгляд на Средиземноморье, тот «берег Турецкий», Кипр, Израиль, Ливан. Жаль очень, что я просидел землетрясения турецкое, марокканское и никарагуанское. Но я вел записи и в больницах, и сейчас они напечатаны, я могу к ним возвращаться. А ведь, кажется, договаривались о том, что меня будут извещать о больших катаклизмах. Вот и видно, что люди, с которыми я был связан в то время, сами не были подготовлены к событиям. А я заранее старался их приготовить, как к тому что «пиво-пиво» с Невского перенесут на Грибоедова. Говорили и о мужском и женском журналах «Один» и «Одна», гипотетических, но имевших прототипы в действительности. Но вот о марокканском, как в этот раз, и о гвинейском землетрясениях я не догадывался. А что мы имеем? «Профессия — репортер»? Немного. Три человека не смогли меня снабдить сведениями всего о трех землетрясениях и одном ядерном взрыве, и это затянуло все дело потом едва ли не на

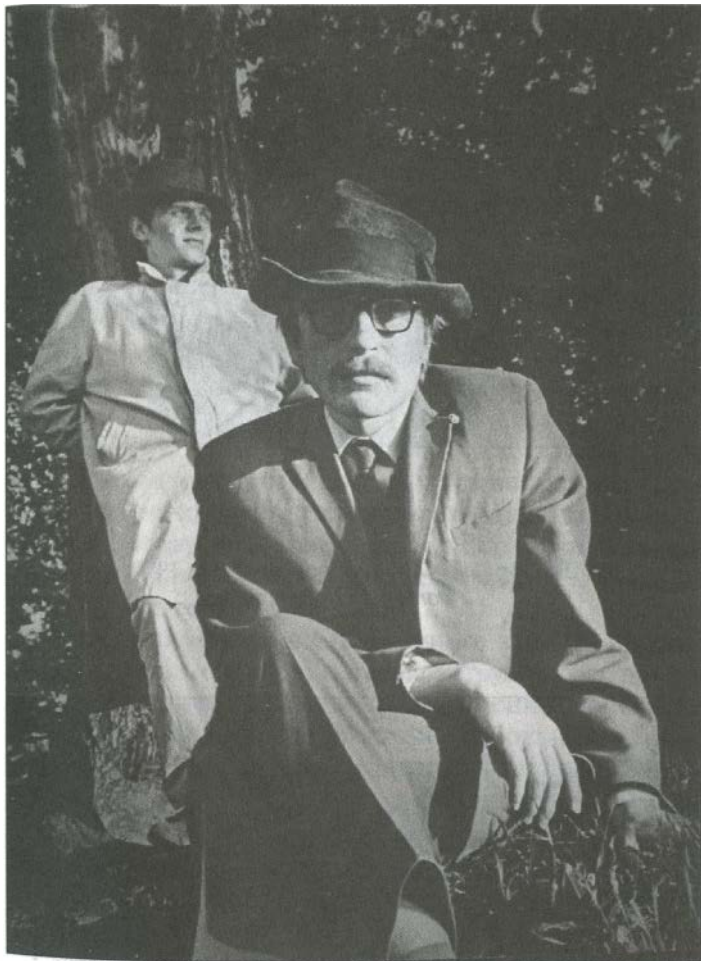

Дома у Вл. Эрля на улице Правды. Лето 1969 г.
Фото: Вл. Эрль

С Вл. Эрлем. Михайловский парк. 1970 г.
Фото: Б. Кудряков

С Вл. Эрлем. Михайловский парк. 1970 г.
Фото: Б. Кудряков

С Вл. Эрлем. Михайловский парк. 1970 г.
Фото: Б. Кудряков

десять лет. Один из этих людей погиб бездарно, а он повторял — «такой молодой, а уже погибший». О ком? Он не конкретизировал. Но он-то «таким молодым» никак не был. А Мила и Володя были слишком поглощены собственной жизнью. В конце концов это и была проверка их способности к самостоятельности, и они ее не выдержали. Ну что же, хоть с запозданием, но мне удалось собрать необходимые сведения, но сколько выпусков новостей мне пришлось при этом прослушать почти даром, страшно подумать, похоже, что они попытались отучить меня от работы с ассистентом или напарницей, но из этого уже ничего не могло выйти. Они бы проспали и все, да всего-то и было не так уж много. Рисую, хоть во сне, по восьми драгоценностям, в трансе, прорабатываю какие-то сценки авторучкой, почти как на изразцах. Так что восемь драгоценностей были только заделом. Вспоминаю Пятницкого.

В конце концов мои больничные записи, передающие содержание снов, которые нетрудно приурочить к тем или иным событиям того времени, очень мало сообщали о повседневной жизни. В больницах я настолько чужеродное тело, что мне остается только беспрерывно удивляться, до того что появляется с ног валяющая усталость от удивления, и остается только с Чжуан-цзы повторять себе, что «Путь — в моче и кале». Почему, если справедлива поговорка, что «обжегшись на молоке, дуют на воду», мы не видим никогда, чтобы вода сгущалась, загустевала или сворачивалась, как это происходит и с прокипяченным молоком? Вода может протухнуть, но загустеть, как во сне, стать каким-то киселем, сама — никогда. Надо тут чувствовать внутреннюю ограниченность пословицы, без этого останется только с Блоком сетовать на метафоричность, затемняющую ясность и абстрактность мышления. Его самого можно обвинить в избыточном

трудолюбии, не оправдываемом никаким созданием стихов. Можно бы было, я говорю, если бы он не достигал по-своему недостижимых результатов. Его «фабричное», «городское», «окраинное». А классичность мышления он провозглашал все же зря, не оставляет это чувство. Метафоричности в поэзии ничто не заменит, как бы ни были нагромождены образы, у правильно образованной метафоры своя четкая логика и своя непреходящая прелесть. Но это все о семьдесят шестом уже годе, а мне бы хронология семьдесят первого и семьдесят второго была необходима. Но хронология годовых событий не ведется, не публикуется, и вот приходится смотреть хоть на «рукописи индейцев Майя», как на модель, как на попытку воссоздания летописи пропущенных лет, как прослушанных последних известий. Попытаться по их модели реконструировать пропущенное время. Это предположение (о том, что это возможно) я делаю, исходя из того, что вдруг один год неуловимо напоминает какой-то другой, а в древних манускриптах достаточно какую-то зацепку найти, пусть абсурдного или чисто внешнего сходства, и удастся по этой канве восстановить события утраченного времени. Мне кажется, что это не лишняя попытка. А то что — пяла, да пяла. За такой-то год ничего не происходило. Теперь это невозможно, чтобы год был пустым. И вот по внешней зацепке нам удастся восстановить вид пропущенных, просиженных лет. Пусть также этот метод страдает «метафоричностью», но это все же не педантизм классического неподвижного мышления. И я предпринял попытку, захватывая текущие события, как бы спроецировать их в недалекое прошлое. Пока я не вижу, чтобы это смысла было лишено. Но насколько мне это удалось, не мне судить. И вот когда прежний год, по случайному намеку в отдаленнейшей летописи, не до конца и понятой еще, предстанет в

своем полном виде, мы и вправе сказать — а это уже было. И действительно, ведь это уже было, все уже было, в конце-то концов. Даже и Преображение — «уже было». Что с того? Мы же не перестаем удивляться на иконы, на Грека, на Евангелие.

В этой стране только русские должны всегда сдерживать свои чувства, до немотивированного невыражения соболезнования, до невозможности проявлять человеческие чувства непосредственно. Другим нациям остается рыдать как бы за них, как бы сдержанны сами по себе они ни были. Вспоминаю, как в фильме о ташкентском землетрясении рыдали работники детского сада, где погибли все дети. Это были узбеки. Теперь тоже говорится о боли Газли, но нет понятия у нас о боли русского народа. В этом есть что-то от японского характера. Но современные японцы уже могут себе позволить поплакать в открытую, перед телекамерой, если у них, также во время землетрясения, погибли родственники. А русские еще нет. Это считается уделом художественных произведений, основанных на авторской выдумке. Впрочем, другим такая возможность тоже скупно отпущена. Но в этом чувствуется какой-то неумолимый прогресс. В конце концов призываются все быть мужественными.

Помню, как раньше женщины асфальтировали у нас улицы. Часто можно было видеть, как они просеивали землю на наклонных ситах. На эту работу шли, видно, очень здоровые, но махать лопатой с землей смену в любую погоду никакого здоровья не хватит. Я ребенком чувствовал, как неудобно находиться рядом с такими каторжными работницами, а надо было ходить мимо, учить английский. В спецодежде, подчеркивающей в человеке только зад, они не обращали внимания на прохожих. Конечно, этот труд давно механизирован, но те, кто вырос под этим впечатлением, не могут забыть этого. И пренебрежения, ко-

торое выражали к их труду те, кто постарше. Не будешь учиться — пойдешь на такую работу. Это и есть образ землетрясения — здоровенная женщина с лопатой просеивает землю через сито.

Но сделать людей сдержанными в одночасье невозможно, а признать журналистов, пишущих на злобу дня, за опытных селекционеров и генетиков человеческих душ тем более невозможно. Подавление в человеке его природных свойств — уже этический недостаток. А у нас говорят о каких угодно недостатках, кроме недостатков этических. Я сам ушел на тяжелую работу, не понимая, как она не подходит для нездорового организма, и через несколько лет оказался законченным инвалидом. Правда, что-то позволяло людям доить меня как нацменьшинство, главным образом, из-за политических мотивов, и поэтому я имею только психиатрическую группу. Но со временем становлюсь, конечно, типичным инвалидом, таким патологическим элементом живой среды. Противно и выходить на люди, вплоть до того, что и за вином ходить противно. Так не хочется участвовать ни в каких уличных дразгах. Не хочется укладываться в их сознание. Хорошо, когда хлеб покупает жена, а от вина, кажется, так бы и отказался.

Но с «веселием Руси» не тут-то было. Привычка к сильным средствам сильнее. Так же вот и кино, знаешь, что нужен бы документализм, а нравится какой-нибудь «Бродяга» с музыкой Р. Шанкара. И ничего тут не поделаешь, никакой ташкентский кинофорум не поможет тебе в этом.

Землетрясение в двадцати километрах от острова Монерон, в Татарском проливе, слабое, трясло островок какой-то, которого нет на картах. Разрушений и жертв нет — четыре балла. Военный переворот в Гвинее, освобождены все политические заключенные. О судьбе премьера ничего не говорят. Национальный

русский снег сошел, и началось японское время года. Понадобилось всего три или четыре теплых дня с начала этой недели, чтобы весь снег растаял. Теперь ходим по лужам и не боимся подскользнуться. Начало апреля хорошее. Переворот в Камеруне, но еще не точно. Камерун граничит с Чадом, тянется от озера Чад до Экваториальной Гвинеи.

Юрий Александрович Сенкевич рассказывает про землетрясение в Мехико. Говорит, что несмотря на то, что было двадцать пять толчков, город выстоял. Были разрушения, но то, что показывают, — испанские соборы — целы. Это было в семьдесят девятом году. Вообще же город расположен в сейсмически активной зоне. Недалеко вулкан. Землетрясения бывают периодически. Он рассказывает о новом строительстве. Вначале плетут железный, стальной, каркас дома, а потом его заливают бетоном, и вот это нетиповое строительство приносит свои плоды. Дома не разрушаются, а там есть и небоскребы. Больше в передаче об землетрясениях ничего нет. Показывают Турку — очень хороши пейзажи городские. Но вот в недавних передачах о Гаруне Тазиеве он рассказывал об очень сильном землетрясении, кажется, семьдесят пятого года, на Аляске. Скалы рухнули и каменной грядой перегородили ледник. Поднялась водяная волна высотой шестьдесят метров. Деревья на склонах гор смыты ровно по линии. Вообще-то он вулканолог, но попутно исследует и последствия землетрясений. Как только передачи о нем прошли, началось мощное извержение вулкана Мауна-Лоэ на Гавайских островах. Да и Газли тут же было. Я помню, в семьдесят шестом году в день землетрясения в Газли ко мне на Блохина зашли два человека из Пушкина. У них была трехлитровая банка домашнего пива, теобромин еще, кажется, тогда не мыли. Они просили продать кому-нибудь английское издание «Качки» Евтушенко, и

Вера легко им это устроила. А на пятнадцать, что ли, вырученных рублей мы стали пить. Пили чуть ли не коньяк — не помню, но бутылка шампанского Вере была точно. Потом мы собрались погулять. Взяли еще портвейна и поплыли на парходике-ракете в Кронштадт, думали там пересесть на парход, идущий в Ломоносов. Что-то захотелось в Ломоносов, а прямого рейса не было — май. На подходе к Кронштадту мне показалось, что я увидел бурун на воде, там, где, должно быть, будет дамба. Но в Кронштадте нас не пустили дальше пристани, и мы смогли только купить билеты, и этим же рейсом пришлось возвращаться в город. Не помню, где мы выпили, но с пристани, уже в бессознательном состоянии, я отправился к маме на Ленина, на обед. Пришел, меня впустили в квартиру, а достать ключ от комнаты, никого не было, я уже не догадался и, пьяный до бессознания, просидел на стуле под телефоном много времени, пока не пришел в себя. Ночью, снова на Блохина, я слушал приемник. Около двенадцати. Наша станция передавала Бэсси Смит. У меня дверь была чуть приоткрыта, было душно, и вдруг соседка Нина ворвалась в комнату с целью выключить приемник. А слышно было и без того плохо — помехи, да и приемник расхлябанный. Я вскочил от неожиданности, и она с руганью отступила. Дверь пришлось закрыть, и почти сразу же, в двенадцатичасовом выпуске последних известий сообщили о Газли. Не помню, как рано или поздно я заснул в ту ночь. Но сразу же говорили о разрушениях, да я сам знал, чем пахнет восьмибалльное землетрясение на промыслах. Тогда Газли был еще поселком. На другой уж день узнали о жертвах и больших разрушениях. Теперь пишут, что еще газ загорелся и была авария на газопроводе, но это все о том случае. А в статье мне встретилось сообщение, что нынешнее — уже третье землетрясение в Газли. Да, вспоми-

наю, что в промежутке раз как-то упоминали о нем снова. Не помню, в каком году это было. Вот такой был день, и он сильно запомнился. Нас, после всех возлияний, могло бы укачать на заливе. Раз я, после ингафена, ехал из Нарвы, тоже выпив на дорожку, и обрубился в поезде до того, что ушел в Ленинграде, забыв даже пиджак одеть и сумку с книгами и вещами взять. Фены коварны, но Гена, простая душа, продал в этот день «Качку». Не знаю, как уж он добирался к себе в Пушкин. Я так в полном беспмятстве провел несколько часов и не помню, от Тучкова ехал или пешком шел, что делал еще. Очнулся скособочившись на стуле под телефоном. Может, меня и звонок какой-нибудь разбудил. Тогда уже вспомнил, что ключ всегда оставляется в квартире, в ящике шкафа или в кармане плаща на вешалке. А мамы почему-то дома не было. Мне хотелось поесть или чаю. Подробности ускользают, но само объявление я слушал уже протрезвев. У Гены есть такая подлая привычка — опоить человека. Раз он мне поставил «Солнцедара» и обкурил очень хорошим гашишем, так я в тот день даже подрался. Но тут ничего такого плохого не случилось, все обошлось благополучно. И вот и сейчас не знаю, что же это за бурун на заливе, прямо как водопадик на перекате. Наверное, показалось. День был очень хороший, и на заливе был штиль, а так бы могло развезти порядочно. Но я Гены не понимаю в этом плане, и вообще, на порог его больше Вера не пустит. Партизан еще тот. Уж потом он отсидел год в Киевском дурдоме и год на Пряжке. Это ему наказание за коварство. А я как-то его в этом не подозревал. Он мне казался попроще. Вот и знай, что это за человек. Под сутки пристроит и не вздрогнет. Потом уже, после Пряжки, он и сам попадал на сутки — выругался на милиционера у гастронома. Вот это все наказание за хитрость и подвох.

Не знаю, что теперь он подделывает. У него ребенок. Так он добром не кончит. Юродство как-то с ним не вяжется.

Строительство портов, вокзалов, мостов, дамб, каналов меня привлекает с детства. Вот с водохранилищами я своих отношений не выяснил, все кажется, что под них идет живописная земля. Но вообще воду я очень люблю, люблю смотреть на воду, мечтать. Пожалуй, порядочного водохранилища я не видел. Я успевал побывать в районе будущего затопления заранее, и мне поневоле жаль тех мест, где я бродил и рисовал и еще что-то делал, что они ушли под воду. А уже самого затопленного этого района я не видел. Может быть, и в искусственном затоплении есть что-то величественное — не знаю. Особенно здоровый климат Приднепровья я бы не искажал таким образом. Могущественного песка и могучих сосен все же жаль, что даст этот разлив мелководный? А я там в тишине жил и работал, и жаль, конечно, что это неповторимо.

Ирригационные каналы нравились мне всегда. В них какая-то особенная вода, и они напоминают макет чего-то большего и перспективного для народа. Прокладка новых улиц привлекает. Вспоминаю, как мы еще в школе учась, уходили погулять на необжитую часть В. О. Даже подумать нельзя было, что там все будет распланировано и застроено, метро подойдет к самому заливу. Мы рвали там цветы, собирали дощечки для живописи, рисовали или больше наслаждались одиночеством и видами на город, на залив, на корабли и парусные яхты. Там была, за водонапорной станцией, обычная городская свалка, тут же, я еще застал, располагался свиноводческий колхоз. Будки старьевщиков были раскиданы в этом пространстве, ручейков, луж, болотец, песчаных кос. Как мы любили там гулять. А теперь смотрите, как Гавань

расстроилась. Скоро на Васильевском, в том конце, не останется заброшенных мест. Да еще набережную хотят намыть до Лахты. Нельзя упускать этих перемен, так как после окончания строительства места становятся совсем неузнаваемыми. Город очень растет, и не исключено, что тот его край, «морской фасад», совсем видоизменится. Полезно побывать там и в процессе строительства. Кажется, ту сторону я всю обнюхал. Я бывал и в Лахте, снимали там сараюшку одно лето. Некоторые ведомственные территории, которые дольше способны сохранить девственную первозданность, я тоже помню, знаю по личному опыту работы. Дворы Веры Слуцкой или территорию того почтового ящика, филиала завода Кулакова. В праздничные утра или в воскресенье после ночной смены мне очень нравилось прогуляться по совершенно пустым улицам: Кожевенной, Косой линии, Наличной. Или уйти по Гаванской в незнакомую ее часть, за «Маяк», туда, где строительство уже обрывалось. Я видел, как началась намывка грунта со дна и какие огромные насыпи образовывал песок. Еще мы ходили на Голодай. Там был только один большой дом, тот, в котором находились мастерские художников и который был виден с залива наравне с Исаакиевским собором. Теперь все изменилось. Даже и берега Смоленки обстроены высокими белыми домами, но там, у входа на кладбище, еще сохраняется старый дух. Разрушающиеся от времени здания, церкви, аллеи, сами заброшенные кладбища. Остров Вольный, наверное, станет какой-нибудь частью парка или набережной. Вот тогда можно будет взглянуть на все это другими глазами еще раз. Но я никогда не думал, что так много народа поселят на этой окраине. Теперь уже это городской район со своими центрами. Не хочется забывать и того, что было; важно знать это в промежуточный период строительства, и очень хочется по-

том, когда все будет закончено, еще раз пройти по знакомым и незнакомым, одновременно, местам.

У градостроителей работы, пожалуй, побольше, чем у всех остальных. Но и загородное строительство приносит какое-то вдохновение. Когда прорубают просеку или насыпают новую дорогу и ищут, как бы сочетать ее со старой. Строят новый поселок или готовят что-нибудь совсем непонятное своими размерами и безлюдьем, временным.

Седьмого было Благовещение. Сегодня десятое.

И внезапно почувствуешь себя так хорошо, что не хочется спать и думать о завтра. В этот момент, кажется, в мире происходит какое-то грозное и значительное явление, и сам чувствуешь себя сильным и могущим все описать, все изложить последовательно и ясно. Способным если не предвидеть будущее, то, наверняка, знать настоящее, как бы далеко от тебя ни происходило то, что побеждает сонливость и инертность. Не совсем о том же, но также под влиянием вдохновенного момента я написал свои последние стихи:

Дождь и снег,
 Я так уже когда-то шел,
 И от этого сейчас
 Я, кажется, — лежу
                   (ну, т.е., в высшем покое нахожусь)
 И лежа лечу
   («с нависня летела биель...»
   «с нависня пан летит бывало горипож...»)
 Сколько меня?

А если посмотреть сводки погоды за год, то таких вечеров с дождем и снегом одновременно окажется не так уж много. Раз-два и обчелся. Погоды ведь вообще «выдаются», а не идут как кинокартина в кино.

Знать — значит иметь это доведенным до сознания, почти ясновидеть, я вот на чем настаиваю.

И вообще, «не теряйте время даром» и, как говорится: «похмеляйтесь солнцедаром». Печеры. А почему «Печеры»? Да там «Солнцедар» в розлив продавался с открытия магазина, а не с одиннадцати, как все вообще спиртные напитки. Очень удобно было опохмеляться, только надо было со своим сосудом приходиться. Помните, как одно время бочковое пиво отпускать стали только в свою посуду? Это было вызвано другими причинами, но завести это может довольно далеко. К тому же все, кого я вспоминаю на этих страничках, в разное время бывали в Печерах и у каждого с ними что-то связано. Я сам не раз там бывал. Раза два с Милой. Гена чаще моего там оказывался, но он по своим делам, как-то связанным с монастырем. А я ездил туда просто так, потому что там «легче дышится, чем на всей земле», и это были мои «тропинки Севера».

Все, кажется, и дурные привычки тут приходят в систему с писанием, с мышлением. Легче излагать тут свои мысли. Может быть, это называется вдохновением. Вышла теоретическая монография Григорьева о Хлебникове, которую что-то никак не удастся достать. Говорят, это уже к юбилею. И больше ничего не предвидится. Пью чай, вывариваю среди ночи — ужасно расстроился желудок, а с «портвейном розовым» дело плохо обстоит. Сам опился «Кагору № 32», больше не знаю, чему расстройство приписать. Лечусь чифиром, помогает.

Вот так, пробужден быв кем-то, вернее, чем-то еще до того, как тебя окликнули, т.к., появляясь из глубины своего забытья, почти всегда успеваешь занять мгновение времени, даже потому, что забытье и время не пересекаются, и начинаешь как бы новое миропроявление. Как бы начинается новый рассказ.

Приятно разравнивать в коробке спитой чай, чуть влажный, веющий почти уже отсутствующим запахом. Пусть он пристаёт к пальцам. Ведь скорее считается, чем есть на самом деле, что дурные привычки препятствуют систематическим занятиям. Когда работается, то все помогает. Хорошо, конечно, знать, что тебе завтра предстоит. Но это сейчас так, а другой раз манит как раз неизвестное. Да и в чем отличие известного от неизвестного? На пути из Додомы в Дар-эс-Салам погиб в автомобильной катастрофе премьер-министр Танзании.

Два бублика эмблематических с алыми, как у снегирей, пятнами мне снятся. Два японца, которым я, внезапно осознав это, говорю, что, пожалуй, ничего так меня сейчас не интересует, как культура чая. По ним не понять, как они на это смотрят, но они нам демонстрируют свою страну, возникшую у нас здесь, и, судя по тому, насколько много сходства, они заинтересованы.

Деятнадцатого ранним утром зарегистрировано землетрясение, эпицентр которого располагался на территории Афганистана, где-то между Файзабадом, Таликаном и Шерханом, в трехстах километрах от Душанбе. В Хороге его сила достигла четырех баллов. Слабо чувствовалось в Фергане и Самарканде. О силе в эпицентре не сообщается. У нас пишут в этот день об урагане над Хайфоном, есть жертвы, разрушения, утонуло сколько-то лодок и баржа. Пострадавшим оказывается помощь. Ураган пронесся еще над двумя уездами. Читаю «Тайфун» Су Дун-по. Он пишет, что тайфуну предшествует «лунная радуга». Так называется новый кинофильм. Но в поэме говорится о первой стадии как о ветре, который предшествует тайфуну. Говорится о небесных конях, несущихся со страшной силой в то время, как от страха притихли тигры и леопарды. Ураган был ночью шестнадцатого

или пятнадцатого. В «Клубе» на этой неделе показывают Вьетнам, Гуэ. Один кадр в этой передаче, правда, в сюжете о Румынии, предельно точный. Женщины прядут шерсть прямо как на картине. Новый сюжет о Вавилоне. На фестивале в Сан-Франциско показывают «Новый Вавилон» Козинцева. Когда я разговаривал с Эллой вчера по телефону, в программе «Время» показывали египетские пирамиды Хефрена и говорили, что в них появился газ, воздействующий на зрение и дыхание, и теперь запрещен осмотр внутренних камер. Еще говорят о Газли, добыча достигла планового уровня, а город все еще в развалинах. Испытания, возможно, с целью изменить русло реки, в северной части Каспийского моря, силой шесть и одна десятая балла по шкале Рихтера. Говорят, что не первое, проводимое в мирных целях.

Часть 2

<1984>

Опять октябрь кончается, дожди. Вера вышла сегодня на работу, а мне надо ехать на укол. Собираюсь заехать к Кире. Вчера, двадцать пятого, обсерватория в Упсале зафиксировала утром подземный взрыв на Новой Земле, силой шесть и две десятых балла по шкале Рихтера. За это время, что я не писал, произошли землетрясения в Греции, в городе Пилос, разрушены дома, предназначавшиеся на слом, одно землетрясение под Ташкентом, в Назарбеке — четыре балла, без разрушений, и вот позавчера, появилось сообщение о землетрясении в Казахстане, в отрогах Джунгарского Алатау. Ощущалось в Алма-Ате и Пржевальске, разрушений нет. Это отмечаются уже слабые толчки, а больших, разрушительных землетрясений, давно уже не было, после Газли и итальянских толчков. Волна пошла на убыль. Судили японца, который в своей книжке предсказал сильное землетрясение в

этом году в Токио. Не знаю, чем у него кончилось. Он, собственно, извержение Фудзиямы предсказывал. Произошло извержение на островке Ито. Показывали, как толстый ровный слой пепла счищают с крыш. Говорят, что пепел, при извержениях образующийся, отнюдь не удобрение, а даже ядовит. Извержениями этот год богат. Гавайи, Филиппины, Камчатка, Исландия. Засухи и наводнения, не понять — чего больше. Иногда они чередуются, в Камбодже например. Страны нуждаются в помощи. Эфиопия; Советский Союз покупает много зерна. Наводнения повсеместно на Дальнем Востоке. Северная Корея оказывает помощь Южной. Впервые за послевоенное время. Несмотря на это, за шпионаж в ее пользу многих судят. У них далекоидущие планы объединения двух Корей. Вот чего я не знал заранее, в конце шестидесятых, начале семидесятых, так это того, что Йемен разделится на Северный и Южный. Ну еще о социализме африканского образца меньше знал, в частности, Анголы я не предвидел. А остальные перемены в мире были тогда уже ясны. Даже обращенность на Дальний Восток, в связи с объединением Вьетнама и ужасами Кампучии, была правильной. Землетрясение в Пагане, в Бирме, тогда я просидел, но его можно было предвидеть, помня книгу «Архитектура Бирмы».

Сегодня, двадцать седьмого, передают о подземном ядерном взрыве в районе Семипалатинска, силой шесть и девять десятых балла по шк. Рихтера. В газете пишут о серии подземных толчков на Сицилии, имеются раненые. Предыдущие толчки возле Этны были на той неделе, один человек погиб. Вера завалила меня вырезками из старых журналов. Я что-то должен с ними делать. Сейчас же в одной папке нашелся В. Хлебников — «Труба Гуль-муллы» и несколько стихотворений, а я давно считал их пропавшими. «Индийская средневековая лирика» — перепечатка и

кусочек дневника моего, отпечатанный Борей. Все это, я думал, затерялось. Вчера Кира отдал мне дневник за восемьдесят четвертый год, кроме последнего куска — двадцать две страницы рукописи. А весь дневник, за полгода примерно, уже перепечатали. Вставляли пропущенные слова, главным образом, имена и названия. Теперь у меня очень много печатного материала — вышло больше ста страниц. Еще не пробовал перечитывать, сижу, весь обложенный вырезками, и не знаю, что с ними делать. Вера вернется, будет ругаться. Сегодня она забежала в середине дня, рассказывала, был в городе марш мира, трудно было с транспортом, но она все же уехала к своим через весь город. Нужно и кое-какие покупки сделать, и с сестрой встретиться. Дождь. Удостоверившись в этом визуально, забываем даже по радио послушать прогноз, температуру. Еще в плаще идет. В эти дни обещали похолодание, но предсказание не сбылось. Холодно было у Киры — окна настежь, но, кажется, не простыл, хотя целый день провел у окна плохо прикрытого. Снова замкнулся дома — отдыхаю. Ибн-Джубайра «Путешествие» они купили, еще несколько книг, все из исламских стран. «Песни пуштунов», «Тадкире», аш-Шахрастани «Книгу о религиях и сектах». Я рассказываю, что в воскресенье будет разыгрываться подписка на трехтомник А. Платонова. Это Киру заинтересовало. Больше, как будто, нового ничего. Рад очень, что с дневником разделались. Но, с другой стороны, что-то придется предпринимать и с продолжением. Вера хочет новую машинку, на старой отказывается работать. Несмотря на это, берем Мандельштама, будет ей работка. После девяти уже звонит, что выезжает. Мне очень спокойно, почти весь день один. Совершенно случайно оказывается дома бутылка сухого. Оно тоже усыпляет, как и портвейны. И вот день разбит надвое, и вечер снова как утро. Мог бы не

спать и очень долго, но стараюсь этого не делать. Ложимся вовремя. Правда, ночью еще по привычке могу встать в три, но ложусь снова. За отпуск привыкли спать до полдевятого, и теперь надо снова втягиваться в привычный ритм. Эта тетрадка кончалась осенними записями, и теперь снова осень, так что как бы перерыва и не было. Но накопились записи за это время, особенно много с января восемьдесят четвертого года. Попробуем Боре отдать напечатать в журнале. Что-то из этого выйдет?

На этой неделе умер Ф. Трюффо. В прошлую пятницу похитили и убили отца Ежи Папелюшко.

Вчера, двадцать седьмого октября, произошло сильное землетрясение в Таджикистане. Семь-восемь баллов. Есть разрушения, на место вылетела правительственная комиссия. Оползни, камнепады в горах Памиро-Алая. Эпицентр в Джиргатале. Пишут, что через две недели оно может повториться. Я тут просматривал статью из «Химии и жизни» о способе предсказывать землетрясения по давлению газов в скважинах, там описывался случай, когда давление в скважине под Душанбе предвещало землетрясение в Кулябе, за счет разлома пород скальных, исследованного еще в тридцатые годы, но забытого. О Джиргатале тоже пишут, что эти толчки были предсказаны еще в восемьдесят втором году в специальном сборнике «Прогнозы землетрясений», изданном в Душанбе. Я тут уже скорее на Афганистан засмотрелся. Но там ведь сравнительно недалеко. Только что этот горный край из себя представляет? Шоссе там нет. Несколько сотен, пускай даже несколько тысяч глинобитных домов пришли в состояние негодности для жилья. Туда повезли палатки. Там еще сравнительно тепло — до двадцати трех градусов — прогноз на завтра. Глинобитных домов я повидал, помню в Ташкенте такие дома с надписями на стенах: «дом продается». Люди бегут из

таких мест задолго до катастроф, стараются еще успеть имущество продать. Я тут сказал как-то — «набью», в смысле «побью», и сам задумался — кто это так говорил неправильно? Уже не помню, давно, в детстве это было. А в Таджикистане секретарь ЦК Набиев. Вот все, что узнается из этих двух заметок о Джиргатале. Сказать-то нечего. Жертв, как будто, нет. Двадцать восьмого день рождения В. Хлебникова. Отмечал один.

Тридцать первого Верочка захворала. Утром температура, не пошла на работу, вызвали врача. Сидим дома. В газете заметка: «Джиргаталь: никто не остался без крова». В середине дня включаю приемник — убили Индиру Ганди люди из ее охраны. Вот сенсационная новость. Со всех сторон слышно только о выражении соболезнования. Ее сына назначили премьер-министром. Передают некролог. Зашел Кира, поговорили с ним. Он зашел за Беккетом. Под дождем ходил покупать «тридцать шестой» чай. Купил бутылку портвейна.

Утром первого кончил читать дневник. Он получился довольно законченный и похож на хэянские дневники. Теперь, когда я прочел Горегляда, это особенно чувствуется. Будем отдавать его печатать. А та новая часть, которую я в рукописи Кире передал, повисает в воздухе. Это уже из второй части. Потихоньку работаю над второй частью. Первая начинается землетрясением в Гвинее, а кончается свержением «кровавой диктатуры Секу Туре». Вторая начинается с урагана в Ивановской области, а кончиться должна Новым годом. Но для нее еще мало материала, не выделилось стержневое направление.

Пятого пишут о том, как отстроились пострадавшие от смерча деревни под Иваново. Мест тех не узнать, поставили новые дома. Фотография разрушенного до основания деревенского дома и рядом фото-

графия нового. В Иванове строят шестнадцатизэтажные дома (два). В общем, с последствиями смерча справились к зиме. Только одну деревеньку на городской черте решили не восстанавливать. О Джиргатале пока ничего нового, ждут новых толчков через две недели. В одной заметке писали, что в соседнем Хейтском районе некогда произошло такое страшное землетрясение, что пострадало сто пятьдесят населенных пунктов и что оно описано в БСЭ. Ничего не предвещает продолжения, но таков прогноз. Как далеко это от нас. Это близко к Калаи-Хумбу, к границе. Уезжаю на шестое-седьмое к маме, встал в четыре часа, вчера днем под портвейном отоспался. Надо взять две сетки с собой. Надо побриться. У Киры на каникулах дочка дома, обещает заехать в Купчино. Мелкими этими делами и занят. Верочка закрыла бюллетень, собирается двенадцатого во Львов. Один человек нырнул в Ташкент, что-то ему там достанется? Испытания на атолле Муруроа, силой 40 кило-

Седьмого ноября сообщают о тайфуне над центральной частью Филиппинского архипелага, пронесшемся на прошлой неделе. Погибло около четырехсот, без крова осталось двести пятьдесят тысяч человек. Во вчерашней газете небольшая заметка о землетрясении в Таджикистане, возле Куляба. Жертв и разрушений нет. Больше по интересующей меня теме ничего не сообщается. Вернулся с Петроградской и отдыхаю один дома. Переизбрали Р. Рейгана на второй президентский срок. Сегодня праздник, обедали у мамы, выпивали. Верочка купила две бутылки «три семерки». Приехал домой около четырех, все спокойно. Джиргаталь вспомнили еще раз. Теперь пишут, что повторный толчок произошел еще тридцать первого октября там же, силой четыре балла. Разрушения большие, ни один населенный пункт Джир-

гатальского района не остался не захваченным разрушениями. Сейчас напечатали фотографии: привезли панели новых домов, много юрт прислали из Киргизии. Люди живут в палатках, снабжение хорошее, начинают заново строиться. Вот и все. Но прогноз неблагоприятный, можно ждать еще сильного землетрясения.

Девятнадцатого появилось в газете сообщение о землетрясении на Суматре, силой семь и четыре десятых балла по шкале Рихтера. Никаких подробностей. Сегодня день рождения Индиры Ганди, ей должно было исполниться шестьдесят семь лет. Задержали четырех ливийских террористов в Египте. Они должны были убить Абдель Хамида аль-Бакуша, бывшего еще до М. Каддафи лидером Ливии. Двое англичан и двое мальтийцев. Теперь говорят, что ливийцы готовят покушения еще на правительства Франции, ФРГ и Саудовской Аравии. В Пакистане готовят переворот. Ливия все это отрицает. В Польше арестовали бывшего министра, в шестьдесят шестом году сбежавшего в Албанию. Казимеж Миял. Он создал там Польскую Коммунистическую партию. Сейчас он нелегально вернулся в Польшу, изъяты какие-то пропагандистские материалы. В Австрии армянские террористы убили турецкого дипломата, представителя при ООН. Вот все новости последних двух дней. Включаю днем радио, но, кроме того, что открылся съезд Румынской компартии, ничего нового. Сегодня Кира должен заехать к вечеру. Вспоминаю книги, которые у нас появились за это время, с праздников, еще до. Тут довольно значительные прибавления. Два тома Достоевского подарила мне Верочка и перепечатку Су Дун-по. Привезла из Львова том Я. Полонского — стихи и проза. Никогда о его прозе не слышал. Несколько книг прислали из Алма-Аты, один томик Есенина с «Кобыльими кораблями». Несколько книг она

выудила из макулатуры, отдавала в переплет, уже вернули. Сама она сейчас перепечатывает О. Мандельштама, и дело довольно быстро подвигается. Прочли «Похвалу тени», Кира принес. Вышел «Бяньвэнь по Лотосовой сутре» и какая-то эфиопская книга, еще Эллочка не выкупила, пришли открытки. Мне досталась из макулатуры книжечка И. Цырлина «Питер де Хоох». Вот и о книгах все. Теперь — по содержанию, перечитывал рукописные редакции главы «У Тихона», вспоминал недобрым словом Ю. Нагибина. Он пишет как бы с точки зрения какого-то коллектива, комиссии, проводящей наблюдения над индивидом. Если бы в комиссии был психиатр, то его персонаж уже был бы поставлен на учет. Я это все об «Хазарском орнаменте» пишу. Тоже ножичек потерялся, но развязка совсем иная, чем у Достоевского. Выплывает наружу психопатологическая мелочность нагибинского персонажа. Фильм по «Хазарскому орнаменту» сопоставим с японской «Историей любовных походов одинокой женщины», та же узкая пленка и то же невысокое качество по сравнению со своим прототипом. Жаль фильма «Дерсу Узала», Куросава способен сам на большее. Сейчас он снимает «Короля Лира». «Один человек ушел в Тяньцзинь» — эта фраза из «Дерсу Узала» прозвучала. Нагибину многое можно простить за то, что он перенес ее в свой сценарий. В Мехико-сити произошел колоссальный взрыв на газовом заводе, в пожаре погибло более трехсот человек, еще более пятисот получили ожоги, сгорело четыре тысячи домов. Город затянут дымом, безостановочно работают пожарные, радио передает призывы к населению сдавать кровь. Выгорел пригород Мехико — Сан-Хуанито. Пожар произошел ночью, и многие сгорели заживо в своих домах.

Гораздо больше раненых в Мексике — тысячами исчисляются, причем говорят, что многие обожжены

так сильно, что не выживут. Это крупнейшая катастрофа такого рода за всю историю. Огромное количество газа сгорело.

Ближе к концу года продаются книги по буддизму. Кира принес Г. Б. Дагданова «Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя». Новая книжка, новосибирского издательства, продавалась свободно, но брали очень. Подарил мне. «Бяньвэнь по Лotosовой сутре» можно было взять в двух экземплярах, да стоит дорого — четыре шестьдесят. Какие-то эфиопские хроники еще в продаже есть. Больше, правда, ничего не заметил он. Заходил в Академкнигу. Приехал, Вере долг привез, а мне эту книжечку с буддийскими стихами. Ведь в обычные сборники буддийские стихи не входят. Скоро декабрь. Снег выпал повторно и лежит, не тает, хотя утром было всего минус один градус. Может, перед Новым годом, перед днем рождения, мы и окажемся в метро у киоска с книгами. В прошлом году так нам достались песни Далай-ламы. Тоже к Новому году вышли. Рассказывает, что слышал по радио передачу о том, что американцы научились управлять стихиями, и тайфуны, землетрясения, засуха в их власти. Я показываю ему заметку о землетрясении на острове Диего Гарсия, вызванном, якобы, маломощным ядерным взрывом, приведшим к человеческим жертвам на соседнем острове Родригес. Засуха в Эфиопии, чуть не десять миллионов человек без пищи, спешат оказывать помощь, но, говорят, очень трудно с доставкой продуктов внутри страны из-за нехватки транспорта и партизанских войн. Так что приходится помогать и вертолетами, и грузовиками. Несколько лет уже продолжается засуха, как один эмигрант сказал, такие же скелеты ходили по Украине в тридцать втором. Говорят, что пока, несмотря на помощь, масштабы голода еще расширяются. Я в этой книжке все хотел сказать, нарисовать, что Эфиопия — это дом, повернутый

к нам лицом, а за ним виднеется другой, четырнадцатизэтажный, стоящий торцом, и что по окнам их мы читаем новости, как по телетайпу передаваемые. В Эфиопии четырнадцать провинций, и из них двенадцать охвачены засухой. Но пока не заметно, чтобы Судан просвечивал из-за Эфиопии. Скорее Чад да Ливия. Ливийское радио передает предупреждение Мубараку, что он может быть убит, за то что дает приют в Египте врагам Каддафи. А о Судане я помню только сюжет, как там борются с алкоголизмом и коробки с «Мартеlem» и ящики с пивом давят бульдозерами, а крепкие напитки выливают куда-то в реку или в канал. Больше о Судане как-то ничего не говорится. Но, может быть, сквозь затяжной кошмар голода и проступят постепенно какие-нибудь его черты.

Ничего легче нет, как писать. Двор еще спит, ни один свет не зажжен, даже в детском саду погашен контрольный свет. Мороз забирает не на шутку, проснулся рано и в четыре не знаю, спать ли лечь. Ведь вставал сварить чай, чтоб был к утру готовый. Выпил чаю. Теперь нужно спокойно лечь. Еще раньше: усидели бутылку «Агдама», и эту ужасную коробку, куда складывали кости и кожу копчушек и корки от мандаринов, пустые упаковки, а под конец куда я высыпал и окурки из банки для мусора, я бы выкинул из дома вечером в мусоропровод. Есть натюрморт: три мандарина и четыре яблока на окне, и никакого другого натюрморта беспорядочного, состоящего из опрокинутых сосудов для питья и емкостей для жидкостей, не надо. И все-таки я встаю ночью заварить чай. Времени утром кажется мало. Не раскачаться так быстро где-то в семь. Натюрморт с ореховой скорлупой. Вера привезла пять пачек «тридцать шестого», и я их складываю на верх буфета, в коробку из-под «Розовой воды». Коробки, коробки из-под одноразового чая и банка из-под «Дарджиллинга», упаковки

чайные. Чаем занят весь буфет. Хожу и думаю, что я в своем праве ходить когда захочется, варить чай в полной тишине. Хожу и курю, я покурил сегодня, теперь надо заканчивать дневник, а еще месяц до конца года. Я несколько оторопел, сколько ж это я должен успеть, за месяц исписывать в день по две страницы таким мелким почерком. Съели коробку «пастилы» самборского завода, в первый раз надел носки, купленные уже после возвращения из Львова. И в четыре я не ложусь, а сажусь писать, надо записать все за день, да и за этот период. А потом к тем трем яблокам прибавляются еще три. И натюр-морт становится: шесть яблок и три мандарина. Вот

уже зажглись два окна в пятиэтажном доме из тех, что раньше всех просыпаются. Завывает ветер над домом, но в квартире довольно тепло, сижу раздетый. Да, да — мне важно, чтобы этот дневник остался от этого времени и от времени месяц вперед. Пытаюсь вызвать забытую мысль, чтобы, ах да, вспомнить, о чем подумалось, пока я так бродил по кухне. Не вспомнить, но что дальше было, я все честно описал. И дальше и раньше. Тут надо как-то разделять дальше от раньше. Вообще же, сейчас я думаю, что снова пора эфиопским студентам в Духовную академию в Ленинград или в Киев, а потом в епархию. Негр-священник — это так экзотично, что зеленые холмы этого прихода прямо так и отпечатались в сознании. Все, вплоть до факельных шествий, там возможно. Но так-таки и не вспомнил, о чем думал потом, за хождением, думаю, вспомню.

Одеваюсь потеплее в шерсть, все-таки здесь холодно. Это место на карте, Джиргаталя, я заметил, когда говорили о наводнении у Калаи-Хумба, это было в разгар лета. А то, что случилось там, случилось уже осенью, я, конечно, подзабыл названия тех окрестностей, но тогда еще писали, можно бы разыскать ту заметку, что на Ванче сель может образоваться, как в какие-то прошлые года, когда впору было эвакуировать всю долину. Много еще писать. Что-то изменилось, я курнул уже сегодня, это отличает запись от предыдущих. И тут, полшестого, первый человек выходит и вызывает к себе лифт, который очень медленно поднимается с первого этажа, затем спускается на нем, затем сразу это повторяет и следующий, человек с гораздо более мягкой походкой, чем у первого. Тут уже пора кончать записывать. Здесь я сижу и ничего не могу с собой поделаться. Что-то скажут в шесть часов о морозе? Дом начинает двигаться, стереотипные окна за окном. Уже по радио стук пере-

дают, скоро уж, скоро. И тогда еще час, уже посвященный слушанию радио или слушанию тишины, уже относительной. А что слушать? Хорошо, есть «тридцать шестой». Вьюга, метель, волна до двухсот тридцати сантиметров, двенадцать градусов. И все же новый интерес каждый день возникает. А люди все идут и идут, и снег идет. Все теряется как бы в тумане. Только дети способны играть под падающим снегом, а взрослые относятся к снегу как к нешуточному явлению и шутить не намерены. И грустно так видеть бредущих под снегом стариков и состарившихся молодых людей. Гнет ветер, метель слепит, впереди ничего, кроме пелены снега, не видно. Силуэты людей возникают в туманной мгле. Все же день обычный, хотя сегодня напало снега больше, чем за всю предыдущую осень. Мы живем при начале зимы, город прикрыт тучами, ждем потепления. Дети еще могут чего-то ждать от снегопада, а остальные удовлетворены полностью, даже с избытком. Все, что заставляло раньше сомневаться, казалось незрелым, занимает свои места, находит себе место. Эта книжка именно мне нужна. Три часа дня.

Утром самое первое, что я собираюсь сделать, это сварить себе чашку своего чая. Перед этим подкуриваю. Опять прошло тринадцать часов. Вечером не узнавал, кажется, ничего нового. Пробовал позвониться до Киры — безрезультатно. Он, наверное, на кинофестиваль ходит, дома его не застаю. Капель с крыш, значительно потеплело. Что скажут в шесть? Еще есть время. От окна больше холодом не веет. Лубочный пакетик «восточного острого супа» вызывает представление об Уругвае и выборах. Из другого города привезла Вера аккуратные пять пачек одесского «тридцать шестого». Сейчас он кончается, но уже здесь, на Замшина, ей удалось достать еще пять московского. Мы с чаем. Я первый встаю во дворе, исключая тех, кто

вообще не спал. И мое окно светится в ночи, как знак какой-то новости, а новости и нет. Шведских журналистов не допустили к Ярославу Соиферту, без мотивировки. Эти пачки чая, каждая, как дом или государство. Есть такое государство — «чай», или они прообразуют какие-нибудь страны с карты мира? Заказала Вера два экземпляра «Эликсиров сатаны». Один, чтобы Кире подарить. Купила очень большой том А. Платонова. Сейчас достала себе печатать срочно детектив, и О. Мандельштам откладывается. Сейчас четыре градуса тепла. В Индии, в штате Мадохьяпрадеш отравились двести человек испарениями синильной кислоты. Руководство завода арестовано, число жертв может быть и большим. Шестьсот с лишним человек умерло от этого отравления.

Все-таки не мог удержаться и съездил к Кире в воскресенье под вечер. Спокойно, сидя доехал до Веселого Поселка, там немного прошелся по бульвару и был у них дома. Сразу новые книги и «Дневник» мой, который я сам принес. Кира готовит плов с гречневой кашей, т.к. риса дома нет. Он кладет в мясо так много специй, добавляет даже аджику, что на другой еще день от тебя пахнет этим блюдом. Мы выпиваем сухого вина и потом чая, и чай, «тридцать шестой», вдруг оказывается чудесно действующим. Слушаем музыку, когда доигрывает Сонни Роллинс, я ухожу. Кира говорит, что Эллочка собирается в Москву и может купить мне там «Корейское искусство» Глухаревой, якобы там эта книга свободно продается. Стоя добираться снова до Будапештской и быстро прохожу по нашей улице, спеша домой. Вера на следующий день уезжает к маме и останется ночевать, я один, который уже раз?

Уже третий или четвертый день все продолжает так. Во вчерашней газете заметки о землетрясениях в Магаданской области и в океане, недалеко от Курил.

Девятого передают, что произошло землетрясение около Неаполя, какой силы — не расслышал, больших разрушений и жертв нет. Вспоминают предыдущее — были жертвы, много бездомных. А больше опять ничего. В Индии число погибших от отравления превысило две тысячи пятьсот человек. Компании предъявили иск на пятнадцать миллиардов долларов.

Десятого — день Кипра.

При плане бы можно. Законы военного времени не введены, всем нам светит проснуться один раз афганцами. Беру носки. Все реакции замедленны, и я неделю не одевал ничего на ноги. А на улице мороз около десяти градусов, и наше помещение остывает, тем более что топят не так уж жарко. Еще ничего не писали о перевороте в Мавритании — уже пять дней прошло. Президент арестован в Нуакшоте, куда он вернулся из Бужумбуры, Бурунди. Премьер-министр захватил власть. Все спокойно.

Запустили «Вегу-1» на Венеру и для наблюдения кометы Галлея. Вот то, что нужно отметить в дневнике — вчера Миша с Леной отобрали пять из моих работ для того, чтобы повесить их у себя дома. На одном большом листе старолადожская церковь, такая, как на рисунке в этой тетрадке, в начале. Другой большой лист с крупными цветами, я не могу что-то узнать по описанию, и три работы абстрактные, маленького формата. Наконец-то меня берут. Сколько я времени этого ждал? Я уже много лет зарабатываю на существование этой переменной живописи на литературу, но никогда еще так наглядно это не становилось. Даже когда я Вербовскому отдавал тексты текущих соображений, а деньги брал под живопись, которую всю свозил к Володе Эрлю и никто больше ее не брал. Еще одна фаза упрощения отношений. Мы теснее связаны теперь, лучше отношения между нами. Куда-то пропал Боря, так долго он не появляется, что

создается впечатление, что он куда-то уехал. Или переехал и не может наладить жизнь на новом месте. Или далеко где-то дом нашел. М. б. болен? Неоткуда узнать. Киру приглашает Юра. Новости никакие до нас не доходят. Показывали фильм — я не видел, где снимали Галецкого, Рухина, Есауленко, Белкина с соответствующим текстом. Кривулина и Куприянова обвинили в графоманстве.

Когда все окна угаснут, можно будет присесть и немножечко подумать. Теперь все окна не гаснут никогда. Во всем обилии окон, видимых у нас, всегда находятся такие, что светятся всю ночь. Не значит, что думать вовсе невозможно, но думается на ходу. Мне все представляется, что я какой-то дервиш, и это кажется очень правдоподобным. Ощущение, что я прав, не отпускает. Мой картографический почерк. Заметки день за днем, когда к чему-то придем, они никогда не опаздывают произвестись. По объему заметки я уже представляю, насколько назрела необходимость новой новости. И мне кажется, чтобы мне грудь полностью наполнить свежим воздухом последних известий, должно бы многое случиться. Аппетит ненасытный, это известно. Но ведь со своей покалеченной спиной, я еще и не имел бы сил дышать полной грудью. В монахи не берут калек. Дервиши, интересно, бывали покалеченные? Зарываюсь все глубже в дервишизм и ничего не могу поделать с собой, с этим несоответствием этапу временному. Вот что значит иметь В. Арсеньева и Сервантеса, а зачитаться Яном да Миклухо-Маклаем. Вот еще мысль, выраженная целиком. Накапливаются впечатления у одного человека и разряжаются под то, что происходит во внешнем мире внезапного, значительного. Мне могут сказать, что — но так меня кроме плана ничего и не интересует? Отвечу — землетрясения тоже интересуют. Вообще бы книгу Болта «Землетрясения, тайфу-

ны, цунами» я предложил бы расширить за счет еще прочих стихийных бедствий, а также войн региональных, революций, народных, переворотов, военных и т.д. Следующей фазой моего мышления будет преодоление ограниченности и этой формулы или видение ряда значимых событий, продолженного дальше. В будущее так или не так заглядывали будетляне? Кажется, совсем не так. И здесь белой вороной быть? Близится столетие величайшего русского дервиша — В. Хлебникова. Что-то, что-то предельно значительное приурочивается к этой дате. Тут все должны бояться ошибиться или быть односторонними. Время для окончательного прозрения и время наивысшей устойчивости озаренности. Всякий должен подготовиться к великому столетию со дня рождения. Все в этом году празднуют день Победы над фашистской Германией, так что год будет действительно радостным. Проблески. все это в целом, я имею в виду весь этот дневник, я хотел бы назвать проблесками мысли и еще чего-то. Деятнадцатого сообщают, что убили в Риме Измаила Дервиша, члена руководства ООП.

Пустота, кажущееся ничегонедельное, праздность, а оказывается, что проделано было что-то такое значительное, чего с лихвой хватит для поддержания моего существования, для продолжения жизни. Страна мороженой самобытности. Все превращается в гигантский склад консервов самобытности, морозящихся в ледяной пустоте. Единственная полезная и полезная для здоровья работа — дворницкая, разгребаение снега на площадках и дорожках. Страна, конечно, не должна потерять своей самобытности, какой бы экзистенциалистский аскетизм ни восторжествовал. Хоронят Д. Ф. Устинова, в Москве мороз, люди топчутся на холоде. Только присутствующие испытывают чувство своеобразного величия момента, телевидение не создает эффекта присутствия и нивелирует

впечатление от церемонии. Вот до чего мы дожили, завтра день рождения.

Двадцать седьмого день рождения Мао — девяносто один год. Он умер в сентябре семьдесят шестого, не пережил Таншань. Сиди-Ифни тоже привело к восстанию в испанской Западной Сахаре. У меня есть пачка из-под прессованного рафинада, сахара, и я не могу, глядя на нее, не вспоминать о новообразованной республике САДР. Самое время переиздать Сахарова «Сказания русского народа». Сепаратисты еще на Кипре действуют, в Чаде. Партизаны в Анголе, Зимбabwe и Сомали. В Эфиопии. Никарагуа стабилизировалась, но и там и в Афганистане еще борются повстанцы с новыми правительствами. В другие года говорили тут о Тиморе, а в восемьдесят четвертом Новая Каледония выступает за отделение от Франции. Год кончается, но не подводятся никакие итоги. Сикхские сепаратисты и тамилы на Цейлоне, красные кхмеры в Камбодже. Там, в регионе также началось все с землетрясения в Пагане, теперь в Индонезии тихо, но Таиланд в напряженной обстановке. Никогда землетрясений не бывает в Лаосе, с чего в этой буддистской стране-то установилась советская власть? Ангольская ССР и Эфиопская ССР, Южнойеме́нская ССР и Лаосская. Еще есть Мозамбик и Зимбabwe. Танзания — более независимый курс развития, некоторая политическая самостоятельность. На мир смотреть сейчас интереснее всего. Гватемала и Сальвадор — партизаны. Перу — Санфера Луминоса. А мой день рождения в этом году нецельный, двадцать девятого справляем. Должны быть Кира с Эллой, больше никого. Тетя Леля прислала какой-то подарочек, но мы еще посылку не получили. Пьем потихоньку, на праздники оставили «индюшки», а так, говорят, индийского чая больше не будет, торговля зашла в тупик.

Сегодня снова еду на Петроградскую, самый-то день двадцать пятого мы с Верочкой провели в перебежках по Петроградской, в собирании справок для обмена, показалось холодно очень, а не холоднее, чем сегодня, минус девять, как-нибудь вытерплю. Кто из нас осмотрит предновогодние прилавки, и не знаю. Буддистская книга продавалась на месяц раньше в этом году. Пишут, что вышло «Троецарствие» в Худ. литературе. Теперь думаешь только о Западной Сахаре. Цейлон, Сахара, Кипр. Чай, сахар, лимон. Мы ничего и этого не кладем в чай. Грузия, грузинские мандарины к празднику, но уже угощали ими Киру, он заходил двадцать шестого. Плохо с отцом, и его вызывали посидеть день дома. Поговорили, мама его еще у нас не видела. Просит его по телефону, потом уже, торт купить, а где он купит его перед Новым годом? Ждем так давно их как гостей, что уже почти перехотелось и праздник справлять. Но впереди еще Новый год, неизбежный праздник. Двадцать восьмого утром испытания под Семипалатинском.

<1985>

В этой книжке есть довольно много подготовительного материала. Я все принимался за нее, да не удавалось ни за чем точного времени засечь. Наконец случилось это землетрясение в Гвинее, и я начал вести более или менее регулярные записи. Переворот, происшедший потом, смерть, прежде, Секу Туре, все уложилось в непродолжительное довольно время, какие-то полгода, и все это составило первую часть этой книжки. Смерти, которые я отмечал в записках, позволяют знать лишь о смертях же и воспроизводятся в одном и том же виде через энные промежутки времени. Сегодня в газете выражают соболезнования по случаю смерти Чан Си, председателя Кампучийского Совета министров. Ничего, никакого сообщения об

этом я не слышал заранее, и это прямо новогодняя новость. По-видимому, в самый Новый год он и скончался, мы не смотрели программ «Время» в эти дни, а в газете ничего сообщено не было. Вот это второе января, а я ведь собирался кончить Новым годом свои записи. Так не выйдет. Даже после конца вдруг пишется что-то вроде главы воспоминания, а вообще-то все и подготовительные материалы хотелось бы расположить в конце книги. Так было с первой частью, так и теперь. Я недаром принялся писать в более старой книжке, здесь заметкам осени восемьдесят четвертого предшествуют записи восемьдесят второго. Я отмечал смерть Брежнева, не представляя, что эта ситуация скоро воспроизведется в смерти Андропова, скорой и такой же торжественной. Редко, конечно, бывают такие события, как убийство Индиры Ганди, и от предшествующего аналогичного события — убийства Анвара Садата у меня ничего из записей не сохранилось. Или я тогда их просто не делал. Но схемка и этих событий была набросана в «Возвращении в 1974 год». Теперь начался новый год, у детей каникулы, а у меня праздник. Праздник до такой степени, что вот я сижу и без беломора у украшенной елочной лапки, а в другой комнате стоят хризантемы, которые мне подарили на день рождения. Пока праздники были у взрослых, я их как-то так и не ощущал, но второго Вера ушла на работу, хотя вся ее лаборатория взяла тут отгул, и я оказался в праздничном состоянии. Вера обещала купить и сегодня бутылку, и это с двадцать девятого я все время сосу вино. Тогда-то вечером мы выпили коньячка еще. Тихо, как в праздники. Да ведь у детей праздники и есть. Еще только начались праздничные представления, елки. Встаю ночью поторчать и оказываюсь в полной тишине. Вот в новогоднюю ночь забыл пронаблюдать, насколько больше огней в окнах, и теперь

сiju как бы без новостей. Действительно, как всегда в праздники, новости хуже распространяются и в меньшей степени доходят до меня. Буду ждать на подсосе нормального выпуска последних известий, который все поставит на свои места. Если б не уколы раз в три недели да пенсия тринадцатого, я совсем бы жил в соответствии с ходом событий, рассматривая их по степени значительности для мира, но, одновременно, что-то суеверно в них отыскивая, имеющее отношение ко мне самому, к моему прогнозу, моей схеме. Хотел уже вырезать на первой странице «Известий» нечто о строительстве защитных сооружений, до такой степени ничего нового. Убит, правда, еще один руководитель ООП в Иордании. Сингапур выходит из ЮНЕСКО. Марокко прервало дипломатические отношения с Югославией, так как последняя признала Сахарскую республику, но теперь это все новости старого года, а нужно что-нибудь поновей. Третьего переименовали Ижевск в Устинов.

Если завтра будет такая же температура, я с удовольствием съезжу к Кире. Первый день, когда глядишь на улицу без суеверного страха. Десять дней, на Рождество и на старый Новый год, были морозы под двадцать, а то и еще сильнее. Первые дни мы мерзли и дома, но мне пришлось пару раз выходить. А потом, во время детских каникул, раз за разом заходил Кира и пугал морозом. По общему мнению, мы уж никак бы не могли съездить в Веселый Поселок. Да и на Петроградскую переезд отложили до тринадцатого, чтобы уж заодно переделать там все и дела, к врачу зайти да деньги получить, но, главное, перевезти маму к ней домой. Она живет у нас почти месяц, не помню, с какого точно декабря, скорее всего с тринадцатого-восемнадцатого. Вначале готовились к праздникам, справляли день рождения, потом Новый год, и началось праздничное время. Так прошел месяц. К

счастью, сейчас и морозы ослабели, всего семь градусов, но идти за вином я отказался. Небрит. Все сделать заодно. Да еще предварительно в Веселый съездить. К Кире попасть не удалось, у него умерла тетя, та, что последнее время жила у родителей тут в Купчине, и все наши планы перевернуло это. Пожалуй, сегодня, в четверг, окажемся на Петроградской. Маме с утра тяжело переезжать, да еще со мной одним. Она уже так рассчитала, что поживет одна, ну а в феврале приедет на сессию Сережа, и ей не будет так одиноко и тоскливо. Главное же, мы боялись, что, пока держатся морозы, у нее дома очень холодно, и вот первые их, новогодние и рождественские, провели вместе. Было холодно и у нас, но втроем мы согревались охотнее, и вообще не так тоскливо. Сейчас пытаемся выяснить по телефону у Верочки все вопросы, связанные с переездом. Конечно, лучше, если она поедет с нами.

Уже семнадцатое января, а я все еще курю, как именинник, отдыхаю. Праздники растянулись надолго. Еще недели на две у меня плана хватит, а там вставать на колени, идти на поклон. Не боюсь ничего. Просыпаюсь все около трех, а в пять-полшестого ложусь полежать до будильника. Верочка даже заметила, что я ей завтрак (бутерброды) готовлю с ночи. Очень ценны эти спокойные ночные часы, хоть бы и не курить, да все кончается. Утренний покой теперь нарушает звук отбойного молотка или электродрели — решили входную дверь запереть на замок и проводят микрофоны в квартиры, теперь не разоспишься до полпервого, долбят и долбят. Переедем. Хоть ненадолго, но спокойнее у мамы. А мороз совсем ослабел, сегодня с утра минус два, сейчас — около четырех градусов всего. Самое время возникнуть в зимнем на Петроградской. Существует опасение, что еще крещенские морозы дадут себя знать, но надеемся на

лучшее. Первые, они всегда круче, дальше не так. Зимовщиков, способных со мной, с нами просидеть всю зиму, холодные февраль и март, не находится. Мама, во всяком случае, не из таких. Верочка берет завтра полдня отгула, специально для переезда.

Почти и не заметил, как побыл на Петроградской. Приехали на Татарский на такси, и я в этот же день обошел сберкассу и гастроном. Перед самым обедом покупаю «33» на углу Большого и иду домой. И завтра и послезавтра все пьем вина, и я только успеваю засыпать и просыпаться. Спрятались мы вовремя, на Крещение ударили морозы. Мы как-то в домах не чувствуем, какие страшные морозы. Ну да, нет ветра, вот и не чувствуется холод. Даже в газете регулярно сообщают о рекордно низких температурах то там, то там и о количестве погибших от холода. Например, в Австрии, во Франции. Я думаю о том, как тяжело сейчас Кире и Ире. Два человека сидят. У мамы случилось что-то страшное в доме, приходил лейтенант, звал ее в понятия, но оставил с миром, сказал, что ей было бы тяжело видеть «эту картину». Ничего больше. Не топят, а все еще семнадцать градусов. Сегодня девять дней со дня смерти тети, и Кира с Эллой собрались зайти ко мне, а я так к ним и не выбрался. Был один день, подходящий для поездки, именно тот, когда я вернулся с Петроградской, да быстро холодало, а у меня было вино, и я предпочел проспаться удобное время. А потом холода. Тут уж и не зовут. Сегодня позвонил Кира — сегодня зовет до вечера заехать. Я сразу отказываюсь, а потом объясняю, что я должен гороховый суп сварить, это займет много времени. Кира об этом знает, но упирает на то, что стало теплее. Кому как, но мне и семнадцати градусов довольно, чтобы не выходить. А он все устраивается на работу, пробегал все крещенские тридцатиградусные. Вчера остался ночевать у Миши. Вот все, что я об их

жизни знаю. Сегодня зайдут, Бог даст. Все холодное время мы только перезваниваемся.

Кира, действительно, заходил на ночь, принес армянского коньячка. Недолго посидели с ним, поговорили и выпили. Перед сном коньяк пошел очень хорошо. Элочка осталась помогать убираться после гостей и не зашла. У них сейчас главная забота, что они пропустили время, когда можно было выкупить очередной том Н.А. Некрасова, и в полном собрании у них образовался пропуск. Ищут, где бы достать девятый том, пока безуспешно. Кажется, договорились приехать к ним в субботу-воскресенье.

День сделан, в том смысле, что я поел кое-чего, попил чая. А ложиться мне просто не хочется, и вот я гуляю по кухне и прихожей. У Камо-но Темэя была хижина девять квадратных метров. Это площадь моей кухни. Проснулся в семь без чего-то и думал уже, что больше не засну. Действительно, пролежал все утро, но, кажется, не спал и в забытьи не впадал. Все же немного рассредоточил свой ум. Курю заново. Последние известия ничего нового мне не сказали, в газете пишут о гробнице возле Типаса, в Алжире — так и неизвестно, кому она принадлежит. День этот очень спокойный и пустой, не занимаемый моей персоной. Я успеваю подумать о том, что раньше я писал не так, оставлял некоторый простор полету фантазии. Теперь голая фактография является моим уделом. В середине дня вспоминаю Володю Пятницкого, и он как бы говорит мне: «Только не завернись». Годы проходят за годами, а ничего не меняется в моей жизни. Я вспоминаю фотографию начала века — пикник нашей семьи, — и мне кажется, что ничего не меняется в жизни вокруг так же. Правда, мы живем уже в космический век, но ведь и каждому предыдущему времени соответствовали какие-то смелые научные проекты.

Светло. Новый день настал, а я уже на ногах некоторое время. Наверное, газеты принесли, но лень лишний раз спускаться. Скоро десять, можно будет послушать последние известия. В доме еще тепло, это еловая лапка нас согревает. От настоящего зимнего мороза дом защищает, но не от ветра. А сегодня как раз обещали, что ветер переменится и будет дуть в нашу сторону, похолодает. Тогда и лягу. Я уже с утра как бы пришел на работу и работаю.

Вчера говорили о Кипре, коротенько напомнили историю архиепископа Макариоса, как греки его свергли, а турки ввели на остров войска и не дали присоединить его к Греции. Такая операция провалилась у этих хитрецов. И опять в этом случае предшествовало перевороту сильное землетрясение на турецком побережье, я все не могу вспомнить, в Анталье или в Адане оно было. Погибло очень много народа. Приезжавшая тогда из Сирии племянница Вербовского смотрела мне прямо в глаза. Вообще-то он предупреждал меня, что они греки, отчасти. Иру Попандупуло он признал за болгарскую гречанку, свои крови лучшими счел, наверное. Я говорил ему, что глубоко неодобрительно отношусь к взглядам на влияние греческой культуры на цивилизации Востока, но у них на Кипре издательство и, наверное, они проводят греко-центристские идеи. Тем более что у них хвост в Афганистане. Архиепископ Макариос стал уже забываться. Импозантная фигура. Что они с ним сделали? Убили? Или сам он умер — я уже не помню. Но факт тот, что турки отстаивали независимость острова. Как заметно, что их все не одобряют. Переговоры под эгидой ООН не дали никаких результатов, но говорят о создании федеративного государства. Вот турки уже и отделились, казалось бы, как же их не понять? Какое-то письмо Рейгана было к президенту

Турции. Даже. Просят остров не делить на части. Мне остается нарисовать маленькую карту Кипра и по рисунку гадать, что будет. В Эфиопии холера.

Чай еще не весь сварен. Надо сходить посмотреть, как другие люди живут. Я очень ненаблюдательный. Иду смотреть Татлина. Надо еще с Верочкой договориться там у них встретиться. Она вина принесет. Чай у них настоящий индийский из металлической банки. Мне обязательно покажут что-нибудь новое из книг. Я на другие вещи и не обращаю внимания. Долго собираюсь. В восемьдесят пятом еще не был. Мы перезваниваемся, и Кира часто заходит, чаще в этом доме бывает. Так у него сложились обстоятельства.

Надо было короче сказать, что в момент, когда она сидит со мной, она как бы переживает землетрясение. Это вообще присуще общению, люди делятся на тех, кто испытывает это, и тех, кто не понимает. Но интересно, что вся эта потрясенность общением предшествует волне реальных землетрясений, может быть, преобразует ее? Я был потрясен общением с В. Пятницким, в Гатчине, таким неожиданным и заставившим меня высказаться. Потом она. Меня потряхивало от самого обстоятельства, что я общаюсь несколько дней с ней. Мы стали попадаться друг другу на улице за это короткое время. Кстати, как мистически тесен мир города — поискав среди другого поколения, мы наталкиваемся снова на Козыревых. Я демонстрировал трезвость своего восприятия, хотя мы все время понемногу пили. Пили даже коньяк тридцатилетней выдержки. Ну а раньше и больше потрясало, как-то так оказывалось, что каждое общение потрясает. Конечно, постепенно это прошло, и на сами разговоры о происходящих землетрясениях, да и других событиях этого периода, спокойной осведомленности о том, что где происходит, силы непосредствен-

ной не осталось. Но, может быть, та трезвость дала основание теперешнему спокойствию при разных известиях?

В Югославии, около Белграда, поезд сошел с рельсов, вследствие оползня. Погибло девять человек, тридцать с чем-то ранены. Это сегодняшнее, пятничное, а уже в этом году одна катастрофа на железнодорожном мосту в Эфиопии обошлась в четыреста жертв. Вьетнамцы все гонят камбоджийцев в Таиланд, а на линии ЮАР—Мапуту взорван мост и прервано сообщение между странами. Вот о чем говорят сегодня. О секретном полете «Дискавери», об спутниках-шпионах. О шпионаже в Индии, о том, что специальные чиновники направлены в посольства Индии в Лондоне, Брюсселе для выяснения степени замешанности властей этих стран в шпионском скандале, разразившемся в Дели.

Двадцать семь, а потом двадцать шесть градусов. Не едем, ну куда же тут ехать? Верочка должна еще вернуться от мамы, ей холодно. А дома ничего, сносно. Солнце светит, снега напало совсем мало, и дворник легко расчищает дорожку. Варю уже второй чай, первый, с вечера оставленный, показался слабым. Прогуливающих людей сегодня не видно, все спешат. Двадцать шестое января, месяц кончается, почти весь месяц простояли морозы. Что поделаться? Никуда не соваться, сидеть дома. Говорят, К. Вагинов выходит в Лениздате. Надежда на черный рынок. И сегодня, и завтра, и тридцатого под тридцать.

Делаешь то, чего обычно не делаешь, — пьешь вторяк, докуливаешь последний беломор из последней пачки. Проводил жену на работу, она полна забот и болей. А еще покупки. Как она будет работать в этом состоянии? С Кирой говорил в воскресенье — у Элки тоже. Тошнота передается Кирюше. Блует с «индюшки». Он говорит даже, что зубная и головная боль

также передаются. Не знаю, как насчет боли, но тошнота точно заразная. Еще в субботу, сижу вечером и не знаю, что со мной. Выпит «Агдам», курю. Заспанные после обеда пьянь и кайф, особенное состояние. Но сегодня день особый, день особых дел. В Китае, возле Шанхая, в Цзянсу, снова нашли скульптуры воинов на конях, около тысячи штук. Я еще на прежнюю находку глаз положил. Что-то, через храм «Тысячи будд», общее со скульптурами учеников, оплакивающих смерть Будды. Но только в Китае скульптура находится тысячами штук. Рыли котлован для кирпичного завода, на глубине трех метров разрыли две ямы, полные глиняных всадников, великий день. Я никогда не жил в провинции, если не считать провинциальным Ленинград, а вот Игоря от треволнений послевоенной Москвы отправили в Лихославль. Теперь он чиновник определенного ранга и живет, естественно, в Москве и по заграницам. И раздается как-то то, что хочется, чтобы прозвучало, будучи сказанным. Благозвучие какое-то во всем. День солнечный, мороз послабее, Кира пошел на работу в Ботанический сад. А что сам-то думал? Сам-то страшно боялся потерять форму, даже сны видел. Все из-за отца Ежи Папелюшко начинается и во сне. Потом уже оказывается, что этот новый человек, герой сна, не понимаем окружающими и объединяет их только в интересе к его личности, обокраденной как бы в бане. Но и тут нет единодушного неодобрения, людьми говорится первое, что сказалось, никак не относящееся к делу. Сон меркнет. И наяву мысль где-то тут затухает. Нет, никогда я не жил в провинции и, пока на «Тайной вечере» каждый отыскивает Иуду, и не надо никуда в здешнюю провинциальность.

Эллочка, несмотря на ночное нездоровье, с самого утра куда-то убежала, а Верочка лежит в постели и пропускает день рождения своего племянника. В се-

редине дня приходит Тамара, я слушаю приемник, и об Ежи Папелюшке говорят только, что он должен был в Рим уехать учиться дальше. Впечатление такое, что это кто-то за стенкой слушает приемник и врывается в сон передача радио. Солнечный ясный день, вспоминается «Похвала тени», в этом смысле это философия. А мне обещал Кира дать прочесть еще «Философические письма» Чаадаева <под редакцией> Гершензона. Это уже покруче. Верочка принесла два журнала со статьями о В. Хлебникове, еще к пятидесятилетию со дня смерти. Статьи хорошие, в семьдесят втором — семьдесят третьем я их не читал. А Лейтеса «Хлебников — каким он был» в (1.73) «Новом мире» и О. Самородовой «Поэт на Кавказе» — в «Звезде» (№ 6, 1972 г.). Недавно Канада передала воспоминания об А. Крученых Владимира Казакова, тоже несколько раз упоминался В. Хлебников. Непонятно, почему этот очерк передали в разделе «Разбор писем».

Совсем тихо. Дело перед тремя. Боясь нарушить тишину, ловлю первый звук. Какой он будет? Слышно, как горит газ, да я хожу неторопливо по кухне. День, и кто-то вызывает лифт. Лифт отправляется — включается холодильник. Но прежде всего где-то хлопает дверь. Все вспоминаю, как под Гатчиной стоял в холле В. Пятницкий, ожидая, пока меня приведут. С ним были Ваня и Мила. Я все понял, когда из носка выпал баш и лежал тут же между нами на полу, когда я наклонился, чтобы его поднять. Более великого художника я не видел. Мне дали свидание надолго, и никого не было посторонних, это был не день свиданий. Мы долго говорили, но я ничего не запомнил, кроме того что я много говорил о Миле. Выпили за этот разговор две бутылки вишневой, курнули. Я еще и не догадался, что Мила расстается со мной, но я очень просил за нее, как будто от Володи Пятницкого и Вани зависели наши судьбы.

Приезжают Сережа с Олей в конце этой недели. Сегодня вторник. Для юбилея кое-что делается само.

Выварил чай, вычистил желудок. Теперь готовлюсь пить. Мама должна позвонить, а без ее звонка я ничего не начинаю, т.е. не прекращаю жизнедеятельность всякую, не ложусь спать. Сегодня день такой, что мне только спать днем и ночью. Чай можно сварить и без согласования. «Аютинская чаеразвесочная ф-ка, г. Шахты», только на этикетке это без сокращений и выходит еще короче, лаконичнее. Звонила Оля, сказала, баул загрузят чаем, посмотрим, какие чаи в Москве. Ничего так нового нет у мамы, ночь не спала, болела нога. Приезжают в субботу, рано утром. Может быть, нужно комнату снять. И переход к полному счастью — мама звонит, когда курю крошечный косяк, последнее, что из мешка натряслось, а недельный запас еще не тронут стоит. Кира-то спит, наверное, после ночной смены — говорю ей. Она соглашается. Не будем ему еще часа два звонить — пусть выспится.

Он на день рождения подарил мне книгу «Лесков. О литературе и искусстве». Лесков и Хлебников — две разные эпохи. Хлебников был бы по возрасту примерно как моя бабушка. Татлин. Таких художников, как Филонов и Татлин, у Лескова не было. Лесков — это подарок на поддержание духа, ведь как Лесков поддерживает! Мы живем через эпоху от того времени, а кажется порой, что через сто эпох. Я думаю, что Хлебников пережил только перенесение столицы в Москву, но круг Темэя таким образом замыкается. Я думаю о Ленинграде и городе Леон, тоже бывшей столице Никарагуа. Почему не перенесут обратно столицу, ведь Манагуа очень разрушен землетрясением семьдесят второго года? Раньше со мной говорить было бесполезно. Я даже миф придумал про афганскую девочку, которая хотела себе и переписываться

с каким-нибудь русским мальчиком. Но так как она хотела им руководить и знала твердо, что они встретятся и что Афганистан будет советским, она выболтала под то какие-то параллельные государственные планы насчет Никарагуа, а мальчик, не будь дурак, много для своего возраста читав, расшифровал и дешифровал эту ее ошибку, в которой и проявилась ее не по летам ранняя осведомленность о делах другого конца света. И мальчик стал здесь постепенно Художником, но, в общем, он устроился ждать, как это будет. А пока замечал лишь, как те люди, что могли бы с ним дожить до радостной минуты, постепенно, один за другим, приказывали долго жить. Наконец они встретились, молодая женщина хотела посмотреть на дело рук своих, раком запячиваемого в близкое будущее своего адресата. Но не тут-то было. Он одно это и помнил всю жизнь, да еще расцвечивал это ожидание и предчувствие разными рассказами о предстоящих землетрясениях и других бедствиях. И он спрашивал: Магдалина, ваш метод помогает делать предсказания? Голыми руками его стало не взять, а так он, вполне готовый, вполне дикий, ей подходил и казался подходящим. Хлебников среди дикарей — сотрудников КавРосты. Он оборванный и бородастый — он цивилизованный человек среди аборигенов, как Миклухо-Маклай среди новогвинейцев.

Кто же это проболтался? Может быть, она рвала и метала? Или ей просто все это было удивительно? Может быть, она и хотела видеть тебя вживленным в сумасшедший дом, сидящим и ждущим ее прихода? Какой-то «Мастер и Маргарита». Кто мастер? Это уже мне не очень понравилось, Наташкин апломб весь из одной фразы был понятнее. Она так ничего и не сказала, взяла книжки, попросила потом их послать в Дамаск и через Дамаск уехала на новую родину, во Францию, куда-то на юг. Это легенда.

Я ее дяде сказал, вы — грек, а турок уже приходил и дал нам опиума-сырца. Что же оставалось сказать? Что никакой Никозией, тоже начинающейся на НИК-, они меня не отвлекут от знания о важном, происходящем действительно. Повторить ли ей за отцом, что никаких киприотов нет, а есть греки и турки? Наверное, не стоило. Но с дядей-то мы успели на все эти темы переговорить. Кстати, чего я не мог, так это говорить о поэзии, но этого почти и не было. Мы говорили постоянно о ближайшем будущем и о том, что здесь будет. Я считаю, что хорошо отвалил от себя девиц, которые дядю знали, тут и новелла о палаше и сабле, и «Дерсу Узала», и Болдырев, с его взглядением в будущее сквозь толщу веков. Он как человек средневековья глядит в будущее. И я в конце концов заслужил тот покой, каким теперь и пользуюсь. Это настоящие дважды рассказанные истории, раз рассказанные, а раз — прожитые. Так вот это-то — то, как прозвучит потом усиленное резонансом прессы и радио, зазвучит отовсюду вдруг то, что мы тихо обсуждали между собой, и оттолкнуло от меня всех. История Козырева, тоже дважды рассказанная, уже не заинтересовала никого, все бросились делать свои дела. А я остался ждать, пока осуществляются до последнего все наши предсказания, боясь, инстинктивно, что и этот кладезь оскудеет, но зная, что знания должно хватить на всю жизнь. Где-то тут предвидя и конец жизни. Очень неопределенно.

Верочка сегодня у своих, и я целый день один. День проходит быстро, но вспомнить я сегодня смог только то же, что и всегда. Воспоминания не идут. Уже сны снятся, но тяжелые. Все дурдома, поножовщина, всякая такая дребедень, правда, попрозрачнее все же, чем все это время, когда сон был непроницаемым. Хочу в постели провести остающееся время, не все же мне вышагивать по кухне. Сплетен я не умею

вызнавать, москвичей увижу ли? У меня есть приемник для новостей о большой политике, и прослушиванием его я и заканчиваю свой рабочий день. До передачи еще немного времени осталось.

Почти все мои знакомые уехали на Запад, я остался один, дожидаться у моря погоды. Начинается вся эта далавщина — лучше быть первым у себя и т.д.

Живут люди, гробы на саночках не возят, да и в домах не устанавливают. Умер Леша Сорокин, мне только сегодня об этом сказали. Две недели пролежал дома, никто не знал, не побеспокоился. Леша много чего помнил. Он помнил <Владимира> Шагина, Арефьева, <Роальда> Мандельштама, не сказать, как много он знал того, о чем и не подозревают.

Теперь у нас есть «Бодрость», «300», «36» — привезли. Еще чешские карамельки, очень вкусные. Оля пирожков испекла. Верочка привезла книги. Одной ее наградили — «Панорамы Невских берегов». Остальные: «Война с саламандрами», «Петродворец», сына К. Чуковского роман и «Встреча с книгой» — сборник библиофильских статей. Его забирает Эллочка. 14-го у нее день рождения.

Ожидаем сорокаградусного мороза завтра, сегодня, в воскресенье, думал поехать к Кире. Еще не знаю, состоится ли поездка. Сегодня только двенадцать градусов. Ходил за вином, холодно показалось. Я спал вечером и ночью и к половине шестого утра выспался совсем. Варил кашу, опять неудачно, слишком соленая. Пролежал до одиннадцати. Рано звонить, наверное, еще спит Кира после ночной смены. Слушал последние известия, говорят о южном Чаде, о разрушениях и пострадавшем населении. Лучше не разобрал. Девиз этой книжки — Эфиопия как первая новость пока что выдерживается. Действительно, об Эфиопии обязательно что-нибудь говорят, уже несколько недель. Что-то говорили о том, <что> Спи-

рос Киприану может быть переизбран. Недолго осталось ждать выборов.

Землетрясение в Ура-Тюбе, пять баллов, это еще второго. Раньше писали об Аргентине — восемь баллов, без даты. Это из газет. Град на Мадагаскаре лежал толщиной слоя до полуметра. Такого там никогда не бывало. Это снова радио. В Австрии наводнения, вызванные резким потеплением. Позвонил все же. Киры дома нет. Сразу никуда не надо. Потом спрошу: где были, что делали? Сейчас я один дома, у меня все есть, можно не дергаться. Посматривать, только посматривать на улицу — это доставляет удовольствие. Пьем московский чай «Бодрость» и ничего — плохо не становится. Оля Обещала еще привезти. Пока Сергей здесь, она успеет съездить туда-сюда. А так Верочка присматривается к тому, что есть в продаже. Аютинская ф-ка поднадоела. На московском «трехсотом» хоть пишут, что это смесь грузии с индюхой. Совсем крохотная заметка о землетрясении в южном Иране — 5,6, много домов разрушено, а где именно — не пишут. Вот и все новости. Говорят, что наш спутник сгорел двадцать пятого января, очередной «Космос», номера не знаю, за тысячу шестьсот. Сейчас пять утра, я в бодром духе. Встал почиститься, высморкаться. Вчера Верочка привезла «Агдама». Бодрое состояние — хорошее, вот только что будет без плана? Надо передохнуть, отдышаться, пока торчу. Поездка все откладывается — похолодало, мороз сильный. А день ясный. В морозном тумане целый день солнце. А ночью луна, сейчас полнолуние. Кира Генри Джеймса продает. Я бы сказал, что нужно. Вообще, у него планы продать часть книг — есть старые издания. Лермонтов, виды немецкие на английском, Каролина Павлова. Еще не выяснилось со списком, где Верочка хочет купить детективов. Может, день будет снова ясный. Не страшно съездить. Надо Гершензо-

на свезти и «Луну, упавшую с неба» В. В. Иванова. Уже лифт заработал. Половина шестого. Кто-то тут всегда выходит из дома. Считаю до трех. Быстро, один за другим, выходят трое. Нам роздали ключи от входных дверей, теперь на замке будет парадная. Я встаю рано, а делать мне нечего. Попозже нужно кашку сварить, да чай согреть. Узнаю утреннюю погоду. Тридцать градусов на Ржевке, очень холодно. Не поеду сегодня. В пятницу все равно в город надо: на укол и к маме. Может быть, после работы Кира туда пойдет?

В третий раз «Клуб путешественников» показывают, когда нужно ехать. Действительно нужно, а не приходится выбирать. Еду за деньгами на Петроградскую и, заодно, зайти к маме, день у нее пробыть. Я при всем параде. Взял у Киры почитать Гершензона «Чаадаева», а там (у мамы) мне приготовили Мунка. Я вспоминаю, как его «Крик» глядел с витрин, и было это не то чтобы уж очень давно. Мода пошла на Мунка, а весь интерес к современному искусству вырос из этой моды. Теперь это советское издание, правда, из серии, которой никогда не достать. Оля вспомнила, что мне нравился Мунк, а я просто и не видел никого другого. Так современное искусство вошло в нашу жизнь. А теперь Оля его представляет, у нее свои симпатии и антипатии, свои впечатления. Что ж, говорит: неплохо — уже и тогда. Это было, когда я узнал В. Пятницкого, Е. Михнова, М. Кулакова. А еще раньше я видел Сашу Нежданова. Вот теперь семинары-то не проводятся, а то бы пришлось бы вспомнить о наших встречах с Сашей Неждановым, вначале у него дома, потом у Понизовского и просто уже на улице в дальнейшем. Мы встречались, конечно, не только на улице, но и у Хвостенко и в Эрмитаже, где я его даже знакомил с Эллой Фингарет, а в остальном так — как поживаете, да чем живы, не нуж-

но ли срочно помочь хоть мелкими деньгами. У него их было больше, чем у нас, у всей нашей конторы: Эллы, Юры, меня, часто еще кого-нибудь, типа Леши Хвоста. И представьте себе, что мы принимали это подаяние от Саши Нежданова и тратили деньги на папиросы, на батоны, уж не знаю на что. А в другое время Саша демонстрировал свою живопись, сделанную в книжках для заметок. Он был самым гармоничным художником в Ленинграде. Теперь он живет на Западе и вновь вернулся к скульптуре. Больше Саши не встретишь на ветреных наших проспектах.

А между прочим, Мунк не так давно напоминал о себе: на заборе я видел плакат с его «Криком», такой же как когда-то «Японская средневековая скульптура». Я понял, что я к Жене не вхож, ведь возле его дома висел этот «Крик», а так мы еще продолжали встречаться. На выставке в клубе С. Орджоникидзе виделись в последний раз.

Сходили на день рождения к Эллочке. Я потрогал и посмотрел много книг. «Татлина», Хлебникова, трогал и разные другие издания. Холодно-то как. Ходил, ходил. Ну же и холод. И так несколько дней еще. Понаделали схем поведения на все случаи жизни. Из романов смотрят военачальники, повелевающие каждому разряду людей вести себя соответствующим образом. Принимающие на себя всю могущую быть необыкновенность ситуаций жизненных. И вот люди летают как бы по воздуху, совсем не переосмысляя обыденного своего поведения. Нет критики быта. Каждый день начинался сводкой погоды, теплый или холодный, все равно; и к этому надо было привыкнуть. Вдруг видно стало, что это так. Потом текущие дела, с удивлением узнаешь, что еще есть что сказать о нашем городе, <сводка> текущих новостей, касающихся нашего города. Я не веду себя никоим образом, как описано в романах.

Тут показывали в «Клубе путешественников» трамплин в Осло, и в качестве заставки снова показали «Крик». Стал наклеиваться уже какой-то сюжет — трамплин этот виден по всему Осло, а я писал в письмах из дурдома, что мне снится деревянная церковь, такая большая, как кавголовский трамплин, и что она возвышается над лесом и над холмами, видимая отовсюду. Памятник III Интернационалу собирались в заливе построить. Вот как все переплетается в сознании. И мой Хлебников, сидящий в Маркизовой луже, на мелководе. Вчера было подавленное состояние — ветер целый день завывал над домом, в дверях и в вентиляционных отдушинах. Собирался помыться, но было очень холодно даже дома. Вечером Верочка принесла «вермута», я напился и заснул, не помню как. Она еще разговаривала по телефону с мамой и пыталась смотреть телевизор, но я этого уже ничего не слышал. А сегодня у нее вечер книголюбский, я оставлен на весь день один. Сегодня день солнечный, ветер еще не стих, но завываний уже не слышно. Обещали Кира с Мишей зайти, Кира-то точно зайдет. Сейчас, когда я звоню ему, у него Боря, и есть возможность дать ему прочесть первую часть исправленного дневника. Дело движется. Только у Эллы он пролежал без дела почти два месяца, как будто ждал этого дня. Ветер северо-восточный, но почему-то стало теплее — минус тринадцать. Обещали, что температура поднимется до восьми градусов. А на лестнице уже весенние запахи — не то переваренная томатная паста, не то проветривают заваль какую-то. Вот и все новости. Это я ощущаю, когда иду за газетой. Все же еще холодно. Но светает теперь настолько раньше, что этого уже нельзя не заметить. Какой-то весенний намек. Кстати, Сережа говорит, что никогда не видал белых ночей. Если в этом году все будет

так же дружно происходить, как зимние холода, то вот ему прекрасный случай.

Перечитал письма, напечатанные в «Часах». Все правильно, правильно даже то в них, что говорится об оккупации — «и только пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог» и сравнение Эстонии с Туркестаном — все правильно. Я говорю даже себе — только так и пиши — понравилось самому. Мало, правда, но из дурдома больше, может, и нельзя. Я отвечаю за эти письма. Сейчас читаю Чаадаева — он мог.

Боюсь совсем не запомнить, о чем он пишет. Я читаю мало, и текста чаадаевского мало, необычный слог и улечитца из памяти. Поэтому прочитываю не больше одного письма в день. Письма к Тургеневу, правда, все за раз прочел. Сегодня, вторник двадцать шестого, Кира обещал привезти новую книгу по эвенкийскому шаманизму. Стараюсь уложиться так, чтобы дочитать уже Чаадаева. Верочка еще за него не бралась. Тут остается еще текст Гершензона — за него не принимался. Говорит Кира, что Боря вернул Марка Аврелия, которого они считали потеряннм. Мой текст он еще не прочел.

Из новостей этих дней ничего такого особенного нет — все к выборам, у нас да в Пакистане. В Южной Корее они уже прошли. Разбился один испанский самолет возле Бильбао, на нем летели министр труда Боливии и бывший испанский премьер. Еще с одним тайваньским самолетом что-то случилось над морем, но он дотянул до Сан-Франциско, имеются раненые. Понемногу убивают в Ливане, Кампучии, даже в Олестере и Зимбабве. Носятся с инициативой Арафата и короля Хусейна. Говорят об обнищании населения в Тибете, об аресте одного человека в Калининe. Канадское радио отмечает сорокалетие своего иностранного вещания. О природе ничего нового нет, кроме того, что многодневный снегопад вызывает трудности

известные в работе разных служб в Ереване. На французской шахте во время взрыва погибло двадцать два человека. Снятся какие-то бердслеевские сны, насколько я его себе правильно представляю. В Доме книги снится живой Ярослав Владимирович — бежит сверху по лестнице. А на первом этаже — книги стран народной демократии, смотрим с ним вместе.

Значительно потеплело, что-то только восемь градусов днем.

Говорят, что широко отмечается столетие «Калевалы». У нас как-то этого не чувствуется. Вот что имеет непосредственное отношение к нам. Мне еще давали почитать Леннрота в детстве, в Лихославле. Так что я как бы и крещенный по-нашему, по-карельски. Все думал эти дни о Ярославе Владимировиче и Магдалине, о Тане Гетман. Наверное, у нее застряли мои записки того времени. Они куда-то пропали у Ярослава, думаю, что он ей их отдал. Это очень нехорошо, но ничего не поделаешь.

Леннрота я больше никогда не видел, а в «Букинисте» продавалась за три рубля дореволюционная «Калевала» как-то. Не было у меня денег, а надо бы было купить. Но это была довольно тонкая книжка, а мне запомнился объемистый том. Помню иконостас моей бабушки, да и все, что связано с Лихославлем, хорошо помню. «Не прожить тех дней, что прошли...»

Двадцать седьмого праздник независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Двадцать восьмого — день финской культуры. Выпили с Верочкой кагора. В понедельник ее приглашают в ресторан — у сотрудника день рождения. Наверное, пойдет. Сегодня уже первое марта, надо ехать на Петроградскую. Сейчас ночь. Значительно потеплело, до нуля градусов, но со второго ожидают новое похолодание. Жарко, наверное, в пальто. Ничего, пройду по парку Ленина. Сделаю укол, куплю вина подешевле и пораньше вернусь в

Купчино. Хоть эти карело-финские дни никак и не отмечались, но жду, что за этим последует (или последуют) какие-то новости. Перечитал то, что Боря отпечатал в свое время — текст с красных карточек. Он не был напечатан, да его и немного. Сразу начинается дневник восемьдесят второго года, это уже в этой книжке. Пока не слышно, чтобы он прочел мой новый дневник. Кира заезжал, привез А. И. Мазина, «Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов». Легко написанная и богато иллюстрированная книга. Ее я быстро прочту. К Кириному дню рождения уже можно будет вернуть ее. Он собирается много книг продать, а купить Хлебникова. Говорит, что больше такой возможности не будет. Тут продаются в одном месте четыре тома, без первого и «неизданный». Надо очень много денег. Подождем, что выйдет к концу года. В другие года я тут, в марте, о весне задумывался. Сейчас снег лежит и не тает. Первая оттепель. Надолго ли? Успею съездить. Жду, что Боря скажет.

Сегодня день открытых убийств. В Кувейте террористы убили иракского дипломата с сыном, в Вене тяжело ранили бывшего ливийского посла, противника Муамара Каддафи, в Ольстере, в городке Мьюри, обстреляли из минометов полицейский участок — девять покойников, это ИРА. Эллочка сегодня сказала, что в плане Худ. литературы есть трехтомник В. Хлебникова. Теперь вся ставка на черный рынок. Съездил на Петроградскую, заходил на минутку в «Старую книгу», кроме Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, ничего интересного. За двадцать пять рублей продается том с «Дневником писателя», а девять томов Лескова стоят семьдесят пять рублей. Думал, увижу Хлебникова по новым высоким ценам, но нет. «Неизданный Пушкин» лежит.

Очень вкусно меня ма́ма покормила, выпил почти целую бутылку «Лидии», оставил Верочке. Посмотрел, какой хороший костюм Оля привезла Сергею. Светло-серый, тройка, ФРГ. Из очень мягкой шерстяной фланели. И уехал среди дня, не стал и Верочку дожидаться. Думал, пронырну до часа пик. Успел, да в автобусе все же одну пуговицу сломали на пальто. Звонит Верочка, обещает пришить новую. Вот и все новости.

Шведы передают, что в Финляндии прошел симпозиум по «Калевале», говорят, что, может быть, она эстонского происхождения. Но это между прочим. Выставки, театральные премьеры. Широко отмечается день финской культуры в этом году. Поминают Элиаса Леннрота, конечно. Говорят, что в «Калевале» нашли отражение войны карелов с лапландцами и что неправильно говорить «карело-финский». Это все равно, что «финско-финский». Второй день говорят о «Калевале». На симпозиуме представители даже из Африки есть. Из Азии, из Америки.

Четвертого в Чили сильное землетрясение, в центральной части страны, задело Вальпарайсо и Сантьяго. Силой 7,5 по шкале Рихтера. Восемьдесят человек погибло, две тысячи ранено.

Сто тридцать пять человек погибло, и тела еще продолжают извлекать из-под развалин. Много домов разрушено. Двадцать пять лет не было там такого сильного землетрясения. Абсолютная сила семь и четыре десятых балла, роковая цифра, по шкале Рихтера и пятьдесят последующих толчков.

Съездили к Кире на день рождения. Всю неделю продолжали эпизодически говорить о Чили. Ему подарили чая, и он поделился с нами своими запасами.

Утренний час долгий; то, что забыл сделать с самого утра, тут только и делаешь: куришь, чихаешь, сморкаешься. Кашляешь, отплеываешься. Это чаш-

ка чая действует так безукоризненно. Время к десяти, пока что один. Бытие — сознание — блаженство. Это хотел сказать людям. Уже сказано. День, как все. Тепло. Верочка придет, потом Кира обещал заглянуть. Я не попросил у него никакой книги. Маленькая брошюра — «Книга об идолах» Ал-Калби — сейчас лежит у меня. А Гершензона и А. И. Мазина я свез к нему. Можно было бы его В. Хлебникова взять или сборник «Человек и мир в японской культуре». Может быть, Эллочка его надоумит? Время слушать последние известия. Так еще рано. Так-то рано, но потихоньку приемник включить можно.

То, что я чихаю, говорит о недалежном здоровье, недостижимом, но близком вообще-то. Перед Женевой мысль человеческая ушла в подполье, говорить с нами с позиции силы призывает Р. Рейган. В Варшаве арестовали кого-то из Конфедерации польского народа. Никто не принимает на себя ответственность за взрыв в Бейруте, погибло восемьдесят человек — молящихся и жильцов соседнего дома. Говорят о Хисене Хабре, но этого мне недопонять. Вот такие новости. Десятого марта скончался К. У. Черненко.

Прошли три дня траура, похороны, уже мы живем несколько дней при новом руководителе, а просветление все так и не наступало. Установилась теплая погода, плюс один-два градуса днем, и потихоньку начинает таять. Тринадцатого, в день похорон, ездил на Петроградскую за деньгами. Громкоговорители включены, на домах кое-где траурные флаги. Я зашел к маме, когда телевизионный репортаж уже кончался. Лужи на Левашовском большие, насколько успел заметить, приходится обходить каждую по-своему. Кира съездил в Москву и привез щенка таксы. Еще даже имени у него нет. Обещает угостить и снабдить московским чаем. А у нас его чай как раз кончается. Это бы кстати. Международные события все были за-

слонены кремлевскими новостями. Успел я узнать, что президент Греции подал в отставку, умер президент Барбадоса. Можно сказать, что из-за наших новостей все остальные заслонены, не видны. Но окна в домах по вечерам горят так же ярко. Воспоминания близких по времени встреч с Яр. Влад. и его племянницей ушли в сон, наяву я об них больше не думаю. ООН приняла резолюцию, протестующую против ущемления прав человека в Афганистане. Двадцать шесть голосов подано за резолюцию. Сейчас все правительства отметились в Москве. Горбачев М. С. беседовал с генералом Зия-уль Хаком и с Агатой Барбарой с Мальты. Спирос Киприану решил продолжать возглавлять кипрское правительство, во избежание всяких неконституционных акций. Армянские террористы захватили турецкое посольство, убив охранника и причинив большой вред турецкому послу. Не говорили, ранен ли он. Еще все продолжают поступать новости с Ближнего Востока: зверства израильтян в захваченном южном Ливане и ирано-иракская война. Снова обстреливают ракетами пригороды Багдада и Тегерана, бомбят Басру и другие города. Много убитых. Король Марокко Хасан II поехал в Западную Сахару, т.е. независимость этой республики еще под вопросом.

Можно и свет выключить. Уже достаточно светло, чтобы об табуретки не спотыкаться. Но как я буду писать? Верочка купила Кавабату. Буквально выгнал ее за покупками, а сам бы до того ларька никогда и не дошел. Далеко, угол Белградской и Славы, около зловещего железнодорожного моста. В ларьке взяла «Старую столицу» из библиотеки «Иностранной литературы». Будем считать, что это крупнейшая библиофильская удача. Так в мартовский день, в субботу прикупила среди гороха и «ракушек», чая с кедрами и чайными плантациями, вина, молдавского «Грати-

ешти», и томик с «Киото» и несколькими рассказами, это уже кажется лишним для одной книги. Рубля сорока у меня бы не было, если бы это я вышел. В этой серии уже выходили «Дублинцы», но я даже не видел их в глаза. После итальянских никаких дублинцев не припомню. И Кортасар выходил: рассказы из двух сборников. Есть у Киры, я заглядывал. Занятно он пишет. Серия нам открылась на лучшей своей странице. Когда я закрою последнюю страницу «Старой столицы», будет уже поздно что-то на свои места ставить, а пока я даже еще его не прочел, я имею в виду роман. Только начал. Кавабата убивает наповал. Как странно, что тут он выходит. Помечен еще прошлым годом. Я сказал: «Если бы “Киото” выходило почитать!» Вербовский посмотрел на меня как-то неопределенно. Но тогда, десять лет назад, больше десяти, не выходило как раз почитать «Киото». И теперь... Мы тогда осмотрели один развал книг в задней комнатке на Герцена. Казанский журнал или сборник с

...«Казани страж, игла Сумбеки,
там лились слез и крови реки...»

на обложке мне запомнился. Но это был раритет. А так эта вываленная на пол библиотека заключала ряд книг по Индии, да таких, что я и не видал никогда, в оригинальных декадентских переплетах. Дальше не помню. Книг было множество, целая гора. Вербовский не то отбирал что-то себе, не то подсчитывал стоимость всех книг. Видно, выходило много. Что это? Чья-то девичья библиотека была разрушена? Даже в голову не приходит ничего другого. Кто-то знал о йоге, но из совсем других книг, чем мы. И вот все свалено в кучу. Я думаю: сколько стран — столько Рерихов. А потом думаю: сколько стран, а ведь Рерих-

то один. Даже для Японий не нашлось своего художника. Нет, никак не отражаются у нас японские красоты. Но был Хлебников. Каждый по-своему, Хлебников и Ван Гог испытали на себе влияние японского искусства. А русского такого художника нет, как же может что путное из симбиоза выйти. «Дерсу Узала».

Съездили еще раз к Кире с Эллой, посмотрели на шеночка, пообщались на предмет новых книг. Мне подарили сборник «Человек и мир в японской культуре». Сам по себе я закончил читать роман Кавабаты, а за рассказы не принимался. Последние известия какие-то неинтересные, день солнечный и спокойный. Вчера Кира показал мне книгу, изданную Московским университетом: древняя литература Ирана, Индии, Китая. М. б., возьму потом посмотреть. Чжуан-цзы много довольно, Хуай-наня. Боря Останин уехал в недельную поездку в Казань, а дневник еще не дочитал. Не брать же его с собой? «Пиньхуа по истории пяти династий». Кира мне показал — большая книга, четыре рубля стоит. Немного почитал у них. Заглядывал в Хлебникова, который уже мне пообещан. Все не понять принципа составления этого сборника. Говорят, что точно выходит в этом году Хлебников, но однотомник. Поговорили о том, что это может быть. Кире прислали чай, и он пакет «Бодрости» метнул нам, да еще Верочка достала три пачки «400». Днем видел в автобусе совсем старую старушку, у которой сумка была набита «400». Я еще подумал, что вот и в другом районе, где-то на Ивановской улице, давали чай. Она вышла со мной на одной остановке, у меня на руках еще ничего, кроме плана, не было. Все, что образовалось, образовалось к вечеру. Миша с женой и ребенком приехал смотреть на собачку. Мы в девять поднялись и ушли. Они еще оставались. Много нас слишком, для этой маленькой квартиры. Умер Николай Глазков, и, Эллочка говорит, его жена

выпустила хороший сборник. Теперь его не достать. Страхов вышел, пять тысяч экземпляров. Кое-что из книжных новостей удастся обсудить. Верочка сегодня должна получить том энциклопедии и нагрузку и притащить его домой. Поэтому ни в какие магазины она не заходит, не пьем. Вчера тоже был сухой день. Многие уже переоделись в куртки, особенно подростки, и все почти с голыми головами. Когда мы вечером возвращаемся, зимний мой наряд не таким уж неуместным кажется. Почти сразу ложимся спать — чаем запаслись, все есть. Нужно не забыть напомнить Вере купить «Беломора». Все не так. Вера принесла выпить, а в последних известиях сказали, что сгорел спортивно-концертный комплекс в Ереване. Еще дипломат наш пропал в Дели. Ищут в беженских организациях.

Полторы недели ничего не записывал, как бы и не было никаких событий. Два дня провел на Петроградской, какая-то комиссия должна была осмотреть мою комнату. Но эти люди пришли в квартиру, а в комнату даже не заглядывали. В ту ночь ночевали у мамы, Сергей просидел всю ночь на кухне, поставили ему туда раскладушку, но он так и готовился к экзаменам. Сегодня снова еду к маме. Конец недели — день покупок. Нужно овощи и хлеб занести к ней, собираюсь не торопясь. Вчера дозвонился до Киры, он обещает зайти сегодня к ней перед работой, после курсов. Он был на Штуттгартском балете, говорит, что задники похожи на мои картинки. А я все смотрю из окна, как тает и до конца никак не растает снег на детской площадке. Очень живописные пруды образовались тут, старый снег, лужи, асфальт, прошлогодняя трава — все вперемешку. А новостей, действительно, почти никаких, больше всего говорят об ирано-иракской войне, ракетами дальнего радиуса действия обстреливают Багдад. Застрелил наш часо-

вой американского майора в ГДР, в Людвигслусте. Об этом еще поговорили. В Дели убили нашего торгового представителя и сбежал в Штаты третий секретарь нашего посольства. Два землетрясения на Минданао и извержения там же, на Филиппинах, — это из газеты. А по радио слышно об сильном шторме в Гуаньдуне, в Кантоне. Не знаю, сколько человек погибло, многие пропали без вести. Трудно сообразить, что еще произошло за эти полторы недели. Я все время просидел дома. Вначале дни были солнечные, очень яркие, а теперь:

Мокрый снег с утра,
много людей на остановке
Пережду этот час,
поеду, когда будет потише.

Сидя дома еще, симпатизирую тем, кто ходит в зимнем. Люди спешат и к десяти на работу. Мне к одиннадцати надо успеть в винный, да еще до этого сделать кое-какие покупки. Я сам еще не переоделся и могу идти только в зимней шапке со спущенными ушами. К счастью, ветер и моросит — не так заметно. А дети, сейчас каникулы, бегают уже в костюмах, плащах и курточках, почти все, многие, без головных уборов. Я как куркуль одет. Ничего, сойдет. Не сегодня-завтра переоденусь. Будет холодно, наверное, как-нибудь перетерплю.

Умер Марк Шагал. И я поехал на Петроградскую.

Все дома в полном порядке. Это уж с пятницы пятый день. Не узнал ничего нового. Только и разговора, что о паводке. Слышно о циклоне в Калининградской области. Точнее мы об этом узнаем из газеты. А не слышать ничего. Перешли на летнее время, и весь график передач сместился. Смотрю в окно. Сегодня даже ночью был плюс и все потаяло. Тихо так, неза-

метно, за ночь снег растаял. День пасмурный, плюс пять-шесть, и не чувствуется ветра, который с юга задует. Вот и избавляйся от этого чувства боли, только чтобы снова прилечь. Я попил в воскресенье пиво, стоя в луже у Сенной. Теперь болят зубы. День без вина, и начинается ломка. Мне еще Сенная из перелука кажется красивой, хотя там все переломали. И уже выстроили один дом. Хотят построить гостиницу Аэрофлота и билетные кассы. Не надо было там останавливаться, у толчка по обмену жилой площади. Теперь вместо того, чтобы к Кире ехать, пару дней придется проваляться дома. Только так и поправиться.

Я встал часа в три, еще трех не было. Сварил чая. Чай теперь пьем «400» — 40% «индии», слабый, никак его кондиционно не заварить. Приходится пить, что сварится, да и этому радоваться. Так дотянул до утра. Курил и в шесть сменил пачку «Беломора». Новый день потек, теперь считай часы, что остались, чтобы сейчас выйти из дома и идти сдавать макулатуру. Нужна Вере эта книжка, детский сборник. Лежит Лоуренс Д. Г. «Дочь лошаdnика». «Человек и мир в японской культуре» в общих чертах прочитал. Осталось немножко еще статей почитать. Лоуренс очень шахтерский писатель, прямо как ранний Генри Мур. Но Лоуренс был болен и не смог стать художником-профессионалом. Вера купила «Новеллино» и братьев Стругацких. Пыталась достать «Жизнь Лескова», но тщетно. Обещали по черной цене, не знаю, удастся ли? Вот повод, чтобы выйти на улицу, оглядеться. Нужно идти на Белы Куна. Достать выпить. Достаточно быть побритым тут.

Вот бы теперь эти разговоры об Афганистане и Никарагуа, Эфиопии и Кипре, Анголе и Чили. Тогда уже впервые стало известно о тюрьмах в Гвинее. Я знал о режиме Секу Туре еще тогда. В Судане переворот. Джафар Нимейри полетел с визитом в США,

а в стране начались демонстрации против подорожания хлеба на тридцать три процента. Была объявлена всеобщая забастовка. Прервалась связь между Каиром и Хартумом. Демонстрации продолжались, много арестованных было. В субботу шестого Нимейри возвращается в страну, воздушное пространство которой было закрыто. Сегодня передают, что отданы распоряжения об аресте министров бывшего правительства и что некоторые правительственные чиновники уже арестованы. Ничего не говорят о судьбе Нимейри. Судан, Эфиопия, Йемен — это еще карты, в которые я играю, точнее, мне хотелось бы играть в эти карты. На юге Судана война партизанская, новое правительство собирается что-то с этим делать. Судан независим с пятьдесят шестого года, а до тех пор, после вывода египетских войск с его территории, был колонией Англии. В старом атласе он обозначен как Англо-Египетский Судан. Но это все давно уже прошло, тогда еще и Французский Судан был на картах, там, где Тимбукту. Только в вопросах Йемена да испаноязычной Сахары старые карты правей новых, во всяком случае, такой раздел этих стран на них виден, а на более новых нет. Это и Эфиопии касается, северные провинции покрашены в другой цвет. Вчера было Вербное воскресенье, Кира ходил в церковь. С ним я не разговаривал — Эллочка сказала. Начинается пасхальная неделя. Католики в этом году празднуют Пасху на неделю раньше православных. У них Пасха сегодня.

Сообщают о новом землетрясении в Чили. Сантьяго, Вальпараисо, Винья дель Мар — города, где чувствовались подземные толчки. Эпицентр в океане. Сила — 6 баллов по шкале Рихтера. О жертвах и разрушениях молчат.

Девятого числа — землетрясение в Азербайджане, около городка Зангелан, силой шесть баллов по шкале

Рихтера. Имеются разрушения. Это на самой границе с Ираном, тут же армянский пограничный город Кафан.

В Индии утонуло в Ганге более семидесяти человек, пассажиров опрокинувшегося судна.

В Югославии объявлен день траура по случаю гибели автобуса с тридцатью пятью рабочими. Автобус столкнулся с прицепом другой машины, упал в озеро.

Привезли с Петроградской книги, среди них «Жизнь Николая Лескова», Хо Ши Мина и «Моя мадонна». Ходили накануне Пасхи в переплетное ателье, получили переплетенные журналы, сдавали макулатуру. В общем, все дела переделали в один день. Верочка плохо себя чувствует, кашляет, и на улице у нее такое усталое личико. А день солнечный, теплый.

Мне тут приснилось, что я смотрю албанскую газету с некрологом руководителя вьетнамской делегации в Албании. Статья на страницу, с фотографией. Я читать не умею по-албански. Умер Энвер Ходжа.

Пробило четыре. Здесь мы с другого этажа слушаем бой часов. Глубокая ночь. Оживление на дороге. Пасхальная ночь.

Верочка должна еще получить книгу Борхеса и «Древнюю английскую поэзию». Пока привезла книгу Л. Зониной «Тропы времени». Дали в нагрузку. В четверг у нее книголюбский вечер — долго буду один. Но тут еще, днем, бывает свободное время, когда я могу что-то записывать. Нового мало. Феля приехал, сегодня должен быть у Киры. Вот это Верочкино нездоровье меня подвело. Мог бы и я подъехать, тем более что Кира прогуливает день на курсах. Экскурсия. Я не собрался поехать, Фели не увижу. Даст бог, Кира зайдет, расскажет, что новенького. Пока говорят об политике Албании, о новом руководителе страны — Рамисе Алие. Газета совсем неудобочитаемая, я и не читаю, просматриваю только. Разбился «Боинг»

в Таиланде, но эта новость небольшая — двенадцать человек погибло. Радио в одиннадцать передало. А так, войска ЮАР выводят из Анголы. Нашего шпиона связали в ФРГ. Земляков его фамилия. Польский виолончелист попросил во Франции убежища. То же, что и обычно. Об выборах в Перу поговорили — левоцентристская партия собрала больше всех голосов. Марксисты на втором месте. А правительство потерпело сокрушительное поражение. Даже о Судане сегодня молчат. Ничего об Эфиопии. Все готовятся к сорокалетию великой победы. У них так же. «Челнок» летает, говорят, задержится в космосе, нужно отремонтировать один спутник, не так удачно запущенный. Вот и все новости. Да, в Польше арестовали подпольного книгоиздателя, выпускавшего в год по десять книг, да еще еженедельник. В Москве какое-то столкновение у Академии наук. Иностранцы пытались вручить петицию, избili пятерых.

Новый день начинается, среда, третий день после Пасхи.

Пятница, девятнадцатое апреля. Землетрясение в Юньнани. Шесть и три десятых балла по шкале Рихтера. Погибло три человека и несколько ранены. Имеются разрушения. Начал перечитывать Беккета. Сходил за вином, выпил пива, благо очереди никакой не было, купил хлеба, вернулся домой.

На другой день надо было поехать за чаем на Петроградскую. Чай кончился, дома пить нечего. Ездил к Кире, он дал две пачки «36».

У нас, конечно, есть еще пачка «400»-го, но, вообще, чай кончается. Сережа должен приехать двадцать третьего, привезет из Москвы. Умолкли все новости, только английские «последние известия» остались. Ничего сейчас не говорят. Ночь. Поеду к Кире. Нужно взять «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского, Кавабату забрать. Это — книжное, а так — давно у

него не был, со смотрин. Миша гораздо чаще успевает там побывать. Ветер взрывами какими-то принимается шуметь и тогда сразу стучит дверью и воет в трубах вентиляции. Потом умолкает, собирается с новой силой. Снова. Снова.

Надо в среду посуду сдать, уже в емкости не влазит.

В четверг Советский Союз провел ядерные испытания под Семипалатинском, вторые в этом году. Сила подземного толчка шесть и три десятых балла по шкале Рихтера. Кира говорил, что по телевизору показывали последствия землетрясения в Юньнани, я, к сожалению, не видел. В Аргентине судят девятерых военных, в том числе трех бывших президентов страны, за нарушения прав человека.

На закате пью чай. Закатное солнце попадает в наши окна и освещает уже большой кустик мушмулы. Я радуюсь вместе с растением. Вдруг обнаруживаю, что его листья покрыты густым слоем пыли. Слегка подташнивает. Вчера пили «Кагор», а накануне розовый «Кзыл шербет». Сегодня Верочка ночует у мамы и завтра привезет ее к нам, так что, собственно, у меня это последний спокойный день. Тихий час, тихо в доме. Послушал последние известия. Только крики детей с улицы иногда доносятся. День был спокойный, я еще утром заметил, или это было вчера, как тихо во дворе после того, как жители разойдутся на работу. Весь день солнышко, но был момент, что нашла темная туча и; вместо ожидаемого дождя, вдруг пошел густой снег. Уже конец апреля. План у меня кончился, должен там один еще на пятерку — надеюсь подгадать на праздники. Праздников так много в этом году — не хватает плана. Вчера, наконец, сдал посуду. Вышло на одиннадцать рублей. А в предыдущий раз я сдавал бутылки в свой день рождения, перенесенный на двадцать девятое декабря. Тоже что-то на двенадцать рублей. Пьем ровно. Посмотрим, что

в праздники получится. Четвертого мая черная суббота, субботник на рабочем месте, как сказала Верочка. Она немного поправилась, но говорит, что табачный дым с трудом выносит. А я не могу не курить. Да еще мама. Вот как тут быть?

Боря Останин поехал в Москву дней на пять, а после этого обещал появиться у Киры. Дневник он еще не вернул. Сережа сегодня уезжает в Москву, привез нам сорок пачек «300».

Мы снова с чаем. Пока газета все печатает некрологи. Умер Танкредо Невис, не правивший президент Бразилии. В день инаугурации попал в госпиталь в Сан-Пауло, шесть операций, скончался. Умер Батов П.И., генерал армии, похоронили на Новодевичьем. Умер Сергей Юткевич, только сегодня сообщили, пока смерти влекут за собой новые смерти. Кто бынибудь хоть воскрес, поглядел бы на текущие перемены, удивился бы изменениям. Я все представляю, как в метро я разговариваю с каким-нибудь современником Достоевского. Многое пришлось бы объяснять. Особенно топонимика не дает покоя. Но и сами новации — приемники, телевизоры, телефоны. Если бы воскрес Вербовский, мы бы смогли мои прогнозы политические проверить на практике. Ах, не сомневаюсь, что, воскресни бы он, и его заинтересовали бы вещи, в которых я ничего не смыслю, новости, которых мы не учли. Что-нибудь такое, о чем и речи не было. Надо быть в курсе всех политических событий, чтобы не упустить важных нарождающихся новостей. А между прочим, как он ни дико на меня напонтит тогда, «Неизданный Хлебников» стал стоить свои семьдесят пять. А за томик собрания теперь платят сотню. Простое перечисление происшедших перемен и вопрос «Что вы думаете?» уже потребует дзен-буддистского ответа. Нельзя от ожившего услышать: «Я так и думал». Скорее немое изум-

ление и просьба помочь разобраться, ну хоть в новых названиях, я не говорю уже о политике. В политике вряд ли кто попросит помочь разобраться. Он спросил меня по телефону, как мне понравился фильм «Профессия репортер», я ответил, что не очень, но смотреть можно. Я еще не знал о фронте Полисарио, о землетрясении в Сиди-Ифни. Старый, отживший человек еще допускает возможность нового слова, как бы оно ни было непривычным, а молодая живучая сволочь не понимает ничего, кроме того, что у нее есть известный запас прочности и способность ни с кем не соглашаться ни в чем. Трафаретность мышления живущих сопоставима только с неподвижностью мнений только что умерших.

Кончил читать «Записки из подполья» — многое забылось. Не надо забывать, что это краеугольный камень русского экзистенциализма.

Серия подземных толчков в Таджикистане и Узбекистане. В поселке Пап шесть баллов, появились трещины на стенах домов. Жертв нет. Двадцать седьмое апреля.

А это большое счастье, так пить «трехсотый», всюду находя этикетки от чая. Все время имея готовый чай под рукой. Американцы провели пятое в этом году испытание ядерного устройства. Все же гораздо спокойнее, когда один в квартире. Вывел маму погулять, и настроение улучшилось. Даже присутствие мамы создает какое-то беспокойство, не могу писать, читать. Новостей почти не слышу. На Кипре референдум по новой конституции. Вчера, пятого. А сегодня передают, что шестьдесят пять процентов высказались за новую конституцию, очевидно, Кипр останется разделенным.

Кире звонил Боря Останин, обещал зайти, рассказывал кое-что о Москве. Говорит, что пил там водку с консервированными вьетнамскими ананасами —

очень вкусно. Много пил и напивался. Остальные новости для близких знакомых, до меня не доходят. Об дневнике ни слова. Приглашает уже ехать в деревню, Кира собирается. На машине, с собачками. Рассказал об Акуше, как тот с Мишей загулял.

Мама заехала к нам еще в конце апреля и пробудет до десятого мая. Отдохнула от своего одиночества. А пятнадцатого мая снова должен Сережа приехать к ней на пару деньков, поэтому она дольше у нас не остается. Мы ее проводим и сами заночуем на Петроградской, а одиннадцатого вернемся. Верочка написала себе отгул на это число — надо сдать макулатуру на «Спартака», а то у них дома пропала эта книга, даже две. Я ей помогу. Надо и маме купить из еды кое-что. У меня все еще зуб болит. Ездил к Кире стеречь собачку, принимал много анальгина. Теперь стараюсь не простыть под открытыми форточками.

Снова остался один, мама вышла погулять. Думал, провожать ее придется, но она все делает сама, как и со стиркой и с приготовлением еды. Нужно только немножко помочь. С одиннадцатого буду снова один тут разгуливать. Новостей нет. Вчера Канада передала, что погибли два генерала и полковник в Закарпатском военном округе. Черпает материалы из «Красной звезды». ООН настроена против кипрского референдума, никто турок не поддерживает. Пишут, что США хотят обратить север Кипра в свою базу, ну это как всегда. Праздники скоро кончатся, жду будней с нетерпением. Жду от будней свежих известий, в праздники и их нет. Сейчас все направлено на празднование знаменательной даты.

Элка на юге, знаю, что со своей квартиры переебрались они в гостиницу, больше ничего о них не слышать. Началось лето. Плана хватило только до мая, еще и хорошо, что так-то.

Наши говорят, что на острове Пасхи модернизируют взлетно-посадочную полосу. Длинной три с половиной километра, она сможет служить для посадки космических кораблей «Шаттл». Вообще же, в понедельник приземлился очередной «Челленджер» в Калифорнии, пролетав десять суток. Ученые заявили, что собран уникальный материал, до сих пор не собиравшийся. Нормальные новости. Взрывы в Аргентине, бои в Бейруте. Всеобщее осуждение кипрского референдума. Забастовка в Гуджарате в связи с тем, что в высшие учебные заведения будут принимать представителей низших каст. Столкновения в Пенджабе. В Гвиане запущена «Ариан-3» с двумя спутниками — европейским и американским. Новый посол Кипра Михаил Е. Шерифис вручил свои верительные грамоты. В душе полное примирение с Грецией, но только как с восточной культурой. Вспоминаются подземные монастыри Турции. Нас-турция, мой цветок. Примирение и с Папой Римским. Хорошо на душе. Ночь. Я выспался с вечера. Завтра праздник, Верочка едет к родителям, а десятого — на Петроградскую. В доме нет плана ни капли, так спокойно. Посмотрел «Жизнь Лескова». Интересно, о чем сын не пишет? О приверженности отца религии или о том, что он нюхал эфир? Предчувствую компромисс.

Девятого мая было землетрясение в Азербайджане, а мы и не знали об этом до двенадцатого. Имеются разрушения. Эпицентр южнее Джалилабада в Талышских горах, но ощущались подземные толчки в Ленкоранском районе и других местах. По-видимому, горы потрясло. Жертв нет.

Много жертв взрывов в Индии, в Дели и в других северных городах. Много убитых на Цейлоне. Взрыв в Тегеране. Девятого июня будут выборы президента на Кипре, в турецкой республике северного Кипра. В Англии сторел стадион, сорок человек погибли. Пять-

десять два человека погибли. Десятого, кажется, и Франция провела крупнейшее ядерное испытание. Тринадцатого Верочка принесла «Похищение быка из Куальнге» — мне. А себе купила несколько исторических книг. Сейчас будут принимать макулатуру на «Емельяна Пугачева», у нас он есть еще пятидесятого года издания. Кончил читать «Мэлон умирает», а за «Моллоя» сразу и не приняться. Книг много, эта ее работа много книг дает, не считая Беккета, конечно. Она взялась за «Записки из подполья» и говорит, что у нее есть общие черты с героем. Пили херес. Завтра приезжает Инна и Сережа, а пакет «Бодрости» уже нам привезла Любовь Григорьевна. Собираюсь на Петроградскую. Надо Инну повидать, деньги получить в кассе. На этих днях выберусь. Позавчера Кира рассказал, что они с Мишей сняли дачу в деревне Озерки по Мурманскому шоссе, всего за сто рублей две комнатки. Пили в этой деревне алжирское вино с березовым соком. Вышла какая-то новая книжка африканской цыганской поэзии, «Песни, рожденные в пути». Пришла открытка. Боря Останин уехал на дачу и вернется двадцатого. Эллочка не могла дозвониться до Киры. Он был на работе весь день. В сад приходила Герта Михайловна, утащила цветы для рисования. Мне снится Ереван и армянская театральная постановка в естественных декорациях. Когда кажется, что из новой архитектуры что-то должно попасть в поле зрения, ну, например, спортивно-концертный комплекс, и нарушить единство пьесы, действие которой происходит в XIX веке, звонит будильник. Я выспался вполне, спать больше не хочется. Странно, что в пьесе ездят в старинных экипажах и город старый, а вот фамилия действующего лица — Кагебян, и разговоры все на ультрасовременные темы. Что-то о китайских моряках в Тихом океане и о связях с внеземными цивилизациями. А перед этим снится

ся Лиговка, Московский вокзал, район вокзала. Меня пытаются оштрафовать за безбилетный проезд в трамвае, а я документы оставил в другом костюме. Везу сосиски, мясо и яйца с Суворовского куда-то к нам на Марата. Так странно. Еще отец жив. Мать сама стоит в очереди за этими продуктами. Улица за Московским, гаражи, где собираются не то алкаши и плановые, не то гомосеки. И переходит все естественно в армянскую трагикомедию.

Семерых экстремистов связало ФБР. Готовили покушение на Раджива Ганди. А до этого — на министра штата Хариана, который лечился в Штатах. Посадили нашего журналиста Тимофеева — издал книгу на Западе. Его сын выступает по канадскому радио. Говорят о визите Папы Римского в Голландию, о протестах гомосексуалистов и сторонников аборта. Полиция открыла огонь. Один помер от сердечного приступа. У нас тепло, с утра плюс восемь, Верочка пошла в босоножках. Разговаривала накануне с отцом. Он уже картошку садит на даче. Ругается по телефону — никто не помогает. Она хочет в воскресенье ехать.

Читаю «Моллоя», ничего не происходит такого, о чем бы можно было записать. Что-то в Филадельфии случилось, я не расслышал. Есть убитые и раненые. Полиция против чернокожих. В Чехословакии дело о коррупции захватило много народа — чиновников. Что-то с нашим самолетом. Недослушанные новости. Верочка идет сегодня на лекцию о Пастернаке, я дома один. Завтра к маме. Инна завтра же уезжает вечером. Хоть повидаться. Верочка купила очерк-путеводитель по Эрмитажу «Итальянское искусство эпохи Возрождения». Мою полы, стараюсь следить за новостями, но по-английски плохо понимаю. Все требуется в переводе. В Болгарии уже не скрывают, что были взрывы бомб. Специальное заседание правительства. Еще пишут об С. Антонове. Папа Римский в Бельгии.

Пропал наш самолет где-то у берегов Восточной Сибири, идут поиски. Южный Судан объявлен зоной бедствия.

Собрался на Петроградскую, просматривал газету, снова сообщение о землетрясении возле Джиргаталы, правда, слабом — четыре балла. Поехал. Был в кассе, потом купил бутылку «Кавказа» и пошел к маме. Так и не понял — с двух ли уже вино продают. Я успел до двух. Поговорили с Инночкой, она уже занята была сборами в дорогу. Верочка и Сережа пришли почти одновременно. Пообедали. За обедом пили марочный херес, и я к вечеру так набрался, что еле до дому доехал. Сразу повалился спать и не слышал, как Верочка легла. Встал в пятом часу, был холодный крепкий чай, надо было голову подлечить. Все же до девяти проспали, сегодня суббота. Позвонил Кире, узнал, что сегодня возвращается Эллочка, вечером он поедет ее встречать. Везет «36». А у Киры всякий чай кончился, пьет вторяк. Вышли какие-то «Курдские песни». Сегодня Верочка поехала по книжным магазинам, посмотрит. Завтра с утра собирается на черный рынок, дома не ночует. У меня «300»-го много, есть еще «Бодрость», делаю дикую смесь со вторым сортом. Довольно крепкий чай получается. Это мой второй завтрак. Передают, что в Болгарии, кроме смертной казни, еще двадцатилетний срок ввели за терроризм. На Хоккайдо во время взрыва погибло шестьдесят с лишним шахтеров, раскапывают еще трупы. Захватили южно-корейский самолет, который один террорист пытался угнать на север.

Не могу курить и писать одновременно, мундштук папиросы пропитывается слюной. И вот встаю и хожу и курю, устраиваю перерывы в писании.

Девятнадцатого в двенадцать с чем-то землетрясение в Кроноцком заливе на Камчатке силой пять баллов. Вдали от населенных пунктов.

Неприятное ощущение, когда дверь под ветром сама открывается навстречу тебе. Думал, это зависит от того, что и форточка открыта, но нет. Кажется, что кто-то входит, а ведь вторая дверь, выходная, закрыта. Просто внутреннюю дверь мы, когда находимся дома, никогда не запираем, и вот восточный ветер ее приоткрывает постоянно. Сегодня шел мокрый снег. Прогноз об этом предупреждал, но в прогнозе никак это не обыгрывается. «По поводу мокрого снега». Самое непримечательное место — то, в котором мы живем. Здесь одни новостройки и нет ничего впечатляющего, а раньше, у себя на Блохиной, я любил и в мокрый снег выйти, оглядеться. Рядом Петропавловская крепость и широкий вид на Неву, на Эрмитаж, даже на стрелку Васильевского острова. А с другой стороны — Тучков мост и вообще район, который я очень люблю. Ну, кроме того, вид с моста Строителей на музей артиллерии, который сравнивают с пейзажем Вермера.

Раджив Ганди приехал в Советский Союз. В Женеве обменяли троих израильских пленных на четыреста палестинцев. А всего выпустили из лагерей тысячу сто палестинцев и среди них нескольких международных террористов, в том числе одного японского «красноармейца».

Надо смелее прогнозировать и художественно развивать именно прогнозы. Это много дает для будущей работы. Так, еще на «красных карточках» я записал сон о буддийской черной корейской мессе, и трижды, два раза с самолетами и раз при взрыве в Рангуне, этот сон оправдывался. Я перечитывал сейчас перепечатку «красных карточек» и вижу, что там прогноз остался неразвитым, а мог бы я по свежим следам хорошо описать этот сон. Теперь только помню, что во сне процессия в черном несла вертикальные черные транспаранты с иероглифическими надписями. Но

что-то мне дало право охарактеризовать тот сон именно как корейский. Не японский, а корейский. Может быть, события в Кванджу произвели на меня такое впечатление или, скорее, я начитался тогда корейских преданий и легенд?

В субботу Кира хочет позвонить мне к маме с работы. Чтобы я зашел к нему в Ботанический сад. С утра он идет в кино. А в пятницу мне надо на укол и к маме. Вообще, скоро я дней на семь—десять к ней переберусь. Все время, пока соседки не будет, а Верочка уедет в колхоз. Колхоз с первого, но к маме мы заберемся еще двадцать девятого. Немного времени осталось. Хочется к Кире домой попасть — выбрать что-нибудь из книг. Верочка никак не прочтет «Записки из подполья», а я бы хотел и их вернуть заод-

но. Посмотрим, что из всего этого выйдет. Боря звонил. Сегодня-завтра будет у Киры. Напомнил про дневник.

Эфиопские беженцы, бежавшие от засухи в Судан, сейчас массами возвращаются в северные провинции, т.к. там пошли дожди. Эфиопское правительство обещало встретить их и снабдить продовольствием. В своих деревнях они надеются засеять свои участки земли.

Пронесся страшный циклон над Бангладеш, погибло до сорока тысяч человек, как пятнадцать лет назад, но тот циклон был еще ужасней. Тогда погибло двести тысяч человек. Но и сейчас около пяти миллионов остались без крова. Большой ущерб нанесен также Индии, восточным прибрежным штатам. Два бангладешских острова полностью залиты водой.

Дней на десять переехал на Петроградскую. Очень тепло, двадцать семь градусов. Верочка собирается в колхоз, но еще не знает, с какого числа их группу пошлют. Мама осталась в квартире одна, соседка уехала под Тулу. Должна выставка моя однодневная пройти в клубе «Часов». Первую половину «Дневника» печатают в журнале. Разбили на два номера. Боря придумал название — «Чаепития и землетрясения». Дела обстоят хорошо. Кира все время на даче, не знаю, как удастся картины собрать. Пьем «трехсотый» без конца, пачки берем из большой коробки. Чая все еще много, а скоро Сергей приедет на защиту диплома. Верочка вчера купила пальтецо астраханского производства, хорошее, синтетическое полностью. Воротничок и манжеты вязаные.

Ходил к Кире на службу в Ботанический сад. Погуляли, много цветов, а вообще сад маленький. В оранжереи не заходили. Потом побывали у Герты Михайловны. Она копирует знаменитого Филонова, ту вещь, что на супере чешского издания.

Вырвал зуб у себя, на другой день перед обедом разболелась голова, не мог есть, пить, тошнило. Пентальгин помог, я не заметил, как уснул, и не знаю, сколько времени проспал, немного. Встал, выпил слабого чая, немножко перекусил, выпили по рюмочке «Акстафы», смотрели «Коломбу». Ночью не было комаров, похолодало.

Вчера выходил за беломором, встретил Наташу, поговорили о депрессии, о лекарствах. Потом возвращался с картошкой, видел ее снова, она с подругой прошла на Чкаловский. Я сижу дома, не бреюсь, пью «Акстафу» по глотку, жду Кириного звонка. Дома их нет, наверное, на даче, всю неделю не мог его застать, не знаю, как дела с выставкой. Но хорошо уже и то, что текст печатают. Еще столько же готово в рукописи. Нет надежды, что кто-то разберет мой почерк, пусть так и остается. Да Кира, может, и не позвонит. Ничего, застану как-нибудь и его. Он мотается на работу, на курсы, а возвращается прямо на дачу, наверное, собачку там оставляет. Очень с ней хлопотно. Элка помогает. Не знаю, как похолодание на них отразится. В общем-то скоро будем дома, придет снова Сергей, потом и Александра Васильевна вернется. Сейчас Верочка поехала за новым приемником, хотим подарить его маме на день рождения. Проблему «что подарить» так решили. В первый день, что я был здесь, передавали по радио концерт для трубы с оркестром Гедике, мне показалось так хорошо, почувствовал примирение с классикой, понял, что значит бережно к ней относиться. Захотелось даже почитать А. П. Чехова. Но из двенадцати томов не выбрать нужный. Смотрю А. С. Пушкина. А вообще, читаю биографию Нейджи-тойонса, захватил с собой. На Промке снова открыт маленький ларек Академии, Новик еще продается. Книжка про Аль-Хорезми, трех авторов, еще что-то — ничего не беру. Оставил «Мол-

лоя» недочитанного. Здесь много забот о еде. Назарбек 5—6 баллов.

В шестнадцать часов сорок три минуты местного времени, через пять лет после назарбекского землетрясения восьмидесятого года, произошел подземный толчок силой шесть баллов по шкале Рихтера. В эпицентре имеются разрушения домов старой постройки, в старой школе обвалилась штукатурка, появились трещины в стенах. Новые домики стоят крепко, новый детский садик и школа работают. Это место в двадцати километрах от Ташкента. В городе все спокойно, на полях работают колхозники. Строить стали лучше.

Во вторник сообщают, что Франция произвела десятый ядерный взрыв на атолле Муруроа. Сейсмологическая станция на острове Кука зарегистрировала взрыв мощностью десять килотонн.

Одиннадцатого пять баллов в Султанабаде.

Выпили «Кзыл шербета». Я так называю кипяток и кипяченую воду, но это было вино. Посадили спускаемый аппарат на Венеру, запустили зонд в атмосферу Венеры. А пятнадцатого прилетит вторая станция «Вега-2». Между этими числами день рождения мамы. Проживу оставшиеся дни на Петроградской. Из дома почти не выхожу, больше лежу. За эти две недели сходил раза три за вином, теперь собираюсь на укол да и за деньгами — все это в самый день рождения. Попил вермута и еще чего-то, посмотрелся на очереди в два, покупал сам тут. Народ недоволен нововведением. Холодные дождливые дни. Раз на сутки съездил на Будапештскую и вернулся в куртке. Там видел Киру и отдал ему Достоевского пятый том. Нового он мне ничего не захватил почитать, показывал ему «Похищение быка из Куальнге», что-то ничего не поняли, но книгу похваливали. Действительно, интересный эпос. Продается «Огонь» Барбюса в Лит. па-

мятников и день и другой. А Новик продали, и книжки вокруг обновились. «Шиитское духовенство сейчас», как-то так, большой том Сунь Ят-сена статей или речей. А «Аль-Хорезми» до того специально математический, что к нему и не подступиться. Пишу это, и никуда не хочется идти, да и не надо. Соседка мамина должна бы уже приехать была, я бы смотался в Купчино. Но она задерживается, и мне уже становится поздно. Верочка заедет и польет цветок и привезет ампулу модитена для укола в пятницу. Почему-то для уколов выбрали этот день.

В Индонезии казнили одного коммуниста, просидевшего семнадцать лет. Вспомнили в связи с этим шестьдесят пятый — шестьдесят седьмой годы. Рауфа Бенкташа избрали президентом республики Северный Кипр. Штатники произвели двойной ядерный взрыв на полигоне в штате Невада.

Летом меньше записывается, перечитал записки за прошлый год, фактически все лето, а описывается одна поездка на Петроградскую. В прошлом году еще писалось о выпитом, теперь не так. С этого июня стали и вино продавать с двух часов, и очереди огромные в этот час у гастрономов. На Петроградской по-прежнему приходится бывать, вот и в нынешнее воскресенье надо поехать проститься с Олей и Сережей. Уезжают, теперь уже никогда так часто приезжать не будут — Сережа защитил свой диплом. Нету кардинального события в это лето, за которым бы, за последствиями которого, оставалось бы только проследить. Переворот в Судане: но... и все смолкло. Слушаю «последние известия», сперва, девятнадцать дней мы прожили у мамы и отвыкли от самого их звука, невнимательно, а на третий день уже так и очень пристрастно. Аарне Трехольду дали двадцать лет тюрьмы за шпионаж в пользу СССР и Ирака, продолжают неделю удерживать под Бейрутом заложников с

американского самолета. В Польше раздали срока лидерам «Солидарности» — три с половиной, три, кажется, и два с половиной года Богдану Лису. Но проследить как за событием, не за чем. Тут остался один на пятницу с субботой и разгуливаю по дому. Проверил, еще и в «Возвращении в 1974» от летних месяцев меньше всего записей. Кажется, что события начинаются с конца школьных (и всяких иных) каникул, а особенно уплотняются весной, к весне. Летом же — отдыхают. Много взрывов в разных городах, противоречивые сообщения из Никарагуа, Анголы и Афганистана. Извели «Даная», говорят, была статья в «Ленинградской правде», «Известия» пишут о выставке Ренуара в Париже. Приснилось землетрясение. Что-то не помню, чтобы сам момент землетрясения мне снился. Девушка из сна прямо пляшет на колеблющемся полу, но сверху ничего не падает. Потом она говорит: — Это прямо восемь—девять баллов. — И начинается радиопередача с объявления об этом землетрясении. Название места, деревни я заспал. В ночь на пятницу, двадцать первого июня.

На улице солнце. Быстро согревается воздух. Вчера было сразу два землетрясения — в Кировабаде и в Тбилиси. В эпицентрах пять, пять с половиной баллов, в Шамхоре и Таузе имеются повреждения зданий старой постройки. В Тбилиси разрушений нет, эпицентр в горах. А все это время отдыхали, было холодно, очень холодно. Сегодня первый день теплый. Надо сходить на укол. Есть еще поручения. Не хочется начинать пить. Вчера день был вполне тихий. Мы мирно поужинали без алкоголя. Собралось у меня шесть рублей. Может быть, в книжный зайти? Теперь об толчках говорят парных, так уже было. Свергли Романова, эта новость не на один день. Романовской дамбы не будет. Громыко стал председателем президиума Верховного Совета СССР, а Шеварднадзе —

министром иностранных дел. Был экстренный выпуск последних известий. Теперь немножко изменилось правительство.

Сходил в Ботанический сад, поговорили о переменах, видел бутоны лотосов и много-много других цветов. Кира читает «Восток-Запад». От него шел, встретил Витю Немтинова, он отдал мне пять рублей. Я решил под вином посмотреть «Дерсу Узала» и купил две бутылки кагора. Зря фильм разбили на два показа, можно бы и в один вечер обе серии прогнать. Мне фильм стоит посмотреть. Выбрали Соловьева первым секретарем Ленинградского обкома. Две книжки по сейсмологии вышли, «Книгу о судах и судьях», изд. 2-е, переработанное и дополненное, рекламируют. Я помню, как первое продавалось. Вера меня не без интереса выслушивает. Выходили тут книги, вот этот «Восток-Запад», Степанов по семиотике, еще две-три книги купили. Продавали, говорят, «Похищение быка из Куальнге». Я купил одну книжку по буддизму за шестьдесят пять копеек. От каждой распродажи у меня по одной книжке. За обедом мама спрашивает, сколько всего Гвиней существует? И говорит, что там произошел государственный переворот. А я как раз государственными переворотами в Гвинее время мерю. Потом оказывается, что переворот был неудачный, путчисты арестованы, полковник Траоре арестован за эти дни, положение в Конакри нормализуется. Мун Сон Мен освобожден досрочно из тюрьмы. Суданцы требуют выдачи Нимейри.

Неделю прожил у мамы. За это время несколько раз выходил на улицу, насмотрелся на Петроградскую, бывал у себя в районе, у аптеки. По магазинам прошелся. На углу Большого и Олега Кошевого давали «36». Я не брал. Возвращаясь к уже написанному, как хорошо, что есть запас своего чая. Он, пачка «трехсотого», недаром появляется на чайном натюрморте.

Это лето «трехсотого» чая. Посмотрел в «Книге». Старинной миниатюры еще можно выбрать, больше ничего. Но эти издания стоят дорого, деньги нужны мне на жизнь. То же в «Старой книге». Мне подарили, я узнал об этом пока по телефону, том БВЛ с восточной поэзией. Не знаю, не «Поэзия и проза Дальнего Востока» ли? Двадцатирублевый том. Не каждый день такие подарки. Заезжали на машине Оля с папой и какой-то молодой женщиной, завезли макулатуру. В один день купил кило сыра, пачку соли и бутылку подсолнечного масла. Надо было возвращаться. Мама говорит, что ей ее запаса чая на полгода хватит. И у нас еще дней на десять запас. Мне купили две книжки: «Религиозные верования древних алтайцев» и «Мо Ди и его школа». В плане на восемьдесят шестой год однотомика «Маньесю».

Вышли: Кукал З. Природные катастрофы. Пер. с чешск. — М.: Знание, 1985. Еще: Мак-Куиллин Р., Бекон М., Барклай У. Введение в сейсмическую интерпретацию. Пер. с англ. — М.: Недра, 1985. — 308 с. — 1 р. 80 коп. 4000 экземпляров.

Вера купила Н. С. Лескова «На краю света». Пишут, что Басе вышел в: М.: Художественная литер.

Уже вышел номер «Часов» с моим дневником.

Бар-Эбрая Григорий Юханнан. Нравоучительные рассказы. Пер. со средневекового ассирийского. М., Наука, 1985. 165 с. 60 копеек. 50.000 экземпляров.

Умер Генрих Белль.

Двадцать второго июля землетрясение в Соломоновом море, у берегов Новой Гвинеи. Шесть и девять десятых балла. Никаких подробностей. Мы тут приехали от мамы, и дни идут спокойно, смотрю сны. Смотрю закаты, чай кончается, в пятницу снова ехать на Петроградскую. Перезваниваюсь с Эллой, разговоры о кино, в котором я ничего не понимаю. Она говорит, что с год или с полгода вышел Музиля двух-

томник и там напечатан роман «Человек без свойств» и новеллы. Достать невозможно. Усиленно вспоминаю Я. В. Вербовского, пока не почувствую, что уже настолько вспоминаю. Слушаю приемник. Сегодня в Анкаре застрелили иорданского дипломата. Все говорят об Южной Африке. В Новой Зеландии арестовали мужчину и женщину, причастных к взрыву на корабле «Рэйнбоу ворриер». Продолжают изучать записи черных ящиков взорвавшегося самолета индийской компании. А в понедельник (22) два взрыва в Копенгагене, у американского представительства компании Аэрофлота и в синагоге. Двадцать шестого в Копенгагене начинается Балтийский трибунал. Судить будут Советский Союз за незаконную оккупацию прибалтийских республик. Потом состоится круиз на корабле «Балтийская звезда» по столицам стран Балтийского моря. Трибунал приурочен к празднованию десятилетия Хельсинкского соглашения.

За это время в северной Италии произошла крупная катастрофа на искусственном озере возле горных курортов. Вода прорвала насыпь и залила населенный пункт. Под грязью погибло сто девяносто семь, это я слышал такую цифру, человек.

Самая интересная заметка о предсказании китайских сейсмологов, что в ближайшие годы надо ждать усиления сейсмической активности в Китае и что последние землетрясения в Цзыгуне и в Юньнани указывают на это. Вспоминают Таншань. Больше пока ничего не слышать об интересующем меня вопросе. Я живу очень тихо, в понедельник выходил, купил хлеба да вина, а так и не пьем. Копим деньги, могут пригодиться. Дни умеренно теплые, а в воскресенье, когда мы ехали в Купчино, было даже жарко. Ношу китайскую рубашу с короткими рукавами. Теперь нам не удастся зажитья на одном месте. Неделю тут, неделю там. Кира собирается в Кандалакшу, Верочка —

в Крым. Скоро останемся одни с мамой, поживем в Купчине. Пока все спокойно. На носу фестиваль, этот ажиотаж пересидим как-нибудь дома. А осень хорошая должна быть, лето было прохладное. Еще лето. Не выхожу из дома, все делает Верочка. Но немножко все же и мне пришлось походить по магазинам. Не будь нужды, наверное, сам бы я и вовсе не выходил. Так кажется.

Верочка принесла «Книгу о судах и судьях» и «Жемчужины бесед» ан-Наари с нагрузкой.

В субботу произошел переворот в Уганде. Милтон Оботе живет в частном доме в Кении. Главой правительства назначен генерал Тито Окело. Это — двадцать седьмого, а двадцать девятого сильное землетрясение в Афганистане, в Бадахшане, где-то около Файзабада, по-моему. В Хороге семь баллов, в Душанбе — шесть-семь, имеются значительные повреждения зданий, в капитальных строениях появились трещины, разрушены дома старой постройки, нарушены коммуникации, линии связи. Жертв нет. «Известия» пишут, что последствия уточняются. Я был у мамы, приехал утром, включил тут телевизор: «Волна сильного землетрясения прокатилась по республикам Средней Азии. В Ташкенте пять баллов...» Показывают карту, всю испещренную отметками силы подземных толчков.

На следующий день передают, что М. С. Горбачев ввел мораторий на любые ядерные взрывы с шестого августа до первого января восемьдесят шестого года и, говорят, мы готовы продолжить его действие и дальше.

В среду приехал в Купчино. Говорят, что в Дели двое ассасинов застрелили какого-то индийского парламентария. Пока больше ничего не слышно. Шеварднадзе беседовал с Д. Шульцем в Хельсинки. Буду слушать последние известия дальше. Идет дождь. Я

доехал под мелким дождиком, а сейчас он усилился, туман сгустился. Привез пачку «индюшки» — Игорь дал — и три пачки «трехсотого» — должно хватить на некоторое время.

Видел на Промке продавались «Сады волшебства» — памятник письменности Востока по поэтике арабской. Не купил, нужно было купить мяса для дома. «Новые пиньхуа по истории пяти династий» на лотке. И те книжки, «Мо Ди» и сборник новосибирский о буддизме, что у меня есть, еще не распроданы. Посмотрел и сегодня на лоток, да продавцы только раскладывали свой товар — не стал ждать.

Игорь с Леной приходили к маме. Игорь что-то заговорил о слайдах с итальянского Шагала. Мало вероятности, что они сделают дубликаты. Он приехал в командировку, а Лена заодно. Потом у них отпуск начинается, и они едут на море, забыл куда именно, с сыном.

Так-то больше ничего не происходило. Пожил у мамы, только на одну ночь, с воскресенья на понедельник, приезжали домой. Игорю надо было переночевать на Ленина. Теперь спокойно поживу здесь, дома. Скоро уже Верочка маму привезет, а сама полетит в Крым. Билеты туда и обратно на руках.

Первого августа землетрясение в Румынии, на юге Молдавии толчки ощущались силой пять баллов, в Кишиневе — четыре балла. Жертв и разрушений нет.

Второго снова землетрясение в Афганистане. У нас им захвачен тот же район, что и в прошлый раз. В Хороге пять баллов, в Душанбе — четыре. В Ташкенте два балла. Жертв и разрушений нет.

Восьмого августа купил на Большом «Природные катастрофы» З. Кукала. Оставалась одна книжка в магазине. В предисловии есть библиография — книги последних лет о землетрясениях. У него большой раздел посвящен землетрясениям, но все вещи известные

он пишет. Правда, некоторые точные даты вспоминает. Вообще, читать интересно. Привезли маму в Купчино, теперь, до конца месяца, проживем с ней вместе. На той квартире все она прибрала с плиты, со стола. Кира обещает привезти пакет «Бодрости». В Кандалакшу он не поехал, не на кого оставить больную собачку. В газете пишут о шестом за этот год тайфуне в восточном Китае. Погибло сто семьдесят семь человек. Была заметка из Душанбе по свежим следам землетрясения. Пишут, что облака пыли закрывают солнце. В Душанбе пострадал даже Дом правительства. Самые большие разрушения в Ишкашимае и Хороге. Суд разрушен, Дом пионеров, несколько заводов, жилые дома. Повезли туда вагончики и щитовые дома. Жертв вроде нет. Но не пишут о последствиях в Афганистане. Еще на Пяндже водопровод пострадал, некоторые каналы разрушились.

Сегодня передавали о тайфуне «Джексон» в Хабаровском крае. Села стоят залитые водой, пять тысяч гектаров угодий залило. Но, по сравнению, с прошлым годом ущерб незначителен. Вода в Амуре прибывает.

3. Кукал отдельно описывает самые большие землетрясения. В частности — Вранчское, Бухарестское. Две тысячи погибших, точная дата. И о других больших землетрясениях отдельные заметки. Правда, об Сиди-Ифни, Аль-Ашаме, Тебесе — ничего, только число погибших и год. Но кое-что я узнаю и из этой книжки.

Двадцать третьего августа сильное землетрясение на границе с Китаем. В Фергане, Намангане и Андижане толчки шестибалльные, а китайский город Уця разрушен совсем. Там было семь и четыре десятых балла. На дорогах образовались трещины, в которые хлещет вода. Недалеко от Кашгара. Погибло пятьдесят пять человек и более сотни раненых — это пред-

варительные сведения, ну, а более точных мы и не имеем. Войска оказывают помощь населению. Говорят, что восемьдесят пять процентов домов разрушены, а англичане передают, что ни одного дома не осталось неповрежденного.

В ночь на двадцать седьмое переворот в Нигерии. Свергнуто правительство генерала Бухари. Пока сведений других нет. Новый генерал, Бабоггидо, кажется, стал президентом страны. Прежнее правительство тоже пришло к власти в результате переворота в восемьдесят третьем году. Под Новый год, как уточняют шведы.

Несколько авиационных катастроф за эти дни. Самая большая — пятьсот двадцать погибших — в Японии. Самая маленькая — в Штатах, но в ней погибла тринадцатилетняя Саманта Смит и ее отец. Всего восемь пассажиров было на этом рейсе. Все погибли. В Манчестере загорелся самолет, летевший на Корфу, тоже что-то шестьдесят четыре человека погибли, а остальные спаслись.

Еще за неделю до Киргизского землетрясения был подземный толчок в Туркмении, недалеко от Ашхабада, на границе с Ираном. Но про то сообщали только, что жертв и разрушений нет. Про Иран, как с той стороны границы, ничего не говорят. А об Уцянском у нас вообще не написали ничего. Оно отдалось и в Алма-Ате и в Ташкенте, правда, в этих городах толчки были незначительные, что-то по три балла. Китайский прогноз оправдывается, но о таком дальнем западе в заметке об этом ничего не говорилось. В Китае есть свой запад — Сычуань, а Синьцзянь-Уйгурский автономный район как-то выходит за границы представимого.

Пока Верочки нет, но она нам часто звонит, не очень довольна своим отдыхом. Послезавтра поеду ее встречать, и, по-видимому, вплотную придется занять-

ся квартирными делами. Мне должны дать новую квартиру, так редко мне что-нибудь дают. Был уже в жилищном отделе, да пока все неподходящие предложения делают. Врач диспансера написала в жилотдел, чтобы нам с мамой дали отдельную квартиру. Больше я ничего не заслуживаю и не смог сделать. Без Верочки все равно не выбрать и комнаты. А вдруг правда дадут отдельную квартиру, хоть бы однокомнатную. Это было бы очень кстати. На последней своей квартире я не жил.

Сегодня позвонил около четырех Кира, я поехал к нему в гости. Был Саша еще, говорили о книгах, о прямом и непрямом, по категориям, обмене книг. О новом издании сборника В. Хлебникова «Ладомир», которого мы сами еще не видели. Говорит Кира, что еще два сборника В. Хлебникова выйдут, к столетию, по-видимому. Из «Книжного обозрения» и этих сведений не удастся подчерпнуть. Кое-что все же выходит. Книга про герменевтику и «Нимская телега» в Л.П. Кое-что для Верочки интересное. Сегодня передали, что за макулатуру можно купить двухтомник «Друзья Пушкина», а пораньше так же распространялись двухтомные русские сказки. У нас уже нет макулатуры, последнюю стащили за «Порт-Артур». Саша предлагает забрать макулатуру у него на складе, не знаю, что из этого выйдет, сроки очень жесткие. Думаю, что не успеем обернуться до первого сентября.

Говорили про болезнь Кириной собачки. Об этом больше всего разговоров. Уколы не помогли, ей становится все хуже. Уже задних ног не таскает. Лежит в кресле, укутанная шерстяным платком, ничего не просит, не выбегает уже встречать проходящих, не треплет шнурки и брюки, вообще не встает. Прописано еще какое-то лекарство. У нее что-то вроде эпилепсии еще с чем-то. Хорошо посидели, как недавно уже было, поговорили, попили чая. Я ушел около де-

вяти и теперь не могу уснуть. Привез с собой этот дневничок и теперь записываю все, что произошло за то время, что он был у Киры. Не слишком много событий, но слов довольно. Привез еще несколько яблок маме. Ведь мама так и прожила весь Верочкин отпуск со мной в Купчине. Теперь собирается домой, несколько раз просила ее отвезти до возвращения Верочки, но решили этого не делать.

Миша с Леной и Никиткой все еще в Кандалакше, но скоро должны вернуться. Вообще, уже все съезжаются после отпусков. Только Саша идет в отпуск со второго. Хочет побродить по лесу, пособирать ягод. А у нас дел невпроворот. Не знаю, как справимся — у Верочки только неделя остается свободная, маме надо будет сделать какие-нибудь закупки в ее дом. Еще макулатура. Не знаю, что из всего этого выйдет. Всенощная — не сплю всю ночь, или с вечера немножко сплю. Потом не успокоиться. Сегодня не уснуть, наверное, совсем. Но и вчера я полтретьего был уже на ногах — нервы. Ноет зуб, самый матерый во всем ряду. Так жалко, если его придется тащить, он почти целый. Один из самых здоровых у меня во рту. Надо же, что-то разнылся. Время идет быстро, мама тоже не спит и уговаривает меня прилечь. А мне совсем сегодня лежать неохота.

Элочки сегодня не видел, она заехала к родителям и осталась у них ночевать. Несколько дней, с тех пор как у собачки наступило ухудшение, не слышал ее голоса. Довольно тепло было днем, даже удивительно. Я легко доехал до Веселого Поселка. Прошелся там, прошелся, позже, от проспекта Славы до дому. Вообще-то, я дальше близлежащих магазинов не выхожу. Даже нет смысла идти на Бухарестскую, искать беломор. Говорят, он снова пропал и его нет в продаже. Ждут подорожания. Вина и водки и коньяки уже подорожали. Только сухие, игристые и сладко-

полусладкие не подорожали. А боятся все за табак. Нечего скоро станет курить. Свез сегодня пачку Кире — у него уже все запасы исчерпаны. Что бы мне в прошлый раз двадцать пачек взять, нет ведь, брал в обрез только до Верочкиного приезда, а теперь вижу, что еще раньше кончится курево. Надо как-то потянуть, да я не умею. Пачка в сутки, ровно.

Полнолуние. Звезда — как сигнальный огонек на вершине крана. Хотя в полупотьмах всю конструкцию крана домысливаешь, но все же таких высоченных их не бывает. Даже на Бухарестской. Значит, это яркая звезда. А луна еще стоит над горизонтом. Красноватая и очень красивая. А небо там в общем-то еще светлое. Как ни давно кончились белые ночи, но что-то от них еще остается — освещенное небо на западе и на востоке одновременно. Только тут могу спокойно сидеть и писать, а так все бегаю по кухне — взад-вперед. Прикалываюсь к месту. Ничего не слышу, кроме шума холодильника. Не устаю прослушивать радио. Но это днем, вечером. А ночью — молчание всенощное. Правда, сейчас еще соседи сверху не угомонились. Не хочется спать, но нужно будет лечь, иначе мама не успокоится. Я и так уже сказал ей — «Мама, я пишу». Но это действует недолго. Каплет вода. На днях я сорвал кран, и пришлось вызывать водопроводчика. Громко тикают часы. Навели относительный порядок в доме перед Верочкиным приездом.

Четвертого в Греции землетрясение, эпицентр возле какого-то озера в двухстах километрах от Афин. Было совсем плохо слышно, Греция передавала. Толчок, силой, кажется, шесть и девять десятых балла, произошел в двенадцать пятьдесят по греческому времени. Об ущербе ничего не сообщается. Зафиксировано несколькими сейсмостанциями. Сегодня Верочка приехала с дачи и привезла журнал «Знание—сила» со

статьей о предсказании землетрясений. Я ее отметил, а она вырвет, когда будет разрывать журнал. Поминается снова Тангшань (почему-то так, с буквой «г» в середине названия). Пишут, что толчок был совершенно неожиданным. Со своей стороны могу сказать, что я только его и ждал. И тут понял, что дни Мао сочтены. Даже то, что в одном выпуске новостей с этим объявлением о землетрясении в Тяньцзине было передано, что в Китае легализована марихуана, было не очень удивительно. Я так и запомнил этот выпуск последних известий. В статье с оптимизмом пишется о возможностях предсказания землетрясений, но конкретно ничего не предсказывается. Вообще, это сообщение о коллоквиуме, посвященном предсказанию землетрясений.

Сегодня же утром произошло землетрясение на Байкале. В Улан-Удэ, Иркутске и др. городах ощущался толчок силой четыре балла. Верочка поехала на машине под Новгород, покупать бруснику. Я остался один. Кира сегодня работает. Вчера позвонил Мише — он еще ничего не успел узнать. Отдохнули они хорошо, поездкой довольны. С понедельника или немного позже, выходит на работу. Приглашал Верочку приезжать за мясом.

Съездил на Петроградскую. Это заняло у меня дни с пятницы по воскресенье. Сейчас уже вернулся. Сделал укол, зашел в «Книги», ничего интересного, «Статьи, речи и письма» У. Фолкнера уже распроданы. Еще несколько книг распродано. На прилавках ничего. Сегодня думал поглядеть, что «Академия» продает, да киоск на Промке закрыт. В метро тепло, не дует. Люди сидят и стоят в вестибюле, поджидая своих знакомых. Добрался до дома спокойно и принялся ходить из угла в угол. В четыре зашла Лена, она не знала, что Верочкин день рождения справляют на Замшина. А мы накануне отмечали этот день. Верочка

купила два арбуза, а так, в это лето-осень, мы их и не поели. Выпили «пять звездочек» армянского. Было все очень хорошо и тихо. Правда, показывали второй день «Колье Шарлотты», а мама не видела раньше его. Так и прошло время на Петроградской. А сюда уже в одиннадцать заходил Кира. Привез мне альбом японских фотографий, поправился я. Теперь сижу, спать не хочется, пишу. А Верочка читает «Записки» Е. Дашковой. Уже почти ночь. Что буду делать? Ведь не уснуть.

Никаких сейсмических новостей. То, что слышал по радио: сбили афганцы пассажирский лайнер в Кандагаре, подробностей не знаю. Убили еще одного представителя партии ИНК(и) в Пенджабе. Шведы рассказывают о выставке работ военнопленных в Сибири, открытой сейчас в Швеции. Собрал все это в пятнадцатом году один шведский археолог, который с эшелонном помощи пленным был в Сибири в то время. Работы пленных, рисунки, дневники, письма. Говорили в четверг о новых марках скандинавских стран. Би-би-си передает интервью с Синявским к двадцатилетию суда над ним и Даниэлем. Это время могу провспоминать совершенно сознательно. Тогда уже вычитывал из газет все подробности, ловил отрывки прозы. Это наиболее запомнившееся двадцатилетие. Мы посчитали, что и с Верочкой мы знакомы двадцать лет. Живем двадцать лет с перерывами (больничными и увлечениями). Я бы мог вести дневник двадцать лет. Шестьдесят пятый — еще до Ташкента. Забывается, а к шестьдесят шестому приурочены многие события. Аннексия Тибета. Вспоминается, когда говорят, а потом забывается. Забываются многие события, но, конечно, не такие, как Пражская весна. Вот этими вехами и живем и меряем время. Сейчас отмечали пятилетие Гданьских соглашений и «Солидарности». Множество переворотов и других полити-

ческих перемен забылось. С хронологией у меня по-прежнему плохо. Говорят, что генерала Иваницкого или Ивановского назначили командующим сухопутными войсками и заместителем министра обороны. За двадцать-то лет таких событий было-перебыло. Камаль Хасан Али ушел в отставку — премьер-министр Египта. Теперь там новый премьер, я еще не привык к его фамилии. Предстоит теперь ее слышать. Кира показал краткие заметки М. Антониони, напечатаны в И.Л. Завтра рабочий день.

В ночь с воскресенья на понедельник неудавшаяся попытка военного переворота в Таиланде. Мятежные части уже сдались правительственным войскам. Говорят, что мятежом руководили три высших офицера, один — бывший премьер-министр. Во всей стране объявлено чрезвычайное положение, несмотря на ожесточенную стрельбу в Бангкоке, положение контролируют правительственные войска. Король и королева на юге и вне опасности. Мятежники только успели окружить парламент и резиденцию, кажется, премьер-министра, который находился в Индонезии, и передать по радио о том, что государственный переворот уже совершился. Танками и пулеметным огнем их заставили возвратиться в свои казармы. Тоже какая-то революционная группа офицеров стояла во главе переворота. У нас с утра говорят о перевороте как о совершившемся, а потом, по дню, разъясняют, что никто в общем-то и не поддержал мятежников. Ну и что переворот неудачный. Я слушал Би-би-си в одиннадцать утра. Говорят много, всего не понять, но ясно, что попытка неудачная. И альбом, который Кира принес, особенно «в жилу» здесь. Дело не в том, что он не посвящен Таиланду. Все страны дальнего Востока что-то роднит и объединяет. Я еще внимательно всего и не рассматривал, так отвлекла и увлекла сама эта идея переворота в Таиланде. Ну, еще в Аф-

рике — куда ни шло, а тут — Таиланд! Хотя, конечно, после победы революции в Южном Вьетнаме, Камбодже, Лаосе чего-нибудь подобного только и жди. Но все же — Таиланд. Первая реакция — не может быть... Сейчас сижу, жду пока мама позвонит. Она перед сном почти всегда звонит. Сегодня чем-то отвлеклась. Верочка поехала к родителям, и ночью они собираются на машине поехать в Лодейнопольский район за брусникой. Снова я на сутки остался один, а Кира уже был вчера. Никто не придет, только на себя можно рассчитывать. А послезавтра ей уже снова на работу. В конце недели, по-видимому, снова окажемся на Петроградской. Мне нужно деньги получить, да и к маме нужно зайти, купить что-нибудь ей поесть. Может быть, в пятницу встретимся с Верочкой уже там. Верочка поедет копать картошку на дачу, а я постараюсь побыстрее смыться в Купчино. Это уж я знаю. Но, может быть, ночь там и переночую.

Купили тридцать пачек «тридцать шестого» азербайджанской развески. Давали в конце месяца. А сегодня, уже девятого, Верочка приходит из магазина и говорит, что продается «тридцать шестой» в полиэтиленовых пакетах по двести граммов и никакого ажиотажа. Но у нас больше денег нет, да этот, пакеточный чай и не очень нравится. Мы с мамой пили тут его вперемешку с «Бодростью» и «трехсотым». Ничего, не помню точно, какой он фабрики, азербайджанский, пожалуй, лучше. И теперь можно жить, экономя чай, растягивая удовольствие так, чтобы не только на сентябрь хватило, а еще и в октябре бы все он пился. Выгодно чая покупать помногу.

Десятого сентября пятибалльное землетрясение возле Султанабада, в Таджикистане, в двадцати километрах от Душанбе. Повторение июньского толчка. Одиннадцатого июня там был такой же толчок. Жертв и разрушений нет. Газету принесли только двенадца-

того, сообщение на сутки запоздало. Еще пишут, что японские и французские сейсмологи на подводной лодке «Наутилус» исследуют впадину на дне океана. Что-то делается в области прогнозирования подземных толчков. Наши тоже какой-то аппарат используют для обследования толщи земли на глубину до пятидесяти километров посредством электромагнитных колебаний. Вот это в газете, а по радио не слышать больше ничего нового. Наводнение в центральной Швеции — вода разрушила плотину ГЭС, и сошел очень сильный паводок по одной реке, некоторые селения стоят отрезанные от внешнего мира, снесены мосты, вода в озерах и реках продолжает прибывать, но погода стоит сухая, скоро все нормализуется. Так говорят шведы.

В Португалии столкнулись два поезда, больше ста погибших, трехдневный траур по всей стране. Иду слушать «последние известия». Би-би-си передает, что на границе с Киргизией снова зарегистрирован подземный толчок шесть и восемь десятых балла. Эпицентр опять возле городка Уця, как двадцать третьего августа. Тогда по телевизору об этом передавали, т.е. о толчках на нашей территории, а в газете что-то ничего не было. Около шестидесяти погибших в Китае и блестящее подтверждение их прогноза. У нас телевизор сломан, не слушаешь и не посмотришь программу «Время». Может быть, «Известия» откликнутся. Говорят об португальской железнодорожной катастрофе — сто шестьдесят раненых, кроме убитых, об Аргентине — о суде над бывшими военными главами правительств, об убийстве мирного населения в Уганде солдатами в провинции, откуда был Иди Амин родом, кажется.

Больше ничего, но зря они о землетрясениях не сообщают. Нет дыма без огня — единственная послышавшаяся, к которой и я прибегаю вслед за своим отцом.

Двадцать третьего августа толчок там повторился, правда, силой пять уже баллов. Второй день закрыт мост Володарского — не сведен по техническим причинам. От Веселого Поселка мы отрезаны, правда, Киры эти дни и дома нет. Как же он ездит на работу? Через Охтинский мост, что ли? Не дозвонился. Подробного сообщения (Би-би-си) ждал. Ждал, как в свое время с нетерпением ждал сообщения о Тяньцзине. Кукал пишет о том, что в тысяча девятьсот двадцатом году землетрясение в провинции Канси вызвало страшные оползни. Тогда погибло до двухсот тысяч человек. Роковая цифра для Китая. Но на современной карте такой провинции не найти. Не знаю — где это было. Об Сарезском землетрясении в примечаниях говорится, что сила его была семь и четыре десятых балла $\pm 0,1$ — вторая роковая цифра. Один кишлак засыпало совсем, Сарез оказался на дне озера. Пишет, как о самом сильном оползне, известном в последнее время. Я вспоминаю засыпанные домишки на окраине Рашкова. Что там, обвалилась земля от подземного толчка или Днестр подмыл берег? Так для меня и остается загадкой. Но сами эти заваленные домики хорошо помню. Их и не откапывали. Где дверь видна, где окно, где угол дома — все засыпано землей. Потом мы поднимались на крутой откос этот по тропинке. Дошли до пещер, ближе к верхнему краю обрыва. Там нашли кремневую пилу и пару наконечников стрел. Никогда больше я так близко не видел последствий катастроф природных. Запомнилось навсегда. Интересно, ведь обрыв этот очень непрочный. Последнее вранчское землетрясение отразилось на Рашкове или нет?

Верочка уже снова ходит на работу. Будто ничего и не переменилось. Встаем до семи. Кончилось лето. Похолодало. Дожди. Второй день солнце проглядывает. Дозвонился до Киры. Сегодня он дома. Приехали

люди из Москвы, приехала Ира, он занят эти дни. Буду один сидеть. На Петроградскую не собрался. К маме Верочка зайдет по дороге с дачи, а деньги подождут. Возбудили меня эти сообщения о новостях у Киры. Еле успокоился. Пришлось полежать. Звонила мама — все в порядке у нее, смотрит «Грипп Кинг-Конг», страдает без лука. Верочка в воскресенье сходит на рынок, а то что же, она без лука не ест.

Сегодня новостей нет, да и ждать не стоит. Читал газету — интервью с заместителем министра внутренних дел Польши. Сообщение о тайфуне в Японии, о наводнении в Швеции. Северная и Южная Кореи обмениваются артистами по случаю сорокалетия освобождения страны. А уже о высылке из Англии наших представителей ничего не пишут. О землетрясении на границе с Китаем ничего нет. Вчера слышал вечером — Греция по-английски повторила это сообщение. Без подробностей.

Утром по туману сходил за хлебом, а после обеда прилег, звонит Кира. Москвичей нет, Элки нет, приезжайте. Добрался быстро, пришлось и постоять и посидеть, но все это ничего. Мост уже отремонтировали. День теплый, под самое похолодание я и вообще не выходил из дома. В транспорте даже жарко (я в куртке). Кира спустился вниз, отпер мне дверь — сидит без ключей. А на ночь нужно на работу. Дал мне пакет «Бодрости» и маленькую пачку «индюшки» второго сорта, поставил Джаннис Джоплин, показал книжки, которые Неля прислала: два каталога аукционов и большую книгу о Наполеоне, «Наполеон в искусстве». Показал цветные фотографии с Ириных работ, сказал, что Ира выбрала три моих работы и увезла их с собой, т.е. увезет еще. Ей надо с мужем в Москву, оттуда уже на родину. Попили чай с ликером из «Березки». Посмотрел я «Статьи, речи и письма» Фолкнера, которые Кира купил на Староневском.

Еще один сборник с Леви-Стросом он мне показал. Надо было собираться уже и уходить. Я заговорил о том, что нам с Верой нужны джинсы. Он извлек из шкафа французские, но очень большие, говорит, что продает за шестьдесят рублей, важно найти, кто бы перешил. Буду иметь в виду. Поехали обратно на сто сороковом автобусе, простились, он вышел у метро, а я поехал дальше. Нужно было пересаживаться. Я сел на троллейбус, который везет по Пражской и вырывает на Белы Куна там же, где я садился на двенадцатый автобус. Прошелся по Будапештской. Несмотря на то, что Кира мне выправил ключ, сам я дверь так и не смог отпереть. Пришлось дожидаться людей, которые входили вслед за мной. Ключ такой паршивый и замок бестолковый. Ну ничего, попал домой. Позвонила мама, а вскоре и Верочка к ней приехала и тоже позвонила. Спать совсем не хочется и лечь — жалко времени, бесполезно проходящего. Кстати, Кира сказал, что на следующей неделе появится Боря, сейчас он на даче. Вообще, у Киры полно новостей, а вот я новостей не слышу. Такое многообещающее было начало недели и полный упадок в конце. Выборы в Швеции завтра. Это все, что я знаю. Говорят, к ночи будут уже результаты известны. Завтра Кира гуляет с Ирой, собирается зайти к Герте Михайловне, да у нее страшная аллергия. Я все прохаживаюсь по дому и думаю, что надо бы все это записать, а потом и прилечь — не спать, так хоть погреться. Так и сделаю, только покурю еще напоследок.

Американцы испытали противоспутниковое оружие успешно и провели испытание лазера, который лучом разрушил ракету «Титан». Франсуа Миттеран присутствовал при запуске ракеты «Ариан» с двумя спутниками, но запуск был неудачный, неполадки в третьей ступени, и ракету пришлось уничтожить. Потом он

полетел на совещание на атолл Муруроа и обратно во Францию. Эрль разошелся с Соней и сам поехал на Кавказ. Ира готовит персональную выставку в Лондоне. Жалуется, что после приезда мамы в Париж ей пришлось два месяца отсидеть в сумасшедшем доме. Переехала в Лондон.

Надо будет Киру попросить джинсы захватить, когда он соберется к нам. Купим, пожалуй. Все-таки дешевле, чем в магазине. Я с чаем, с беломором. Поездку на Петроградскую отложил до понедельника-вторника. От Миши ничего не слышно. Коплю деньги, пригодятся. Скоро кто-нибудь приедет из Азии. В субботу ждали Витю, но он так и не появился. Звонил Саша, но нечем было его обрадовать.

Хлебников В. Стихотворения и поэмы / Сост. Р. Дуганова, С. Лесневского. Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1985. — 254 с. — 1 р. 50 к. — 10.000 экз.

Хлебников В. Ладомир: Поэмы. — М.: Современник, 1985. — 100 с. — (Росс. поэма). — 50 к. — 50.000 экз.

Приезжают Наташа с приятельницей. Поеду у мамы поживу это время. Недельку всего они и пробудут в Ленинграде. Надо же им где-то ночевать. А больше никаких перемен не предвидится. Неделю не слушать приемник. Как-нибудь проживу. Телевизионные последние известия буду смотреть да радио слушать. Надо забрать с собой «Бодрость», курицу и ампулу модитена. Там уж схожу на укол заодно. Сегодня Ира уезжает, не знаю, фотографии свои оставляет здесь или нет? Да, еще надо не забыть дневник захватить. Так и поеду со всем хозяйством. Зайду за пенсией — деньги на жизнь будут. Для разнообразия можно и на Петроградской побывать. Не рассчитываю, что что-то из книг мне достанется. А сейчас вот вышли «Древние культуры Монголии» / Отв. ред. Р.С. Васильевский. — Новосибирск: Наука, 1985. —

234 с. — 2р. — 2.300 экз.; Гуревич П. С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. — М.: Знание, 1985. — 64 с. — (Науч. атеизм). — 11 к. — 47.320 экз.; Габорио М. Непал и его жители / Сокр. пер. с франц. — М.: Наука, 1985. — 184 с., ил. — (Рассказы о странах Востока). — 1 р. 20 к. — 30.000 экз.; Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии / Сост., вступ. ст. В. А. Кошелева. — М.: Современник, 1985. — 408 с. — (Любителям рос. словесности). — 1 р. 20 к. — 50.000 экз.; Западова Е.А. Пи Моу Нин: Жизнь и творчество. — М.: Наука, 1985. — 182 с. — (Писатели и ученые Востока). — 1 р. 40 к. — 1250 экз.; Лебедев Е. Тризна: Кн. о Е. А. Боратынском. — М.: Современник, 1985. — 301 с., ил. — (Любителям рос. словесности). — 80 к. — 50.000 экз.; Комикава Д. Условия человеческого существования: Роман / Пер. с япон. — М.: Худож. литература, 1985. — 710 с. — 4 р. 50 к. — 75.000 экз.; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Барат, Н. В. Новиков. — М.: Наука, 1985. — Т. 3. — 495 с., ил. — (Лит. памятники). — 5 р. 20 к. — 50.000 экз.

То солнышко, то пасмурно, тринадцать градусов. Сильный ветер, судя по тому, что видно в окно. Пью чай «Бодрость», заедаю виноградом. Дыня лежит под окном. Ночью был дождь, слушал капанье капель. Заснул. Хорошо выспался. В семь встал бодрый. Думал, сегодня придется ехать за деньгами, да тут эта открытка. На улицу не тянет. Так же и у мамы будет. Но хочется книг поискать. Даже Гидрометеоиздат что-то выпустил. «Жемчужина в ладонях Лапландии». Не знаю, о чем это? Книг много. До Нижневолжского Хлебникова никак не добраться. Буду просить Иру в Лондоне пошукать. Так проще. Но еще скорее, что эта книга пройдет мимо нас. Не знаю, на черный-то рынок она попадет или нет? Надо потеплее одевать-

ся, пришла такая пора. Эти «Условия человеческого существования» уже выходили — видел их с Ярославом в доме у одних уезжающих в Израиль наркологов. Очень хотелось купить, да они ее забирали с собой. Продавали другие книги. Что-то он тогда отобрал, но мне помнится, мы от них вышли с пустыми руками. Может, и ничего не взял мой патрон. Наверное, в ресторан пошли, точно не помню. Было это на углу Кировского и Карповки. Там еще очень вода шумела в клозете. Думал последний косяк забить, да не стал. Помню, что мы на Кировском садились в автобус. Куда-то в центр ехали. Вечером.

Первый такой богатый выпуск «Книжного обозрения», а то все жидкие номера были. Оживление в связи со столетием Хлебникова. Как-то Ленинград откликнется? Пока ничего у нас. «Ладомира» тоже не достать. Кто такой Пи Моу Нин? Первый раз слышу. Маленький тираж. Кира купит, наверное. Может, и мне попадет. Он теперь успевает к ларьку. Обходил магазины, спрашивал «Ладомира». Не понимают, о чем он.

Пару деньков еще можно тут прожить. Обед приготовлен с воскресенья. Все есть. Чаю много. Верочка еще десять пачек купила азербайджанского своей маме. Стоят еще у нас, только пару пачек отвезла на дачу. Но «Бодрость» много покрепче и ароматнее. Еще «трехсотый» не кончился, торчит из коробки. У Миши вся семья и сам он больны гриппом. Ничего не проясняется пока. А Кира хотел с ним в свободные дни на дачу за вещами съездить — пора перевозиться в город. Книга о каллиграфии там, в Озерках. Так я за лето туда и не съездил. Мама была на руках, не хотелось ее оставлять одну. Да и на попутках ездить я не привык. Точнее — отвык. Будет дождь. А в газете писали, что по разводной части моста Володарского ночью ударил плавучий док — не надеялись уже и от-

ремонтировать. Сегодня пишут, что в Австралии связали большую группу контрабандистов наркотиками — конопля. Пишут с именами и подробностями. О Пол Поте, об его отставке большая статья. Англичане говорят, что во время гранатной атаки в одном филиппинском кинотеатре погибло больше тридцати человек, главным образом детей. Затоптали в панике. В Швеции то же правительство осталось у власти. Сто пятьдесят девять мандатов у социал-демократов и коммунистов. Больше ничего не слышать. Больше новостей нет. Может, к вечеру что образуется. Англичане в ответ на нашу высылку двадцати пяти их представителей должны выслать еще скольких-то наших. Еще не решили. Подождем. Утром было слышать только Францию, а Канады не послушал. Довольно и Франции. В Копенгагене взрывы в еврейском магазине и в агентстве израильского авиафлота. Раненые.

Оденешь свитер, чувствуешь себя уютно, домашнему, так стынуть руки начинают. У вас тоже холодно, Эллочка? — сам себя спрашиваю. Побриться надо. К Кире ехать подгадал — побрился в то утро, а так сию заросший. Ногти собираюсь постричь, никак не соберусь. Хоть на работу устраиваться, в ту же пору. Надеюсь, Верочка меня на неделю отпустит. Ее подруга, не моя. Может, ходит куда с ними. Да и к нам заедет в конце недели. Атласы лежат без дела, о землетрясениях не слышно. Не пьем. Совсем бросили. Копим деньги. Есть уже возможности на книги потратиться. Немного накопил. Сумочку Вере подарил также на скопленные. Скоро именины у нее. Наверное, гости придут. Хотелось бы Киру заманить. Будут мои работы висеть в Лондоне — Славинский посмотрит, он меня любил. Миша, может, поправится, скажет что-нибудь. Сейчас совсем пустые. Уже около трех месяцев. Трудно окончить страницу. Сию, пока пишу. А так все прогуливаюсь по кухне. Проще

ходить и видеть. Листва еще совсем зеленая, а один кленок уже пожелтел в нашем дворе. Он раньше всех желтеет. Если не считать холодного ветра, то и никаких признаков осени. Скоро Новый год. Но до тех пор еще столетие со дня рождения Хлебникова. О чем будут тут писать? О комете Галлея. Семьдесят шесть лет, деленное на два, и даст тридцать восемь — период жизни Хлебникова. Заиздавали. Пожалуй, и больше трех книг выйдет к столетию. Мы ожидали трехтомника. Но уж раз и Нижневолжское издательство расшевелилось, остальные что-то сделают. На нашей улице праздник.

Десять членов Политбюро Китая ушли в отставку, а всего сто сорок ответственных партийцев отставлено. Чтобы дать дорогу молодым силам. Других новостей не слышу. Как продолжение предыдущего, еще шестерым советским представителям, включая двух дипломатов, рекомендовано покинуть Англию. Обвинение в шпионаже. Ху Яо Бан, Чжао Цзы Ян и Дэн Сяо Пин остались на своих постах. Это результат пленума ЦК КПК.

В римское кафе бросили две ручные гранаты, одна не взорвалась. Тридцать девять человек, иностранцев, ранено. Запустили новый космический корабль у нас во вторник, с тремя космонавтами. Слушал утром последние известия, но как-то ничего не вынес. В Ливане акция смертников, сообщают, что тридцать человек погибло, а Израиль заявляет, что жертв нет. Афганские партизаны сбили вертолет с нашим генералом, кажется, и афганскими генерал-майором и бригадным генералом. Это запомнил. Пишут, что скончался А. А. Епишев, бывший начальник главного политического управления армии. Больше ничего интересного. Передают, что открылась партийная конференция в Китае. В час послушаю последние извест-

тия. Шестьдесят два члена ЦК КПК смещены со своих постов, в том числе десять членов Политбюро.

Девятнадцатого, в четверг, сильнейшее землетрясение в Мексике. Эпицентр в Тихом океане. Сила толчка восемь баллов, колоссальные разрушения в Мехико, много погибших, двадцать тысяч раненых. Я услышал в пятницу первое сообщение, еще неизвестно точное число жертв. Связь с Мехико прервана, течет газ, пожары, жители спасаются, ожидая последующих толчков. Передали, что только в одном районе тысяча человек погибло. Говорят как о самом трагическом землетрясении в истории. Множество высоких домов разрушено, трупы извлекают из-под обломков. Буду ждать дальнейших сообщений.

В субботу вечером второе землетрясение, силой семь баллов по шкале Рихтера. Подробности не общаются.

О предыдущем показывали хронику, говорят, что шестьдесят пять процентов зданий разрушены или повреждены. Огромные разрушения, небоскребы качались в Техасе, в Колумбии запрещена морская навигация, ждут волн цунами в Калифорнии и подъема воды в Колумбии. Город Мехико остался без света, говорят, что три тысячи человек погибло после первого же толчка. Правительство должно выпустить заявление в связи со стихийным бедствием, Фидель Кастро обещал помощь, советское правительство выразило соболезнование семьям погибших и пострадавших. Эпицентр расположен в Тихом океане, в трехстах пятидесяти километрах от Акапулько. Вслед за первым толчком последовала серия более слабых, но разрушительных толчков. Мигель де ла Мадрид заявил, что в этом столетии еще не было подобной силы землетрясения в Мексике. Пострадали тихоокеанские провинции страны, но даже приблизительно еще не могут назвать число жертв. Ущерб колоссален. Объяв-

лен трехдневный траур. Школы закрыты до понедельника, не работают многие правительственные учреждения.

Верочка пришла и принесла четыре книги из «Академии». Оставляет их здесь, у мамы. Я сварил чай, приготовил ей поесть, разглядываю книги. «Абазинские народные сказки», «Японцы», «Письма к госпоже Каландрини» и «Занимательные истории». Читаю сразу главу о чайной церемонии. Вечером смотрят телевизор, и я выхожу на кухню. Уже три дня я здесь. Два из них были заняты событиями в Мексике, во «Времени» и сейчас еще продолжают говорить о землетрясении. Выступает какой-то художник, председатель общества «СССР—Мексика». Показывают разрушения. О числе жертв все еще не сообщают. Пострадали семь тихоокеанских провинций. Советские представители не пострадали. Полностью разрушены триста зданий в центре Мехико и в южной части города. Тысяча зданий находится в аварийном состоянии. Многие жертвы еще не извлечены из-под обломков. Позже показывают итальянский фильм «Дни любви». Я уже лег спать. Верочка читает «Юность» — купила комплекты за год, за два. Все проходит очень спокойно. Даже комары не кусаются сегодня ночью. Утром, позавтракав, Верочка едет на черный рынок, обещает позвонить, когда вернется на Будапештскую. Даю ей наказ купить В. Хлебникова, но она уж сама посмотрит, что можно купить. Мама кипятит молоко на кухне, и я пока что один. Успеваю сделать запись. До Киры не смог дозвониться, он уходил в церковь, а к нам не заходил эти дни. С понедельника буду ждать его. Девушки достали билеты в Алма-Ату только на первое число, и, следовательно, я на десять дней застрял здесь. Надеюсь, время пройдет быстро, незаметно. Чаю не хватит до конца этого периода, но попозже Верочка подвезет еще, перебьемся. Оставляет

мне деньги на прожитие, своих у меня скоплено пятьдесят пять рублей. Даже в воскресенье перед двенадцатью передают объявления. «Красиво научитесь танцевать рок-н-ролл». Соседка уходит, и мы остаемся в квартире одни. Нужно позвонить, может, Киру застану. Еще одиннадцать тридцать пять. Сходил с утра в магазины, купил молоко, хлеба, сахарного песка. За газетами не стал стоять. Продается «Курьер» — «Молодежь—1985». Не берут. Может, будет номер, посвященный мексиканскому землетрясению, ведь в Мехико многие фрески уничтожены, наверное. Только в Мехико погибло три тысячи шестьсот человек. Пятнадцать тысяч тяжело ранено.

Вот выбирал день, когда переехать на Петроградскую, и выбрал девятнадцатое число. Пишут, что связь с Мехико сразу же прервалась и сообщения о землетрясении запоздали на несколько часов. Конечно, жалко, что здесь нет приемника. Наверняка много подробностей сообщает Запад. Привез с собой два с половиной килограмма клюквы, и мама смолола пять банок с сахаром. Прошелся по Петроградской. Очередей нигде не было, быстро получил пенсию и поехал на трамвае на Ленина. Зашел домой и сразу же вышел за капустой и свеклой. Очереди нет. На следующее утро был страшный восход, красный, какой бывает только закат. Я просыпался, смотрел на багряные облака, думал, что такое видение надо просозерцать, закрывал глаза, но спать больше не мог. Встал, заварил «Бодрости», какая еще оставалась, и пошел в магазины. Вернулся к десятичасовым известиям, и вот это сообщение. Дальше я уже все записал. Сегодня, в понедельник, обещает Кира зайти. Верочка даром съездила на черный рынок, его разогнали. К вечеру приехала к нам. У меня начался страшный насморк и чих. Утром проводил ее, свежий чай не заваривал, но и вторяк был достаточно креп-

кий. Еще немного второго сорта «индюшки» удалось подмешать. А так теперь остались только с азербайджанским «тридцать шестым». В обзоре газет говорят, что в «Правде» сегодня сообщения из Мексики, да, наверное, не буду выходить из дома. Сижу, поминутно сморкаюсь в тряпку, но чувствую себя ничего. Верочка только к ночи вернется — надо заехать на Замшина, взять билеты в театр для девочек ее. Не знаю, что буду делать днем. Книги есть, дневник есть, чая я привез шесть стограммовых пачек. Хотелось бы в книжный сходить («Непал и его жители»), да неважно со здоровьем. Хотя в «Знание — сила» и был прогноз о том, что большие города пострадают в ближайшие годы от землетрясений, но именно в Мехико толчка никто не ждал, для меня довольно неожиданно это было. Но, в общем, я готов был к большим событиям. Здесь — приближается столетие В. Хлебникова, и оно, конечно, должно быть ознаменовано большими потрясениями. Поживем еще. Обязательно хочется записать, что здесь будет. Не только же комета Галлея прилетит, будут и на земле какие-то знамения. В книге о японцах объявление о том, что выйдет «Чжуан-цзы» Малавина, обязательно нужно будет купить. В «Книжном обозрении» один П. Ронсар объявлен. Я еще внимательно не прочел отдел «Книга — почтой». Может быть, выписать что-нибудь можно. Пришла Кире открытка на Кирилла Хлебникова.

Хотя прошло пять дней, но из-под развалин продолжают извлекать живых людей, говорят, что спасли шесть тысяч двести человек. Ищут с собаками.

Раджив Ганди произвел перестановки в центральном правительстве. Сам стал министром обороны, назначил нового министра иностранных дел, промышленности и произвел еще тринадцать перемещений.

Начали показывать фильм о Моцарте, во вступительном слове говорят, что он родился в год лисса-

бонского землетрясения. Передают, что, по мнению американских ученых, район Лос-Анджелеса так же опасен, в смысле возможности сильных землетрясений, как и те районы Мексики, где девятнадцатого-двадцатого сентября произошли разрушительные толчки, и что в течение десяти лет можно ожидать и там такого же катастрофического землетрясения. Интересно, как сравнительно немного людей гибнет в современных городах и, например, сколько жертв бывает в традиционных китайских городах. Уже есть прогноз. Жертв в Лос-Анджелесе было бы не больше, чем в Мехико, несмотря на колоссальную плотность населения. Китайцы страдают ощутимо больше. Теперь интерес к землетрясениям не скоро пройдет, хорошо, что мою книжку напечатали здесь. Кира говорит, что Боря Останин собирается к нему и ко мне в гости. Он собирался зайти, когда печатание будет закончено. Не жалею, что напечатал «Дневник», но с продолжением придется подождать.

Просыпаюсь теперь рано, нужно Верочку провожать на службу. Сегодня выходить в магазины не надо, а завтра придется пойти на укол. Да и Кира обещал после поликлиники заехать к нам. В воскресенье готовимся принимать Наташ, конечно, если они раньше не улетят в Алма-Ату. Покупаем заказ с ветчиной, Верочка хочет купить коньяка. Снова встретил вчера на улице Михаила Семеновича. Он работает в военизированной охране на «Вулкане». Сутки работает, трое свободен. Доволен. Говорит, что времени на живопись хватает. Ищет беломор, тут его не продают, а я вышел ненадолго и не захватил с собой. Прощаемся. Покупаю «Правду». Это все вчера, в среду. А сегодня, как я уже написал, сижу дома. Сажу спокойно, поджав ноги. Греюсь под одеялом да чайком согреваюсь. Теперь лекарства у меня хватит на год, не нужно беспокоиться. Очень благодарны Наташе за то, что

она привезла нам модитена. Дни холодные, Верочка уже переделалась в осеннее пальто, делает вид, что ей очень приятно и тепло. Надеется, что до зимы ей этого пальтишка хватит. Она все время в разъездах из дома в дом. Что-то все же происходит. Кира ходит в новом английском пиджаке, у Элочки какой-то новый свитерок, еще не видел. Нам надо джинсы покупать, деньги у Верочки отложены, но пока не найти, где бы купить. Передают, что на проспекте Художников есть в продаже джинсы нашего размера, да не знаю, где этот проспект. Как бы хорошо было, если бы можно было штаны выписать из Англии.

Стынем. Эта книжка к Новому году кончится, буду снова писать в «Востокинторге». Всю ту часть «Дневников» удалось напечатать, а за перепечатку новой части никто не берется.

Не считая джинсов, вот все, что нам нужно — чайник или котелок для чая и две-три чашки или кружка и чашки. Но все это у нас есть. Хотелось бы, конечно, обновления. Нет, не новых вещей хочется, а большего уточнения в утвари, специальной чайной посуды. Совсем не бываю в комиссиях. Приобрел вкус к чайной посуде, но не хочется захламления. На Кировском тоже есть котелочек и пара чашек. Да, и большой чайник, конечно. Куда-то нас переселят оттуда? По временам мечтаю о своем чайном домике. Сколько лет мы уже не пользуемся моей комнатой! Только платим. Переехать будет нетрудно. Не хожу в жилотдел, а они ничего не шлют, ни смотровых, не вызывают. Наташа подала документы на обмен жилплощади. Хочет Алма-Ату сменять на Ленинград. Что-то у нее получится?

Вот все наши текущие заботы, других не имеем. Нужно маме продуктов прикупить, а то мы уедем и пропадем надолго. Но это уже действительно все — все наши дела. Верочка справляется с этим. Говорит,

что на Будапештской уже начали топить и в доме тепло. У нас страшно дует и так свежо, что хочется все время двигаться.

Рылись в шкафах и буфете, искали мою шапку. Шапку не нашли, зато нашли пачку индийского чая за девяносто пять копеек. Сколько радости! Вот, не напрасно искали. Будет что пить на Верочкины именины. Может, и Кира зайдет — его угостим. Такая находка, как будто пачку денег нашли.

Предварительные сведения о землетрясении в Мексике: четыре с половиной тысячи погибших, около восьми тысяч раненых и полторы тысячи еще не откопанных. Семьсот зданий в аварийном состоянии, четыреста — полностью разрушено.

Приземлился «Союз Т-13» с двумя космонавтами.

Началась разработка проектов восстановления центра Мехико.

Только два градуса сегодня. Надо идти. Мама еще спит. Я встал в семь, сварил чая и теперь сижу и не знаю, что делать. То ли ждать Киру, то ли маму будить, то ли подождать еще немного и пойти прямо к двенадцати? Нужно по дороге в книжный заглянуть — список книг был большой, м. б., что-то продается. Уколоться, купить винограда и скорее-скорее домой. Может быть, Кира придет без меня? Обещают днем двенадцать градусов, а пока холодно.

Ушел Н. А. Тихонов в отставку по состоянию здоровья. Председателем Совета министров назначен Рыжков. Ушел в отставку президент Панамы Барлетта, вице-президент занял его пост. Соединенные Штаты произвели двадцать седьмого сентября очередной ядерный взрыв на полигоне в штате Невада. На восточное побережье обрушился ураган Глория. Сила ветра двести километров в час, наводнения в прибрежных городах, полмиллиона жителей эвакуировано.

Сделал укол, зашел на рынок. Ничего не купил. Виноград очень плохой. Приходили Кира с Сашей, выпили пол-литра водки, закусывали солеными огурцами. Кира закрыл больничный и будет работать в субботу и воскресенье. Попили чая, потом они поехали встречаться с Эллочкой. Они купили двухтомник А. Блока за тридцать рублей Саше. Вечером смотрели кино, а я гулял по кухне, позже лег спать. Фильм про Моцарта воспринимал только на слух. Ребята вставили внутреннюю раму в окне, и стало немного теплее. В субботу выходил за овощами и хлебом. Одна Наташа улетает в субботу, а у второй еще нет билета. Может, задержится до первого, тогда в воскресенье мы принимаем ее у себя. Но, может быть, в аэропорту достанет билет на сегодня, тогда завтра мы уже переедем в Купчино. Буду ждать визита Бори, что-то он скажет по поводу «Чаепития и землетрясений». Сегодня больше ничего не надо делать. Верочка зайдет на Кировский и поедет на Будапештскую. Мама занята обедом. Выписали двадцать седьмой том Ф. М. Достоевского из Днепропетровска. Посмотрим, что получим оттуда. Этого тома у нас не хватает. Верочка забрала с собой все книги, что купила тут. У «Вторсырья» большая очередь. Многие хотят сдать макулатуру на «Трех товарищей». Мы в этом не принимаем участия. Кира рассказал, что снова посадили Жору Михайлова, но срок еще не дали. Вчера ходил, было солнышко, а сегодня пасмурно и моросит дождь. Я бы и сегодня переехал на Будапештскую, да вот не судьба. Верочке надо еще кое-что закупить для мамы. Я свою часть покупок завершил. Поедем отдыхать у Верочки. Ей, правда, предстоит работать шесть дней, а я буду снова слушать приемник. Переменяется летнее время на зимнее, изменится расписание передач. Мокрые крыши и понемногу желтеющие деревья. Утром запотевшие окна и постоянно холодные ноги.

Согреваемся в постели, да еще я расхаживаю то по комнате и коридору, то по кухне. Согреваюсь. Новости капают, узнаем что-нибудь новенькое. Предыдущую страницу решил оставить для сводной таблицы землетрясений. Американские ядерные испытания в нее не включаю. Сегодня сообщают о землетрясении силой пять баллов в Мехико с эпицентром в четырехстах километрах юго-западнее Мехико.

Передают, что на дне Тихого океана, в эпицентре землетрясения, образовалась трещина, длиной двести километров и шириной восемьдесят. За последние сорок лет это первый случай, когда длина трещины превышает сто километров.

Поехал провожать Наташу, а попал на день рождения Бори. Были Миша, Боря, Кира и я. Выпили «Чумая», потом чайку, слушали джаз, говорили о юбилее В. Хлебникова. Я забрал с собой номер «Часов» с первой частью моих «Заметок о чаепитии и землетрясениях». На ночь прочел их все. Теперь буду ждать продолжения. Предлагают «Заметки...» напечатать отдельной книжкой при другом журнале. Я согласился. Думаю, хорошо бы и продолжение тогда уж напечатать. Но кто разберет мой почерк? Довольно быстро пришлось уехать от Киры, надо было поспеть к Верочкину возвращению. Вечером выпили понемножку коньяка, Наташа оставила, и я долго не спал, потом лег и в полудреме пролежал до без четверти семь. Встал провожать Верочку, собирал на стол, варил чай, слушал Францию. Сегодня начинается визит М.С. Горбачева во Францию, передают его обращение к французским телезрителям. В Бейруте исламская организация захватила заложниками четырех представителей советского посольства, трех дипломатов и врача посольства. Обещают убивать их по очереди, пока не прекратятся бои в Триполи. Кажется, одного уже убили.

Израиль разбомбил штаб-квартиру ООП в пригороде Туниса, пятьдесят человек погибло, Ясир Арафат жив и невредим. Французы говорят, что удар предполагалось нанести в Иордании, но Египет грозит разорвать дипломатические отношения с Израилем. Несколько дней назад на яхте в Ларнаке (Кипр) ООП казнила трех израильтян, и вот ответ Израиля. Тунис требует созвать Совет Безопасности в связи с агрессией.

Я как приехал сюда, погрузился во все эти новости. Утром просматривал старые газеты, за несколько дней скопились. О Мексике больше ничего нового не нашел, но вот информация из Душанбе. 29-ого произошло землетрясение в двадцати километрах от города, дома шатались, но разрушений нет.

А сегодня, третьего, говорят о землетрясении в южной Калифорнии. О жертвах и разрушениях не сообщают. Сила — пять баллов, не сильное. Сегодня девяностолетие со дня рождения Есенина, много передач посвящено юбилею.

В Мехико раскопали мальчика девятилетнего в развалинах. Две недели прожил без еды и питья, жив.

Перес де Куэльяр требует освобождения наших заложников. Все советские граждане в Бейруте собраны в посольство. Террористы обещают взорвать посольство. Возможна эвакуация. Горбачев во Франции. Впервые Советский Союз сталкивается вплотную с проблемой терроризма. Когда Горбачева спросили: правда ли, что в СССР четыре миллиона политзаключенных, он ответил, что это абсурд.

Тропический ураган в центральном Вьетнаме. Нарушено железнодорожное сообщение между Севером и Югом, затоплено шоссе № 1. Затоплены пять тысяч гектаров рисовых полей, повреждены дамбы, система коммуникаций. Затоплено три тысячи крестьянских домов, о жертвах не сообщается.

Сегодня в «Известиях» большая статья «Отчего бывают землетрясения», в связи с мексиканскими землетрясениями.

Четвертого Канада сообщила о двух подземных толчках в Японии, второй — где-то вблизи Токио. Было плохо слышно, подробностей о жертвах и разрушениях не сообщается.

Пятое октября. Сегодня с утра люди идут под зонтами, но дождик очень мелкий, из окна его и не видно. Небо все серое. Проснулся очень рано, ночевал один, Верочка осталась у своих. Сегодня рабочая суббота, раньше шести-полседьмого ее нечего и ждать. Новостей с утра никаких, даже «Международный дневник» повторяет вчерашние сообщения. Грецию вечером не слушал, а в первой передаче о землетрясениях японских ничего не сообщалось. Остался я без информации. Не знаю, какой силы были эти подземные толчки, но Канада поминала тысяча девятьсот двадцать третий год. Больше ничего не расслышал, австрийская музыка очень мешает. Почти каждый день так, то слышно ничего, то эта австрийская станция все глушит. Уже привык к зимнему расписанию.

Элочка болеет, сидит, вернее, лежит дома. Зовет навестить ее. Ей предлагали два билета на ганьсуйский балет, но она не взяла и была права. Кира работал сегодня ночью, и ей нельзя поехать. Танцевальная драма называется «Усыпанный цветами шелковый путь». Никто не посмотрит, так и не будем знать, что это такое.

Мне всю ночь снились сны. Пиво, водка, морфин. Но во сне не укололся. Говорил по старинному телефону, конфликтовал с пэтэушниками и пэтэушницами. Такие сны. Теперь жду, когда принесут газету. Завтра Верочке не надо ехать в колхоз, и она будет дома. Звонила вчера вечером, говорит, что у меня голос грустный. Мама тоже находит, что я не в настро-

ении. Но нет, с настроением все в порядке. Хорошо напечатали меня. Я без труда нахожу то место в рукописи, на котором обрывается перепечатка, и заглядываю немного во вторую часть. Боря говорит, что не раньше чем через месяц выйдет очередной номер. Подожду. Волнения, связанные с мексиканскими землетрясениями, уже улягутся. Люди быстро забывают, а забывать бы нельзя. Открыли счет для сбора пожертвований в пользу пострадавших. Мальчик, которого нашли через тринадцать дней, был последним спасенным поисковыми группами. Поиски под обломками зданий прекращаются, зато полным ходом идут работы по расчистке завалов. Нечего пожертвовать в пользу мексиканцев, бедные мы до предела.

Землетрясение в Токио называют самым крупным за последние пятьдесят лет. Пострадали около двадцати человек, жертв нет. Это объясняется тем, что дома в Токио строились с учетом сейсмической активности в данном районе. Ранения вызваны главным образом падением предметов в домах.

Из Мехико передают, что там погибло более семи тысяч человек. Из Шереметьева полетел самолет с предметами первой необходимости, купленными на собранные деньги. Обстановка в городе и стране постепенно нормализуется. На пятьдесят процентов восстановлена телефонно-телеграфная связь, работают правительственные учреждения и школы. Изучаются проекты реконструкции центральной части города.

Рассказывают, что в штате Харьяна будут строить новую столицу. Она будет называться Индира Гандинагар.

В Южной Корее на прошлой неделе в результате тайфуна «Бренда» погибло шестьдесят человек, главным образом, рыбаков. Северокорейский патрульный катер захватил и увел рыболовное судно с двенадцатью членами экипажа.

Николае Чаушеску прибыл в Пекин с дружественным визитом. Сообщали, что он болен серьезно, но теперь говорят, что это неправда.

Президент ФРГ готовится посетить Израиль.

Палестинские террористы захватили итальянский пароход с четырьмястами восьмьюдесятью членами экипажа и пассажирами и угрожают перебить всех американцев и англичан, если из израильских тюрем не будут освобождены пятьдесят палестинцев. Лайнер направляется вроде бы в Бейрут.

Ангольские партизаны представили доказательства того, что они отразили беспрецедентное наступление правительственных войск, показали летчика со сбитого МиГ-21 и утверждают, что в ходе боев сбили двадцать самолетов. Летчик свободно говорит по-русски.

Эти записи уже восьмого октября, на другой день после праздника — дня Конституции. Варю обед, нужно, чтобы гороховый суп поспел к Верочкиному приходу. Да еще слушаю время от времени последние известия. Сейсмических новостей нет. Утром говорили, что страшные наводнения произошли в Пуэрто-Рико. Многие города отрезаны от остального мира. Затоплены дороги. Больше как будто бы ничего нового не передают. По нашему радио и об этом не услышишь. Вчера поймал «Голос Турции» в половине седьмого. Он один с симпатией говорит о Северном Кипре. Послушал коротенько. В газете пишут, что еще один самолет Аэрофлота отправлен в Мехико с помощью пострадавшим, уже третий, если не ошибаюсь. Грецию эти дни хорошо слышно, а Швеция куда-то пропала. Зато можно рядом слушать Би-би-си по-русски с двенадцати часов. Последние новости знаю. В Тоттенеме расовые волнения, убит один полицейский, молодежь использует огнестрельное оружие, грабит лавки и квартиры. Район населен черными. Говорят

об агитаторах-троцкистах, ищут зарезавшего полицейского. Беспорядки в Южной Африке продолжаются.

Десятого октября в Астрахани открылась конференция, посвященная творчеству В. Хлебникова.

Соединенные Штаты произвели испытания двух ядерных устройств мощностью двадцать килотонн, третьи подобные в этом году.

Космонавты В. Джанибеков и Г. Гречко прибыли в Москву, в Звездный.

В Пуэрто-Рико в результате наводнений и оползней погибло сто пятьдесят человек. Двести домов завалено землей. Вчера передавали, что на Мехико обрушились ливни с градом. Толщина слоя града семьдесят сантиметров. Приостановлены работы по расчистке завалов. В девяти штатах Северной Америки бушевал невиданный снежный буран. Толщина снежного покрова сорок сантиметров.

Террористы с «Ахилле Лаура» сдались египетским властям и освободили всех заложников.

Сегодня в Советский Союз прибыл Муаммар Каддафи.

Верочка принесла большой том Акутагавы (рассказы, эссе...) и сборник Мея. Еще одну книгу — «Почему так названы». Акутагаву она достала и своим книголюбам и целый вечер рассчитывала нагрузку, которую она должна дать при этих книгах. Мей из серии «Поэтическая Россия». Сборничек небольшой, но, кажется, интересный. Остальные книги она распределяет между своими сотрудниками. Платонов, Чехов, Зошенко, еще другие.. Калевала, еще... У нас есть.

Снится, что в ресторане (старый «Восточный») поют песню про «Рэйнбоу Ворриер», с припевом «Гринпис» на разные лады. Поет солист на иностранном языке, непонятно на каком. А потом, как припев второй уже, он начинает пыхтеть, как пароход. В зале совсем тихо. Песня прозвучала неожиданно. Я не

дослушал до конца — раздался звонок будильника. Мама звонит попозже, но пока Верочка еще дома. Она думала, что мне пора на укол сегодня, а он будет еще через неделю.

Накануне приснилась Кожевенная линия, которую я неумеренно расхваливаю как красивейшую улицу в нашем городе. Там, где Невская губа, за домами, заводами и фабриками, виднеются холмы, поля и перелески, фермы и деревни. Трамвай «пятерка», идет до самого конца улицы. Две церкви. В одной, католической, кинотеатр, а в другой, чуть отстоящей на перекрестке, музей. Заводики маленькие, все дома из красного кирпича. С зеленой травой это создает неповторимую гармонию. Какие-то дети, экскурсанты, говорят мне, что у меня рот испачкан. Готовятся ехать на трамвае вместе со мной. Туда я иду пешком, а обратно хочу вернуться на трамвае, осмотреть все это с некоторого возвышения. Трамвая еще нет на кольце. Павильон. В нем устроен буфет. Можно купить каких-то сладостей. А как я поеду назад, я уже не вижу во сне. Наверное, пора вставать. Такой сон, видовой.

Эквадор порвал отношения с Никарагуа.

Четырнадцатого в двенадцать только что передали о разрушительном землетрясении силой восемь баллов в районе Кайраккума и Ленинабада. Толчки были в семь вечера по московскому. Имеются человеческие жертвы, ранения. Разрушены производственные помещения и административные здания. Толчки ощущались в Ташкенте (пять баллов), Душанбе, Кулябе — четыре. Самое сильное, пожалуй, землетрясение за последнее время.

Я тут вырезал из газеты краткие сообщения о землетрясениях. В Греции, возле Афин, без даты, четыре балла. Пять баллов, без даты, на севере Гватемалы — большие разрушения. О жертвах ничего не пишут. Сегодня принесли и положили по ошибке в

наш ящик «Правду». Статья «Из мексиканского блокнота» — большая, но успокоительная. Эпидемии удалось предотвратить, семьсот человек спасены из-под развалин. Статья о Катманду. Пишут, что в тридцать четвертом году город сильно пострадал от землетрясения и с тех пор в нем не строят дома выше семнадцати метров. Место, где расположен Катманду, признано сейсмоопасным. Да, о мексиканском еще пишут, о пятьдесят седьмом годе. С тех пор было построено много домов без прочных фундаментов, и вот пятьсот зданий разрушено. Метро действует. До четырех миллионов пассажиров в день. А о нашем, Кайраккумском, я уже слышу по радио. Завтра будет сообщение в газете. Там большое водохранилище вырыто, Кайраккумское. А на другом его конце уже Исфара (также недавно было землетрясение Исфара-Баткенское). Места эти густозаселенные, город на городе. Ленинабад, Гафуров, Бекабад, Палас, Канибадам, Нефтеабад, Исфара, Шураб. По-видимому, много жертв, большие разрушения. Надо ждать правительственного сообщения или выражения соболезнования. Восемь баллов, это и для Таджикистана много.

Заметка называется «Разрушительные восемь баллов». По-видимому, будет и «Сообщаем подробности». Пока то, что говорили по радио. Ковровый комбинат пострадал, шелковая фабрика в Ленинабаде. Сползло шоссе. Еще вчера правительство выразило соболезнования семьям и родственникам погибших. Сильно пострадали кишлаки в Кайраккумском районе. Разрушена больница, больных успели эвакуировать. Пишут, что были предвестники землетрясения — «частые перемены погоды, дождь со снегом, внезапное похолодание, ухудшение самочувствия людей...».

Шестнадцатого еще спасатели работают в Кайраккуме. Разбирают завалы, образовавшиеся на месте

производств: коврового, ткацкого и т.д. Люди переселены в гостиницы Ленинабада и Чкаловска. Сильно пострадал Ходжентский район. Про водохранилище ничего не говорят. Сегодня в последних известиях, в пятнадцать часов, много говорили о помощи пострадавшим палатками, медикаментами, продуктами питания. Ташкент, Чирчик, Душанбе и Москва оказывают помощь.

Вернулся домой. Почти неделю провел на Петроградской. Выходил себе квартиру на другом конце города, на Индустриальном проспекте. Как в пятницу уехал, так все и ходил. Исполком чуть ни каждый день, наконец назвали число, когда будут давать ордер. Теперь можно передохнуть, приехал в Купчино, сварил чая «36», выпил, покурил, добрался до дневника. Слушал только радио, смотрел телевизор. В конце той недели еще показывали Кайраккум, а по радио и вчера говорили, что запись идет в отряд в Ленинграде, по оказанию помощи районам Таджикистана, пострадавшим от землетрясения. Записывают мужчин, готовых ехать в Кайраккум и Ходжентский район. Говорят, что город таджикских ковровщиков через несколько дней начнет изготавливать новые ковры и все нормализуется. Тысяча семей въехала в отремонтированные дома, а тысяча пятьсот живет в палатках. Сейчас новостей не слышать, в газетах за это время было только сообщение о повторных толчках в Мехико, но слабых, самый сильный — четыре и три десятых балла. Купил книжку Никонова «Землетрясения». Там схема с Ишкашимом, а год издания восемьдесят четвертый. Говорится о многих землетрясениях. Ее и «Мертвые души» привез с собой. Походить пришлось, два раза заходил в Ботанический, очень уставали ноги, идешь быстро. Менял деньги, купил чая маме, да почти и выпил пачку в два приема. Поил ее свежим чаем. Сама она заваривает очень

скупо себе, и ей каких-то шести пачек хватит надолго. Надо будет привезти «азербайджана» в среду, мы наэкономили. Два часа перепривыкал к Купчино, кажется, успешно. Верочка ночевала тут вчера, ушла с утра сегодня и к шести вернемся. А я навез папирос на две недели, могу курить без оглядки, скоро три. Ничего нового по радио. Сальвадор, Южная Африка, Китай и распространение ядерного оружия. Кореи.

«Эффект Газлийских землетрясений 1976 года в зависимости от грунтовых условий». Джураев А. Ташкент: Фан, 1985 год. — 84 с. — 1 рубль десять копеек. 1088 экз.

Видел книжку «Землетрясения и грунтовые, подземные воды». Не было в отделе продавщицы, не посмотреть. Надо, наверное, и ее купить.

Три дня уже мы здесь. Утром Верочка съездила на кладбище. Потом усадил ее печатать. Отпечатала пятнадцать листиков. Говорит: — Если завтра столько же напечатаю, то останется тридцать страниц. — Без переводов и примечаний. В праздники закончит. Всего получится книжка в сто пятьдесят страниц. Сдать нужно в переплетное ателье. Сегодня ветер такой, что Кира отказался приехать в гости. Угроза наводнения. Еще днем передавали о комиссиях по борьбе с наводнением. А ветер с залива продолжает дуть. Очень сильно завывает вокруг дома, двери рвет, что-то погромыхивает. Разбилось одно стекло где-то на лестнице, зазвенело, падая. Кира обещал в понедельник позвонить с утра и заехать перед работой. Отдам ему журнал. «Сады волшебства», хотя я в них только заглядываю, пора менять. Пока не скопилось Кириных книг. «Мо Ди» — не читал, только заглядывал. Вот и все его книги. Японский альбом прижился у меня. Атласы на окне. «Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния» лежит. «Природные катастрофы» и папка с перепечатками. Десять часов.

Должны сказать что-то такое, что бы и я услышал, наконец. Хоть о наводнении. Началось ли уже или еще только угроза существует? Три дня проотдыхал, пока все в доме есть. Я выключаю «последние известия», мешают писать. Произошло все-таки наводнение, но сейчас вода начинает спадать.

Второго дня такого и не понадобится, Верочка напечатала двадцать страниц, и ей остается на два дня работы. Переезжать будем, будет уже Мандельштам готов. Печатала с перерывами целый день и теперь прибралась и готовится пить чай. Наводнение было зафиксировано в Ленинграде, но город его пережил. Ущерб минимальный. Говорят, что шторм сорвал крыши с нескольких домов. Какой номер у этого наводнения, я не знаю. Двести шестьдесят пятое.

Тут уже приходится говорить не только о комете Галлея, но и о полном лунном затмении двадцать восьмого октября, и о наводнении, и об ураганах в Швеции и Мексиканском заливе. Вчера еще писали о Кайраккуме — большая статья в «Известиях» «Жизнь нормализуется». И о снеге, выпавшем двадцать восьмого и лежащем сейчас, придется сказать. Наводнения и затмения я не видел. Ночевал эту ночь один, рано лег и рано встал. Вчера заходили Миша с Кирой, Кира увез «Часы», о землетрясениях не говорили. Разговор вертелся вокруг денег. Попили чая с урюком, Кира забыл какую-то травку, которую добавляют в чай. Нужно будет отвезти к нему. Ира прислала книги: Цветаевой один том, два Платонова, Олдоса Хаксли, Пикуля «Фаворит» один том. Кира читает Камю. Вез банку оливкового масла, но захватил и журнал. Ему нужно было ехать еще на работу на ночь. Собирался зайти к Мише по дороге. А предыдущую ночь у него и переночевал — заигрались допоздна. Эллочка была одна с книгами. Сегодня принесли «Книжное обозрение», книга об эвенах и эвенках, как

будто какая-то есть. Маленький тираж. Верочке один сборник фантастики, с английского. Кира купил «Курьер», посвященный археологии. Посмотрел и попросил Верочку купить для нас. Ветер утих, говорят, что в северных шведских провинциях он причинил большой ущерб лесам и жилью. Одна женщина погибла в автомобиле, ее сдуло с дороги. Очень много поваленных деревьев, и прервалась на сутки связь с внешним миром таких городов, как Кируна.

В Мексиканском заливе ураган опрокинул две нефтяные платформы, а было на них более восьмидесяти человек. Сгорела южнее одна платформа, есть погибшие. Сегодня в газете пишут о пожаре в Мехико в метро, много пострадавших, но жертв нет. Пишут, что это последствие землетрясения. Соответствующая станция сильно пострадала.

Завтра нужно ехать в Исполком за ордером на квартиру. Дадут или нет мне отдельное жилье? Надеюсь. Говорят, что в том районе к Новому году откроют метро, станция будет называться Новоладожская. Посмотрим. Придется пожить на новой квартире. Переезжая туда, все с собой берем. Чайное главное, одежда кое-какая. Белье, кровати. Шкаф надо тащить. Лучше бы его не было. Комната восемнадцать и одна десятая, все поместится. Кухня девять с половиной — еще комната. Стол ставлю на кухне и, по возможности, и кушетку. Ну да ладно. Дом еще не достроен, отделочные работы только начинаются, еще полы не настланы.

Снова три дня прожили на Петроградской и ездили в новый дом, отвозили ордер. Сделали две копии. Немного осмотрелись вокруг дома, запомнили названия близлежащих улиц: Ленская, Наставников, Косыгина. Было уже темно. Мы вернулись к маме около семи, а сегодня я переехал в Купчино. Привыкаю к дому не мгновенно. С утра у мамы ходил в магази-

ны и привез кое-что с собой поесть на Будапештскую. Посмотрел газеты — освобождены трое наших заложников в Бейруте, а так — Мехико. Новое землетрясение двадцать девятого. Силой пять и семь баллов. Об ущербе ничего не пишут. Началась паника, пятнадцать человек ранено. Я невнимательно просмотрел «Курьер» — статья Го Чжэня интересная, в особенности в том, что касается сейсмической археологии. Перечитываю ее.

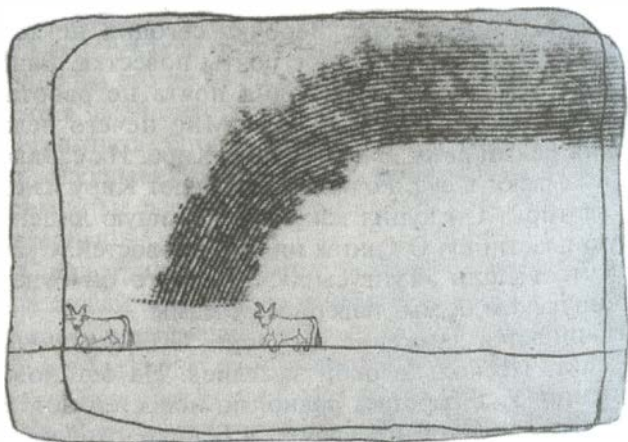
Вчера выпили вина, и проснулся очень рано — в четыре утра. План кончился, пью чай. Хватило тридцати пачек до дня рождения В. Хлебникова, а покупали, еще когда Верочка вернулась из отпуска. В этом месяце проворонили самый конец, когда выбрасывают «тридцать шестой». Ничего, я и рассчитывал только до столетия. Отмечали день смерти Индиры Ганди, была статья А. А. Громыко в «Правде» — не читал. Политических новостей нет почти. Голландия согласилась разместить американские ракеты. Столкнулись в море шведское разведывательное судно с нашим тральщиком. Парламент Кипра распущен. Новый президент в Танзании. Сейчас вот это записываю, а еще только шесть утра. Верочка сегодня не хочет выходить из дома. Пришла с почты повестка. Бандероль из Алма-Аты. Но сегодня почта не работает. Будет печатать Мандельштама. Мне нечего делать сегодня целый день. Вчера звонил Кире. Их с Эллочкой вызывают в суд. Родители выселяют Киру из своей квартиры. Он купил какую-то хорошую лицензионную пластинку. О книгах никаких новостей. Сказал ему, что вышли «Тунгусы...». Восьмого он будет в Ботаническом, а мы, наверное, у мамы.

Начинается движение на улице. Суббота, и многие спят. Несколько окон зажглись. На остановках пустынно. Уже работает радио, но новостей нет. Все готовится для встречи в верхах. В Бейруте относительно спокойно.

Мама рассказала, как до войны, году в тридцать третьем, один папин товарищ прислал ему из Ташкента целый ящик гашиша. Курили, хохотали, а потом сожгли ящик в печке. Сюда бы его. Им был не нужен план. Счастливые годы. Я как ни боюсь обыска, но ящичек с гашишем бы постепенно употребил бы. Мне фантазия сжечь его в голову не приходит. Целую посылку прислал. Вот как тогда мало об этом знали и не обращали внимания.

Можно ничего не слушать, все и так известно. Дома тепло. На улице ноль и ветер юго-восточный, к нам не попадает.

Вчера еще много писали о землетрясениях. Вспомнили Аль-Аснам. В «Известиях» статья о том, как восстановили город в виде городов-спутников. Построили двадцать тысяч коттеджей и переселили поквартально людей туда из старого города. Город переименовали, и теперь он называется Шлеф. В «Книжном

обзрении» отрывок из книжки Никонова, которая у меня есть. О предсказании землетрясений по поведению животных. Там же опубликован призыв ко всем книголюбам — присылать книги для Кайраккума и Ленинабада. Вот все это напечатано в один день. Новостей никаких как-то я не услышал, только сегодня передают, что в Москву прилетели Д. Шульц и Мак-Фарлейн с рабочим визитом. Жду знамений в связи со столетием со дня рождения В. Хлебникова. Кажется, что эта дата не может быть ничем не отмечена. Но тут уже ждешь чего-то сверхъестественного. Пока все тихо. Сегодня пишут, что в Колумбии погибло пятьдесят человек во время горных обвалов и оползней из-за дождей. Сижу дома. Верочка будет сегодня ночевать у мамы. Должна днем позвонить. Может быть, придется сходить на почту, если можно будет получить бандероли по ее паспорту. Других дел никаких нет. Вчера передавали, что мексиканские торговцы марихуаной устроили засаду на полицейских где-то около Веракруса и убили двадцать одного полицейского. Часть из них сперва захватили в плен, пытали на ранчо, потом застрелили. Убийц ищут войска. Такие дела. Славинский вел week-end, я не дослушал. Что-то о безработице в Югославии. Стало плохо слышно. Сейчас идет снег, хотя плюс три градуса и ветер снова переменялся на западный. Прогноз на праздники не особенно хороший. Не было бы наводнения. На дамбе приостанавливали работы из-за шторма в предыдущее наводнение, но через день начали снова. Чай есть, беломор запасен, но никак мы праздники не отмечаем. Седьмого Верочка будет у своих, а вообще, мы поедem к маме. Гроза, густой снег. Надо что-то предпринять и в отношении укола. В этот раз меня должны бы уколоть восьмого, а диспансер закрыт.

Кажется, решен вопрос с изданием сборника «Часов» на ротапинтере. Уже пропивают гонорары. Меня

там не будет. Жду выхода очередного номера. Боря не появляется.

Кира не звонит. Знаю, что восьмого он будет на работе.

Верочка кончила печатать. Теперь будет у нас по Мандельштаму, конечно, если переплетное ателье возьмется переплести. Понесет Верочка сдавать после полочки. Вот и все наши дела.

Одинокая вспышка молнии и раскат грома. Впечатление такое, как будто лампочка перегорела, но грохочет явственно. Час.

Сейчас выглянуло солнце, но скоро стемнеет. Освещены только верхние этажи домов. Я выходил: неопишуемая слякоть. Земля под снегом еще мягкая и поддается под ногами, а сверху настоящий кисель из воды и снега. Едва дошел. Нет, лучше сидеть дома. Погода очень переменчивая, с утра тоже светило солнце, а потом начался снегопад. Облака по небу спокойно плывут со стороны залива, а на улице, кое-где, между домами, ветер очень сильный. В летних брюках даже и холодно. Пришел с почты и сразу заварил себе чая. Выпил почти чайник заварки. На днях все равно придется ехать, а я столетие-то хотел встретить в тишине и уединении. Не тут-то было. Здесь, между домами, почти никого и нет, но все равно неприятно быть свидетелем уличных сцен где-то в стороне. Дети, подростки. На почте много народа, большая очередь за пенсиями, но бандероли выдают быстро. На меня и не посмотрели — я просто подал Верин паспорт с повестками. Поскорее смотался. Кусочек асфальта чистого видел только у отдела доставки, под козырьком, а так всю дорогу лужи, и надо их обходить и в снегу не разглядеть, глубоко или мелко в этом месте. Все это было бы ничего, но я очень привык к затворнической жизни. Иногда только Кира вытягивает меня в гости, да еще съездили на новостройку

пару раз. А так я совсем привык жить затворником, и ничего лучшего мне не надо. Есть приемник, и я все слышу, где что делается. Есть радио со своими городскими новостями. Нет потребности общения. Лучше быть одному. Получаю газеты, и вчерашние новости еще раз находят подтверждение на газетной странице. Немало и книг, но сейчас я почти не читаю. Купил Никонова, но отложил и его, не знаю почему. Не читается. Нужно вернуть Кире Мандельштама — я подручным могу быть, гожусь что-то передать. Еще могу встретить кого-то у себя дома, напоить чаем. Но самому выходить мне тяжело. Не хочется видеть людей, не хочется быть свидетелем обрывочных, случайных разговоров. Насколько спокойнее мне дома быть. Только чай да новости, да беломор, и ничего больше не надо. Да, по временам, сознание, что не напрасно ждешь больших событий. Два дня так безвыходно провели с Верочкой, но она все что-то делает, весь день у нее занят. Я курю и собираю на стол, и других забот у меня нет. Сейчас очень тихий период, и я уже привык к тишине. Так не хочется выезжать из дома. А ведь надо, становится надо и маме помочь, и по своим делам куда-то сходить. Когда же можно будет жить безо всего этого? Наверное, никогда. Даже ежемесячные обязанности в тягость. Но делаешь что-то. Очень не хочется в больницу, да сейчас и не за что. До весны доживу и дальше буду жить, возможно, уже на новом месте. Но наш купчинский дом мы не забросим. Укрываться и отдыхать все равно будем здесь.

Справедливого землетрясения ждут. Впервые услышал, уже забыл — в связи с чем. Поразило. Их столько было и все несправедливых.

Варю вторяк, Миша подарил две пачки «Индии», и я на праздники не пустой. «Древние и новые дороги Туркмении» купил.

Сегодня день столетнего юбилея <В. Хлебникова>. Кроме событий в Колумбии — ничего. Говорят о мятеже в Афганистане, среди таджиков. Погибло восемьдесят человек. Светать начинает. Восемь часов. Первый день мы в Купчино. Выключил свет.

Приходил Кира, вместе послушали передачу о В. Хлебникове. Понравилась.

А на другой день — газета: Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма, 1828—1842 гг. / Пер. с фин., научная редакция, вступ. ст. У.С. Конкка. Петрозаводск: Карелия, 1985. — 320 с., ил. — 1 р. 80 коп. — 15000 экз.

Шебалин Н.В. Закономерности в природных катастрофах. — М.: Знание, 1985. — 48 с. — (Наука о Земле). — 12 к. — 24.560 экз.

Оставил полпачки «Индии» у мамы. Подъезду в конце недели, выпью еще. А пока «Индия» кончается, последнюю заварку сварил. Пока не слышно, чтобы что-то сверхъестественное случилось девятого ноября. Шла речь Рейгана в эфир, просили Г.А. не глушить в это время. Речь, обращенная к советским людям. Не слышал, не знаю, отменили ли глушение? Другие станции излагают ее содержание. Сегодня воскресенье, но день рабочий, я один. Только Швеция сегодня будет передавать музыку, не считаясь с тем, что мы уже нуждаемся в известиях. С утра ощущение, что ничего уже не случится, так-таки совсем ничего. Посидели очень тихо и мирно, выпили «Воеводского», чая. Поговорили почти что ни о чем и разошлись. Я вечером, после десяти, включал приемник. Слышно очень хорошо, но сенсационной новости нет. Будут, как от брошенного в воду камня, круги расходиться от самого этого события — столетия В. Хлебникова. Круги на времени. Время материально.

А Верочка и вчера делала дела, ну да, времени у нее в будние дни не остается. Сдала много журналов и пару книг в переплет, все взяли. Будет грязно-ро-

зовый Мандельштам. Сдала белье в прачечную, подшила мне джинсы, посидела с нами, послушала передачу и на ночь еще читала «Антарктическую одиссею». Мылась среди дня, потом сушила голову. Обедали быстрее всего. День прошел. Я никуда и не собираюсь. Неделю можно просидеть дома.

Одиннадцатого в «Известиях» статья Мих. Дудина о В. Хлебникове. Дудин перечисляет готовящиеся издания. Много книг выйдет. Даже «Детская литература» готовит какой-то сборник.

Верочка принесла Э. Фромантена «Одно лето в Сахаре» и «Курьер». «Эпосы народов мира».

Двенадцатого военный переворот в Либерии. О судьбе Самюэля Доу ничего не сообщается. Новый генерал выступил по радио.

Сняли Стефана Ольшовского. Переворот, кажется, не удался. А Грецию больше беспокоит, что и румынского министра иностранных дел сняли. Об этом никто больше не говорит.

До звонка мамы я ничего не предпринимаю. Пью чай, курю, записываю, если есть что, прогуливаюсь. А у нее представление об утре растянутое. Она может и в два позвонить и спросить: — Я тебя не разбудила? Так-то и так-то, ну и что там дальше она говорит обычно. Я, конечно, не сплю, но и не звоню сам. А она уж позвонит, тогда можно и мне.

Я вожу сюда «беломор», и он аккуратно сложен на пенале. Рядом, на буфете, наш запас чая. То и другое сейчас кончается, и мне предстоит поездка за пенсией на Петроградскую. Я все привожу оттуда. Если и нажил чего-то, то там.

Чая хватило на два с половиной месяца. Я не считаю того, что мы со стороны доставали в это время. Но и такого было немало. Горит газ, и я должен бы испытывать состояние вечернего покоя. Где-то я в одиночестве на горящий огонь насмотрелся на всю жизнь. Может быть, это началось еще в Германии,

когда я очень любил возвращения домой, любил, чтобы вечером родители были дома. Я бегал по нашим большим квартирам и оказывался на кухне, у горящего огня. Я сейчас не помню так уж точно, когда я впервые познакомился с газом. Керосинки и печки были уже потом, по возвращении в Россию. Наверное, я насмотрелся на огонь уже здесь, у кого-нибудь из дам, сидя действительно в одиночестве, коротая время. Горящий огонь придает уют жилью. В это утро, когда осталось в коробке всего три пачки чая, я завариваю чай покрепче. Курю. Мама так и не соберется позвонить, наверное, слушает что-нибудь по радио. В два и я слушаю ленинградский выпуск. Получил вкус к узнаванию городских новостей. А мне не начать жить самому, я очень медленно раскачиваюсь.

Сегодня заговорили о перестановках в румынском правительстве. Смещен министр иностранных дел С. Андрей. Он стал секретарем ЦК. Двое членов Политбюро ушли. Большие перестановки в польском правительстве. Новый премьер-министр, министр иностранных дел и министр обороны. Переворот в Либерии не удался. Генерал Самюэль Доу остался у власти, верные ему войска полностью контролируют положение в Монровии. Радиостанцию отбили у мятежников. Теперь о судьбе руководителя мятежа ничего не известно.

Вчера у Верочкиного папы был день рождения, и я ночевал один. Лег попозже, но и проснулся зато в десять. Вот это все записал, и, пожалуй, надо уже на стол собирать. Сегодня Верочка собиралась заплатить за квартиру, купить хлеб, сыр, беломор. Наверное, немного задержится. Успею Швецию послушать до обеда.

Швеция сегодня передает сообщение о симпозиуме по творчеству В. Хлебникова, который происходил в Амстердаме. Говорят, что Виктор Григорьев должен был приехать, сделать доклад, но не смог. Прочита-

но много докладов: о В. Хлебникове и фольклоре, о театре Хлебникова и народном театре, etc. Говорят об исследованиях В. Маркова в Калифорнии творчества Хлебникова, о том, что книга одного англичанина выходит на ту же тему. Стокгольмский университет выпустил сборник статей о Хлебникове. Все.

Четырнадцатого ноября произошло извержение вулкана Аренас в Кордильерах. Город Армеро залит водой и грязью. Шведы говорят, что погибло двадцать тысяч человек, но наше радио сообщает только о двух тысячах погибших. Президент Колумбии вылетел на вертолете в район бедствия. Это всего в ста с чем-то километрах от Боготы. Извержение продолжается. От потоков лавы пострадали и другие населенные пункты. Вулкан давно считался бездействующим. Извержение произошло на рассвете, когда большинство жителей еще спало. Обломки скал запрудили реку, и стена воды обрушилась на городок. Там-то и всего двадцать тысяч жителей. Англичане говорили о пятнадцати тысячах погибших. Многие пропали без вести, раненые имеются.

Но это — предварительные сведения. Вулкан называется Невадо дель Руис. В остальном же сообщение подтвердилось. Греция передает, что погибло двадцать одна тысяча пятьсот пятьдесят девять человек. Теперь ждут сползания большого ледника. В тех местах царит паника. Город Армеро стерт с лица земли, но и другим населенным пунктам угрожают потоки лавы. ООН предоставила помощь. Другие страны помогают. Наше радио утверждает, что буквально накануне извержения японские и американские ученые выдали успокаивающий прогноз. Пишут, что взрыв был в девять вечера. Столб газов над кратером поднялся на высоту восемь километров, а сам этот вулкан высотой был пять тысяч четыреста метров. Несколько раз повторили, что семьдесят процентов населения Армеро погибло, а от города ничего не осталось. Называ-

ют и другие города, которые находятся в зоне стихийного бедствия. Связь осуществляется только при помощи вертолетов и маленьких самолетов. Дороги, линии электропередачи — все разрушено.

Вся неделя прошла под знаком Колумбии. Продолжают писать о ней и сейчас. Пишут, что город Армеро не будут восстанавливать, а на его месте устроят кладбище, только надо обработать почву химикатами. В стране объявлен трехдневный траур. Разные страны, в том числе и СССР, оказывают помощь Колумбии. По радио говорили, что число жертв простирается до сорока тысяч. Со времени извержения Монтань Пеле не было такого губительного по своим последствиям извержения, т.е. с самого начала века, с девятьсот второго года, когда также целый город погиб на Мартинике.

Ураган на Кубе, Гавана осталась без света.

Пало правительство Папуа — Новой Гвинеи. Премьер-министр Самарре ушел со своего поста. Третьим премьер-министром стал Уингти.

Закончилась встреча Р. Рейгана и М. С. Горбачева в Женеве.

Опустились на землю космонавты, так как заболел командир Васютин.

Съездил внезапно к Кире. На ночь ему надо идти на дежурство. Он подарил мне «Восток— Запад» второй выпуск. Условились встретиться в субботу. Днем будет передача о В. Хлебникове. Кто-то, кого я мало знаю, собирался зайти — Саша. На Петроградскую не еду — Верочка сама справится. Пятницу можно спокойно просидеть дома, а у Киры день загружен всякими делами. Вечером они все вместе идут в кино. Посмотрел у него на хорошие книги: «Человек без свойств» Музиля, первый том, и Бюхнера. Послушали музыку Веза Монтгомери. Я спешил до Верочки вернуться, но запоздал, а проехал туда и обратно очень спокойно на двадцать седьмом.

Югославия подписала договор с европейским сообществом о совместной разработке трех проектов, в частности о землетрясениях в Югославии. Весь день пил чай, так что вечером уже и пить не мог, и свежий сегодня утром он действует на меня, как лимонад. Показывают четырехсерийный фильм о Чокане Валиханове. Телевизор не работает. Читаю газету. Вчера писали как раз о втором выпуске «Восток—Запад». Кажется, что что-то забыл записать. Наверное, хочется более развернутого описания.

Несмотря на то, что сейчас только и разговора, что о Р. Рейгане и М.С. Горбачеве, в последних известиях успевают сказать и о космонавтах, и о Колумбии. Мама говорит, что по телевидению передавали о том, что раскопали еще восемь человек, оставшихся в живых после извержения. Об урагане на Кубе говорят, что из зоны наводнения возможного было эвакуировано семьсот тысяч человек. А сейчас приступают к ликвидации его последствий в Гаване и в других провинциях. Школы снова работают. Перебои с подачей газа и электроэнергии. Завалы из деревьев на улицах, нарушена телефонная связь.

Сотрудникам французской секретной службы дали по десять лет за взрыв на «Рэйнбоу Ворриер» и об их выдаче Франции ничего не говорят.

Ливан, Нельсон Манделла и снова Р. Рейган и М.С. Горбачев. Несколько человек вывели из состава Политбюро в Кабуле, в том числе — Абдул Кадыра, но его — по состоянию здоровья. Все новости.

День спокойный, я один, и на ночь Верочка останется у мамы, так что я сутки пробуду один. Ничего не делаю. Надо будет пол помыть и другие мелкие дела сделать, прежде чем ехать к Кире. Надеюсь на завтрашний день — что-то прояснится. Не спал всю ночь, но и сейчас спать не хочется. Спокойно записываю, что удастся узнать. Мама по телефону рассказала о фильме про Чокана Валиханова. Я ее предупредил,

дил, чтобы завтра смотрели передачу о В. Хлебникове.

Немного душно. Пью «тридцать шестой» — Верочка купила три пакета. Сiju в свитере — выходил за газетой, но газету сегодня задержали. Англичане находят странным и необычным даже то, что пресс-конференция М. С. Горбачева у нас транслируется прямо из Женевы. Минус один градус на улице, ветра нет. Снег лежит с девятого ноября, стаивал, выпал новый. Сравнительно тепло. Мог бы и на Петроградскую съездить, да делать там нечего. Мамина соседка уехала куда-то за город с ночевкой. А я буду здесь один.

Пасмурно и тихо. Надеюсь, что завтра будет так же. Мне уже немного холодно становится в легкой куртке, а поддеть, кроме свитерка, нечего. Костюм отвисается в шкафу. Интересно, что у Киры дверная сигнализация так и не работает. Нужно в дом просачиваться с кем-нибудь. А дома у него так спокойно и уютно. Не хочется спешить уходить.

Сейчас по радио рекламируют книгу Кирилла Хлебникова о Русской Америке. Это довольно далеко от нас. Книгу можно заказать, и ее вышлют почтой. Не надо нам ее.

Посмотрел передачу о В. Хлебникове у себя дома — телевизор сам починился неожиданно. Много портретов показывают, детских, всяких. Май Митурич показывает личные вещи Хлебникова и говорит, что передаст их музею, который создается в Астрахани. Вяч. Всеволодович Иванов показывает некоторые рукописи из собрания своего отца и множество книг В. Хлебникова, в том числе «Доски судьбы». Передача хорошая. Мама говорит, что радиослушатели также просят познакомить их с произведениями поэта, но когда я включаю радио, говорят уже о Габриэле Гарсия Маркесе. Неужели что-то прочли В. Хлебникова? Не слыхал. А по телевидению передача длится час. Выступают Рита Райт и В. Шкловский, из тех,

кто знал В. Хлебникова лично. Поэт Бобков говорит о симпозиуме в Хельсинки, посвященном теме «Поэт и революция», приуроченном к столетию. Много книг — переводы на другие языки и портреты, портреты. Е. Евтушенко и А. Вознесенский читают стихи. Давид Кугультинов читает из нового <издания> «Ладомира». Май Митурич показывает работы отца и матери, говорит, что большая часть работ отца отправлена на выставку в Ленинград...

Даже в Тель-Авиве отмечался день рождения. Группа «Левиафан» устроила шествие. Миша Гробман ехал на коне, закутанный сам и конь во все белое, а художники и писатели несли флаги с формулой Азии и стихами, кажется. Говорят, что девятое отмечалось во всем мире.

Вчера мы выпили бутылку «Буджака» и позавчера тоже. Я выпил сам. Передача очень растрогала. Но и все, кто в ней участвовал, говорили с большим подъемом о гениальности В. Хлебникова, о его значении для новой поэзии.

Двадцать четвертого ноября произошло землетрясение в Черногории, силой шесть с половиной баллов по шкале Меркалли. Имеются разрушения в двух городах — Цетине, а второго названия я не расслышал. (Котор, наверное.) Франция произвела седьмой ядерный взрыв в этом году на атолле Муруроа, силой семь мегатонн. Он был зафиксирован сейсмологической станцией на островах Кука.

Показывают извержение в Папуа — Новой Гвинее, которое продолжается уже две недели. О наводнениях в Италии киносюжет.

Двадцать седьмого ноября Франция произвела восьмое в этом году ядерное испытание. Мощность взрыва составила пятьдесят мегатонн. Выступал М.С. Горбачев.

Сикхские экстремисты ранили верховного жреца храма в Амритсаре.

Двадцать восьмого ноября пишут: «Землетрясение в Албании. Тирана. По сообщению агентства АТА, в Тропойском округе Албании и севернее мыса Родони в Адриатическом море зарегистрированы подземные толчки мощностью до пяти и двух десятых балла по шкале Рихтера. Жертв нет. В Круйском и Лежском округах, говорится в сообщении, имеются небольшие разрушения, для устранения которых принимаются меры. (ТАСС)».

Тридцатого пошли на Кировский, складывать вещи, а вечером вернулись в Купчино. Пили сухое вино и слушали передачу о В. Хлебникове. Говорят, что в Петропавловской крепости открыта выставка, на ней есть фотография Хлебникова на фоне книг. Якобы эту фотографию напечатала и «Литературная газета». Об Астрахани много говорили, о заповеднике. Передача хорошая, очень доброжелательная. Автор — Плахов. А так как будто ничего и не происходит. Вечером не удалось узнать ничего из новостей. И с утра ничего. Проснулись в шесть — Верочке надо было позвонить в Алма-Ату — поздравить Наташу с днем рождения. Я больше и не ложился. До десяти, во всяком случае. Накануне сильно устали, но кое-что сделали в смысле сборов. Купили два пакета «36», и теперь у нас неожиданно образовался снова небольшой запас чая. Верочка ездила в одну булочную и там взяла семь пакетов. Теперь чай продается в полиэтиленовых пакетах. Пью чай крепкий, отдыхаю. Все надеюсь какие-то новости услышать. А пока еще все говорят об угоне египетского самолета, когда террористы убили шестьдесят пассажиров. Говорят, что еще ничего подобного не случилось. Да отыскал в газете маленькую заметку о трех землетрясениях возле Гватемала-Сити. Никаких подробностей. Вчера напечатали две фотографии из Кайраккума. Строительство одноэтажного общежития и обсуждение макета застройки города. Пишут, что жизнь нормализуется. Восемьсот семей

въехало в неразрушенные дома, а в основном живут в вагончиках. Это все.

Сегодня воскресенье, первое декабря, скоро день рождения. Собираем деньги для юга и собрали уже приличную сумму. Что-то в этом году выйдет из поездки?

Кира каждый день ездит в больницу, и мы не видимся. Он очень занят и изнервничался. Надо деньги доставать, занимает у кого-то. Надеюсь повидать его в скором времени. Было дельце к нему, да, наверное, за давностью времени уже устарело.

Элочка читает Музиля и по телефону мне читала отрывки. По отрывкам трудно судить об интересности романа, но она не нахвалится. А «Воцтек» ей меньше понравился. Опера, говорит, лучше.

Из книг Верочка тут покупала кое-что. Одни русские сказки — «Битва на Калиновом мосту» и «Русские воинские повести», а в остальном себе купила чего-то с моей точки зрения нестоящего. В понедельник у нее лекция, а во вторник собирается на Замшина поехать — мало буду ее видеть. На Петроградской осталось еще дел несделанных. Но за них она примется только в конце недели.

Говорят, что мексиканский космонавт на американском корабле сделал удачные снимки разрушений в Мексике после землетрясения.

Демонстрации в Карачи, Гамбурге. Люди погибли в Колумбии, в результате столкновения с полицией, а в Египте состоялись похороны жертв угона самолета. Тела их доставили с Мальты. Тогда же погибли семь филиппинцев и один австралиец.

Второго декабря извержение вулкана Ключевской. Жители города Ключи не пострадали. Отправляется экспедиция для выяснения причин взрыва.

Третьего декабря кайраккумское ковровое объединение выпустило первую партию ходжентских ковров после землетрясения 13 октября.

Сходил за хлебом и яйцами и теперь сижу дома. Созвонился с Мишей, он говорит, что найдет время и заедет, когда будет нужно. Кира с утра в больнице, давно уже его не видим. Эллочка сидит с больной спиной. День солнечный, на улице показалось не холодно, хотя с утра было четырнадцать градусов. Хотел купить пива, да киоск закрыт, разбирается продавщица с новым товаром. Думал сунуть бутылку в карман хоть, чтобы в сумке яйца не раздавить. Не судьба. Пью чай. Хорошо, что он пока есть. Новостей особенных не слышал, все текущие какие-то незначительные новости. Вчера прослушал передачу о В. Хлебникове — глушили, так жаль, выступал А. Синявский. Хотелось послушать, но ничего было не поделаться с приемником. Верочка приехала после девяти, а сегодня ее, видимо, и совсем не будет. Такие мои дела. Сейчас половина четвертого. Она обещала позвонить, придет или нет, когда сама это точно узнает. Послушаю вечером приемник.

Теперь так рано темнеет, что в пять кажется, что ночь наступает. А впереди целый вечер. Зажигаются огни, и жизнь идет в другом темпе. А дни я пролеживаю. Как давно мне сказал доктор, надо больше лежать и все на спине или на животе. Я, конечно, не слушался. Было время, когда я целые дни проводил на улице и, наверное, четырнадцатиградусный мороз меня бы не остановил. Но теперь дома. Скоро появится второй дом у нас, как я ни ленюсь, но лишаться пожитков не стоит. Надо будет сделать хоть вид, что мы начинаем жить на новом месте. Двадцать пятого декабря обещают пустить метро, вот тогда и посмотрим, как это далеко или не очень. Пока дни спокойные идут. Просмотрел свои книги. Книги хорошие и важные, есть и нечитанные. Всего полка, но битком набита. Надо, наверное, составлять каталог, наподобие того, что составляет Верочка, — выписывает на карточки авторов и названия и собирает карточки в

специальный ящик. Но моих книг значительно меньше, и все они на виду. Это ей приходилось бы рыться в шкафах, а мои все за стеклом. Было бы книг еще больше, если бы я сам ездил в «Академию». Чувствую, что что-то пропускаю. Но «Книжное обозрение» снова бедненькое выходит. Вот только книга о семейных обрядах у карел XIX—XX вв. может быть интересная. А так ничего особенного нет. К концу года, может быть, что-то напечатают. Буддизм и азиатские культы меня интересуют особенно, а в остальном, то, что интересно почитать. Есть книги, которые стоило бы попытаться продать, но таких мало. Без пяти четыре, пора слушать новости. Хотелось бы еще многое записать, но ничего обдуманного, готового нет.

Четвертого краткое сообщение о землетрясении в Мексике, силой три и четыре десятых балла. Пишут об извержении Ключевской сопки, о том, что пепел выпал в Усть-Камчатске, за сто километров от вулкана. А так больше всего материалов о съезде ангольской партии. По радио говорят, что совершил посадку «Атлантис», с семьей космонавтами. Они вывели на орбиту три спутника связи и монтировали в космосе элементы орбитальной станции. Двенадцать часов провели в открытом космосе.

Сегодня пасмурно, ветер. Температуру не знаю. Сегодня утром повторяют «Клуб путешественников», который я пропустил в воскресенье. Ю. А. Сенкевич говорит перед началом передачи, что съемки в Таджикистане производились до кайраккумского землетрясения. Весь выпуск посвящен археологии Таджикистана.

Пива нет в ларьке — вчера все раскупили. Хотел купить оладий, да какие-то они холодные, неприветливые. Встретил Алексея Александровича. Здравуемся.

Передача посвящена Ленинабадской области. Кайраккум значит «каменный песок». Ленинабад раньше

назывался Ходжентом. Но показывают не Кайраккум, а древние города края. В передаче, даже показывая Исфару — Канибадам, ничего не говорят о землетрясениях.

В «Новостях» говорят о наводнении и оползнях в Венесуэле. Закрыт международный аэропорт.

США произвели еще один ядерный взрыв на полигоне в Неваде. Мощность — сто пятьдесят килотонн.

Говорят об ураганных ветрах в ФРГ и ГДР, о сорокаградусных морозах на Кольском полуострове.

Съездили на Петроградскую. Ночью обещали похолодание, но день обычный. С утра минус десять. Уже вернулись.

Сегодня на Кипре досрочные выборы в парламент.

Приходил Кира, принес «Индийский чай». Второй сорт, рязанской развески, семьдесят пять копеек пачка. Я уже давно хочу сделать из такой голубой пачки со слоном закладку для своего дневника. Я уже пил этот чай, присылала Верина мама, и у меня сохранилась пачка. Как он пришел, я сразу заварил чай, и он мне показался очень вязущим. Но я представляю, предчувствую, как буду утром его заваривать. Только «индюшка» способна не просто бодрость сообщать, а развести настоящий волок, наподобие планового. Есть теперь и на завтра и на послезавтра. А кстати, Аня ездила в Москву и не достала ни «Бодрости», ни просто «индюшки» у москвичей. Чая нет. Тут где-то по благу достают по полтора рубля пачку. Как бы там ни было — мы теперь с чаем и даже программа о «введении в храм Богородицы» не слушается, вот делаю эту запись. Ничего нового не узнал. Только взрывы в двух крупнейших парижских магазинах, тридцать пять человек ранено, да «Клуб путешественников», о старообрядческом ските, а потом о динозаврах, который мы дружно смотрим. Девять часов. Кира ушел, чтобы завтра уже ехать в больницу и на ночь и после

на работу в день. Не знает, когда снова и домой упадет, хочет вернуться сегодня пораньше. А я думаю, не посмотреть ли мне программу «Время», там, в самом конце, где говорят о погоде и, кстати, о землетрясениях, где какие происходят, и много еще кое о чем интересном (о погоде, например). Мама звонит. Верочка как-то неловко снимает трубку, так, что связь прерывается. Мама звонит второй раз, и у них начинается разговор, который я не слушаю, стараюсь не слушать, да и радуюсь, что до этого не включил телевизор, который бы мешал разговаривать. Сам я сделал все дневные дела. Немного заставляет Миша себя ждать, но ведь он может приехать и в другой день, не обязательно в воскресенье. Может и в понедельник и во вторник приехать, но я его исподволь жду. Не знаю, Верочка уже поговорила или опять связь прервалась. Во всяком случае, она сидит у телефона и никуда не отходит. Пора программу «Время» включать, а то время идет и, в крайнем случае, передача меня ждать не будет. Так уже пропустил сегодня передачу о постимпрессионистах, снились накануне. Ван Гог горел, а потом играл на гитаре и пел, Гоген был очень вежливо-лаконичен. Я был еще у кого-то, кажется, у Сислея в номере. Они как бы все живут в комнатах, расположенных по одну сторону коридора, а по другую — глухая стена. У стены показывают уже наши современники какие-то диковинные слайды с поддельных картин, поддельных Ван Гогов. А Сезанна во сне, не знаю, как в передаче, — нет.

Извержение вулкана на острове Стромболи, лава стекает в море, минуя населенные пункты, но население приготовлено к эвакуации. Вот и вся программа «Время», не считая «любопытных фактов».

Проснулся к шести, рано вчера легли. Сварил чай — шести не было, часы идут вперед. Теперь сижу, курю, вспоминаю вчерашний день. Воскресенье прошло как обычно, мы не выходили из дома. Верочка

занималась своим каталогом, так и день прошел. Обедали, пили чай, разговаривали с Кирой. С утра никаких новостей не передают, результатов выборов на Кипре еще нет. У меня есть немного времени до того, как Верочка будет вставать. Говорят о девяностолетии Долорес Ибаррури, о закончившемся визите Р. Мугабе в Советский Союз. Потом о четырехсотсемидесятипятилетию Ивана Федорова, которое отмечается почему-то в Ташкенте, потом, сразу же, о хоккее и шахматах. Слушаю все подряд, но сейсмологических новостей нет. Сейчас всего минус три, потеплело в Ленинграде.

Сегодня десятое, день прав человека. С надеждой смотрю на Аргентину. Бывшим военным президентам дали сроки, от пожизненного до семнадцати лет и до четырех лет. А последний президент, при котором происходила англо-аргентинская война, оправдан. Неожиданно прозвучала эта новость. Кроме того, сегодня день вручения Нобелевских премий. Демонстрация в Осло против Е. Чазова. И вчера уже в мире новостей послышалось какое-то оживление. Случился инфаркт у Льва Новикова, представителя Гостелерадио, во время пресс-конференции, посвященной вручению премии мира. Победила на кипрских выборах партия Демократический Сбор, а популярность АКЭЛ пошла на убыль. Социал-демократ победил на президентских выборах в Гватемале. Что еще? Общий дух какого-то оживления. Вечером передавали вторую передачу о В. Хлебникове, но не было слышно. Расслышал с начала немного, говорят о Велимиризации мира.

А сегодня уже одиннадцатое, Верочка с ночевкой уезжает к родителям. Забирает с собой погашенные облигации, выходит, на двести пятьдесят рублей погасилось.

Прочел статью М. Волошина «Клодель в Китае». Дальше в сборнике идет статья об Арто. Сборник

интересный. Захотелось покопаться в Алексееве, в других книгах. Приснилось, что на улице весь снег растаял. Но нет. Сегодня минус два. День пасмурный. Новостей никаких. Пишут в газете о сихотэ-алинском железном дожде. Говорят по радио, что извержение Сан-Винченцо затухает. Лава образовала в море новый полуостров на Стромболи. В Кабуле провели две диверсии с жертвами. Герат, говорили, захвачен партизанами. Сейчас около двенадцати, а я встал в начале девятого. Верочка сегодня не ночевала дома. Есть нечего, пью чай. В одиннадцать помечтал о прежних временах, когда вино продавалось именно с одиннадцати. Но это мимолетные мечты. Конечно, и в два я не пойду стоять в магазин. Мама не звонит. Послушаю радио, да прилягу. Верочка обещала сегодня свежей рыбы принести, будем варить уху. Дел до ее возвращения никаких. Сижу.

Индийский чай кончился, варю «тридцать шестой». Но довольно крепкий приноровился вываривать из него напиток. Побрился. Слава Богу, что не снятся сумасшедшие дома. Это так портит настрой. Начал читать М. Волошина при электричестве, а потом выключил свет. Клодель описывает китайский город. Не хватает только землетрясения в его описании. В двадцать седьмом году он был в Японии.

М. Волошин — в Крыму. Вербовский показывал мне сборник «Писатели — Крыму». Я только на О. Мандельштама обратил внимание. А наверное, весь сборник интересный. Он как-то не говорил, что это после землетрясения сборник составлен, а мне и невдомек было. Стихотворение О. Мандельштама я выучил наизусть. Оно еще несколько раз появлялось в разных сборниках или журналах.

Год кончается, и закончу эту книгу, уже немного чистых страниц осталось. Но что вот тут говорится? Записать нечего. В Гайане на выборах снова победила партия президента Хойта. Этот год я подробно

записывал все, что случилось в мире непредвиденного, и накопилось много записей. Кира предлагает перепечатать их, но не знает, где? У кого? Боря звонил, собирался на неделю в Москву, сейчас, наверное, вернулся. Разговариваю все больше с Эллой, Кира дома не сидит. Позвоню. Дозвонился до Киры. Говорит, может, зайдет в пятницу. Я буду один. Верочка выкупила книги, которые продаются за макулатуру. Среди них «Друзья Пушкина» — переписка, воспоминания, дневники. И купила книжку Лидмана «Полярная ночь». Долго сидели с ней, пока она записывала на карточки новые книги.

Встал, как обычно, в семь. Еще семи не было немножко. Успел сварить яйца, приготовить завтрак. Напился чая. Вчера разбился американский самолет в Канаде, погибло двести пятьдесят восемь человек. Все солдаты с Ближнего Востока, летели на Рождество домой. Сегодня еще продолжают говорить об этой новости. Верочка сегодня ночует у мамы, завтра с утра сделает покупки, зайдет в «Академкнигу» и придет домой. Какие-то дела у нее накопились, хочет посидеть субботу и воскресенье дома. Пишут об ущербе, нанесенном Колумбии извержением. Много что-то. Большой ущерб. Вырежу эту заметку. Эллочка говорила, что в «Лике» напечатали фотографию, на которой Роб-Грийе, Беккет, Натали Саррот и другие люди. Хочет ее мне показать. Не знаю, когда увижу, не скоро, наверное. День начался спокойно. Ноль, и капает с крыши. Но снег лежит, не тает, только на проезжей части улицы сыро. На ночь вспоминал свой «1974». Хорошо вспоминалось, но Никарагуа я туда не вставил, а ведь мог бы. Все сомневался, не знал, как описать. Не хотелось об Эллочке вспоминать плохо, а без этого никакого описания не получалось. Ну хорошо, что и так-то его Ирка прочла. Давал и другим людям. У меня было пять экземпляров, да еще в журнале восемь—десять. Распространение. Странно,

что я прямо не записал свой прогноз и так и не оставил. Больно уж подрывная книжка бы вышла. Жалею, что не писал прямо, хотя, конечно, некоторые выводы я в ней все же сделал. Относительно Сыркина «Дигханикаи», например. Лирического рассказа о моей, нашей жизни все равно не получилось. Мог бы прогнозировать и смелей. Интересно, сам прогноз Боря бы напечатал? Не знаю. А Сыркин все еще выходит, когда-то выйдет. Я пообещал сразу же сесть за это. Но, фактически, за то, что «Дигханика» будет напечатана, я и сидел в Никольском год. А когда вышел, все показалось неосуществимым до того, что и противоестественным даже. С тех пор прошло больше десяти лет. Сейчас и бизнесмены сожалеют о бесцельно прошедших годах, во всяком случае, радио так передает их настроение. Снится, что «Маньесю» напечатали и не достать. Во сне надеюсь достать — утлые мечты. Открыл, наяву, маленькую брошюру «Тепло и холод севера», которую Верочка приготовилась сдать в макулатуру, и там глава о землетрясениях. Теперь оставляю ее у себя. Пишут тоже о семьдесят шестом годе, о Карагинском землетрясении, есть фотография. В будущем году будем отмечать десятилетие Таншаня. Незаметно время прошло. Только к концу периода я стал подбирать материалы о землетрясениях, но куда ни ткнешься, всюду пишут и о Таншане. И в «Курьере», и в «Знание — сила», и в книжках на тему. И в газете вспоминают то время. На диаграмме самый высокий пик (число жертв) — 1976 год. Больше, чем в двадцать седьмом и сорок восьмом. Китай же (и Крым) и Ашхабад.

Тепло. Началась предрождественская оттепель. Проветриваю дом. Вчера Кира сказал, что купил несколько книжек «Круга» и одну подарит мне. Наконец пришла посылка от Иры, так что он теперь весь в книгах. «Круг» хочет ей послать. В. Кривулин, Е. Шварц, А. Миронов и П. Чейгин напечатались по

первому разу. Уже в центре не достать сборник, он купил на Ленинском проспекте. Я готовлюсь к дню рождения, но психологически, т.е. мы пока ничего не делаем. Сегодня Верочка приедет от мамы. Кира работает и сегодня и завтра. Завтра в ночь выходит. Ира прислала книгу Гюнтера Грасса, три романа, две книги М. Цветаевой, «Фаворита», второй том, А. Платонова. Эллочка где-то в городе шустрит, когда я звоню. Конечно, в «Академию» мне бы надо самому заглянуть. Верочка спрашивает, что покупать, а я, кроме Вальтера фон дер Фогельвейде, ничего и не знаю, что сказать. Сегодня суббота, день не рабочий. Верочка хочет взять отгул в следующую пятницу и двадцать пятого, да еще неизвестно, что из этого получится.

Новостей мне не удастся узнать, вернее, все мало-значительные новости. Выслали из Испании вице-консула кубинского и еще троих кубинских дипломатических работников, за попытку похищения одного эмигранта. Там же, в Испании, с апреля разыскивают одного нашего ученого, который пропал после конгресса, и до сих пор о нем никаких сведений нет. Академия наук выступила с заявлением по этому поводу. А в остальном все политические заявления передаются. Пишут, что к концу месяца закончится суд над убийцами Индиры Ганди. Наши что-то много говорят об Афганистане. Сдались еще девять вооруженных групп, разгромлен партизанский полк и т.п. В конце концов их оккупацию осудили сто двадцать две страны на Ассамблее ООН. А партизаны сообщают об успешных своих операциях. Сбили пять вертолетов, убили до трехсот советских и правительственных солдат, разбили колонну, подвозившую горючее в Кабул, заблокировали шоссе вокруг столицы. Шестой год идет эта война, и, кроме афганцев, все соскучились. Говорят, что нам она выгодна, выгодна в разных смыслах. Но с китайцами, пока мы в Афганистане, не договориться о налаживании связей. Да и Америка

На бракосочетании И. Месс и Вл. Эрля. 10 апреля 1971 г.
Слева направо: Л. Богданов, Л. Чистович, Н. Аксельрод,
Вл. Эрль, И. Месс, А. Миронов, С. Танчик.
Фото: В. Петрухин

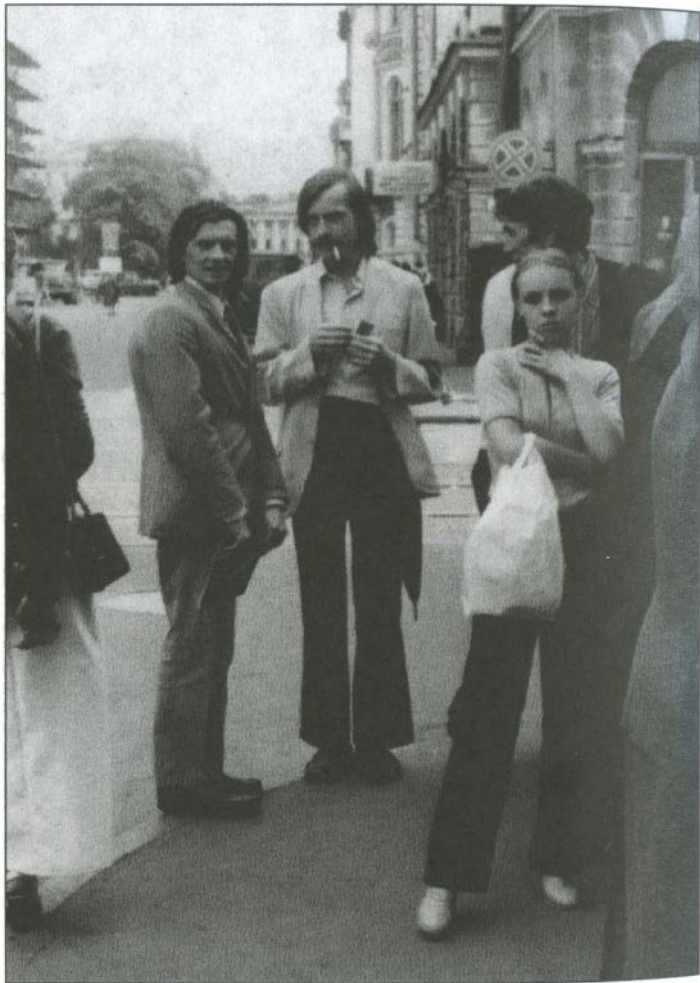
Слева направо: В. Петрухин, Л. Богданов, Л. Чистович,
И. Месс.
Фото: Вл. Эрль

С И. Месс и Вл. Эрлем. Фото: В. Петрухин

Дома у Вл. Эрля на Гаврской улице. Август 1974 г.
Слева направо: С. Николаев, В. Курочкина, Э. Липпа,
З. Бурнашева, Л. Богданов, И. Месс, Вл. Эрль.

С Вл. Эрлем на улице Ракова. Лето 1979 г.
Фото: Н. Аксельрод

очень косо смотрит на наше присутствие. Воюют пуштунские племена с пакистанскими правительственными войсками, кто говорит, из-за героина, кто, что они душманов не хотят пропускать через свою территорию. Не хватает только, чтобы красное восстание началось в Пакистане. Что-то готовится. Эти племена получают советское оружие. Сняли Набиева, его место занял Махкамов.

Воскресенье просидели дома. В субботу Верочка купила в «Академкниге» «Письма из Индии» Салтыкова и еще одну книжечку о русских гербах, о гербах русских городов. Слушал приемник и смотрел телевизор. В «Клубе путешественников» говорят, что на нашей памяти на Байкале, в результате сильного землетрясения, образовался большой новый залив. Сегодня Верочка ночует у своих. Позвонил Кире, никого нет. Послушал последние известия, ничего примечательного. Джордж Шульц в Венгрии, потом едет в Югославию. Говорили о перестановках в правительствах Армении и Таджикистана, но в газете ничего об этом нет. Заменяли министра угольной промышленности, и все. Газета сегодня вышла на четырех листах, уже не первый понедельник так. Делать нечего. До четверга сижу дома, а в четверг надо пенсию получить, посмотреть квартиру на Гатчинской, которую нашли по обмену, в пятницу уколоться, и надо будет маму перевезти сюда, на Будапештскую. Останется совсем немного до дня рождения. А там и Новый год. Сегодня к вечеру обещали похолодание, но сейчас мягкая погода, с утра идет снег. В «Книжном обозрении» напечатано, что выходят, уже вышли: Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели. Записки из подполья и Игрок. Фет А.А. Сборник, тоже пятьсот тысяч экземпляров и «Андалузская средневековая проза». Прибыл в Москву Саддам Хусейн.

Стали делать закупки для дня рождения и Нового года. Принес картошки, Верочка купила шампанско-

го, обещала сегодня вино привезти. Много нужно вина. Заедет к тете за зеленым горошком. Мне на праздники прислали чай ее родные. «Индийский», купленный во Львове, и «тридцать шестой», не знаю уж откуда, наверное, здешний. Теперь мы это все собираем и готовимся принимать гостей. Скорее всего будут Кира с Эллой, если ничего непредвиденного у них не случится. Эллочка говорит, что тут на днях у них обвалилась посудная полка на кухне, перебилась посуда. А была хорошенькая. Но будем надеяться, что они смогут прийти. А Новый год тогда встретим втроем, как обычно. Я просил Верочку не экономить и купить, ну хоть паштета, это так — для примера. На самом деле мне ничего не нужно, было бы вино.

Передают, что после двадцатилетнего запрета в Китае проведут буддистский фестиваль в январе, очень много лам будет принимать участие. А Греция передавала, что в пограничном с Союзом районе объявлена свобода православию и что китайские власти дают какую-то сумму на строительство нового православного храма.

Вера сегодня книги, возможно, принесет к маме: 2 т. Гете, Куртуазный роман, не знаю, что еще. Едем на Петроградскую. Вернулись с мамой, и в субботу Вера ездила в «Академкнигу». Привезла мне Ю.Ю. Сурхаско «Семейные обряды и верования карел». Привезла много мандаринов с Литейного на Новый год.

Сняли Гафурова в Ашхабаде. Только вчера показывали ужасную песчаную бурю в Ашхабаде. Тучи песка с Аравийского п-ова просыпались над Ашхабадом. Восемь часов было темно, как в сумерки, отключали подачу газа в городе, рвались телефонные линии, много сломанных деревьев. Выпало что-то очень много песка. Председателя Совета министров Ниязова назначили первым секретарем ЦК.

Сегодня в Неаполе взорвалось большое нефтехранилище, а недалеко от Неаполя, в Авеллино, случи-

лось землетрясение, силой шесть баллов по шкале Меркалли. О жертвах и разрушениях сообщений нет, но началась паника, люди бросились на улицы.

О горшечнике Ниязе какие-то стихи приходили все эти дни на ум. Не было распространения им, просто строчка вертелась. Теперь нашелся ей выход. Я писал о песке Эстонии, но не о песчаной буре в Ашхабаде, хотя что-то их и роднит. Не думаю, что так легко отправить на пенсию первого секретаря ЦК компартии Эстонии, но какие-то сравнения напрашиваются. Не помню уж, до чего я тогда дописался, а посмотреть в номере «Часов» лень. Ну ничего, я перечитаю это место из писем. Сегодня в «Правде» критикуют политику афганского правительства за слишком внезапные перемены в социальной жизни. «И только пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог...» Может быть, и там назревают перемены?

Вот и наступил день рождения. Еще рано, я сижу. Верочка поехала за тортом в город. Вчера ходила на вечер, посвященный В. Хлебникову, и купила там несколько книг, конечно, не Хлебникова. «Державин в Петербурге» мне понравилась. Еще несколько. Сегодня придут гости, с утра пью портвейн, варю чай. Человека удалось заслать в Ташкент, и теперь все ждем, когда он вернется. Собрали много денег, надеемся на лучшее. Вчера уже звонили и поздравляли меня с днем рождения из Москвы. Там не весело. Нужно пойти купить хлеб для бутербродов, я побрился. Мама еще спит. Два землетрясения были отмечены в последние дни — в Канаде, в безлюдной ее части, и на крайнем западе Чехословакии. По телевизору показывали щели, образовавшиеся в домах в этом Хебе. В Польше, при взрыве метана на шахте, погибло семнадцать шахтеров. Говорят, что наш самолет с пятьюдесятью пассажирами угнали в Китай и посадили возле Хайлора. Снят первый секретарь Синьцзянь-Уйгурского автономного района после демонстраций в Урумчи и Пекине. У нас

большие перемены. Сняли В. Гришина, его место занял Ельцин. В Молдавии перестановки в правительстве. Сегодня отдыхаем, но для приема гостей многое предстоит сделать. Надеемся на Верочку. Салаты и стол вообще. Купить вина и водки, Эллочка ничего больше не пьет, все на ней. А мне нужно только за хлебом выйти, да и то не подняться. Скоро девять, Верочка совершает свои подвиги в «Метрополе». Сыр нужен, конфеты. А паштет, как я просил, она все же купила вчера по случаю. И рыбы копченой. Всего довольно в доме. Мандарины разложены в два пакета — что на сегодня, что на Новый год.

Давно не пил — «Кавказ» кажется похожим на херес. Нужно купить сегодня еще какого-нибудь вина подороже. Кира не любит «Кавказ», а я пью с удовольствием. Обещал, как будто бы, еще Боря прийти, но на это надежд мало. Он у нас никогда не был. Может быть, и соберется. Камерный день рождения, чуть-чуть народа.

Кончается тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Двадцать пятого декабря и сегодня, двадцать восьмого, произошли землетрясения в районе Этны. Началось и продолжается извержение. Двадцать пятого толчок был в Катании, силой семь баллов по шкале Меркалли, а сегодня сказали о серии подземных толчков, но о силе ничего не говорят, все об извержении. Уходила Эллочка от нас, и я плохо расслышал, что именно говорилось. Показывают облако над вулканом и лавовые потоки. Очевидно, светит эвакуация этому району. Почитаю в газете, что напишут. Пока писали, что ничего особенно неожиданного в извержении нет, предыдущее было в восемьдесят третьем — восемьдесят четвертом годах и продолжалось сто двадцать девять дней. Запомнил, если, конечно, правильно запомнил. Как будто Этна извергается нешуточно. В сегодняшнем сообщении новые нотки. Соединенные

Штаты произвели шестнадцатый ядерный взрыв в этом году. Три вулкана извергаются на Камчатке: Ключевской, Безымянный и Горелый. У Горелого зафиксированы подземные толчки. Это было испытание водородной бомбы силой сто пятьдесят килотонн. В десять раз сильнейшей сброшенной на Хиросиму. Испытания проведены в пустыне, в ста шестидесяти километрах от Лас-Вегаса. О силе подземного толчка ничего не сообщается. Взрыв на глубине пятидесяти пяти метров. В газете пишут: «Этна может “заговорить” вновь. Рим (Соб. корр. “Известий”). 28—29 декабря итальянские специалисты, следящие за “дыханием” Этны, считают критическими днями, когда подземные толчки могут вызвать очередное извержение вулкана... Принимаются все предосторожности, чтобы избежать возможных человеческих жертв, как это произошло в ночь на 25 декабря уходящего года. Тогда эпицентр землетрясения был в районе городка Лингуаглосса у подножия Этны. Разрушена небольшая гостиница “Бетулле”. Погиб один человек».

<1986>

Четвертое января. «Пекин, 3 января. (ТАСС). Как сообщило государственное сейсмологическое управление КНР, в прошлом году в Китае зарегистрировано 24 землетрясения силой 5 баллов и выше. Они приходились главным образом на западные районы страны, прежде всего на провинции Юньнань, Гуйчжоу...» («Прогнозирование землетрясений в Китае»).

Шестое января. Землетрясение вблизи Шемахи, силой 6 баллов. Некоторые разрушения зданий старой постройки, жертв нет. В Шемахе сила толчка достигла пяти с половиной баллов. Сегодня Сочельник, не едим до звезды. Когда я узнаю об этом, я как раз дожевываю ломоть хлеба. Совсем забыл, что завтра Рождество. Кира говорит, что Миша навещал его вчера, в воскресенье. Надеется Миша чего-нибудь отыс-

кать по городу и тогда зайти ко мне. Но я чувствую, что деньги собрал без дела, поездка в Ташкент ничего не дала. А на Ленинград надежда слабая. Посмотрим. Все же дослушался последних известий, передали сообщение о землетрясении. Так начинается неделя. Потихоньку разворачивается новый год. В Шемахе часты землетрясения, Никонов об этом много пишет, но больших давно уже не бывало. На моей памяти ни одного большого не было. Надо будет посмотреть программу «Время». Вчера Ю. А. Сенкевич хоть и обещал первую часть своей передачи посвятить землетрясениям и извержениям, но всю ее сосредоточил на последних. Какую-то интересную карту только он со своим гостем рассматривал. На ней обозначены зоны сейсмической активности, и об этом немного поговорили. А вторая часть, об Сиане (Чаньани), очень интересная. Вообще он обещает целый цикл передач о Китае, и старом и современном. В Сиане открыт музей, где выставлены все раскопанные воины из глины. Раскопки продолжаются. Говорят, что воины стерегли вход в подземный город и что могила Цинь Ши-хуана еще не найдена. Прямо раскоп накрыли стеклянным ангаром и устроили музей. Этот венгерский фильм о Сиане мне очень понравился. А говорят, что письма зрителей так и распределяются: одна часть просит рассказать о землетрясениях, вторая — показать Китай. Очень поучительно, я бы просил о том же.

Вчера Вьетнам заявил, что Парасельские о-ва и о-ва Сиратли его священная территория. Рухнул двенадцатиэтажный дом в Мехико под действием землетрясения. Показывали, как сползли в котлован, образовавшийся на месте тоннеля метро, дома в Пусане. Неизвестное количество жертв. А в Мехико жертв нет.

Я западным ветром проветриваюсь, западный ветер ловлю в форточку. Именно сейчас минус четыре, атмосферное давление семьсот пятьдесят пять, дует

западный ветер, идет снег. Рождественская метель. Тетя обещала чая послать, пока извещения с почты нет. А одесский индийский у нас кончился, пьем «тридцать шестой», ждем. Ездил, достал покурить на Рождество и на последующее время. Встал очень рано, побрился, праздник. Приготовил Вере завтрак и слушал радио. Говорят, что в Сосновом Бору открылась большая новая аптека и строить будут еще одну в четвертом микрорайоне. Я туда ездил, там и тогда была прекрасная аптека.

Газеты нет еще, для последних известий слишком рано. Я лечусь чаем. Вчера праздновали Рождество. Объялся мармеладом, выпили. Выходит, что рано легли. Я просыпаюсь в два, полпятого, встаю. Часы ходят, и люди всю ночь ходят за стенами, за полом с потолком. Может быть, и праздник так на них действует? У нас стоит елка, маленькая такая, но наряженная. Наступило и прошло время «последних известий». Ничего как-то не запомнилось. Скоро Верочке вставать, у меня приготовлен уже завтрак. Девять градусов мороза, безветрие. Сиань посмотреть и два раза не грех, пытаюсь узнать, во сколько сегодня будет «Клуб путешественников». Восьмое января, скоро старый Новый год. Все еще праздники. А между прочим, не повторяют сегодня программу Ю.А. Сенкевича. Ветер переменных направлений, и вот и от окна дует, и дверь приоткрывается самопроизвольно. Когда проветриваю, холодно в моем углу, ну а потом все же могу там сидеть и писать. Или просто сидеть и курить. У Киры вчера тоже была бутылка вина, а сегодня он на ногах, поехал за получкой и еще куда-нибудь зайдет.

Примерно в девять вдруг зазвонил сигнал на дверях. Я не успел подойти, но кто бы это мог быть? Не знаю, ошибка какая-то. Я спокойно провожу время один дома. Этот дом мы поставили себе как бы в уда-

лении. И никто нас не трогает. Сам сдался, было время. Теперь только Киру да Веру жду.

Только в субботу удастся снова посмотреть «Клуб кинопутешествий». Я знаю, что и Кира будет смотреть, он еще не видел. Он заходил ко мне, но соби-рался на день рождения, поэтому посидел недолго. Попили чая, покурили. Обсуждали новости, кое-что все-таки происходило в это время. Приезжала Аня, рассказывала о Володе. Должен Майкл приехать. Мне-то все это довольно далеким представляется, но Киру вот подогревает.

Сегодня Верочка с утра поехала в «Академкнигу», надеется, должно быть, на чудо. А ведь ничего не берет себе, не взяла ни одного Цицерона из четырех. Правда, заказала еще, но достанут ли? Такое ощущение, что хорошая книга мимо меня проходит. Кира купил пластинку со стихами В. Хлебникова, а мне Вера принесла номер «Литературной учебы» с двумя статьями о В. Хлебникове. Вчера же и прочел. В. Григорьев. «Свобода и необходимость поэта». У меня на подоконнике собирается своя маленькая «Академкнига». В киоске купил двадцать седьмой том Ф.М. Достоевского с «Дневником писателя». Верочка мне подарила «Индию в древности». Книги теперь сложены в разных местах, везде. Надеюсь, что ей что-нибудь попадет. Жерар де Нерваль вышел в Л. «Худ. лит.» 85 г. 2 р. 30 коп. 448 с. Но его не там надо искать, да и, вообще, искать бесполезно. Верочке попались «Сказки и мифы эскимосов», и она их купила. Купила также мне обувь — чешские башмаки на толстой подошве. Вечером вырывает мне статьи из «Авроры», из «Литературной учебы». Находит и себе что-то интересное.

Я начинаю полегоньку. В этой книге страниц много, года на три хватит. А в Рождество, т.е. еще двадцать пятого, я отдал готовую рукопись. Там дело до-

ходит до выхода в свет «Круга» и до угона нашего самолета в Китай. Неудачно выбрано место. С этим надо что-то делать. Так что теперь я автор, сдавший недостающую часть рукописи издателю. Как-то они разберутся в ней? Издатель будет не один. Книжка, если получится, будет в два раза большей по объему, чем та часть, что в «Часах» напечатана. Хорошо бы так. Я получил возможность высказаться, и я высказываюсь откровенно. Два года я только следил пристально за землетрясениями, а сколько успел вспомнить в связи с этим < что > и составило книжку. Это можно считать моею первой книгой. Но я не могу остановиться и сейчас и продолжаю записывать, что со мною происходит. Может быть, я творю миф и ищу эффективного завершения, в котором Судьба будет играть главную роль? А у нас идет год В. Хлебникова. Из всех лет я запомню восемьдесят пятый — восемьдесят шестой. Самое сильное землетрясение двадцатого века Гоби-Алтайское. 1957 г. Одиннадцать баллов. Никаких подробностей, ничего, кроме площади, захваченной землетрясением. А я уж было поверил, что сильнее Таншаньского их и быть не может в двадцатом веке. Интересно, есть ли другая вера на этот счет или я по-прежнему одинок в своих предчувствиях?

В результате подводного извержения вулкана и землетрясения возле острова Иводзима образовался новый островок, длиной километр и высотой пятнадцать метров. Служба, следящая за возникновением волн цунами, обнаружила его двадцатого января. Тут каждый день почти печатали сообщения о землетрясениях, но сравнительно слабых. Афины трясло всю ночь с четырнадцатого на пятнадцатое января, потом было у острова Адак (Алеутские острова) землетрясение. Потом вспоминали Мессинское землетрясение, а восемнадцатого января возле курорта Анненские воды,

недалеко от Николаевска-на-Амуре, трясло. Пришло «Книжное обозрение». Пишут, что из Красноярска можно выписать книгу Дж. А. Эйби «Землетрясения». Не знаю, стоит ли пытаться? Прожил три дня один, ни с кем, кроме Элочки, не созванивался, да и не пробовал. Кира, знаю, снова вышел на работу, Майкл приехал. Купили с Верочкой Цицерона два экземпляра. Вот все новости. В Южном Йемене еще идут бои и обстановка не проясняется. Вроде, говорят, Али Насер Мухаммеда свергли, но есть и другие сообщения, противоречащие этому. Каждый день говорят об эвакуации иностранцев из Адена, королевская яхта «Британия» и три советских парохода перевозят их в Джибути. Вот-вот что-то прояснится. Продавался уже «Чжуан-цзы» Малявина, но нам еще не достался, говорят, в открытую продажу поступит двадцать седьмого. Сыма Цянь *стоит* — никто не берет. Вообще мне показалось, что в «Академкниге» большой выбор книг. Несколько из серии «Писатели и ученые Востока», «Суданский сборник» — не заглядывал. Двадцать пятого (в 22.00 местного времени) землетрясение в Алматы, силой четыре-пять баллов. Жертв и разрушений нет. Эпицентр в пятидесяти километрах от города, в отрогах Заилийского Алатау.

Книга кончилась, и все описанное в ней началось. Начались события в Южном Йемене и только сегодня кончились. Вернее, они надолго, они еще продлятся, пока постоянного президента не изберут. Временным президентом избрали аль-Атаса, бывшего премьер-министра, а Али Насер Мухаммеда, говорят, будут судить. Уж не к казни ли его присудят за полпотовщину? Я так запомнил сам эту книгу, я имею в виду «Заметки о чаепитии и землетрясениях», что в ней сообщениям о землетрясениях сопутствуют сцены воспоминаний, и я думаю, что обязательно следуют они одни за другими. Главная идея книги —

можно ли жить текущими землетрясениями после Таншаня? После того, как жил ожиданием Таншаня, жить ожиданием землетрясений, каких Бог пошлет. Вот вопрос, только поставленный. Можно ли так жить? — Нет, так жить нельзя, — утверждал Ярослав Владимирович. — Можно и придется, — говорил я. Пока я так живу. Десять лет — срок немалый. Книга кончилась, а персонажи даже не пошевелились...

У нас сейчас лежит повестка с почты, пришла бандероль из Алма-Аты, надо получить. Верочка думает, что это какие-нибудь журналы. Две субботы подряд мы осматривали прилавки «Академкниги». В книгах ищем описание будущего. Возможно, что их не так охотно раскупают. Мне кажется, что я вижу на прилавках и под прилавками кое-что. Но, главное, по воспоминанию за каждый изолированный толчок.

«Япония. Выживет ли остров? Токио. (Соб. корр. “Известий”). В результате извержения подводного вулкана Фукутокуэканоба, расположенного в 50 километрах от острова Иводзима (японский архипелаг Огасавара), над поверхностью океана появился новый остров...» Вот этого еще в той книге не было. Не было никакой пользы от землетрясений до сих пор. Это первый пример. А теперь я говорю об Алма-Ате. И не могло ее не трясти. Единственный город, где у нас есть знакомые. Это новость и сегодняшнего утра. Т.е. утром по радио повторяют сообщение. А время идет вперед.

Вчера пришлось поездить, и сегодня отдыхаю. Вечером уже достал курить. Утром были на Литейном, потом безуспешно блуждали по Московскому <станция> метро. Мне понравились некоторые книги в «Академкниге»: «Средневековая Ладога», «Сыма Цянь». Говорят, что двадцать седьмого будут продавать «Чжуан-цзы», надо будет съездить. В конце концов новыми туфлями сбил ногу, придется старые обу-

вать. Было очень тепло на улице. Под ногами каша. Садись в метро на Технологическом. Сегодня Верочка идет на день рождения одного мальчишка. Я днем дома один. Я мысленно уже переобулся в старые туфли.

Повстанцы захватили всю Кампалу и Энтеббе, правительственные войска бежали в Джинджу. Население приветствовало партизан. У нас заменили министра внутренних дел, стал А. Власов вместо Федорчука. Его перевели на другую работу. Новости двух последних дней. В Адене установилось спокойствие. Наши оказывают помощь Южному Йемену. Двадцать седьмого съездил купил «Чжуан-цзы». На следующий день начнут продавать «Календарные праздники...», даю деньги Кире, он будет возле магазина утром и зайдет. Он заехал к нам вечером. У него с собой книги: Померанц и книга о С. Булгакове. Вечером показывают японскую деревню, заваленную снежной лавиной. Тринадцать человек погибло. Еще говорят, что эти места самые снежные во всей Японии. Пытаются раскапывать дома.

В бандероли из Алма-Аты роман А. Азимова, местного издания. Кира обещает пакет «Бодрости» — Аня привезла из Москвы. Вот мы и с чаем. Курим, пьем наш «тридцать шестой», едим понемногу. Я днем, когда ходил за книгой, купил тертой моркови. День проходит в чаях, а я не могу себе уяснить на ночь, что происходит в мире. До передачи «Сегодня в мире», ночной, не ждем. В Уганде новое правительство обещают создать повстанцы. Захватили электростанцию, снабжающую всю Уганду энергией. Ремонтируют радиостанцию. Захватили Джинджу. Вот и все, кажется. Теперь осталось время до выборов окончательных в Португалии. Побеждают правые силы. Конечно, можно бы и сегодня проехаться до «Академкниги», но лень. Когда я представляю себе, что в пятницу нуж-

но быть на Петроградской, охота гулять сегодня пропадает. Один человек говорил в магазине про «Ульчский язык», что в нем следует текст, не прерываемый вставками фольклора, и что нет смысла покупать его. Чуть было не купил «Довмонтову повесть», но не взял. Как в прежние времена, у нас дома есть «Чжуан-цзы», наша действительность довольно-таки проникнута Чжуан-цзы. Есть еще книжка В.В. Малявина. Те тексты довольно долго были у меня. Я имею в виду Л. Позднееву. Но вот пропали, это была важная утрата. А «Записные тетради к “Подростку”» я сам продал. Теперь есть два тома «Дневника писателя». Особенно мне нравится двадцать седьмой том — тридцать страниц текста самого Ф.М. Достоевского, а остальное — дополнение. Но читать — так его. Пока еще Чжуан-цзы выйдет в Лит. памятниках.

В четверг надо ехать за ключами от новой квартиры, привезти с собой замок. Самое время вспомнить, что у меня есть стулья, стол, другая мебель, даже кухонная. Было совсем забыл об этом.

До восемьдесят шестого года я писал, в основном, план романа. Документальные подробности. А сюжет собственно романа — пересказывал. Нужны события, чтобы произошли события в частной жизни. — Нет, так жить нельзя, — в смысле, что никто другой так бы уже не жил. А если я разменивал тут этот билет? Жить процентами с такого капитала, решено, — нельзя. Ну, а что если попробовать, зная, что так нельзя?

Семь баллов вблизи Джалалабада, имеются разрушения, жертв нет. Опять Азербайджан, сегодня, в девятнадцать тридцать шесть по московскому времени. Взорвался «Челленджер», упал с семью космонавтами, две женщины, в Атлантический океан. Все погибли.

Сегодня, кажется, немного похолодало. Еду на Петроградскую, а потом и еще дальше, на Ржевку. Полгода назад такие события были невозможны. Очень

редкий случай, когда горят космонавты. Такое случается раз в пятнадцать лет. Америка не признала правительства южноафриканских мятежников. Али Насер Мухаммед будто еще обороняется с сорока тысячами войска. Они ведут передачи по своему радио. В Аден прибыли два самолета с помощью от советского Красного Креста. Вера приносит тут книжки с книголюбского вечера: «Герцен в Новгороде», «Некрасов в Петербурге», «Поэты пушкинского Петербурга». Но сразу семь их сгорело — это много. Листается какая-то книга по освоению космического пространства. Я пил много, когда наши космонавты сгорели, пил даже на улице с незнакомым человеком. Помню, пошел у Милы за пивом, сдать бутылки, ранним утром. И узнал прямо в винном магазине, что случилась катастрофа. А перед тем я говорил Тоше на улице, у Сайгона, что космонавтов хоронят, когда мы смотрели с ней на похороны летчика времен войны на Невском.

Двадцать девятого января землетрясение в Кайраккуме, силой пять баллов. Трясло Ходжентский район и Ленинабад, ночью в 4 часа 45 минут. Эти дни провел на Ржевке и на Петроградской, ничего не записывал. Получил ключи от новой квартиры, получил оборудование там. Ничего больше не сделал, проездил всю пятницу, сегодня. Наступил следующий день — суббота. Солнце на улице, мороз, никуда не надо. Давление очень высокое.

В воскресенье съездили с Верой на Ржевку, но зря. Дом заперт, извиняется ЖЭК, или как его там? Я вернулся в Купчино, а Вера поехала к родителям. Созвонился с Кирой, обещает зайти вечером и, конечно, не заходит. Не знаю, куда он девался? Китайский Новый год. Холодно. Допиваю какой-то вторяк из джезвы, не получил нового чая. И книжка про Новый год куплена, но пока не у меня. Коротая время один. Чтобы что-то произошло в жизни, ну, хоть взять пере-

езд на новую квартиру, надо, чтобы случились «события» в дружественной стране. Подворачивается переворот в Южном Йемене. Пора переезжать. Я не придавал такого значения Йемену, т.е. я не следил за происходящими там событиями, очень может быть, что я сидел, когда Йемен разделился. Но книжка из серии «У карты мира» о Йемене не забывалась, не исчезала из поля зрения. Перемен там, как теперь говорят, было довольно. Но и эта часть не отражена в дневниках, месячные землетрясения восьмидесят второго года я там (в Северном Йемене) отметил. Мы наследники событий в странах народной демократии. Это, кстати, звучит, как «букинистическая книга». Но дело прошлое. Своеобразное «чего изволите?». Книга кончилась, и начинается жизнь. Боюсь ее. Мы будем возвращаться все равно к себе домой. Описанное имеет инерцию. По инерции сбывается описанное (сны в руку, я это еще по чередующимся названиям афганских городов заметил). Пора подумать о сне, но спать не хочется. Попробую писать, куда могу, а когда исчерпается вдохновение, можно и спать лечь. Завтра пораньше встать — единственная надежда успеть что-то сделать. Я очень мало развил сюжет. Жизнь предполагает что-то свое и предлагает. Тяжело, тяжело там и тут. «События» тяжелые, и на новые условия соглашаться тяжело. Я стимулирую, конечно, свое воображение, но как, сравнительно, мало роли играет воображение.

Сны — наиболее общее, но не первое по времени. Сперва книги. Я зашел случайно в «Планету», Мила дала мне полистать немецкую книжку о древностях йеменских, и там была фотография недостроенного мавзолея, недообмазанного глиной и недопобеленного. Глядя на нее, я все понял о судьбах Йемена, а было это в семьдесят девятом году. Через три года землетрясение. «Начался массовый исход населения из

пострадавших мест». Игорь учился, чтобы поехать в Южный Йемен, а я посмотрел книжки. Но тут мы еще не вмешиваемся и Эфиопия не вмешивается. События происходят сами собой, но нам это грань неподвижного сна, к нам оборачивается что-то недвижимое другой своей стороной. Заставляет видеть сон в яви и под другим углом. Время у меня есть, но кое в какие моменты оно поджато, а я к этому не привык. Кстати, для режима это очень хорошо. И не мечтал никто о космической катастрофе, поговаривали о комете Галлея, а тут вдруг «Челленджер» оставил дымный след за собой. Это уже историческое событие, самое новейшее, но прямо для истории созданное. История, жизнь, книга. Сон, сон без сновидений, явь. Из книги вытекает история и жизнь, как противоположность истории. Книга захлебывается жизнью, обязана захлебнуться. Просто. Сейчас двенадцать часов, до активной деятельности остается двенадцать часов. Окурочок ложится в ту же коробку, что и остальные.

Вчера показывали мексиканские фрески, некоторые совсем целые. Первый день нового года. Утром говорят только о событиях на Гаити. Пятьдесят человек убито, более ста получили огнестрельные ранения. Газету не смог читать, сложил. Как суббота была моим днем, так сегодня нигде ничего моего нет. Под самый Новый год я получаю отдельную, новую квартиру, а в сам Новый год сижу один и пью чай. Порылся в коробке — чай еще есть. И все есть. А у меня привычка делать свои дела.

Та книжка прервалась в Рождество, и потекли события жизни. Так мы не уговаривались.

День требует чего-то большего, чем утреннее чаепитие. День только начинается, знаю все новости. Китай запустил спутник. Снегопады и ливни в Италии, небывалые за последнее столетие. Верочка заболела. Вернулась с работы часа в два, а накануне не

Человек. 1968 г.

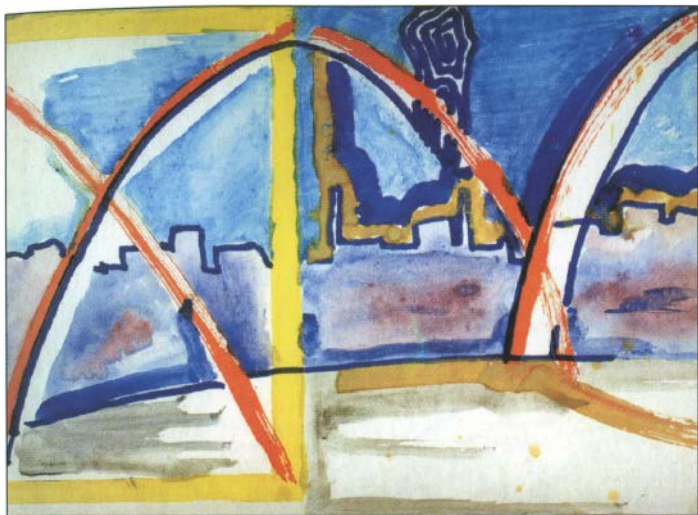

Без названия. 1979 г.

Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Конец 1960-х гг.

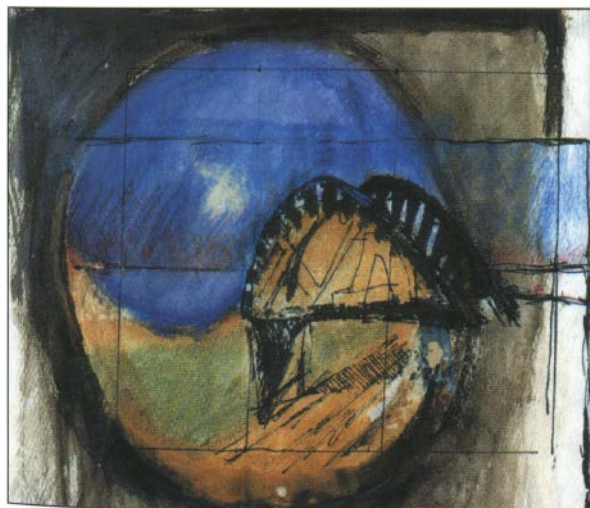
Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Начало 1970-х гг.

Женский профиль с кодеином. 1970 г.

Железнодорожный мост. 1969 г.

Без названия. 1970-е гг.

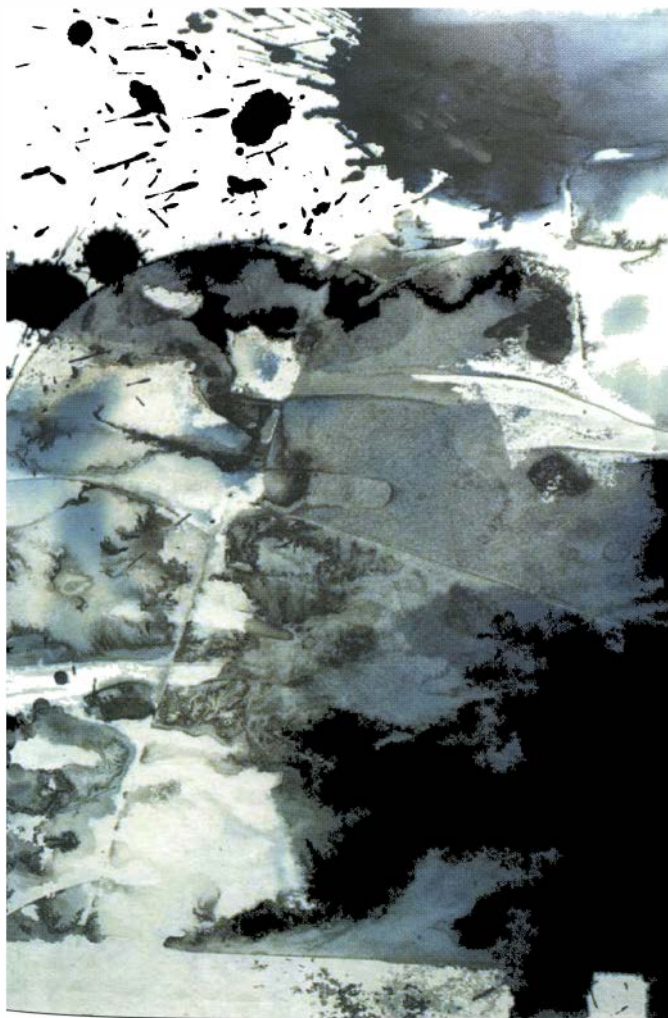
Без названия. 1970-е гг.

Без названия. 1970-е гг.

Улица Ленина. 1976 г.

Без названия. 1973 г.

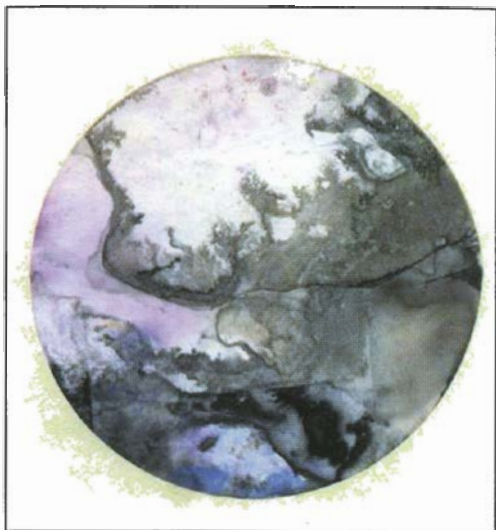

Флаги. 1978 г.

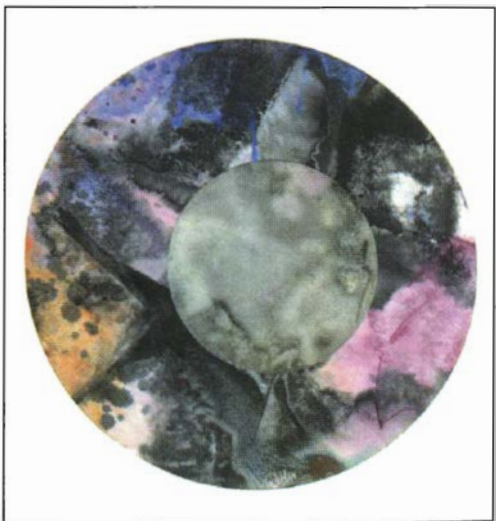

Книжная полка. Конец 1960-х гг.

Без названия. Конец 1960-х гг.

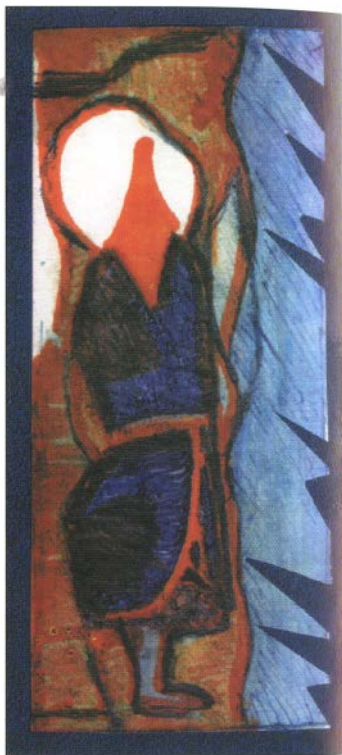
Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Начало 1970-х гг.

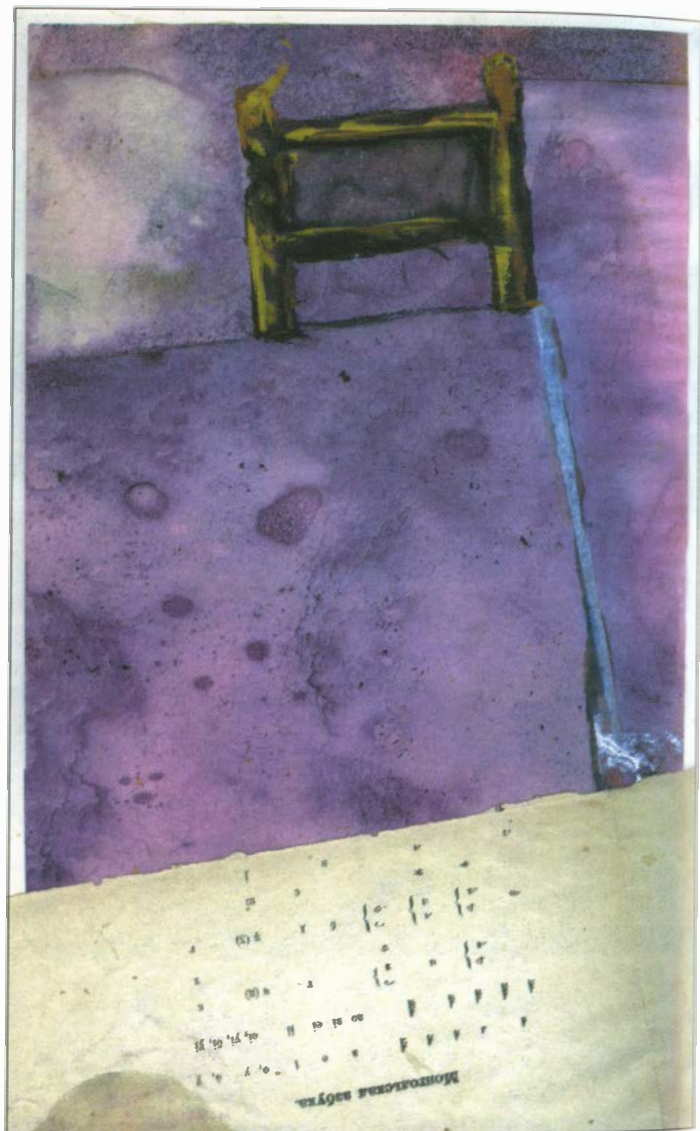
Без названия. Начало 1970-х гг.

Без названия. Конец 1960-х гг.

Без названия. Начало 1970-х гг.

Монгольская азбука. Начало 1970-х гг.

поехала на лекцию по литературе, с температурой. Второй день лежит, принимает лекарства, но температура высокая. Обещал сегодня Кира заехать, чая завезти, еще чего-то, но это будет ближе к вечеру, а пока надо позвонить в свою жилконтору и выяснить, когда дом будут подключать, когда нужно там быть. Обязанности мои нехитрые, надо будет суп из антрекотов сварить. Готовое и второе. Пока мы напились чая, Верочка лежит, читает А. Азимова. Выкроилатаки время для Азимова. Все еще мороз держится. Минус двенадцать. В вентиляции стал ветер слышен. Одеваюсь в дневной костюм. Без свитерка холодно. Верочке выписали бюллетень на три дня, а потом к врачу. Я сделал укол в пятницу тридцать первого и теперь мне не скоро снова идти в диспансер. Перед Съездом нужно будет уколиться. Спокойно. Сейчас так, как я читал у себя в дневнике, кажется, не хватают. Долгая история с переездом.

Сочные репортажи так же редки, как и большие события. Как художественный фильм посмотрел, пребывание Э.А. Шеварднадзе в Японии и КНДР. Что-то было в киносюжетах такое, что подготавливало почву для последующих событий. Я имею в виду космическую катастрофу. А комплекс храмов в Улан-Баторе, он как видение мелькнул на экранах. Фильм о великих событиях медленно снимается. Великие события проходят на фоне эвакуации иностранцев из Южного Йемена. Но никаких репортажей оттуда или из Джибути я не видел. Только визит в страны Дальнего Востока был правильно подаваем.

Чай распустится, и все еще раз предстанет полным, я еще увижу действительность расцветшей.

Очень ранний час. Чай есть, все есть. Книжку Кира не привез. Показывает магнитофонные кассеты. Нужно сегодня на Ржевку ехать. Встал пораньше. Время еще есть. Нового ничего. Захват ливийского

самолета израильтянами. Вот время, когда я сижу и пишу. Эллочка ездила к Элле Фингарет, но я не смог с ней самой поговорить. Не дозвониться. То ее дома нет, то занято. Кира кое-что рассказывал. Оказывается, у нее день рождения не девятого, как мы думали, а четырнадцатого. Надеемся, что Верочка успеет поправиться. Ира прислала письмо, пишет, что картинки мои оформлены и висят у нее в рамках или в рамках. Книг обещает прислать. Ругает Лондон. Я мог бы еще спать и спать. Что-то поднимает. Кажется, если не встанешь рано, и ничего не успеешь. Заметки. Заметки кончились.

Сегодня, шестого февраля, ощущались подземные толчки в Норвегии. В Осло землетрясение вызвало панику. Эпицентр в Норвежском море, около города Олесуин. О жертвах и разрушениях не сообщается. Толчок достигал силы пяти баллов. Зденек Кукал пишет о Норвегии, как о сейсмичной территории, но землетрясения там редки.

Я, конечно, слышу толчок из уборной. Как сегодня в газете пишут, во столько-то произошло землетрясение севернее Хоккайдо и льдину оторвало от берега. На ней было очень много рыбаков. Спасали с вертолетом. А тогда это было на Черном море. Кто-то там занес в свой «журнал штормов» соответствующую запись о подземном толчке. «Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось...» Никто не плакал, потому что никто об этом не знал. Интимное дело — испытать озарение в дачном клозете. Как рыбаки-то анапские перенесли тот шторм? Шторма, как землетрясения. Было лето пятьдесят первого года.

Кейнер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. 1 р. 30 к. 5000 экз. М.: «Наука».

Наступающая жизнь даст о чем подумать. Книга кончается на этом. С этим чувством. Что все это вернет в то время, когда я не писал, а только зрел. Ро-

дительский дом. Но уже и там я делал что-то вне себя. В десять часов пятнадцать минут московского времени землетрясение в Душанбе, силой в четыре балла. Очаг на глубине ста восьмидесяти километров. По радио говорят, что люди, ушедшие из Чаткальской долины, сейчас возвращаются. Продается «Довмونتова повесть». Так-то я засек момент. Не о том тут и не говорится. Тянется уже больше десяти лет. Вот как медленно по плану что-то выходит. Спешить не надо. Меня утешает, что я все-таки до Мехико добрался в своих записях. Как аукнется... Значит, есть еще что покупать. К идее Довмонта и его города надо серьезнее относиться. Мне хочется передать поступательный ход развития землетрясений, и от Газлийского, а еще раньше — от Гвинейского, до Мексиканского у меня зафиксирован каждый шаг. Меня только и спрашивали (Яр. Влад.), будет ли в Мехико землетрясение? Что я мог ответить? — Раз там бывают землетрясения, то будет обязательно. Вопрос — когда?

Аляскинский период моего существования продолжался еще и в шестидесятые годы. Затем Ташкентский — это мы уже в Купчине живем. Таншаньский потом, это уже я лекции читал по предугадыванию будущего. И Мексиканский. Это я пел, давно пел. А Аляска напоминает о себе и в семидесятых. Тут она предшествует Таншаню. Аляска стала дежурной?

Ж.П. Сартр. «Экзистенциализм — это гуманизм». И. Л. 1953. Вот к какому краю воспоминаний я стремлюсь. Читая «Часы», нашел эту ссылку в библиографии.

Сейчас все больше говорят о бегстве Ж.К. Дювалье и о положении в Порт-о-Пренсе. Верочка купила двадцать восьмой том Ф.М. Достоевского, книгу вторую, «Письма с 1860 года».

То, что нарасхват, например, «Непал и его жители», мне не достается. Но двадцать восьмой том

Ф.М. Достоевского Верочка купила в такое время, когда обычно киоск бывает закрыт, перед работой. Она успела позвонить мне и спросила: стоит ли покупать? Я ответил, что стоит. Я бы и сам не мог пройти мимо «Писем» со спокойной совестью. Спрашиваю: что еще продавалось? Выясняется, что «Довмонтова повесть» еще не распродана. Больше как будто бы ничего нет. А том Ф. М. Достоевского стоит пять рублей. Отдам с пенсии. Тут, на неделе, как раз надо за деньгами ехать.

Был на дне рождения у Элочки. Ей надарили всяких хороших вещей. «Ладомир» подарила Аня. Впервые в руках подержал. Иллюстрированный. Я не совсем согласен с подбором вещей в сборнике и не знаю, хотелось ли бы мне его иметь в перепечатанном виде? Наверное, стоит. Пили чай, «Амброзию» индийскую, запомнилось. Тем более что у меня чаи кончились. Миша обещал пять пачек «индюхи». «Амброзия» с особенным ароматом. Выпили водки литр и закусывали плотно, больше съели, чем японцы съедают в процессе чайной церемонии. Я самый старший из гостей, и мне захотелось что-то сказать о чае. Но все уже были подогреты водкой, и беседы не получилось. Зато поговорил с Майклом. Он сел читать «Часы». Просто сел поудобнее и открыл на коленях «Часы». А они и начинаются с моего текста. Спрашивает, что такое «нутаг»? Я, как могу, объясняю. Он очень немного прочел, его отвлекли. Надо было домашний торт пробовать и есть, а там и ехать по домам. Поехали на частнике, ночь началась.

Я разливал чай и налил всем, по обыкновению, крепкого. Пьют, но просят разбавить. Я сам пробую вторяк. Вот, наверное, что чаем называется — светлый и терпкий. Вкус крепкого чая, аромат. Но что же мы выпили сперва? Черный, даже вкуса не чувствуется. Кира заварил от души. У него с полбанки оставалось.

Он ложкой берет чай из банки. Шесть или семь больших ложек на чайник. Посмотрел у него новоприсланные книги. Китайское искусство очень богато издано — аукцион Сотби. Шестьдесят репродукций американских абстракционистов. Книжка когда-то стоила двенадцать пятьдесят. Говорят о том, что в старую книгу не берут Л. Брежнева, Андропова и др.

«Землетрясение в Эстонии 25 октября 1976 года имело интенсивность в эпицентре до 6 баллов. Кстати, жители Тарту ощущали его слабее, чем мартовское землетрясение в Румынии (1977 г.), хотя его эпицентр находился в пять раз ближе. Главная особенность землетрясений Русской равнины состоит в неглубоком положении очагов (около 5—10—20 километров) и, следовательно, в очень ограниченной области распространения». А. А. Никонов. Землетрясения... Прошлое, современность, прогноз. Изд-во «Знание». М., 1984 (Наука и прогресс).

Сегодня, восемнадцатого февраля, во вторник в двенадцать дня передают о серии подземных толчков в Южной Калифорнии, но не сильных — три балла. Позже говорят о том, что сместили В. Гришина и К. Русакова. Был пленум. Продолжают говорить (Запад) о гибели нашего теплохода «Михаил Лермонтов». А так о войне в Чаде самое главное, что сказали. Франция перебрасывает туда самолеты и солдат из Банги, а также из Габона и еще какой-то страны. Говорят о возможности американского вмешательства. В Греции пропал какой-то наш деятель, но это все обрывки известий. Новость номер один — В. Гришин и К. Русаков. Сегодня был пленум, это, действительно, живая новость.

Открылся съезд КПСС. Фердинанд Маркос бежал с Филиппин на Гуам, собирается на Гавайские о-ва. Падает и завтра упадет Космос 1714. Последние известия, в связи со съездом, стали ужасно длинные.

Дослушиваю до конца. Немного потеплело. Миша вернулся из Кандалакши, ничего, говорит, не замерзли. Лена спрашивает, как мы-то тут? Родился у меня двоюродный племянник, назвали Святославом. Сейсмологических новостей нет. Сегодня, как в газете доклад М. С. Горбачева, то ее и не принесли все утро. Позже уж я не выходил. Кире не звоню, да его и не застать, а с Эллочкой не говорится. Восьмого пойдем к нему на день рождения. Кроме Цицерона и нечего подарить. Купим еще бутылку какую-нибудь. Эти дни положил себе отдыхать, и вот выполняю задуманное. Нас все меньше что из происходящего касается. В Каире подняли мятеж призывники службы безопасности, т.к. им хотели на год продлить срок службы. Жгли автомобили и отели. Введен комендантский час.

Следующий отрывок из Никонова А. А., который хотелось бы выписать, касается Ишкашимского царства. Но не выписываю его пока. Так запоминаю. Район, где происходят подземные толчки, является самостоятельным государством — идея такая. Я вспоминаю, как увидел из вагона Литву — горы на горизонте, невысокие, но синие, как в немецкой романтической живописи, и ланей на первом плане. Рано-рано утром мы проезжали по этой стране. Лучше самостоятельности страны и не заявить, чем сказать, что там в ней есть свои горы и в них было свое землетрясение.

Ночью первого марта застрелили Улофа Пальме, когда он с женой возвращался из кино. Жену легко ранили. Объявлен траур. Идут поиски убийцы. Дочитал «Книгу мертвых», сегодня должен повторяться «Клуб кинопутешествий» про Китай. Вера моет полы, собирается идти белье сдавать в прачечную. Обычный субботний день, но из-за этого убийства он надолго запомнится, я думаю. Я перечитывал свое «Возвращение в 1974 год» и, как раз, остановился на стихах:

«Дыхание осени, свет фонаря —
был незаметен рассвет.
Последнюю стражу хлопаньем листьев
пальма мне возвестила».

Чан Минь Тонг (1298—1356 гг.)

Я ловлю себя на мысли, что все мы — корейцы, после передач про визит Шеварднадзе. И вот тут, хоть стихи вьетнамские, но дальше у меня подборка из корейских стихов, я снова приостановился и почувствовал родство свое с дальневосточными народами. Не первый раз за последнее время. Читал утром, не сегодня, Никитину и нашел, на 101 странице, кажется, упоминание о землетрясении. Жаль Пальме, что-то шведы сегодня будут говорить? Он был премьер-министром Швеции с тысяча девятьсот шестьдесят девятого года по семьдесят шестой и потом с восемьдесят второго до восемьдесят шестого. Председателем социал-демократической рабочей партии с шестьдесят восьмого года. Он был в свое время самым молодым премьер-министром в Европе. Родился в двадцать седьмом году.

Убили мэра Наблуса, на другой день после сообщения об убийстве Улофа Пальме. Вчера только и было разговора, что о Пальме. Я давно загадал по этим стихам, придется ли о нем и такое услышать. Вот теперь эту «последнюю стражу хлопаньем листьев пальма мне возвестила».

Варю крутой, крутой чай, смесь индийского с «36». Остался дома один. Верочка поехала проведать новую квартиру, а потом к своим с ночевкой. Там нам достали десять пачек грузинского «36», надо забрать и расплатиться. Тетина бандероль задерживается, Оля также не шлет чая. Обещала на наш адрес выслать из Подсолнечного. Пока есть индийский, тот, что Миша достал перед отъездом. Я очень экономлю, но, по-пре-

жнему, утро для меня наступает вместе с «индюшкой». Узнаю новости между четырьмя и семью. И это также утро. А то за обыденными заботами да за этим убийством стокгольмским и чай отступил как бы куда-то на второй план. Но так бывает. А сваришь чашечку, и все снова на свои места становится. Взял восточную классическую поэзию посмотреть. Открываю наугад. Китай, Корея, Вьетнам, Индия, Япония. Хорошо, что этот том у нас есть. Правда, стихи про чай как-то не попадаются, все больше о вине. Жду последних известий и непонятно, что я хочу из них узнать. Привычка прослушивать обязательно в день раз выпуск. Скоро уже. Едва успеваю страницу дописать, да и не успеваю. Так.

Сплеываю. Слюна коричневая, чайная. Вчера смог-таки свое «Возвращение в 1974 год» перечитать и перепонять. Не так уж много труда потратил я на него. Смог понять. Видны стыки между отдельными записями, и всего я несколько дней его писал. Это не дневник, а какие-то отрывки из дневника. Потом я стал последовательнее. Но года — сорок восьмой, пятьдесят седьмой, шестьдесят шестой и там верно выделены. Записки не террориста, особенно связная часть, которая следует за стихами. Грусть, несмотря ни на что, какая-то такая грусть, как будто убили моего близкого. А я пишу только об Индире Ганди, да о Пальме, если правильно понять стихи. И конец о Володе Пятницком. Это ближе, понятнее.

Во Вьетнаме объявлен двухдневный траур по Улофу Пальме.

Если я делаю при письме ошибку, я даю себя поймать на этом. Особенно это касается существительных, имен собственных и географических названий. Когда-то лень исправлять, но я проверяю свои тексты с этой точки зрения. Нужен квалифицированный читатель, читатель-напарник. А наука об описках уже и без

меня развита. Нужно, чтобы читатель был знаком с этой наукой. Фрейдизм? Описка, ошибка это разновидность загадки. Соавторство тут в серьезном смысле и невозможно. Я навстречу себе не слышу того же самого. Со своими проблемами каждый мается сам, и здесь особенно видно, что люди крайне редко подходят друг другу.

Шестого марта передают англичане о землетрясении под Баку в Каспийском море. О силе толчка не говорят, говорят только, что в ста милях от Баку эпицентр и что Советский Союз пока ничего об этом не сообщает. Услыхал в десять часов утра. Тут, как раз, показывали комету Галлея. «Вега-1» находится на кратчайшем расстоянии от ядра кометы, в десяти тысячах километров. Началась кометная неделя, самый важный момент исследований.

Съезд закончился, дня два еще нужно подождать, пока газеты донесут съездовские, а потом все пойдет своим чередом.

Греция сообщает, что толчок был шесть и семь десятых балла по шкале Рихтера. О жертвах и разрушениях не сообщается. Канада говорит, что расстреляли Виталия Юрченко, перебежавшего сначала в Соединенные Штаты, а затем вернувшегося в Советский Союз. Но независимых подтверждений этому нет. Л.Н. Зайкова ввели в Политбюро, а секретарями ЦК назначили А. Добрынина, ленинградского Соловьева и одну женщину — А. Бирюкову.

Фоторобот одного федаина уже показывали по телевидению. Ищут убийцу Улофа Пальме. Одной девушке-художнице он попался на глаза. Шамилю Алимурадову в Харбине дали восемь лет за угон самолета. О землетрясении так сообщения и не было. Говорят, что, судя по силе толчка, разрушения вполне могли быть и в Баку. Швеция. Все ссылаются на американский сейсмологический центр. Некоторые гости съез-

да (Бахрейн, Иран — двое, Филиппины) выступали, но фотографий их не печатают. Корасон Акино освободила из тюрьмы четырех руководителей коммунистической партии. Несколько часов ходил и не мог ни на чем остановиться. Ночью уже вспомнил: «Кто был ничем, / тот встанет в семь. / А у кого чего есть, / тот в пять и в шесть (5, 6)». Тогда успокоился и лег. Землетрясение у Нефтяных камней было на рассвете. Чуть было не проспали. Верочка побежала почти без завтрака, съела кусочек пирожка да выпила полпиалы чая. Сегодня будет ночевать у мамы и завтра не приедет. Кажется, нашли обмен на улице Лизы Чайкиной. Нам все подходит. Десятого должна посмотреть квартиру и показать наши. А на следующей неделе, видимо, придется ей ехать в Москву, в командировку. Мама зовет меня пожить несколько дней у нее. Завтра к Кире. Сегодня ночью он будет работать, обещал позвонить.

В субботу принесли пятничную газету, и в ней сообщение о землетрясении в Азербайджане. Пишут, что в Баку только слегка пострадали здания старой постройки. Толчки ощущались и в Красноводске и в Небит-Даге.

К Кире не ездил, они в день рождения были у Миши. На другой день он плохо себя чувствует и не может приехать ко мне. Зовет фильм смотреть в «Спартаке» — Тоска какой-то актрисы-наркоманки. Я не пошел. Так и не встретились, а нужно книги ему передать. «Книгу мертвых» и Цицерона. Сижу дома. Проснулся оттого, что мне показалось, что кто-то стучит в дверь. Наверное, это приснилось. Первая фраза-мысль об этом, как длинное ругательство, а вторая — уже о первой, — что я болен шизофренией. Встаю. Пять часов, еще нет пяти. Конечно, никто не стучался. Курю и кашляю громко, и мне кажется, что соседи и могли бы ругаться, что я их бужу, а не мое

ругательство, вернее, то, что показалось таковым, только помысленное, звучит. Пью чай и жду часа Верочке вставать. А потом остаюсь дома один и ложусь досыпать. Просыпаюсь позже десяти, встаю, иду за газетой. Все, как всегда.

Сегодня намечен старт с космодрома Байконур космического корабля «Союз-15» с двумя космонавтами. Они, наверное, должны состыковаться с орбитальной станцией «Мир», запущенной еще в канун Съезда. Будет прямая трансляция по телевидению. Из океана извлекли части пилотского отсека «Челленджера» с останками американских космонавтов. Вчера в Испании проходил референдум по поводу выхода страны из НАТО. На неделе принесли «Книжное обозрение»: Хлебников В. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / Вступ. ст., сост. Р. В. Дуганова. М.: Сов. Россия, 1986. — 360 с. — 1 р. 20 к. — 50.000 экз. Китс вышел в Лит. памятниках. «Хождение за три моря» тоже. Второй том Стриндберга. А в историческом разделе ничего интересного. Пишут в «Известиях», что сорокатым каталог Третьяковки готовят. Такие дела. Первые семь томов — иконопись, скульптура, книжные миниатюры. Последние двенадцать — живопись с семнадцатого года и до наших дней. Будет подписка. Верочка собирается подписаться. Ничего, что дорого. Я мало пишу. Нельзя сказать, что ничего не происходит. Поговорил с Борей по телефону. Он за Чжуан-цзы еще не принимался, но слышал о книге что-то хорошее. Обещает зайти с Кирой на той неделе. Надо подготовить визит в их клуб. Меня должны премировать. Политические новости каждый день, но неотчетливые. Греция много говорит о Кипре. Взбунтовался один генерал, командующий ВВС Эквадора. Сняли министра обороны. Про Виталия Юрченко говорят, что его не только не казнили в Лефортове, но что он книгу собирается написать о своих злоключе-

ниях. Из ФРГ вернулся еще один перебежчик — Шувалов. Говорит, похитили. В Уганде войска повстанцев освободили почти всю страну. Солдаты Мильтона Оботе бегут к границам Судана и Заира. Большое наводнение и оползни в Южной Америке. Последние сообщения из Бразилии. А то показывали сель в Перу. Много людей осталось без крова, но жертв немного. Ураган в Соединенных Штатах. Тридцать самолетов разбил на аэродроме в Цинциннати. Есть жертвы (небольшие). Целая страница новостей, да я еще не все вспомнил. Сейчас пятый час утра, проснулся рано. Около этого времени и люди во дворе начинают вставать. Держится днями плюсовая температура.

Маме из Москвы привезли около десяти пачек чая, с «Бодростью». Собираются Инна с Борисом и Оля с

Сергеем к нам. Но это еще в апреле. Инна хочет справиться свой день рождения у мамы. В пятницу поеду на Петроградскую, накопились дела в тех краях.

В Ливане, в Бейруте, неизвестная группировка похитила четырех французских тележурналистов. Убили одного прежнего заложника. Улофа Пальме будут хоронить в субботу. Советский Союз на похоронах представляет Н. И. Рыжков и бывший посол в Швеции — Мальцев. Академик Арбатов поедет на похороны. Говорят, что это будет самая представительная встреча глав правительств всего мира. Не приглашены ЮАР, Чили, Афганистан, Парагвай, Кампучия. Все остальные страны посылают своих представителей. Его похоронят в центре Стокгольма, на церковном кладбище. В понедельник в Швеции на минуту приостанавливали все производства, транспорт, занятия в учебных заведениях. Убийца еще не найден. Группы «Кристина-Клара», «Хольгер Майнц» и «фракция Красной Армии» приняли на себя ответственность за убийство. Писали, что и на Бруно Крайского готовили покушение в Париже, на открытии австрийской художественной выставки, да он не поехал. Убивают в ЮАР, хотя власти отменили чрезвычайное положение. Говорят, что режим в Южной Корее скоро падет, как на Филиппинах и на Гаити. И о Пиночете то же самое говорят. Корасон Акино хотела вчера объявить свое правительство революционным, распустить национальную Ассамблею и отменить конституцию, да что-то у нее не вышло. Говорят, что Фердинанд Маркос вывез ценностей, включая его вклады в Швейцарии и США, на десять миллиардов долларов и что правительство Филиппин пытается заполучить их обратно. Это треть внешнего долга страны. Прописал час, рука устала. Миша не звонит. Кира с Эллой поссорились, теперь его не сыскать. Может, сам появится. А то этот приснившийся стук в дверь в пять утра не

давал мне покоя. Верочка купила с рук том Оскара Уайльда за восемь рублей. Очень довольна. Стали показывать фильм про Софью Ковалевскую — три серии. Вчера Верочка принесла Вальтера фон дер Фогельвейде, как будто бы мне. Сегодня еду в город, много дел. В субботу в Югославии объявлен траур по Улофу Пальме, флаги будут приспущены. Старт «Союза Т-15» прошел нормально. Референдум в Испании показал, что большинство за то, чтобы страна оставалась в НАТО. Иракские войска штурмуют п-ов Фао. Выборы во Франции. Победили правые. В Швейцарии большинство проголосовало за то, чтобы страна не вступала в ООН, оставалась наблюдателем. Верочке сегодня очень рано вставать, к семи нужно быть в цехе. Я встаю еще раньше. Вчера поздно пришла, позже восьми. Работа в цехе.

Шеварднадзе полетел в Польшу. Там подорожание. Хлеб, сахар, алкогольные напитки, газ, транспорт. В Гданьске была демонстрация протеста.

Двадцать первого марта утром говорят, что на Реюньоне происходит извержение тамошнего вулкана Ла-Фурнез, сопровождаемое подземными толчками, что население эвакуировано из опасной зоны, что лавовые потоки перерезали дороги на острове, а в вечерних новостях сообщается о землетрясении в Таджикистане. Пять баллов в Ура-Тюбе. Жертв и разрушений нет. Этот день вообще спокойный, только в ЮАР убивают, да в Индии, в Чондигархе, при разгоне сикхской демонстрации, полиция застрелила четырех сикхов. Продолжают говорить о взрыве в магазине на Елисейских полях — погибло два, двадцать получили ранения. Но накануне, еще днем раньше, передавали, что в Дамаске взорвалась машина, начиненная взрывчаткой, убито шестьдесят человек, раненых сто десять. Там же подорвался автобус с полицейскими. Сирийское радио говорит, что это дело рук

Ирака. Вот это да! Я тут выпил. Палата представителей американского Конгресса проголосовала против предоставления антиникарагуанским повстанцам ста миллионов долларов. А так — все переговоры, разные визиты, во Францию, ФРГ, Грецию. Большие маневры у Ливии, Шестого флота США. Говорят, что за ними наблюдает наша эскадра из двадцати девяти судов. Вчерашние новости. Сегодня, повторяю, почти ничего и нет. Зато о землетрясениях заговорили снова. Весь день слушал новости. Полиция в Южной Корее штурмует студенческий городок. В Чили полиция арестовала многих демонстрантов. Амнистия политзаключенных в Турции и в Гондурасе. Кое-что. Китай на всех волнах. Говорят о закладке культурного центра в Египте. Рано ложусь, но не спится, и вот случайно услышал об Ура-Тюбе. Верочки сегодня дома нет, ночует у моей мамы. У мамы температура поднялась. Лечит ее домашними средствами, смотрят кино. А я ничего не делал, почитал немного. Ждать кого бы то ни было перестал. Пью чай. Звонил Мише, Элле. Неудачно. Кирюша куда-то пропал. Боря обещал зайти с ним, но еще в начале недели. И их не было. Я и из дома не выходил. В понедельник надо ехать к маме, вот собираюсь. Очень постепенно собираюсь. Проснулся сегодня до шести и застал на небе луну. Мне показалось, что это освещенное окно в шестнадцатизэтажном доме. Глянул, нет — луна. Большая такая половина луны. Быстро закатилась за этот дом, а когда появилась с другой стороны, была красная и сидела прямо на крышах. Туманная какая-то. Весь день, особенно временами, моментами, чувствовал, что мог бы писать, но одного Реюньона было мало. Я о нем ничего не знаю. Посмотрел в Энциклопедии, сказано, что раньше он назывался остров Бурбон, до революции, что рабский труд использовался до середины девятнадцатого века. Вулканического

происхождения, высшая точка — 3065, кажется, метров. Этот самый вулкан, который на картах никак не называется. И так, у нас затишье. Кто следующий? Я имею в виду Улофа Пальме. У себя ответа на этот вопрос не нахожу. После Пальме, получается, должен кто-нибудь близкий умереть. Я вот не писал, а ведь умерла Таня Баранова, так сказали. Не дожидаясь немногo. Она была в курсе таких дел, опять-таки, как с Улофом Пальме. Больше, чем кто-нибудь другой, следила за событиями. Может быть, это было, когда я ее знал? Но нет — она сама слушала приемник. Редко женщины слушают приемник. Сердце не выдержало. Умерла от приступа. Это еще до У. Пальме я узнал. А когда точно было, того не ведаю. Таня покончила жизнь самоубийством, приняла какой-то яд, а потом уж сердце не выдержало. Это я узнал позже.

В субботу, передают, Соединенные Штаты проводят очередное испытание ядерного устройства в Неваде. Вот и подземный толчок. Мощность взрыва сто пятьдесят килотонн.

Верочка ухаживает за мамой, вызвала ей врача. Я один. Слушал последние известия. В Румынии погибли семнадцать шахтеров в результате взрыва метана в шахте. Волнения на Гаити. Там Анри Намфи преобразовал правительство. Вместо совета из шести членов учрежден триумvirат. Говорят, что ночью была слышна перестрелка и есть, по неподтвержденным данным, жертвы. У нас говорят, что полиция открыла огонь по собравшимся у президентского дворца. Корасон Акино призвала коммунистических повстанцев сложить оружие и вернуться к мирным занятиям. Панама отказала в предоставлении политического убежища Фердинанду Маркосу. Он еще на Гавайях. Джордж Шульц прибывает в Анкару, а во вторник будет в Афинах. Наше радио с утра много говорит о борьбе с пьянством, сообщения из Благовещенска, из

других мест. Закрыли винный отдел в сельском магазине и как стало хорошо. Шведы все говорят об убийстве Улофа Пальме. Выпустили предполагаемого убийцу из-за недостаточности косвенных улик. Ругают полицию. Говорят, что триста полицейских постоянно ищут убийцу или убийц. На каких-то правых шведских экстремистов теперь все валят. Это наши. А так день наподобие предыдущего, довольно спокойный. В газете несвежие новости о том, что запуск «Ариан» отложен в последний момент. Нужно послушать какой-нибудь большой выпуск новостей. Вчера проспал «Время». Сегодня не знаю, досижу ли до программы. К девяти устаешь ждать новостей. Другие говорят пораньше. Все зависит от слышимости. Вчера вспомнили, что двадцать лет назад, в марте, умерла А. А. Ахматова. А. Пятигорский что-то говорил об Англии, но было совсем не слышать. Полицейские все новости. Аресты в Бельгии, в Ирландии. Отравление в тюрьме в Италии финансиста Синдопо, приговоренного к пожизненному заключению.

«Книжное обозрение»: Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фр. — М.: Наука, 1986. — 234 с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока). — 1 р. — 10000 экз. Спешнев Н.А. Китайская простонародная литература: Песенно-повествоват. жанры. М.: Наука, 1986. — 320 с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока). — 2 р. 50 к. — 2600 экз. Николаева Н. С. Художественная культура Японии XVI столетия. — М.: Искусство, 1986. — 239 с. — 3 р. 70 к. — 25000 экз.

Тридцать первого землетрясение вблизи Афин, в море. Сильнее шести баллов. Жертв и разрушений нет, судя по всему.

Интересный момент. Только что закончились учения в заливе Большой Сирт, тут, после убийства в Стокгольме. Город Битник, а не город-спутник, сколь-

ко я думаю о тебе. Но ты где-то возле Баальбека расположен, а тут Ливия, о которой ничего не известно. Выступал вчера по телевидению М. С. Горбачев, говорил, что мы испытания будем проводить, раз США не прекращают своих испытаний.

Я, мы — есть ямы полного переживания жизни. Полнота существования — яма. Перекатываешься из одной в другую. Сама эта мысль, посещающая нас, есть яма. Такой странный дзен, чифирной, без «запаха чая». Варится чай. Я достал пять пачек «индюшки», теперь могу беззаботно жить. В тот же день взял и травки. День военкомата, подачи документов на прописку. Сейчас пятый час утра и ничего мне так не хочется, как развить эту мысль. Полнота чувства — яма на пути, русский дзен. Внешняя дисциплинированность, дисциплинированность внешним влиянием. Пачки, пачки, пустые из-под чая. А я еще пожить собираюсь. Прочна нить следования по пути. Это не нить, а какой-то канат, веревка. Мы за нее держимся и не сбиваемся с пути обыденности, движемся во времени.

Одна женщина передала Пушкинскому дому неизданные письма А.И. Куприна, речь в радиопередаче шла об этом. Эмигрантские издания.

Греческая газета пишет о том, что последнее землетрясение было предсказано одним профессором, который, по-видимому, по телевидению, показывал телеграмму с предупреждением. В понедельник говорят об этом. Общественность была успокоена.

Все написал, рано за газетой идти, еще радио не начинало работать. Вторник, первое апреля.

Мои работы снова продаются. Разговаривал с Эллой, она говорит, что у нее остановились москвичи и хотят купить что-то из работ. Я уговариваю ее не дорожиться. Мне все равно, на сколько продается. Мне не жалко работ, как хорошо, если москвичи уве-

зут их к себе. Не могу видеть пряники. Наелся вчера ломаных и с утра не могу глядеть на них, а они такие красивые, рябенькие, как птички. Вера принесла кулек с восьмьюстами граммами мармелада. И его не хочется. Еще ночь, я только так сказал об утре. Вечера ли, сегодня ли, но моя судьба там решается.

Показывали Аляску, вулкан Августин, начавший извергаться. Он стоит на равнине, хорошо издалека виден, его издалека и снимают. Над ним туча, как водится при извержении, говорят о лаве. Хочу сегодня посмотреть «Клуб кинопутешественников» или хотя бы узнать, о чем будут показывать киносюжеты. Я проснулся так рано, встал. Покурил, почувствовал, что хворь слазит, как чулок, как будто ее стаскивают с тебя через голову и, действительно, и ноги мои успокоились. Я ведь проснулся от боли в мозолях. Встал, больше не спится. Я сижу, а ноги испытывают то же, что при ходьбе они должны бы испытывать. Новые книги вышли: Тамильская лирика, о лотосах как-то... Веневитинов — проза и поэзия. Фет. Я посмотрел список новых книг — больше ничего не запомнилось. Газету приносили еще в воскресенье. Так научаюсь понемножечку писать. Густого, сочного, фактурного ничего нет. Скучаю без кондиционной плотности передач. Говорят о XIII съезде БКП. О Съезде Союза композиторов. Был концерт поздно по телевидению. А у меня чаек, травка есть и все в порядке.

В субботу сообщают, что в понедельник на афинском стадионе состоится двухдневная встреча сейсмологов Греции, Италии, Испании, Мексики. А в воскресенье утром наше радио передает о серии четырехбалльных толчков в Калифорнии. Калифорнийцы и японцы еще ждут катастрофического землетрясения, а остальные народы и ждать перестали. Давно ничего не слышать о Турции, об Иране. Карта Греции

в книжке А.М. Кондратова вся сплошь покрыта значками, отмечающими землетрясения. Это только в этом веке. Прибавился еще один кружок. Восьмого собираются американцы провести очередное ядерное испытание, вот и конец моратория.

Еще в субботу произошло землетрясение возле города Куско, силой 5,8 балла по шкале Рихтера. Не менее семи человек погибли, сто двадцать получили ранения, шестьсот семей остались без крова. Триста пятьдесят зданий разрушено, несколько церквей и руины инкских построек пострадали. Передает Швеция. Сегодня Благовещение, день очень хороший и легкое настроение. С удовольствием живу, хотя никак не предчувствовал этого землетрясения. Собирал деньги, Кира просил подсобить. Но Кира не позвонил, и я второй день в неведении. Сегодня был толчок четыре и восемь десятых балла по шкале Рихтера в районе острова Эвбеи, в ста пяти километрах к северо-востоку от Афин. О жертвах и разрушениях сообщений нет.

Во «Времени» говорят, что в Куско погибло шестнадцать человек и сто семьдесят получили ранения. Показывают развалины. Более пятисот административных и жилых зданий повреждены или разрушены. В среду толчок в районе Патр, в ста семидесяти километрах к западу от Афин, силой четыре и три десятых балла. Убили в Греции какого-то промышленника Ангелопулоса, и премьер-министр сокращает свой визит в Пекин. Ищут двух террористов по словесному портрету, нашли мотоцикл. В Красном море от неизвестных причин затонул греческий корабль «Аляска-2».

Бабрака Кармаля сменил Наджиб.

Все это время переезжали на новую квартиру и устраивались на новом месте. Сколько же времени про-

шло? Перечитываю дневник, и кажется, что *все* пропустил. За это время произошли землетрясения на Алеутских островах — семь баллов, толчки послабее в Азербайджане, Таджикистане. Были разрушительные землетрясения в Иране и Турции, но все подробности мне уже не восстановить. Долгожданный взрыв на ядерной электростанции. До сих пор в новостях еще каждый день говорят о положении в Чернобыле. Совершенно не отражено у меня, что там произошло, но в прессе много сообщений, и, вообще, эта катастрофа не скоро забудется. Сегодня двадцать шестого мая, говорят, что в этом году еще запустят там два реактора из четырех.

Я немного выкроил времени из наших работ и съездил с ребятами в буддийский храм. Там дежурил Саша. Он дал мне несколько номеров армянской газеты «Коммунист». У меня номер с описанием землетрясения в Грузии, бывшего тринадцатого мая. Привожу из этой статьи выдержки, так как они разительно отличаются от того, что сообщали «Известия».

«Известия»: «13 мая в 12 часов 44 минуты по московскому времени в Грузии произошло землетрясение, эпицентр которого находился близ города Ахалкалаки... Вблизи эпицентра отмечены незначительные повреждения зданий и сооружений старой постройки...»

А вот что пишет «Коммунист»: «Сильнее стихии». «Испытанием на мужество и стойкость наших людей стало землетрясение, происшедшее в Грузии 13 мая.

Как известно, в его эпицентре, примерно в 20 километрах от районного центра Богдановка, на юго-западе республики, сила подземных толчков в 13 часов 45 минут достигала 7 баллов.

Наибольшие разрушения выпали на долю сел Тория, Аспазия, Гандзани, Пока, Кондури, Кулалиса. Сильно пострадали жилые дома, объекты просвещения, здравоохранения, торговли. В районе разруше-

но и находится в аварийном состоянии около 1500 индивидуальных домов, в основном старой постройки. Не вынесли ударов стихии здания пяти сельских средних школ, больница в Гандзани.

Землетрясение захватило и соседний Ахалкалакский район. Мощные толчки силой в 6 баллов ощущались в районном центре, в селах Абули, Бежано, Азаврети, Сулда. Разрушено более 80 индивидуальных домов. Стены еще 34-х получили сильные трещины.

В результате землетрясения два человека погибли...»

Вот как непохожи два сообщения.

Землетрясения продолжаются. Небит-Даг и Ленкорань. В Ленкорани, пишут, пострадали дома старой постройки. Аляска. Купил книжку о великих катастрофах в истории земли. Купили двадцать пятый том Ф. М. Достоевского. Теперь мы живем под тополями и по нашей улочке ходим в «Старую книгу», очень близко и удобно. Вчера отдал маминой знакомой книжку Дагданова «Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя». Вчера проводил и Верочку в Москву, сегодня она уже там. С утра звонили в Москву, Игорю. Поздравляли с днем рождения. Верочка, наверное, увидит их всех. Я ее очень просил чая достать. Повезла с собой восемь только что отпечатанных рублей. Я вот все не пишу, а были кое-какие события в нашей жизни. Приглашали Вериных родных на новоселье, и они подарили нам не только шесть чашек, но и принесли мне в подарок пачек шесть-семь чая индийского. Вот этим и живы. Пили водку, а тем же вечером я должен был получать премию в клубе. Еще большая (0,75) бутылка. Утром я даже не мог сразу чай сварить, чтобы голова прошла, вот до чего пьяный был. Немножко «Московской» еще оставалось и только начатая бутылка вина. Но только чай помог. Потом заходил Кира, и мы с ним водку и вино приговорили. Мне дали диплом, и я почитал немного нового. Эрль не хотел

пить, но нас так уговаривали, что и он выпил стакан водки. В клубе была «Столичная». Вот эти были события, потом звонки разные. Миша с сыном пару раз заходил, вот вчера, только проводил Верочку, Эллочка пришла. Она ехала к Герте Михайловне, а ее забрали в больницу. Зашла к нам, оставила две индийских пластинки и чайник — для Киры. Кира звонил при ней, но уже из Купчина. Не зашел. Сегодня, в связи с отъездом Верочки, мы бездельничаем, вернее, я выкроил свободного времени. Мама стирает, собирается пойти погулять. Едим мало, а «индюшка» еще есть. Варю чай. Двенадцать часов, все равно я занавески не раздвигал. На тетрадку падает свет, а комната вся в тени. Никого не ждем и я даже не одеваюсь. На улицу сегодня не иду. А время как-то остановилось после Чернобыля. Сколько писали и говорили, да и сейчас продолжают. Говорят, что СССР выплатит компенсацию Польше, Венгрии и Чехословакии, но что и Швеция, и ФРГ могут не терять надежды. Может быть, сейчас там самые напряженные дни. Мы ничего не знаем, наши «малые дела» происходят на фоне таких великих дел, как в Чернобыле. Люди еще умирают. Показывали поправляющихся пожарных. Передачу о них я не мог посмотреть. Вспомнил «451° по Фаренгейту». Рассказывают анекдоты, собирают деньги. Если бы хоть часть того, что насказано о Чернобыле, говорили о Таншане. Наши маленькие дела идут на фоне гигантского безвременья. Мы живем очень спокойно и тихо. Покупка чая уже событие. Верочка купила десять пачек «36». Это запомнилось. Эллочка вчера подивилась на наши запасы.

Тогда же, в день получения премии, был у Натальи Васильевны и видел Швейгольца. До субботы теперь все тихо, а в субботу Эллочка обещала зайти поздравить маму. Кира-то, я знаю, работает.

С Чернобылем отстал от жизни. Да, кажется, ничего и не случается такого уж великого. Как-то приос-

тановилось время. Аресты в Польше, убийства то здесь, то там. Здесь — не у нас, конечно, так сказалось.

Рассеянная летняя жизнь и началась, за своими делами мы потеряли ощущение величия момента. Сегодня пишут о больших наводнениях в районе озера Титикака. Звонят колокола. Никуда не рвусь из дома. Выхожу дважды и трижды в день, как будто в соседнюю комнату. Сразу же возвращаюсь.

Потом раз мы с Верочкой съездили в Купчино, привезли вещи, книги. Ф.М. Достоевского и китайцев вывезли. Совсем собрались на этой неделе еще раз там побывать, да вот незадача — Вера в Москве. Я уже представляю, как там собирают чай. По пачке, по две. Может быть, что-то и выйдет. Она сама рассчитывает на «Бодрость». Я что-то брежу «индюшкой». А там посмотрим.

Никак не наши маленькие дела. Умерла Герта Михайловна еще в пятницу, мы об этом знали в субботу, но еще и вчера, шестнадцатого, я сказал это как новость Мише. Я знал ее двадцать шесть лет, только раз я нашел возможным обременить ее своею работой. Когда она была у Киры в Купчине, я подарил ей сделанный там же картон, я его не забуду, но дальнейшая судьба его в эти дни становится неизвестной. Я никогда не давал ей своих работ, хотя раза два-три и показывал. Тогда (это был мой апофеоз) я работал в Купчине. Вера уехала в отпуск, и мне было что стащить с шестого этажа на первый и показать. Больше я уж вообще не работал, нигде. Меня журят за это, но мягко.

Так бы можно дни и не уплотнять, тем более что дальше они идут разуплотненно до предела. Зашла Алла Кронидовна, умерла Герта Михайловна, справили день рождения мамы. Верочка вернулась из Моск-

вы утром в субботу, а вечером мы уже знали, что Герта Михайловна умерла. Это событие. Я хочу сказать, что это не на срок, а навсегда. В крематорий я не ездил, где похоронили — не знаю. Распоряжался всем ее бывший муж, я с ним не знаком. Смерти притягивают к себе смерти же, и вот умер Борхес в Женеве, Бенни Гудман, Дин Рид в Берлине.

На гигантском фоне катастрофы в Чернобыле мы что-то много сделали своего мелкого и жизненного. Вчера мама позвонила Ирине Константиновне, и она, кажется, обещала зайти. Я выхожу каждый день из дома, вчера встретил Володю. А то что же — съездили за премией, да и не смогли в тот вечер у Натальи Васильевны чая выпить. Теперь говорят, что грузинский чай подвергся воздействию радиации. Мы пьем помногу, как раньше. Съездил на днях к Мише, и самому было странно, как я быстро закруглил визит. С утра в субботу в пивных толпы. Дождь. Захожу в «Старую книгу». «Робайят» Омара Хайяма академический за червонец, а так ничего интересного я не нашел. Сегодня, кажется, уже ничего нельзя подсобрать. Прошелся по Большому в сторону Тучкова моста, но на Васильевский не переходил с тех самых пор, как мы переехали. Постепенно научусь бывать и на Стрелке. Пора проторить дорожку в «Академкнигу». Теперь эти книги объявляют как философские: Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. Культовые места, XIX — нач. XX в. Новосибирск: Наука, 1986. — 192 с. — 1 р. 70 к. — 2350 экз. Психологические аспекты буддизма / Отв. ред. В. В. Мантатов. — Новосибирск: Наука, 1986. — 157 с. — 80 коп. — 49350 экз.

Или вот в «Художественной литературе» — Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй: Роман. Пер. с кит. Подготовка текста Л. Сычева. — М.: Худож. лит., 1986. — 75000 экз. — Т. 1. — 447 с. — 2 р. 20 коп. — Т. 2. — 495 с. — 2 р. 50 коп.

Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию / Пер., послесловие С. А. Ошерова. — Кемерово: Кн. изд-во, 1986. — 464 с. — 2 р. 30 к. — 100000 экз.

А в свободной продаже, в отделе, где открытки, «Белые ночи» Ф. М. Достоевского с иллюстрациями Добужинского, не знаю, сколько стоит, факсимильное изд., соблазняет. Миниатюры к Низами, большого формата альбом, — не приценялся. Кое-что бы можно купить и сейчас. «Песни о Вильгельме Оранжском», например. Ходил на почту за деньгами и прогулялся до Промки. Там в метро осмотрел ларек. Ничего не купил, но смотреть интересно. Наверное, и эта книжка по буддийской психологии появится на прилавках, напоминая нам о том, что буддийская эра настает и уже настала. А завтра Троица. Верочка на даче, и вот совсем вечер, а ее нет. Наверное, задержится на день.

Проходит время передачи «Время». (Хотите узнать о первом — спросите у Эрля.) Герметические стихи. Я хотел бы об них поговорить на присуждении премии, но нет у меня готовых образцов стихов. Как бы нет. Интересно, что я, как знакомлюсь с новыми людьми серьезно (с Яр. Владимировичем, с Эрлем), начинаю говорить о том, что меня интересуют герметические стихи. Кажется, оба эти раза я остался не понят. Стихов почти не прибавляется, и в процессе знакомства мы как бы уже не возвращаемся к этой теме. Глас вопиющего в пустыне. Ну а научная поэзия? Тоже не понимают. Песня про Бабрака Кармалю так и осталась незаписанной, а там интересно получалось. Что об нем пели еще в сорок восьмом году. Теперь я смотрю на карту европейской части Советского Союза и мне ее вполне хватает. И Чернобыль, и Богдановка на ней есть. Ханты и манси есть, а вот Афганистан не попал сюда. Китай.

Но Верочка все же приезжает сегодня, ведь она обещала, попозже, но приехать. И мы снова втроем.

Я хотел посмотреть футбол, но догляделся только до первого обмена голами в матче Бразилия—Франция. Я забыл одну песенку, которую записал для памяти, мне ведь так казалось, что в этот сезон будет почва для двух-трех стихов, но одну я начисто забыл и мне нечего перерабатывать сейчас. Рукопись сдана, я попробовал в клубе о ней заговорить, но ничего нового в ответ не услышал. Как будто Эрль берется перепечатать все в точности. Но это когда еще будет? Он не звонит, он занят, он сам же сказал, что сейчас завален работой. А как будто бы одна книга по испанской герметической поэзии выходила. Мне она как сквозь сон мерещится. Это какой-то сон не битника с «Мексико-сити блюз», а именно сон герметического поэта. Я с вождением поглядываю на двухтомные «Назидательные новеллы» Сервантеса. По радио говорят о еще нескольких взрывах в Испании, больше ничего нет. В Южной Африке убивают, в Ливане. Говорят (и в этом все единодушны), что нужно ожидать падения режимов в Южной Корее, Чили, Африке Южной. Вместо всего этого мы имеем события в Южном Йемене, да бомбардировку Триполи и Бенгази. Только что у меня хорошо начинало получаться со сном битника из города-Битника, универсального Чернобыля всего приморья. Я знал все о будущем, но каким близким это будущее оказалось. Приходится вносить поправки в предшествующий период полубессознательного житья-бытья пятидесятих-шестидесятих годов. Важные вехи, но скрытого значения, как величайшие землетрясения, происходящие в районах, где совсем мало населения. Заодно сейчас выясняется, что и мог о них не слышать. Гималайское пятидесятого и Гоби-Алтайское — пятьдесят седьмого. Все эти годы я отступал, т.е. потом уже. Возмужав, я только и делал, что отступал. Я весь свелся к выяснению вопроса самостоятельности Эстонии перед лицом нашей экспансивности, в наше

время. Да, для нас, конечно, это страна закона, закрытая для нас. Но, кстати, это женщинам как-то больше понятно.

Итак, я к жизни готов, но я и знаю, что будет здесь. А что там будет, и не знаю. Я сдал экзамен по наиновой истории. Выступил по телевидению А.А. Кедринский. А я план составил на это время. Как бы сеть раскинул, и теперь мне только остается смотреть, что запутается в ее ячейках. Духов день. А все остальное, всю мировую канву я знал. Я сказал то, что я смог сказать — миропроявление. Как удивительно оно не подвластно мне самому.

В Грузии и Армении под Троицу выпал снег. Кажется, показывали Богдановку. В Араратской долине у озера Севан снег лежит на полях. Пострадали посадки. Это в воскресных последних известиях, во «Времени».

Поговорить с Борей насчет того, что когда буддистскую пьесу будут печатать, могут использовать мои работы на эту тему.

На Духов день и в Азербайджане снег, в двенадцати районах. Особенно в Гульбуджакском районе — снег лег на пастбища и полтора миллиона овец остались без корма. Таяние снега привело к селям. Дороги размыты.

Я все смог бы выразить в землетрясениях. Для памяти: мышка легче говна и не тонет в нем. Во вторник землетрясение вблизи острова Хонсю. Слышны толчки в Токио. Эпицентр в океане. Сила четыре балла по семибальной шкале. «Время» можно и не смотреть, ничего не скажут. Открылся VIII Съезд писателей. С утра говорят о том, что новая гидросистема, связывающая Днепр с Дунаем, сделает Днестровский лиман и морской порт Белгород Днестровский несудоходными. Поэтому надо подождать с осуществлением этой программы.

«Как и великие китайские пейзажисты, Сэсю работал “изнутри—наружу”, т.е. шел от внутренней идеи к внешним формам как лексическому элементу поэтической речи». Н. С. Николаева. Художественная культура Японии XVI столетия.

Говорят, что на БАМе были девяти-десятибалльные землетрясения в 67 и 72 годах, т.е. еще до строительства. А сегодня, 8 августа, произошло несильное землетрясение в центральной части БАМа. В Тынде толчок четыре балла. Говорят, что разрушений и жертв нет. Я совсем не пишу, пропускаю месяцы. Не так давно было четыре землетрясения в Калифорнии. После первого образовались довольно значительные трещины и дороги были блокированы обвалами. О жертвах не сообщалось. А последнее, четвертое — 5,5 баллов, вызвало, кажется, только опрокидывание мебели. В сюжете говорят о том, что в Сан-Франциско, за триста шестьдесят километров от эпицентра (Обиско), ощущались толчки, а показывают упавшие с полок консервные банки в универсаме. Больше, мне кажется, землетрясений нигде не было. Два подземных ядерных взрыва в Неваде и в промежутке между ними, кажется, было еще землетрясение там же, но я не уверен в этом. Американцы установили сейсмологическое оборудование возле Каркаралинска, в районе Семипалатинска, и пока их приборы фиксируют их же взрывы. Показывали сейсмограмму взрыва семнадцатого июля. Осенью и наши ученые должны установить свое оборудование в Неваде. Сейчас сейсмология занимает почетное место в сообщениях по радио и в газетах. Шведы предложили какой-то свой метод контроля. Говорят о трех районах испытаний, где надо создать сейсмологические станции, но непонятно, Новую ли Землю они имеют в виду?

Сегодня начали было смотреть фильм о Чернобыле, украинский, да пришла Элла и мы выключили телевизор. Пару дней назад Кира наконец показал нам с мамой свою Женю.

Самое сильное впечатление пропущенного времени — Веберн. Раз вечером, кажется, в день открытия конкурса имени П.И. Чайковского, передавали его по радио. Я слушал очень внимательно. Теперь мечтаю послушать А. Веберна где-нибудь здесь. Кажется, у Саши он есть, пока только кажется. Книга из Новосибирска долго не приходит. Дважды был в «Академкниге». Перепелкин продается, а «Религия ханты и манси» мне не приглянулась. Амурские писаницы — не купил. «Искусство Экваториальной Африки» свободно продается. Не берут «Искусство Палестины», правда, современное. Я ничего не покупал, хотя и рылся в «Старой книге». Мир — плохая печать. «Современная эстетика США» — уже было. Лесков — дежурный какой-то набор произведений. А в «Эхо», говорят, напечатали ранние рассказы А. Кондратова.

Вера ходила на воскресный базар и купила десять пачек «36». Вот наша крупнейшая удача. Ведь в последнее время и чай кончался в продаже, и мы были рады, когда достали двенадцать пачек «грузии». Но приехала Галя Карпова и привезла три пачки «индюхи». А до этого Кира нам давал регулярно «индюхи». А то хоть «плиту» пей. Наконец-то Верочке повезло — два килограмма «36». В воскресенье ночью произошло сильное землетрясение во Вранче, в Румынии. Говорят, что по шкале Меркалли в Бухаресте достигало семи баллов. Люди провели ночь под открытым небом. Ощущалось у нас, в Турции, Болгарии, Югославии. Умер У. К. Кекконен. Последняя новость. А вчера выпили «Хереса» бутылку. Мы так отвыкли от алкоголя, что покупка водки и бальзама к дню рождения кажется чем-то таким... А вообще, в последние

дни покупали в больших количествах зеленый горошек, перцы, виноград.

Больше говорят о Камеруне, там жертв больше. Тысяча пятьсот тридцать четыре человека отравились газом, выделившимся при извержении на озере Ниос. Еще с восьмьдесят четвертого года надо было ожидать этого, тогда там отравилось тридцать шесть человек. Правда, не в связи, но название Камерун тогда же и зазвучало. А это время было все тихо.

Сказали, правда, что Москве никакие разрушения не грозят. Показали Кишинев, говорят, что на юго-западе Молдавии землетрясение было интенсивнее. Исправляют повреждения. Есть, говорят, разрушения в Софии. А о Бухаресте так почти ничего и не передают. В Молдавии есть пострадавшие. А днем, это уже из Обнинска сообщают, произошло землетрясение силой семь баллов вблизи Марианских о-вов. Генри Мур умер тридцать первого, на восьмьдесят восьмом году жизни. Второй день передают некролог — не слышать. Подробности о румынском землетрясении — не слышать.

Еще жертвы: утонул пароход пассажирский «Адмирал Нахимов». Возле Новороссийска. Не известно число жертв. Ночью он столкнулся с грузовым судном... Американский самолет мексиканской авиалинии столкнулся с двухместным самолетиком возле Лос-Анджелеса. Все погибли, еще пять человек на земле были убиты... Триста человек в Индии погибли в наводнениях, в Андра-Прадеши двести шестьдесят два. Выступал в программе «Время» митрополит Минский и еще какой-то Филарет. Говорил о ядерных испытаниях.

Я не писал еще, что по Пензенской области пронесся смерч. Потом он проявился в Татарии, везде разрушения. От города Белинского начался смерч, а теперь уже писали об урагане в Рязанской области и в Москве.

Третьего сентября потрясло Ахалкалаки и Богдановку. Шесть баллов, имеются разрушения. Много пишут про Молдавию, там разрушения громадные, школы, детские сады, типография и редакция в Кагуле.

Я научусь натаскивать домой именно то, что надо. — Ну, теперь ты жизнью доволен? — Завариваю крепкий чай на заре. Да, так, пока чай есть, я и ждал. Об очередном испытании на полигоне в Неваде пишут, предстоящем.

Живем в предчувствии того момента, когда Эллочка принесет В. Хлебникова. Как знали, что здесь его будет не достать и попросили друзей из Лондона прислать. Наконец от них бандероль: Б. Пастернак 2-томный, стихи И. Бунина и В. Хлебников, тот самый — драмы, проза, стихи. Теперь Эллочка почти шла к нам с ним, но что-то ее удержало. А у нас в тот день был Кира, она говорит: — Знала бы, обязательно бы зашла!

Я живу в окружении новых книг, Верочка купила из «Лит. памятников», Кира принес сборник программных статей европейских писателей с Ф. Кафкой. Я покупал немножко: «Великий Устюг» и Агахи ташкентского. Кира обещает нам отдать «Сказки и легенды Систана», т.к. у нас сказочная подборка лучше.

Землетрясение в Греции, с утра в воскресенье только и говорят. Есть убитые и раненые. У меня трава кончилась тут, но с утра я еще курнул пару папирос. Верочка поехала на кладбище. А вчера мы с ней свезли макулатуру на «Тысячу и одну ночь». Теперь нам очень много макулатуры понадобится. Неделю назад был Верочкин день рождения, собирались днем родственники, а вечером зашли Кира, Элла, Женя и Боря. Я напился водки до того, что неделю не проходит боль в пояснице.

В понедельник Ленинграду грозит наводнение, юго-западный ветер усиливается до 25—28 м/сек. Едем

с Верочкой к Мише и забираем В. Хлебникова. Я никак не ожидал, что томик будет такой. У Миши много народа, когда мы возвращаемся, Верочка с мамой принимаются варить яблочное варенье, а я варю чай и разогреваю обед, вообще готовлю стол к обеду. Говорят по телефону о наводнении и за столом. По радио предупреждают только об усилении ветра. Сижу, перечитываю сообщение о греческом землетрясении, слушаю об этом же по радио, жду, что будет. Теперь в доме есть В. Хлебников, возвращаемся к временам, когда отец был жив и нашел у меня на этажерке томик «Библиотеки поэта». Он просил меня почитать вслух, по-моему, он понял, что я нашел своего поэта. С тех пор — двадцать пять лет — ничего подобного не было. Я так и вижу, как он становится у нас на полку. Половина вещей незнакомых, половина хорошо знакомых. Эллочка, которая дала нам его, корректирует какой-то труд, в котором говорится о происхождении иберийцев. Кавказском. Беды обрушились на большевиков, и только об этом речь.

К утру все успокаивается, ветер утих. Я встаю рано. Трясет ночью Таджикистан, Ишкашим посильнее, Душанбе — послабее. Извергается Этна. Последний раз извергалась в 84 и 85 годах. И землетрясение в Греции, там же, повторяющееся в понедельник и в ночь на вторник. Паника, раненые. И в среду землетрясение в районе Файзабада. Посильнее. Как будто в моем тексте кто-то попереставлял слова, внес уточнения, все перестановки в эту сторону. Я говорю о том, что я написал в «Возвращении в 1974 год» о вьетнамском стихотворении, его истолкование и что было дальше. Вероотступник, что-то вроде «Калины красной», и тогда и теперь предстоит. Как будто простой перестановкой слов в моем тексте мы достигнем полной адекватности литературы с действительностью. И, как будто, это достижимо...

23 сентября. В сегодняшней газете уже есть статья о Таншане. Не поздно ли?

Из Москвы позвонили, говорят, что килограмм чая высылают мне. Новости сегодня утренние отличаются от вечерних и даже дневных. С утра говорили о попытке угона нашего самолета, а сейчас — взрыв на Корсике, ничего лучшего.

Взвиздел что-то от чая, а на улицу вышел — обычный день, много народа, школьники перед девятью. В газете напечатали сообщение о захвате самолета двумя уфимскими наркоманами. Преступники уничтожены. Это было еще двадцатого.

Солнечный день, несмотря на все ужасы «плюс один» утром, предчувствие холода и ветров. Собираются на Марс, теперь определенно. Попытка переворота в Того. Верин берет сегодня остался лежать на книжном шкафу. Она одела мою толстую шерстяную шапку. Я ей говорю, что хотел бы эту шапку ей подарить. Я выхожу из дома немного позже восьми, и, на удивление, тепло. Я дохожу до молочного, и все как всегда. Только немного раньше, чем обычно, и это чувствуется. Я делаю закупки для дома, возвращаюсь и успеваю до девяти побриться и накуриться. Папиросы мне хватает как раз до начала последних известий. В них и говорят, что «Советская Россия» опубликовала проект, намеченный на семьдесят восьмой год, о полете двух человек в сторону Марса или и на Марс — я не понял. Нет, не люди, а автоматическая станция полетит на Марс.

28 сентября. Тайфун во Вьетнаме — есть жертвы. Пожар в Загорске — есть жертвы. Журналисты еще в субботу были допущены на наш ядерный полигон. Пустили первый энергоблок в Чернобыле. На пенсию ушел министр морского флота Гуженко из-за «Адмирала Нахимова». Четыреста человек утонуло в Черном море, вблизи Новороссийска. Ущерб, причиненный

землетрясением в Каламате, составил сорок миллионов драм. Говорят, что землетрясение было ужасным, город почти полностью разрушен. Вчера был еще толчок, но слабый. Пишут, что в Молдавии ущерб составил полмиллиарда рублей.

2 октября день Гвинеи. Землетрясение в Греции, в 125 км от Афин. Ни жертв, ни разрушений. Но еще говорят о Каламате. Ясный взгляд. Бессмысленный. Непонимание того, что собеседник говорит также то, чего не может не сказать. Ясный взгляд такой привычный, что «ничего не выражает», а также ничего не дает понять. Иногда я опускаю глаза в пол и не могу их поднять. Машинально смотрю вниз и не оторвать взгляда. «Тот, кто прячет глаза, — никогда не увидит Авелокитешвару...» Я, как раз, тогда и прячу глаза и, значит, не увижу. Это расплата за бессмысленную ясность привычного взгляда. С утра посмотрел в Энциклопедии статью «Гвинея». О последней революции в ней ничего не говорится. О сейсмичности тоже. Да и вообще сейчас перерыв.

Верочка принесла Катулла, а о Низами ничего не слышно. Ходил в магазины, Хафиз продается. Кира говорит, что видел в метро на Невском несколько томов Ф. М. Достоевского. Не купили. К вечеру газета забывается, а ведь пишут о том, что в Антарктике откололся участок ледника с нашей станцией, законсервированной, и что сейчас не знают, уцелело ли что. Пожар на нашей атомной подводной лодке, три человека погибли. Лодка утонула. Три дня горела.

Кира достал нам двадцать пачек «индюхи», обещал привезти. С утра были слышны какие-то известия на русском. Рейган уже сегодня, в четверг, летит в Исландию.

День-то какой! Сказали, только осадков не ожидают, а солнце светит, выходил в пиджаке — тепло. Купил два литра пива, погожий день, и я пью пиво, второй раз за шесть месяцев.

В пятницу перед полуночью катастрофическое землетрясение в Сальвадоре. Число жертв неизвестно, большие разрушения в столице. В субботу в девять утра в Западной Турции землетрясение силой шесть баллов по шкале Рихтера. О жертвах и разрушениях не сообщается. Большая группа сейсмологов из сорока пяти стран посетила Нурекскую ГЭС и сейсмостанцию.

Тысяча восемьсот человек погибло, говорят, в Сальвадоре. По радио поминают сегодня молдавское землетрясение 31 августа и то таджикское, что было год назад. Теперь говорят в последних известиях только о Горбачеве и Рейгане, а о сейсмологии новости я узнаю из передач Би-би-си.

Сегодня вторник, четырнадцатое октября. Снова подземный толчок в Сальвадоре. Кто говорит пять, кто — четыре с половиной, а кто — два по четыре балла насчитали. Греция передает, что в прошлую пятницу погибло девятьсот семьдесят шесть человек. Слабых толчков очень много. Опять есть разрушения. Наши говорят, что восемьдесят процентов домов в Сан-Сальвадоре разрушено. Румынскому еврейскому писателю, живущему в Нью-Йорке, дали Нобелевскую премию мира. Эли Визель.

Испытания силой пять и пять десятых балла в радиусе ста шестидесяти километров. Значит, и Лас-Вегас тряхнуло. Американцы устраивают искусственные землетрясения, а мы нет. До конца года не будет испытаний. Все пишут о Сальвадоре. Это как Манагуа в семьдесят втором. Я знаю, за что посидел. Так-то ровнее сидится. А теперь гласность объявлена, и не хочу и не могу не писать.

Конец недели. Американцы как будто переносили испытания с четверга на пятницу из-за сильного ветра в пустыне. Нашим сейсмологам не позволяют работать в Штатах, какие-то все задержки. Им не по-

пасть на полигон. Говорят о чувстве покоя по радио, утром. Накануне полное лунное затмение.

Понедельник, 20 окт. Землетрясение в Южном Тихом океане, ощущалось в Новой Зеландии. Эпицентр — на каком-то острове. Погиб Самора Мойзес Машел, самолет упал на территории ЮАР. Все погибли, тридцать пять человек. Большое событие в октябре. В Мапуту, в Мозамбике, заседает политбюро.

Звонила Зайка мне на Верочкин номер, спросила Эллу. А Элла была там в то время и поговорила с ней так внезапно. Что-то о Вике, не знаю, что они там сказали друг другу. Ни до кого не дозвониться. В конце недели застал Киру на службе, да он не стал со мной разговаривать и не позвонил, как обещал. И Эллы дома нет который день. Я только открываю и закрываю двери, но все не за теми людьми. Впрочем, Кира у нас был недавно, взял цветочков. Да, теперь его ждать нечего.

Сперва передали только о гибели самолета и числе жертв, а о Саморе М. Машеле не говорили ни слова. В три я начал слушать известия, и уже о нем только и говорили и о его министрах. Сегодня говорят о том, что посол Замбии летел вместе с С. Машелом. А четыре или восемь, другие говорят, человек спаслись, не разбились. Показывали место гибели самолета. Трупы лежат рядом, рядами и россыпью — вот как это сказать? Самолет наш. Разбился всмятку. В км от границы со Свазилендом и Мозамбиком. После убийства У. Пальме вот первое событие такого ряда. В Мозамбике объявлен шестидесятидневный траур.

На словарь русского языка в 4-х т. нам не удалось подписаться. Выкупили два тома «Тысячи и одной ночи». Кто-то выкинул книжную полку, целый стеллаж, но нам его некуда поставить. А пока я так размышлял, его разобрал и забрал кто-то другой.

Будущая пятница — день убийства Индиры Ганди. По телевизору показывали памятник Махатме Ганди, московского скульптора, установленный в Гандинагаре. Я уже писал Индиру, есть работа, она была приговорена. Сейчас мне привезли ленинградский натюрморт — хлеб и чай. Да я попросил из Москвы прислать мне фотографию с одной работы — АСТ называется. Лихославльский пейзаж. Да надо бы сфотографировать и «Красные крыши», и этот чай, и «сюзане». Принесли книгу Вани Стеблина-Каменского «Легенды и сказки Систана». У нас в подборке сказок как раз ее не хватало. Да и Будд надо сфотографировать и Индиру. У меня есть пленка со старыми натюрмортами — три или четыре картины. Необходимо отпечатать. Как много дел на пути живописи. Писать в городе. Церкви две.

Первый раз купил чай с наценкой — мы купили двадцать пачек, да три я был должен. Все-таки удался «Пир во время чумы». Ведь, кроме плиточного и зеленого, никакого чая не достать. А мы пьем «Индию», сами готовим «36» и запасы у нас еще есть. «Бодрость» и два пакета «тридцать шестого».

А вторник, двадцать восьмое, похороны С.М. Машела.

В четверг повторяют «Клуб кинопутешественников». Фильм о китайских пагодах. Одна из них перестояла семьдесят землетрясений с эпохи Тан, построена без гвоздей. Много пагод, целое поле пагод в Нинся. Как землетрясения становятся на свое место в истории. Как в Гвинее. Гвинея это имя. За гвинейским землетрясением засекали время. И скоро революция восемьдесят четвертого года. А в Мозамбике наводнение я отмечал. И вот смерть С. М. Машела.

Суфаннуонг ушел в отставку — вот новость-то. Извержение Иводзимы, поезда не ходят. Землетрясение на Фиджи.

Шакти Цхала — мемориал Индиры Ганди.

Землетрясение на Фиджи, шесть и пять десятых балла, в Таджикистане — пять баллов и у Этны, где продолжается извержение. Имеются разрушения в Италии.

Большая авария на химкомбинате под Варной. Семнадцать человек погибли, есть раненые. В Систане разбился иранский самолет с девяноста солдатами — все погибли. Еще шесть членов экипажа. Это понедельник. А об аварии в Болгарии в воскресенье передавали. Сегодня, третьего ноября, пленум политбюро в Мапуту. Пора уже выбрать кого-то президентом, на место С. Машела. В Лаосе президент сложил с себя полномочия, и Фуми Фонвичит назначен временно исполняющим президентские обязанности.

Купила в субботу Верочка двадцать пачек «36», еле довезла, но теперь мы с чаем. Я посчитал — может, и до Нового года хватит. С первого декабря у Верочки отпуск. Кира устроился на вторую работу — топит «Промку». Миша и Саша в ТЮЗе. На днях Кира обещал зайти к Эллочке. Поймал ее у Миши, да она сказала, что ей неудобно по телефону разговаривать. Обещает прийти и принести картинку. Просто сюзана нарисовано на листе бумаги. Хочу его рядом с натюрмортом повесить. Красное есть там и там. Так вот какого прогресса я достиг в натюрморте? Я сфотографировался на фоне сюзана, но этих карточек у меня нет и не было никогда. Пленку сделали кому-то.

У Оли родился сын, а Останин вчера крестил своего.

Хоакима Альберта Чисано выбрали президентом Мозамбика. С Гвинеей заключили договор об обмене информацией.

Я смотрю на свой запас чая. Я богатый человек. У меня много «36», пять пачек «Индии», два пакета «Бодрости», а второй сорт и пакет «36» лежат в от-

дельных мешках. Мы сами готовили «36» и так выпили двенадцать пачек «Индюхи», мешая ее с «Грузией» — была еще с прежних времен. А теперь наступило время попить фирменный «36», Рязань, по 125 граммов. Ездил к «Спартаку». С грустью посмотрел на клуб, который в пятом часу наверняка заперт. Теперь уже можно вспоминать о моей выставке и о том, как меня приглашали выпить водки туда. С Эрлем пили, всем налили, бутылка была большая. Говорили, что накануне было много народа, кто-то все же посмотрел. Аня заходила — она была на выставке. Но у нее есть и ей принадлежащие мои работы, так что она может в любое время видеть меня. Редкий дом. Кира, Элла еще смотрят на мои работы, но они, наверное, присмотрелись к ним, все одним и тем же, а хорошие у Эллы лежат под спудом. В газете фотография М.С. Горбачева с О. Тамбой. Демократы побеждают на выборах в Штатах, судя по нашим сообщениям. Вчера звонил Боря, он уезжает в Москву и говорил о наших делах. Хочет пойти к Малявину, может быть, он что-нибудь даст в журнал. Боря еще не оставляет надежды издать кооперативный журнал, и ему нужны солидные авторы. Между прочим, он говорил о моей рукописи, но ничего еще не сделано с ней. Ему нужны «Запад—Восток», а у меня есть оба выпуска. Киру видел мельком, он очень занят. Плохо себя чувствует, обе они плохо себя чувствуют: и Наталья Васильевна и ее мать. А Кира делает дела. Съездил на смену на Промку, но зря. Седьмого работает в ТЮЗе. Коняшки еще тут, но где они стоят ночью, после того как снесли сарай, — не знаю. Мы еще первый год живем на новом месте, а все наши родственники прижились на своих местах. Поездки в Калининград были слишком мимолетны, чтобы что-то сделать, но начинаний у меня было не меньше, чем у рядового художника. То море, нужно было видеть

Куршскую косу, чтобы представить себе, что будет с Ленинградом через пятнадцать лет. А сейчас говорят о возможных изменениях в экологии района Финского залива и о том, что нужно открывать частные кафе в городе и кооперативные. Жизнь изменяется, я, сидя дома, этого не замечаю. В кафе я не хожу, да у нас здесь есть свои кафе рядом. Я пью чай, и лучшего мне не надо — не говорят, что чайный домик можно обложить податью. Да и потом для своих все это. Только для своих. Как несложно заварить чай, когда все подготовлено на кухне. И в комнате на стене у нас чайный натюрморт, а за занавеской сложены запасы на окне. Вышла «Похвала тени» в одном томе с романом «Любовь глупца» и рассказами. А будет еще и второй том. Не знаю, что там. Сегодня в Ленкорани землетрясение, силой 5 баллов. Разрушений нет. Середина дня. Заходила стоматолог. До этого еще добрал до «Старой книги». Купил «Мифы мункан» У. Макконнела, купил хлеба и яблок. Прошел мимо почты. Принесли письмо из-под Москвы. Открытка и фотография — наш Дима на Камчатке. В это время, как я вскрывал конверт, показывали Камчатку по телевизору. «Клуб путешественников». А сегодня «36» я смешиваю с азербайджанским с утра. Крепкий чаек.

Не может не быть системы во всех этих землетрясениях и извержениях. Даже так, что ее нет, но нельзя не видеть связи между действительно горячими точками планеты. Мне станут понятны и общие законы.

Девятого ноября выпал первый снег. Сто первая годовщина. Вышла книга В. П. Григорьева. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. — 255 с. — 90 копеек. — 5900 экз. Наверное, не достать, надо попросить Эллочку. Вышла еще книга В.С. Дылыковой «Тибетская литература: Краткий очерк». М.: Наука, 1986. — 239 с. — 95 к. — 6900 экз. В Архангельске издали Клюева Н.А. Вклю-

чая и Дылыкову, все это трудно доставляемо. Сегодня должен позвонить Кира, я обещал ему сходить на Промку. Пока сижу и смотрю на снег, на снежную поляну за окном. По-моему, мне приснился сегодня заснеженный сад, но как-то мимолетно. Сводило ноги. Верочка привезла рижского бальзама и дает мне понемножку. Навезла холодца, пирогов, банку салата, две банки лечо. Выходил утром в булочную, был очень холодный ветер. А дома все спокойно. Разбивали тут снова окно нам, но быстро вставили новое стекло. Тепло, еще тепло. Началась зима. Новости. Ничего особенного. Рейн загрязнили и отравили всю рыбу. Какую-то кандидатку застрелили в Перу во время радиопередачи. Больше всего говорят об афинских и мозамбикских партизанах. Год этот короткий, ни одно скандальное дело еще не закрыто, все расследуется. От снега светло, но сегодня плюсовая температура и весь снег быстро растает. На Промку, может быть, и Миша заедет, вот хорошо бы. Я проверил — из последних книг нам ничего не досталось. Не ищем. Кое-что можно бы было купить. Об Чернобыле даже не слушаем.

Во вторник передают, что в шестидесяти милях от Находки загорелся теплоход «Туркмения», совершавший круиз со школьниками. Всех школьников спасли, но два члена экипажа погибли. «Туркмению» привели в Находку.

Умер В. М. Молотов на девяносто седьмом году жизни. Два года назад его восстановили в партии, членом он был с девятьсот шестого по пятьдесят седьмой год.

В четверг передают, что Франция произвела испытание ядерного устройства под землей на атолле Муруроа. Мощность двадцать килотонн.

Ничего не говорят об американском ядерном испытании, было оно проведено в пятницу или нет —

я не знаю. Заявлена была мощность сто пятьдесят килотонн. Должно было произойти сильное колебание земли. Передают, что на Тайване произошло два землетрясения — шесть и восемь и шесть и три десятых балла. Семь человек убиты, когда рухнуло трехэтажное здание. Но на самом деле жертв и разрушений больше. Говорят, что в Тайбее пятьдесят пять лет не было такого землетрясения. Днем передача про Хлебникова. Выступал В. П. Григорьев, обсуждали его нововышедшую книгу. Очень оперативно в этот раз. Читали стихи В. Хлебникова, с начала передачи я не слышал. Говорят, что и в этом году в Астрахани прошли хлебниковские чтения. А Москва ничего к 101-летию не сделала. Только не считая книги Григорьева В.П.

Интервью с Г. Д. Костаки шведы передают. Он говорит, что писал мемуары и, чтобы отдохнуть, занялся живописью. Восемьдесят процентов холстов из коллекции он передал в дар Третьяковской галерее, и они были выставлены в Москве, а сто двадцать своих холстов он выставил в Стокгольме. Как-нибудь в воскресенье, говорят, передадут интервью полностью.

Сорок домов разрушено и пятнадцать человек погибло в Тайбее. Остров Осима, к югу от Токио. Началось извержение вулкана. Бесперывные землетрясения, толчки силой 4 балла по яп. шкале. Говорят, что застрелили Ким Ир Сена, президента Северной Кореи, но Север отрицает это. Поживем — увидим, услышим.

Так начался понедельник. На острове Осима светопрестваление, тучи пепла, лава. Вчера показывали по телевизору. Говорят, что деревню вблизи вулкана пока не эвакуируют. Посмотрел передачу о музее Бойманса — Ван Бенинга. Два Ван Гога, давно знакомый портрет молодого человека и «Тополевая аллея» — ранняя работа. Очень интересно. Показывали голланд-

цев XVII века. Рейсдаля и других. Видел новый перевод «Бхагаватгиты» Семенцова, Кира сказал, что даст книгу мне. Каторжная была А.М. Ремизова. Тоже можно будет почитать. Сегодня жду перевода новостей, спешу с утра и успеваю туда и сюда. Приходит сестра из диспансера. — Как живешь? Что делаешь? В общем, Р. Рейган выразил пожелание приехать в Россию в следующем году. Начинают чистить. Хорошо, что успел с Промки пешком. Заходил в книжные магазины. А. Кондратов продается. Завтрак с анашой. Это особый шик. Я поддерживаюсь чаем. Когда с чаем трудно, очень трудно. Что-то случилось. Завтра пойду в «Ленинград» на Куросаву. Завтра будет видно. Если завтра я еще не окажусь в сумасшедшем доме. Что тоже не исключено.

Под вами подвал. Цветы и чай. Билеты в кино. Чай и хлеб. И со стены смотрят — чай и хлеб. И утром я приношу «36».

Сегодня в кино идти на японского «Короля Лиры» А. Куросавы. Ким Ир Сен жив и встречал Батмунха. Но какой выпуклой в эти дни предстала Азия. Дальний Восток. Сразу что-то говорят о Китае. Уже не слышу. Новостей нет. Под это еще удастся что-то сказать о Саморе Машеле, точнее, об ЮАР. Туман в Минске. Сегодня, в среду, день рождения Индиры Ганди. Предлагают провести фестиваль в Пхеньяне.

Принес картошки на рассвете. А день такой длинный. Я и спал днем, легко, так, что даже не заметил, что сплю. И варил чай. Пил. Чай у нас всегда заварен. В «36» добавляю «индюхи». Пришли люди и сразу пьют чай с пирожными. Они принесли гору пирожных. Мама пьет с ними. Я как бы хочу вызнать сегодняшнюю новость и слушаю радио и приемник. Об Иране говорят, в конечном счете, о США. Об Афганистане — об СССР. Еще один фильм А. Куросавы будет на этом фестивале, но на него уже я не попа-

ду, Эллочка обещала кому-то билет. Вчера Игорь позвонил, говорит, что отправляет картину с попутчицей, надо встречать. Будет у меня пейзаж лихославльский. Он сказал, что один еще холст есть у тети Лели, обещал найти и прислать. Я даже не знал, что две картины сохранились из лихославльских. Мне привезли картину, я никак не ожидал такой ее. Открылась выставка югославских примитивистов в Русском музее. Картинка для Киры. Не «АКТ» и не «АСТ» написано на ней, а «АНА». Это прямо «Красные крыши» — тут же сделаны и весь почерк читаем работы. Я сам ее не видел нисколько <несколько лет?>. До сегодняшнего дня ее не было в Ленинграде. Попробую устроить ее к Кире, он поухаживает за ней, и она не будет ветшать еще больше. Чувствуется, что прошло двадцать лет. Это последняя живопись маслом — позже я перешел на смешанную технику. У меня тогда был новый этюдник, подарок мамы, и я мог разводить краски пожиже и давать им подсыхать тут же. Шесть часов у меня проходит с шести. Я встал в шесть и все успел до звонка до визитов. Два раза пил чай, вытряхнул остатки «индюхи». Там, за фольгу, просыпалось чая столько, что мне хватило на заварку. Пока чай есть, но пора подумать о будущем. На Новый год припасен пакет «Бодрости», да немного второго сорта. А так мы пьем «36», сдабривая его «индюхой», так вот эта «индюшка» кончается.

В субботу все население Осимы эвакуировали. Обычное землетрясение силой четыре балла по семибалльной шкале. После Камеруна ясно — что там, что там, а там... Извержение и там. Там покойники, тут эвакуируемые. Неделя совсем бы без событий, если бы не террористы. Убили Ж. Бесса, большого предпринимателя. Какой-то другой вид землетрясений сопровождается катастрофы там и там. Оба раза подозрения на землетрясение перед катастрофой.

Вера подписалась на С.Т. Аксакова и пошла покупать письма Ф.М. Достоевского — первую книгу двадцать восьмого тома. К этой жизни я не совсем не готов, и того и другого я уже покупал, живя на Блохиной. «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников» — два тома и тома С.Т. Аксакова я покупал и читал эти книги. Они у меня не окончательно пропали. Леша видел у меня их. От тех времен остались две (и одна обещанная) картины, и обе сегодня на Будапештской. Знаю по мере землетрясений, а мерещатся извержения. И на пороге ночи просто курум, от ночи мы, по привычке, не ждем новостей. Два землетрясения отмечены вблизи Осимы уже после эвакуации. Шесть и одна и четыре с чем-то по шкале Рихтера. Одиннадцать тысяч человек выселили.

Хризантемы и немного холодно от выбитой форточки. Это только кажется. В этом году зарегистрировали даже абсолютно высокую температуру в ноябре. Тепло. У нас тепло. Пишут, что на Осиме паника началась в связи с эвакуацией. За последние сутки десять подземных толчков — вчера по телевизору говорили. Извержение продолжается. Вулкан Михара с 1787 года не знал такого извержения, кажется.

Вставили сетки в окна, от камней. Снег напал, мокрый. Но у нас тепло, обещают +4 днем, а везде по России уже морозы. И в Москве мороз. У нас дует южный ветер. А так, в прогнозах, только и слышишь о морозе —12. Как-то я все эту цифру слышу. Спросил вчера у Киры, не ждут ли похолодания? Но, вроде, нет. Теперь все окна у нас затянуты сетками, и от этого внутреннее пространство сузилось. Но не так страшно маму одну оставлять. Сегодня, как раз, мне надо будет поехать за травкой. Японию утром сегодня не слышно, а хотелось бы новости из первых рук получить. А так ничего не говорится нового об интересующем меня предмете. Горбачев М. С. улетел в

Индию, останавливался в Ташкенте. Никогда не представлял себе, что Ташкент — этап на пути в Индию. В Индию попадают не так. В конце ноября совсем тепло. Девять градусов, теплее, чем в двадцать четвертом году. Кажется, идем в Русский.

Продолжение Индириной повести. Я в метро случайно увидел книгу, где писалось об Морарджи Дессаи. Правда, не о том, как он разбился в самолете и летчики погибли, а он с сыном остались живы, но тоже интересно. Потом эта поездка в Индию пришлась прямо на пустые дни, когда ждут напрасно великих событий. Нас еще в самом начале этого Малого Года начали пугать сказочными покушениями, а ничего, ровным счетом, не происходило. Курится Осима. Слышны по утрам японские передачи. Но утро такое время, что не до передач. Цветы не вянут. Их распаковали при мне, болгарские хризантемы... — А мы дерево содим, — говорит М.С. Горбачев. — И тебя посадят, даже не ждавши Дигханикаи выхода в свет. Вас понял. Сыркин в эмиграции во внутренней, надеюсь.

Хризантемы перестояли визит М.С. Горбачева в Индию. А у меня есть «Белая Индия» Н. Клюева. У себя. Я устроил выставку двухдневную, когда переехал сюда. А теперь показывают грузинку, которая танцует индийские танцы. Это актуально.

Вышел на улицу вынести мусор — очень хороший день. Ведь пивной зал переделали на «Соки» и больше не толпятся пьющие на углу. Наверное, все подались на Блохина, там еще есть пивная. Погнать их тут к церкви — план. А я продал картину двадцатилетней давности и на это курю. Конец ноября, плюс пять.

День, когда, кажется, ничто не может обидеть, взбодоражить. Стоит выйти, да что, дойти за книжкой, т.е. до «Книжки». Я чувствую, как кто-то побогаче собирает библиотеку. А что у нас прибавилось к Ф.М. Достоевскому и С.Т. Аксакову? «Жизнь Н.С. Лескова» и

Н. Федоров? Верочка купила Г. Мелвилла «Билли Бадд» и еще несколько книг, все без нагрузки. Очень рада. Я тоже доволен. Вижу А. Гончарова, а подозреваю М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вот он как-то меньше встречается. Ни дня без К. Гамсуна. И ни дня без Сымы-Цяня. У Верочки начинается отпуск, и она никуда пока не едет. Погуляет по городу. Может быть, на выставку-то вместе с ней сходим? Приближается время звонков, а это все только утро.

И на следующее утро занят. Заехал в два места, время и прошло. Теперь жду Мишу. Про Миларепу, про Далай-Ламу мы находим в конце года тексты у В.С. Дылыковой. Как видите, кому-то показались интересными «Песни, приятные для слуха», их нельзя сбрасывать со счетов, в наше время вех это определенный ориентир в мерзлой тундре. Пора, наверное, заклеивать окна. От окон тянет холодом. К Новому году делаем закупки, несмотря на то, что месяц впереди. Как же не радоваться? Приготовлено макулатуры столько, что хватит еще на два тома сказок. Верочка привезла девять пачек «индюшки» и три — азербайджанского.

1 декабря 1986 года. Верочка принесла из института четыре тома Низами. Оказалось, что у Киры рука не сломана, а ушиблена сильно. Пока оставили гипс. Сегодня поставил В. С. Дылыкову на полку — на ней нашлось место и немного места осталось. Но Низами ставить некуда, кладу его сверху, где томик В. Хлебникова лежит. В воскресенье произошло землетрясение на северо-востоке Бразилии. Силой 5,3 балла по шкале Рихтера. Около тысячи домов разрушено, о жертвах не сообщается.

Второе дек. Что Новый год? — Новый век начался жизни В. Хлебникова. О, этот год был полон событиями, не удавалось отдохнуть. И вот в самом конце года выдалось спокойное время. Наверное, все

спешат этим воспользоваться. Снег еще только собирается выпасть и тогда, куда бы я ни пошел, он сохранит следы. Всем вам (изданным в «Круге»), нет, всем нам — каждому, пожелаю стихов, сколько у Далай-ламы VI. Верочка сегодня принесла «Колхети» и мы выпили. Кира сидит, пьет, и дни у нас проходят безбедно.

Говорят, что было наводнение вчера, но мы не заметили. Сегодня выпал снег, совсем немного. 0, —2. Верочка первый день дома. Я смотрел «Песни, приятные для слуха» и думал о том, что жизнь и есть работа над стихотворением, гатхой. Я подсчитал на этих страницах примерный объем, что должен быть вложен в стихотворение. Год был полон событиями, они приходились на концы месяцев, кроме гибели С. Машела, которая произошла в середине ноября. Вот, примерно, какие подстрочники я делал в начале позапрошлого года. В стихах время уплотнено, но сказано должно быть и о пустоте. Подводят итоги года. Верховный суд не отменил приговор трем сикхам, убившим Индиру Ганди. В Аргентине начальника полиции бывшего приговорили к 25 годам. А наши суды еще не произошли, или их и не будет? Порешат дела обсуждением более или менее всенародным? Все-таки зима, декабрь. Все есть пока что, а мы запасаемся на Новый год.

Вышли на улицу, сдать макулатуру на «1001 ночь», купили двадцать четвертый том Ф. М. Достоевского в «Старой книге». Этого тома с «Кроткой» у меня не было и здесь, кажется, толковые записные тетради двух периодов. Я очень доволен. Но, вероятно, и двадцать третий нужно искать. Сегодня его не было. Матисс, иностранный. Из маленькой серии брошюр Грюневальд и Мазаччо по полтиннику. Денег совсем нет. На Ф. М. Достоевского нашлось у Верочки. Лу Синь продается — подписка. Пятый том Низами не

вышел пока. Об этом мы узнаем на Рыбацкой. Подписные издания и макулатурные книги вынесены в специальный отдел, туда, где раньше был магазин нот. Помещение хорошее, народа мало. А в магазине самом могло показаться даже, что что-то разбирают. Но нет — обычное оживление. Пошли домой. Картошки нам не досталось. Заходили в аптеку. Диковины аптечные — иглы очень большие, шприцы за 66 коп., презервативы по рублю. Землетрясение в Бразилии опять — не слышу подробностей, что-то говорят о раненых и жертвах, но, по-моему, число их общее неизвестно. Это конец дня, а следующий день спокойный.

Потихоньку ночами падал снег. Наконец, три дня спустя после начала непогоды, его напало столько, что он стал похож на первый снег. Сегодня вышел — солнце над Артиллерийским музеем, низкое. А в улицах сумерки утренние. В десять почти никого не видно, дошел до магазина.

Смотрел газету, слушал новости. Смертные приговоры на Гренаде, снайперы в Индии и Колумбии убивают десятки людей по непонятным мотивам. Умер правитель Гонконга в Пекине, был там на открытии представительства.

Конец года мой, но пишу довольно несвободно, хотя я знаю, что конец года наш, и мог бы с этим что-то делать. Баба Оля у Кирюши умерла вчера, он скал маме.

Опять было наводнение. Говорят, что по Ракова шли ночью по колено в воде. А у нас воды нет. Понятно, поволновались немного. Утром ветер стих, я выходил на минутку, погода мягкая. Снег. Эту зиму пережить наша задача. Зима началась поздно. Сейчас воскресенье, всеобщие выборы на Тайване, демонстрации в Париже. Новостей особенных никаких нет. Телевизор не смотрю. Донбасс. Светлый денек. Завт-

ра похороны Ольги Павловны. Я видел ее <один> раз. Кира говорит, что она училась живописи в Италии и что дома у нее остались работы. Она копировала акварелью масляную живопись. Вспоминаю лежащего Будду, которого раскопали на Кара-Тепе. Его показали в программе «Время», в конце, незадолго до того, как я должен был выписываться из больницы. И больше я о нем никаких упоминаний не встречал, хотя и смотрел книжки о Кара-Тепе. Но тогда я смотрел на него во все глаза, он очень поддержал меня в заточении. Вчера показали наводнение в Южном Иране, очень сильное. Проливные дожди много дней и двести двадцать человек погибли. Пишут в «Известиях» о том, что в Северной Италии произошло два землетрясения (4,1 балла). Жертв и разрушений нет. Говорили о грозе со снегом и сильным ветре в Казахстане. О Ленинграде говорят, что шестнадцать лет не было такого наводнения, но дальше не слышать — глушат передачу. Статья о Польше в двух последних номерах «Известий».

В воскресенье в Болгарии, около Велико-Тырнова, произошло сильное (5,5 балла) землетрясение. Один человек погиб, есть раненые. В каком-то городе (Стражице) не осталось ни одного не пострадавшего строения. Район объявлен зоной бедствия. Франция произвела испытание на атолле Муруроа. Сейсмоцентр в Роротонге, на о-вах Кука, сообщает, что мощность взрыва была десять килотонн. Седьмой взрыв в этом году. Испытания на атолле начались в семьдесят пятом году.

Вторник, 9 декабря. В газете сообщение о землетрясении в Болгарии, а утром во вторник снова говорят о толчке сильнее пяти баллов в районе Велико-Тырнова. Шестьдесят процентов домов разрушено, двое погибли и шестьдесят ранено. Ведутся спасательные работы.

В газете пишут об урагане в Финляндии, девять человек погибло, вода поднялась на метр.

Вот так началась эта неделя, не совсем уж пусто. Как аукнется, так и откликнется... а то, кроме ирангейта, больше бы и не о чем сказать. Говорят, что министр обороны Пакистана Саттар ведет переговоры в Москве.

Одна болгарская хризантема достояла у нас до событий, но и она почти уж увяла, придется выбрасывать. Вот не знаю, будут ли у нас к Новому году цветы? Зима, и хотелось бы каких-нибудь цветочков. Может, принесет кто двадцать пятого? Три тысячи человек, говорят, осталось без крова в Стражнице и районе, трое погибших. Болгарам наркотиков хватит — рядом Турция, Югославия. Тебе дурь дается, и думай, когда накуришься. Эллочка уже должна бы была прийти. Она ходит на выставки. Весь свой вес. Наследуй Леше Сорокину. Соня Делоне. Ф. М. Достоевский начинается с «Кроткой», а «Братьев Карамазовых» ты подарил Элле Цойр. Тани — Кернер и Баранова, вообще Тани — шире. Это русское имя. Бывают Тани и другие. Как редко вы встречались, во, во, весь свой вес...

Это не описание землетрясения в Болгарии, которого я не переживал, и даже не описание наводнения у нас, я не испытал ничего, кроме беспокойства, — а параллельный текст, мои мысли по ходу дела, как были какие-то мысли, параллельные недавнему землетрясению в Бразилии. Но тогда казалось, что мы уже на том свете, на той стороне Земли.

10 декабря. Умер в тюрьме Анатолий Марченко от кровоизлияния в мозг. Только теперь получено подтверждение этого сообщения. Его жена еще вчера выехала в Чистополь.

Получили посылку из Алма-Аты, и Верочка отправила туда очень большую книгу — «Пригороды Ленин-

града». Пришлось посылать посылкой, бандеролью не брали. Говорят, к Новому году будет Наташе подарок.

11 декабря. Оттепель.

12 дек. Разбился Ту-134 в Шенефельде. Семьдесят человек погибли, 11 ранено. Ходил с утра на укол, а к вечеру эта новость. Неожиданно довольно. Самолет летел из Минска, стал заходить на посадку и упал в лесу.

13 дек. Лед на улицах. М. б., съезжу к Кире завтра. На Блохиной народ стоит группками и не страшен ему мороз. Пишут, что следующий — год Зайца, что в Японии уже готовятся к празднику. Информация с последней страницы. Продаются: Н. С. Лесков, семитомник В. Я. Брюсова за семьдесят пять рублей, «День поэзии—84» с Н. Клюевым и Олейниковым. Кое-какие мелкие книжки — ничего не покупаю. Дальше, дальше, журналы с Йетсом, дальше — к Тучкову. — Нет ли календулы или эвкалипта? — Нет. И заменить нечем. Я небрит, в куртке довольно холодно. Прохожу мимо храма. Он с боку заслонен только одноэтажным домиком — можно писать его как есть. Два уже храма я не написал. Жил и вблизи третьего — на Владимирской. И его бы неплохо написать. Так накапливаются долги. Все время был готов ко взгляду свежему и неожиданному. Но на наш храм у меня устойчивый взгляд. Не могу сказать, что видел его в какой-то момент — вижу его всегда. Редко бываю возле. Хотя я прожил пятнадцать лет прямо тут же, «около церковных стен». Поеду, Отиса Раша послушаю. Это наша музыка. Помню его «All your Love». Американцы произвели атомный взрыв в Неваде, а на севере Перу зарегистрировано землетрясение, силой пять баллов по шкале Рихтера. Умер в Москве Генри Винстон, национальный председатель КП США, на 76-ом году.

Никакого Отиса Раша не оказалось, а был Джими Рашинг и фестиваль один блюзов, но зато я посмотрел альбом К. С. Петрова-Водкина и в нем была картина «Землетрясение в Крыму» 1927—28 гг. Я еще не прочел название, а, только глядя на репродукцию, понял, что изображен момент землетрясения. Альбом за раз и не посмотришь, я уже сбился на инерцию, вдруг эта картина.

Обещают до двадцати трех градусов мороза.

Снова та сторона земли, встал пораньше и все утреннее успел сделать как следует. «Индюшка» кончилась. Т.е. у нас стоят шесть пачек, но Верочка просила их не брать. Но сегодня был «2-ой сорт», я сварил в девятом часу очень крепкий чай, такой, что все нутро перевернул, и покурил — оставалось. Съезд во Вьетнаме, утром уже сообщения со съезда. Столкновения в Карачи, погибло пятьдесят человек, сотни раненых. Восемнадцать градусов с утра, а ждут дальнейшего понижения t° . Д. М. Кунаев ушел на пенсию, выбран русский, кажется, Колбин.

17 дек. во Вранче землетрясение. В южных районах Молдавии до пяти баллов по шкале Рихтера. Чинг Тинь, Фам Ван Донг и Ле Дык Тхо ушли в отставку по возрасту. Сейчас как раз происходит съезд КПВ. Съезд просил их остаться советниками. Большие переборы во Вьетнаме. Кого выберут, пока неясно. Выпустили новый хлеб, за двадцать и за сорок копеек. Сорокакопеечного не досталось. Заходил в «Старую книгу». «Следы ведут в пески» 1 р. 45 к. Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, «Назидательные новеллы» М. де Сервантеса, К. Гамсун. Два тома Чаадаева за двести пятьдесят. В. Я. Брюсов еще не продан. Купил последние шесть пачек «Беломора» в молочном буфете и килограмм яблок. Эллочка купила книжку Григорьева, говорит, что подарит ее мне. Верочке стихов В. Хлебникова осталось печатать на

один день. Но дальше пойдут поэмы. Готовимся потихоньку к праздникам. Верочка купила «Старки» и бутылку венгерского рислинга. Кое-что еще запасено. Но предстоят еще главные продовольственные закупки. Она чувствует себя неважно, прибирается в доме, а на улицу ни-ни.

Зарегистрировано землетрясение, силой пять и три десятых балла на острове Корфу. Подробностей не расслышал.

Нгуен Ван Линь избран генеральным секретарем ЦК КПВ.

Вчера вечером и сегодня днем выступление студентов в Алма-Ате, протестовавших против решения Пленума. Подогреваемые националистическим элементом...

Тысячу двести килограммов гашиша обнаружили в контейнере с изюмом. Как-то это связано с Афганистаном. Груз направлялся в Гамбург. Нашли на подмосковном складе.

19 дек. Освободили из ссылки в Горьком А.Д. Сахарова и Е. Боннер. Им позволено вернуться в Москву и А.Д. Сахарову разрешено снова заниматься научной деятельностью в Академии наук. Это последняя новость. Ирина Ратушинская уже в Лондоне.

<1987>

Хотелось бы с Кирой поговорить, но не получается пять дней подряд. Теперь ему хочется спать, а раньше он был на работе, еще раньше я просто не мог его застать, а до того был наш праздник. На празднике тоже не поговоришь. А, кажется, уже скопилось тем для разговора довольно. Вот все не выходит.

А. Тарковский умер в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое декабря, а вчера (10 января 1987 года) узнал, что восьмого декабря от кровоизлияния в мозг скончался А. Зверев.

Первое землетрясение в новом году шестого января, возле острова Родос, четыре и шесть десятых балла.

Седьмого столкновение на вьетнамо-китайской границе, вьетнамская сторона заявляет, что убито пятьсот китайцев. Как в семьдесят девятом. Покушение на Камила Шамуна, он сам пострадал совсем чуть-чуть, но троих людей, ехавших с ним, убило взрывом и человек двадцать ранило по сторонам. Седьмого января толчок пять и четыре десятых балла в районе греко-албанской границы, там же, где остров Корфу. Но ничего не сказали о Корфу, по-видимому, землетрясение было на материке. Жертв и разрушений нет.

Принесли десятого газету. Заметка о том, что в центральной и северной Японии произошло землетрясение, силой шесть и девять десятых балла по шкале Рихтера. Подробностей никаких нет. Пишут об Алма-Ате — били русских. Обзор писем читателей. Говорят об Алма-Ате по западному радио — плохо слышно. Слышать, что были плакаты подготовлены и чуть ли не листовка. В газете все грехи приписываются правлению Д. М. Кунаева. Одна читательница пишет, что на глазах ее матери опрокинули и сожгли автомашину с пассажирами, но редакция говорит, что такого не было. Будут долго, наверное, расследовать это дело. Мы надеемся узнать подробности из своего источника, но это летом только можно будет сделать. Верочка думала чуть ли не отпуск там свой провести. Теперь никогда ее туда не пустим. В пятницу она принесла целую коробку книг, и мы выбираем из них кое-что. «Одиссею» и «Илиаду», К. Брюллова, отпечатанного в Вене. Я говорю, что «Валленштайна» надо взять, но она не соглашается.

Интересное было предыдущее «Книжное обозрение». Е. Завадская, Петров-Водкин, альбом за один-

надцать рублей, наш, сообщение о подписке на пятнадцатитомного Ф. М. Достоевского.

Хлебников В. Творения / Общ. ред., вступ. ст. М.Я. Полякова; Сост., подгот. текста В.П. Григорьев, А.Е. Парниса. — М.: Сов. писатель, 1986. — 735 с. — 4 р. 80 к. — 200000 экз.

12—13 января 1987 года. Землетрясение на островах Вавау (о-ва Тонга) 7 баллов по шкале Рихтера. Связь с островами прервана. На Кубе собирается конференция по предсказанию стихийных бедствий. Сейсмологи и метеорологи более чем из ста стран съехались. Также они займутся вопросами борьбы с последствиями землетрясений, ураганов и т.п. Завтра открывается. Соединенные Штаты планируют провести первое подземное испытание в этом году пятого февраля, затем — двенадцатого. Последующие испытания намечается провести в марте и апреле. В Грузии снежная лавина разрушила какой-то блок, причем погибло двадцать девять человек. Повреждена силовая линия. На помощь брошены солдаты.

В Венгрии замерзли до смерти восемь человек. Общее похолодание в Европе. Снег выпал в Италии и Испании. В Греции многие горные селения отрезаны от мира. Снег выпал в Токио. У нас такой холодной зимы давно не было. Уже две недели ниже тридцати. Обогреваемся как можем. Сегодня (вторник, тринадцатое) слегка потеплело. Двадцать семь. На носу крещенские морозы. Хотел выписать заглавия нескольких вышедших недавно книг. Е. Завадская. «Искусство японской книги с VII по XIX век». 10 рублей. Костина. Альбом «Кузьма Сергеевич Петров-Водкин». 11 рублей. Больше пока не припомнить, что за две недели вышло. Эти книги наверняка интересные. Кира хотел мне подарить датского Петрова-Водкина, но не достал. Подарил Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Не знаю, как в смысле заме-

няемости одного другим, но я очень рад этому подарку. Такие интересные карты приложены к книге, только совсем обветшавшие.

Войцех Ярузельский будет сегодня принят Папой Римским, а в июне Папа собирается посетить Польшу. Ясухиро Накасоне находится в Восточной Германии, в четверг будет в Польше.

И в Чехословакии и в Польше из-за сильных холодов всякие производственные неполадки. Не слышать, что на той стороне земли. В Канаде холодно.

В Будапеште стреляли в колумбийского посла, три пули попали в голову, но он остался жив. Ответственность приняла на себя организация торговцев колумбийскими наркотиками.

В «Социалистической индустрии» пишут об аресте сорока трех человек в Алма-Ате, Узбекистане и Ленинграде в связи с транспортировкой гашиша из Казахстана в Ленинград. Сменили первого секретаря Ленинабадского обкома.

15 янв. В районе хребта Хитако, на острове Хоккайдо, эпицентр сильного, мощностью шесть и девять десятых балла по шкале Рихтера, землетрясения. Обошлось без человеческих жертв, но ущерб огромный. Ощущалось в северной и центральной Японии.

Сегодня выходил на улицу. Минус пятнадцать. Спрашивал в книжном — не было ли Е. Завадской? — Нет. Это все. Что я вспоминал в связи с Японией? Не помню. Там-то не было ли чего? В «1985»?

Обещают морозы пятидесятиградусные, и Верочка заклеивает окна сплошной заклеивкой. Все щели, что щели — форточки заклеивает, и в этом есть что-то дальневосточное — японское или китайское. Она так сосредоточенно работает — каждую щель заклеивает бумажкой, намазанной мыльной водой. Довольно быстро, но свое время занимает, и вот она сегодня не

печатает, а проводит время у окон. Действительно, что мы будем делать при понижении температуры, мы не знаем. Буквально десятого января писали о таковом же землетрясении и называли правильно район, где ощущались толчки. Последнее перед похолоданием заклеивание окон. У меня сборник статей по истории буддизма, небольшой такой, но вместивший много статей, даже есть статья о Намтаре Миларайба. Миларайба, В. Хлебников, вот ряд.

Сегодня, шестнадцатого января, снова произошло землетрясение на Хоккайдо, силой три балла по семибалльной шкале. Во время предыдущего шесть человек было ранено.

Слышал, что один человек ругал «Религии Гиндукуша». Наступает день, когда тебе приносят деньги. Я их распределяю следующим образом. Двадцать пять рублей я был должен. Теперь с долгом рассчитаюсь и останется тридцатник — на жизнь. Я очень экономные делаю покупки. Купил вчера хлеба и мяса на треху. Сахара, пряников. Осталось семь рублей с тех тринадцати, что у нас отложены на еду.

Утром, я специально остался на кухне послушать передачу, говорили, что страшных морозов не предвидится, что и так температура ниже нормальной.

Ху Яобаня сместили за то, что допустил студенческие демонстрации, за политические ошибки. Его пост занял Чжао Цзыянь. А говорили, что Ху Яобань болен, пророчили перемены в руководстве. Это последняя новость. После четырех сразу становится о чем писать. Нас что-то связало с Китаем, живем их новостями. Ху Яобань остается членом Политбюро и постоянной комиссии Политбюро.

Боли, которую я тщательно успокаиваю на ночь и наконец успокаиваю, боли нет, ночь прошла спокойно, а с утра я снова лечусь. Верочка ходила в аптеку

и принесла мне постоянных подрывающих зубную боль средств: анальгина, амидопирина, аскофена. Теперь я напробовався всего, был болгарский анальгин, да кончился.

Руми Д. Поэма о скрытом смысле: Избр. притчи / Пер. с перс. Н. Гребнева. — М.: Наука, 1986. — 270 с. — 1 р. 10 к. — 75000 экз. Ямшиков С. В. Древняя живопись Карелии. — Петрозаводск: Карелия, 1986. — 151 с.; ил. — 3 р. 50 коп. — 30000 экз. Вышел пятый том Низами, 782 страницы, 3 р. 30 к. Приключения четырех дервишей (Народное) / Пер. с тадж. Душанбе: Ирфон, 1986. — 192 с. — 1 р. 10 к. — 200000 экз.

Юра Галецкий, говорят, вернулся из Америки, вчера в Телекурьере показывали. С двумя детьми и с женой, я не смотрел Курьер, но у мамы был телевизор включен. Теперь надо ждать, что он появится на горизонте. «Бесы» какие-то. Провалился в Америке десять лет и вернулся. Славянофильство и Ю. Галецкий. Умер Ренато Гуттузо.

Но оказывается, что подписка на Ф.М. Достоевского, чуть ли не 3—4-томник, будет проведена до 1990 года, а о пятнадцатитомнике нужно и можно пока только что-то узнать. Обещал зайти Кира, он первый сказал мне о возвращении Юры. Я сразу позвонил Люде, новой знакомой, у которой мой роман. Она подтвердила все, в частности о Юре. Сижу дома, хотя на улице совсем тепло, что-то около —3—5°. Полистал П.К. Козлова. Открываются совсем новые иллюстрации, и я как бы заглядываю в Китай «Востока—Запада». Фотографии хорошо иллюстрируют положения путешествия П. Клоделя. А я уже и с другой стороны П.К. Козлова рассматривал, но сейчас не могу найти фотопортрет XIII Далай-ламы. П.К. Козлов встречался с ним где-то в монастыре. Впечатления от знакомства лучшие.

Встал вовремя. Сходил на рынок. На обратном пути купил «Правду», где заметка о землетрясении в Непале. В Катманду началась паника, после толчка силой четыре и две десятых балла по шкале Рихтера. В «Известиях» ничего нет. По радио не слышал об этом.

Сходили на выставку в Манеж. Нам не пришлось стоять в очереди, а очередь большая. Много икон, очень много, и много живописи начала века. Я устал. Потом пришли ко мне и попили чая. Сделал, по ходу дела, свои дела. Сегодня (28.I) холодно, минус двадцать пять и еще холоднее. Встали с мамой рано. С девяти она уже слушает речь М. С. Горбачева на Пленуме ЦК. Теперь я все просто узнаю из выпусков последних известий. В газете пишут, что в Перу размыло плотину и образовался сель. Есть убитые, оставшиеся без крова.

Солнце светит — день. Мороз страшный. Ходил в книжные и ничего не нашел, купил хлеба и цитрамона. Продается четвертый том «Тысячи и одной ночи», скоро Верочка купит. А посмотреть, нет ли Низами, у меня духа не хватило. Нужно зайти за угол дома, зайти в другую дверь... Около 30°. Вчера, 28.I, по телевидению показывали Ю. И. Галецкого в группе репатриантов, работников искусств. Он говорил о том, что интуитивно чувствовал, что вернется. Говорили, что в Штатах не хватает любви к России, что силен сионизм. Он говорит, что выехал в 77 году и продавал свои картины четыре года в Нью-Йорк-сити.

Это вот двадцать восьмое число в личном плане, я настаиваю на этом. Двадцать восьмого ночью Новый год, и я еду в стужу к Кириллу, посмотреть «Землетрясение в Крыму в 28 году». Мы выпиваем бутылку «Олимпии» за Новый год. День, когда ничего не случилось, и я подумал, что я совершенно от Купчина

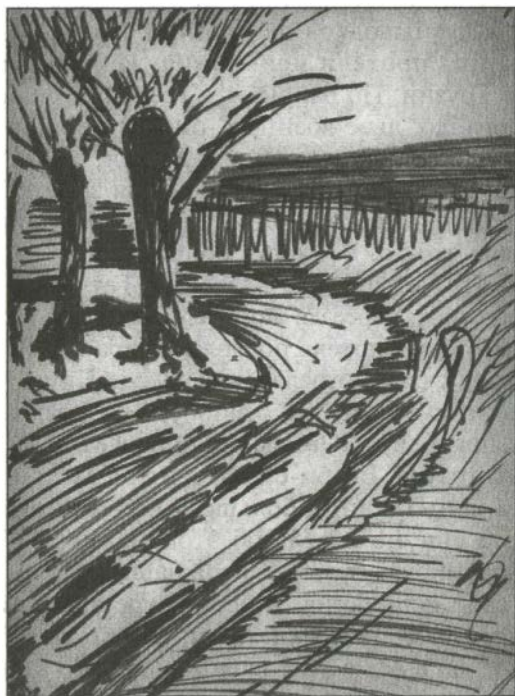
отказался, так вот в этот день мне приходилось побывать там.

Гвинея уже давно стала «новой», а Папуа — это только та страна, что, мы знаем, находится возле Австралии. 28-го Фердинанд Маркос должен был вернуться на Филиппины, но путч провалился, арестовано много военных и гражданских. Кажется, всех будет судить трибунал.

1 февраля 1987. Большие наводнения в Грузии, есть погибшие и большие разрушения, ссылаются на ТАСС, но подробностей нет. Реки вышли из берегов, фабрики встали. Принесли «Книжное обозрение», на-

печатаны рассказы И. Бабеля. А в списках новых книг только одно исследование по мифологии Востока, да исследование про прибалтийский костюм (с картами), дорогое. Вторую неделю ничего не запоминаю из новинок. Настал февраль, выпили Массандровского портейна на Новый год по лунному календарю. Первого февраля воскресенье и все магазины закрыты, и нет надежды выкупить последний том «Тысячи и одной ночи», никуда из дома не идем, ждем телевизионных передач, а пока прочитываем газеты. О Саморе Машеле большая статья, называют диверсией случившееся. Косвенно говорят о землетрясении в Каламате.

Утром В. Н. Горегляд говорит, что двенадцать лет назад бросил курить, что-то о курении в Японии. Должно сегодня в Доме ученых состояться выступление Б. Останина и завтра — в Союзе журналистов. Устный журнал. В Турции в шахте, на север от Анкары, погиб один шахтер и семеро отрезаны от мира. Продолжали вчера показывать наводнения в Грузии. Снегопады такие там впервые за пятьдесят лет. Есть погибшие. Беспокойные с Кавказа сообщения.

Пока пишут и говорят о наводнениях в Грузии. В одном районе погибло двадцать восемь человек, шесть тысяч эвакуировано. Говорят, что недалеко от побережья, в низменности, разлилось искусственное озеро. А в реках вода на четыре-пять метров выше обычного уровня. Ждут паводков на Риони и Ингури. Сегодня американцы провели испытания. И сегодня (4-го) пишут о Грузии. По районам — где что. Тридцать человек погибло, двое военных, цифры не окончательные. Продолжает идти снег и дожди, даже в Сочи снег. Ждут лавин. Сегодня маленькая заметка о том, что в Исландии десять—тринадцать градусов тепла, небывалое что-то. Растения пошли в рост. По радио говорят, что четыре года назад под Гатчиной на железнодорожном переезде автобус столкнулся с поездом и тридцать два человека погибли. Вчера во «Времени» показывали сюжет югославский. Возле Ниша датский рефрижератор столкнулся с автобусом — двадцать пять человек погибли, в Югославии объявлен день национального траура. Би-би-си говорит об американском ядерном испытании, а больше и ничего нового нет. Но газета еще не успела об этом написать. Только завтра что-нибудь будет. Теперь наши должны возобновить свои испытания. Второй секретарь Казахстана тоже снят. 30.000 номенклатурщиков остались без распределителей в Алма-Ате. Подожду нашего взрыва. Об американских сейсмологах в Каркаралинске что-то

ничего не говорят. А. Д. Сахарова пригласили участвовать в московской мирной конференции, которая начнется четырнадцатого февраля.

Оползни в Сочи, двадцать пять домов разрушено, жертв нет. Щель прошла по персиковому саду и чайной плантации.

Показывали снова американских сейсмологов. Что-то можно было понять, что их программа пришла к концу. Теперь говорят, что наши возобновят ядерные испытания, не говорят, когда. Запустили ночью новый космический корабль с двумя космонавтами. Они будут жить в «Мире». Пока землетрясения происходят на Гавайях, Тонга, Фиджи, в Японии, в Греции — мы не придаем им большого значения. Хотя ведь Греция не так далеко от нас, но это «не у нас». У нас пишут о наводнениях в Грузии и в Перу. Там больше погибших, но это и дальше. А из Колхидской низменности опубликовали даже фотографии. Пишут, что ущерб колоссальный.

Дома двадцать градусов, на улице плюс два. Оттепель. Для тебя и это пешая прогулка, живи впечатлениями от пешей прогулки. Жил бы, да под ногами очень скользко. Наш морской климат очень уж любящий, при всех контрастах, ровную влагу. В девять распечатал новую пачку «Беломора». Тепло. Почему-то, если я езжу накануне куда-нибудь поодаль, у меня папиросы раньше кончаются на другой день утром. Вся эта нумерация, весь этот календарь 77—78 годов — дикая липа. Липпе подарили «Творения» В. Хлебникова — вот что я важного узнал. Теперь этот Хлебников есть совсем поблизости, но Элку не найти порой. Втроем устраиваем три засады. Я съездил вчера на Сенную и привез пять пачек «Индийского чая» по рублю и на пяточке купил килограмм яблок, на обратном пути. Под ногами наледи и лужи, очень боишься поскользнуться. Чай и «Беломор» теперь есть,

все есть — не без гордости я говорю. Моя рукопись где-то между Б. Останиным и В. Эрлем находится — не имею вестей. Радио ничего о судьбе наших рукописей не говорит, можно бы и радио не слушать. Последние известия ничего не дают, пока нет сенсации. Прогноз погоды увял и отодвинут в самые концы передач. Удивительно, что он еще вставляется в передачи. Его мы имеем. Эстония, мы...

Я лежу и растворяюсь в полусне. Во всяком случае, когда приходит Кира, он заключает по моему виду, что я спал, но я не спал, а ждал его. Просто так сильно расслабился. Он видел Б. Останина и рассказывает кое-что новое о его планах. Он опять собирается меня печатать, на этот раз в сборнике «Москва—Ленинград». Вот об этом поговорили, кое-что сказали о тех пятнадцати страницах, которые могут мне выделить. А потом заговорили о радио и о Ю. И. Галецком. Я повторил то, что думал раньше, но Кира ушел, ему нужно было уходить, мы не успели двухсторонне обсудить этот вопрос. Я сварил и выпил чая и только после этого немножко воспрянул духом. Кира напился где-то перед тем, и я пил один. Принес железный чайничек и пиалу в комнату, я пил, а он разговаривал по телефону с Эллой, и она мне обещала дать почитать «Творения», а так они между собой говорили. Договаривались о встрече в Купчине, но я не знаю — договорились ли? Позже снег и лед сбрасывали с крыш, и я боялся за целостность наших стекол. Но решетки не подвели — окна выдержали.

Утром Вера едет в «Академию», а я помню, что год назад она вот так пошла и принесла «Мифы и сказки эскимосов», книгу, лучше которой не придумать и которая у нас открыла цикл покупок через Лену сказок самых различных — турецких, сингальских, полинезийских. Книги этой серии стали чуть повыше, все новые выше прежних. А выходили они еще и в бу-

мажных обложках: афганские, Систана, кхмерские... Я желаю ей всего самого лучшего в магазинах найти и напоследок говорю, чтобы она не просмотрела «Довмонтов город» и «Искусство древней Карелии» — две книги, которых мне как будто не хватает и которые еще я надеюсь застать на прилавках. Только двенадцать, и я один в комнате, т.е. в соседней комнате есть мама, она слушает радио, а до меня доносятся только звуки голосов — слов я не могу разобрать. Мысленно я с Верой где-то там, на Литейном. Конечно, может и не повезти, но я желаю ей всего хорошего. Она поищет. И теперь, надо надеяться, что пришлют В. Хлебникова по международной пересылке. О Н. Клюеве ничего не слышать — ни из Вологды, ни из Архангельска книг не шлют, хотя мы сразу после объявления написали и я еще ходил отправлять открытки в страшный (34°) мороз. Это я просто так говорю о «Довмонтовом городе». «Довмонтову повесть» я просто не купил, хотя она еще мне попадалась на прилавках. Я смотрел и почему-то не брал. Кира тоже ее не купил. И так мы чисты и пусты и говорили о трудах отцов Церкви, которые мы повидали в своей жизни, а Кира и сейчас видит в «Богословских трудах», которые стоят столько же, сколько и «Часы», и трудно их доставать. Конечно же, сказки она сегодня принесет — «Тысячу и одну ночь», — она должна сегодня выкупить четвертый том. Она звонит и говорит, что продается «Формирование японской национальности с XVI по XX век», «Путешествие в каменный век» — что-то о Новой Гвинее, которой я как бы брежу. Мне все кажется, что Гвинея — африканская — новая и есть, а Папуа — только так — этнографический полигон какой-то. Говорю, чтобы покупала. А еще продается том трудов памяти Б. Владимирцова — человека, в квартире которого я прожил пятнадцать лет, все время Брежнева, но этот сборник Вера не по-

купает. Она говорит, что труды самого Б. Владимирцова она бы купила, но об издании собрания его сочинений речь и в плане не идет, а обещали что-то.

В Кабуле частичная амнистия, тысяча триста человек выпущено на свободу, а западные журналисты передают, что человек семьсот. И у нас специальным постановлением Президиума освобождают из лагерей до сорока двух инакомыслящих, в том числе М. Мейлаха, о судьбе которого я кое-что слышал. Бодрящие новости. Говорят, что стыковку космических кораблей покажут в утреннем выпуске «Времени». Как всегда, интересны документальные эпизоды из Вьетнама, сегодня много показывают Дальний Восток. Япония — день северных территорий, а так — Вьетнам под бомбежками и Вьетнам сегодняшней. Показывают амнистированных афганцев — совсем как мы, и после этого испытываешь какую-то нежность к вьетнамцам, тоже мы. А могли бы быть передачи такие прозрачные, как заметки Кришнамурти, а, к сожалению, показывают эти страны только в связи с войнами. Как много показывали Вьетнам в семьдесят девятом, в связи с китайско-вьетнамской войной. Мы, конечно, ничему не верим, что видим, но, м. б., это необходимое условие своеобразного надэстетического переживания. М. б., нужно, чтоб документальность строилась на недосказанности и изначальной несправедливости? Я это вижу именно на Востоке. Вдруг — одноэтажные дома на прямых и обсаженных деревьями улицах, вдруг — люди идут, такие далекие и в чем-то близкие. Это как любимый мотив. Раньше я ловил музыку, а теперь ловлю в программах новостей состояния, хорошо передающие дух Востока. И в Ханое есть тихие улицы, значит. Как в Пекине, как было в Ташкенте, не знаю, что там сейчас, уничтожен ли старый город? Не часто в документальных сюжетах выражается это состояние, его передачу удастся заловить не чаще, чем хо-

роший блюз, но то, что ищешь выражение этого состояния, кажется, что ты на правильном пути. А могли бы так весь мир показать и, ей-Богу, после моей любимой одноэтажности, мы лучше бы понимали и небоскребы, и транспорт сверхсовременный, и людей, в конечном счете. Из этого все произрастает, с этого все начинается — с китайской или вьетнамской, или корейской улочки. Не могу объяснить, что мне во всем этом так дорого. Отсюда прямой переход к храмам, с их неповторимостью. Повседневное и неповторимое рядом. Я совсем другую картину мира себе рисую, чем то, что показывается нам. Заглядывание в дальнюю-дальнюю повседневность — это свежее восприятие нашего же мира. Не исключено, что я бы смотрел японские, корейские, вьетнамские фильмы, если бы они свободно были на нашем экране. Вот и еще раз я в разладе с большинством, мне требуется то, что большинство отвергает. Конечно, элементы хорошего кино попадались еще до гласности, я наловился их на всю жизнь еще давно, и не видно, чтобы в последнее время было что-то специально сделано в этом направлении. Будем сидеть тихо-тихо, боясь спугнуть и то, что есть. Но, м. б., и повернется киноискусство к нам своей привлекательной стороной — как знать? И не просто несогласие с большинством, а за всем другая идеология. Идеология не расцветет, пока не наступит духовная весна. Озарение, путь озарения, вот, пожалуй, единственное.

Вот недавно показывали фильм об индийских ремесленниках, и там проглядывало внезапно то же — дворники, переходы, двери, горны, сами ремесленники — все это безымянное и страшно далекое вдруг становится чувствуемым как бы своей кожей, как будто ты сам идешь по переходам, по дворикам, чувствуешь шелест деревьев... Я не боюсь сказать, что это прямо отрывки религиозной программы, неведомой еще ре-

лигии. Где же здесь сюжет? А вот в этом смотреии по сторонам с забвением повода, который нас сюда привел. Потом мы что-то основное начинаем видеть и в столкновениях с полицией и в других сенсациях, но важно не забыть, что у всего этого есть ровный постоянный фон. Новая идеология, новая идеология, пора ей быть. Но нужен новый вывод, новый прогноз. Идеология прогноза. Пройдут и наводнения, как прошли землетрясения, но мир все еще необходимо будет показывать. Я считаю, что прогноз заложен в основу видения. Ведь глядя на карту Китая, мы одно название Таншань и могли бы счесть за вызывающее у нас ассоциацию. Показывают город какой-то и значит, что за этим местом будущее. Я так верю, верю, что ничего не даром.

Утром говорят о последствиях циклона на Вану-Вату. Аль-Бейд прилетает в Советский Союз. Может, что-нибудь об Йемене будет сказано или показано. Слишком редко показывают новоприобретенные страны. После Пол Пота много показывали Камбоджу, шли фильмы за фильмами. Дух покоя витал над этой братской могилой. Сейчас там вьетнамцы.

На Замшина дают «36», азербайджанский. Я говорю Вере, чтобы она купила хоть немножко. Еще несколько дней обеспечили.

10 февраля 1987 года. Утренние дела сделал, а из дел — пишут о землетрясении вблизи Новой Гвинеи (7,4), в трехстах километрах к северу. Продолжают писать о Грузии — Колхиде и Сванетии, где погибло очень много народа. А в некоторые деревни еще не пробиться. О Грузии заговорили как раз накануне стихийного бедствия, в связи с лавинами в Сванетии. Тогда погибло 28 человек. А в этот раз говорят о трехзначной цифре. Душманы сбили наш самолет с тридцатью пассажирами вблизи Хоста. Все погибли. Это еще только по радио-телевидению. Счет в банке от-

крыли — деньги в помощь пострадавшим в Грузии. Год начался стихийным бедствием. Вот это последствие тех ужасных морозов, что стояли и у нас. У меня только зубы поныли, Верочка перенесла морозы хорошо и сейчас, как тогда, принесла коробку книг. «Сказки английских писателей», «Россия глазами иностранцев», «Как построить сельский дом».

Сейчас снова говорят о землетрясении на Новой Гвинее (5,9). А писали о понедельничном. Остров или острова Умбой — эпицентр. Также говорят о том, что сорок пять человек погибло на Вануа-Вату в результате урагана, тысячи бездомных.

Я как раз читаю Арне Фальк-Ренне «Путешествие в каменный век» о Новой Гвинее, а Верочка купила Георга Форстера «Путешествие вокруг света». Но о Новой Гвинее нет ничего, кроме договора об обмене информацией. Двадцать девятое и тридцатое января — космические неудачи Советского Союза, вначале взорвать пришлось один «Космос», вышедший из-под контроля, а тридцатого четвертую ступень ракеты «Протон» уничтожили с грузом по команде с Земли. Сто сорок инакомыслящих выпустили у нас из лагерей и тюрем. Уже задают вопрос об заключенных в психиатрических больницах. День памяти А.С. Пушкина, М.С. Горбачев и аль-Бейд обменялись речами на обеде в честь партийной делегации Южного Йемена.

Выпили бутылку «Карданахи». Америка произвела очередной ядерный взрыв на полигоне в штате Невада, мощностью до двадцати килотонн. Выдвинули В. Высоцкого на соискание Государственной премии. Пишут, что в счет помощи пострадавшим в Грузии деньги не принимаются, не знают еще об открытии счета такого. В Камеруне ждут новой катастрофы. Ключевской извергся. Из переплетной позвонили — Хлебниковы готовы. Землетрясение во Владивосто-

ке — шесть и три десятых балла, по сообщению японских сейсмологов.

Вот какой выпуклый Дальний Восток все то время, пока мы в спячку погружены. Судя по сообщению газеты, на острове Умбой произошло очень сильное землетрясение.

Верочка привезла Хлебникова переплетенного и купила «Исторические песни и баллады».

А теперь воскресенье. Верочка уехала к своим. Вчера у Элочки был день рождения, и она заехала в Купчино. Меня приглашали, но я заслушался О. Колмана и Фредди Хаббарда — не поехал. Говорят, позже был Джон Мейл. Я лег спать. Теперь, когда основная книга (В. Хлебникова перепечатка) у нас дома, я сплю спокойно. В три, правда, кто-то позвонил по телефону, но сразу повесили трубку, услышав мой голос. В газете о циклоне на о-ве Реюньоне. Десять человек погибло. Сегодня-то еще не слышал, но все эти дни говорят о Грузии. Дурное, значит, было предзнаменование — этот снег в Богдановке весной, почти летом. Страшные снегопады вызвали лавины и паводки. Более восьмидесяти человек погибло, шестнадцать тысяч эвакуировано. А у нас жизнь идет заведенная, мы обо всем узнаем по радио и из газет. Вчера показывали и Сванетию и Реюньон. А нам все востоки — дальние, как все Голландии — новые, как новые Гвинеи в Гвинее заключены, содержатся, находятся, а в Папуа — там землетрясение — норма быта, оно ничего решительно не предвещает, а существует, как существует какой-то час во времени и в этот час там и пробьет семь обязательно. Филиппинская Демократическая Республика — новое название Филиппин. Сегодня, как ни много показывают Вьетнам, Лаос, Японию, Камбоджу, почему-то прозрачных, хороших сюжетов и кадров нет.

Я все не могу успокоиться с тех пор, как переехали на новую квартиру. Рано встаю, разминаюсь, книги собираю за корешки, ничего не читаю, только заглядываю в небольшой томик В. Хлебникова восьмидесят шестого года. И не надо забывать, что такая книга, где было бы написано обо всем, есть. Это Хлебников, а у меня его есть маленькие тома. С шестидесятого года у меня постоянно был томик В. Хлебникова.

На Новой Гвинее остров Малаи грозитя расколоться пополам под действием недавнего землетрясения. Несколько сотен человек готовятся к эвакуации. Это слово («эвакуация») я узнал очень рано. По звучанию оно какое-то тихоокеанское, гавайское. Но я к нему успел привыкнуть. Я родился в эвакуации. Но мне обещают дать посмотреть и большого В. Хлебникова, и даже Руми есть теперь у Элочки. Ей его подарили на день рождения. Хлебников, тот, старый, шестидесятого года, у нас уже второго поколения — перепечатан на машинке, — но это даже лучше. Все перепечатано точно, как там. Только вступление и примечания опущены. Томики получились хорошие, желтые, крепкие. А большой В. Хлебников, говорят, черный. У нас, вообще, очень спокойно. Редко-редко телефон зазвенит. Мне давалось четыре-пять мест для житья, и все же я предпочел Петроградскую. Ржевка непривычной показалась. Но я сделал все дела на Ржевке и сменял квартиру сюда, на Лизу Чайкину. Очень спокойно. Должна в среду зайти Люда и отдать мой роман. А так, без спросу, никто не приходит. Мы всегда заранее знаем, если кто-то должен прийти.

Мама встает обычно попозже меня, и вот утра у меня свободные. Я узнаю новые новости с утра, но Утром кажется, что не все еще известно и только к

вечеру округлятся выпуски сообщений. Пора кончать писать.

Большие перемещения во вьетнамском правительстве. Кабалевский, Дмитрий Борисович умер на 83 году жизни. А я жду Тебеса. Землетрясение там произошло в семьдесят восьмом году, погибло 25000 человек. Если ничего не происходит, я могу сказать почти все время, чего я жду. Вот острова еще не раскалывалось, а представляется, что от материка откалывается кусок, остров исчезает. Горбачев М. С. полетел в Ригу. Но главные, кажется, события на Дальнем Востоке.

Не дожدهшься из доставки газеты, выскочишь на улицу к киоску, нет, у нас так этого не водится. Конечно, если я выхожу в магазин, я, по пути, куплю и «Правду», но, вообще-то, дожидаясь газеты, сидя дома. Ничего, что сегодня задержали, наверное, поздно подали материал. А чем может быть вызвана задержка? Отсутствием или нерасторопностью почтальона? Я пытаюсь узнать что-нибудь по радио, но, кроме как о казнях в Ливии, ни о чем не говорят. Спать не хочется, утро спокойное. Я так привык рано вставать. Но сегодня и мама поднялась, стирает. Порисовал. История — это, в значительной степени, история сект и других общественных движений, но сект же. Уже принимали макулатуру на «В лесах». Самая шумная сейчас — диссидентство. Их амнистируют, они проводят демонстрации, связаны с прессой. Недавно показывали изуверских сектантов из группы Мирзы и Абая. Я все пишу о всяких событиях, но развития сект не чувствуется в этом. До сих пор я был занят проблемой создания нового прогноза. Что-то новое в Афганистане. Эволюция вместо революции. И у наших об этом. Умерла Наталия Васильевна. Вот тебе и Тебес.

19 февраля. Сегодня будет передача об иконах из фондов Русского музея, с той выставки в Манеже, на которую мы ходили все вместе. Надо посмотреть будет. Очень интересно, как иконы по телевидению покажут. Редкостная передача вечером. Теперь все редкостное. Верочку приглашают на «Покаяние». «Поездка в Индию» идет в «Экране». Вчера «Время» длилось около полутора часов, и я дождался конца передачи. Сначала показывали М.С. Горбачева в Латвии — из-за этого программа так и затянулась. Был репортаж из Сванетии в «Известиях». Сегодня купил «Правду». Интересное только о наркотиках. Чай индийский кончается. Я протянул две недели на Мишиных пяти пачках. А Верочка прикупала «36». Думаю еще месяц прожить на ее запасах. Ничего с чаем не вышло. Ни у Киры, ни из Москвы не прислали. Но «36» я еще пью, ничего. Обычная «грузия» сейчас продается. Говорили о пресс-конференции Назарбаева из Алматы. Там около ста человек арестовано. А мы так и не дозвонились. Верочка даже вставала в пять, но никакого успеха. Занято. И вечерами. С утра новостей нет, да и Кришнамурти в «Известиях» не печатают.

Говорят, что Оскара Кунаева, президента АН Казахстана, тоже сняли. Сняли министра высшего образования и перевели на другую работу секретаря ЦК комсомола. Все еще что-то новое узнаем о декабрьских выступлениях. Говорят, что в них принимало участие три тысячи человек. Двое дружинников убиты, около двухсот человек получили ранения.

Вот что значит полный чайничек чифира, после того, как чай попил. Моментами вспыхивает жажда, и тогда я прикладываюсь к чайнику и пью два-три глотка. Во рту высыхает почти сразу же. У мамы форточка открыта, и от ее дверей веет холодом. Но я не боюсь подхватить простуду, быстро прошмыгиваю

мимо ее двери. И уже у себя на месте, за столиком, обретаю покой.

Да, мы протянули еще один день. Кончилась «индюха», это последняя порция была. Все время передают выступления М.С. Горбачева. Вхожу в мамину комнату и сразу выхожу из нее. Только форточку закрыть, достаточно проветрилось. Мама спит. А у меня такой чай ей приготовлен, прямо первосортный. Смесь «36» азербайджанского с индийским. Я пью и меня пошатывает. Рано светает. В девять уже можно писать при дневном свете. Выключаю лампочку и потек день.

Звонит Игорь и говорит, что вчера умер Саша.

Землетрясение возле Алеутских островов. Все Дальний Восток дает пищу. Говорят, что Б. Пильняка обвинили в шпионаже в пользу Японии после того, как он напечатал книгу «Камни и корни». Вот каким осторожным надо быть с Дальним Востоком. Но не слышать о нем невозможно. Посмотрел сейчас дневник. Оказывается, третьего сентября еще было землетрясение у Богдановки и Ахалкалаки. А пишут о причинах стихийного бедствия январского и февральского. Передали, что еще миллиард кубометров воды сойдет в Грузии с гор. Писали, что там, в горах, выпало шестнадцать метров <?> снега. «Стихия не унимается...» «Что случилось на Кавказе?» За Кавказом я пристально следил этот год, меня не отвлекли даже молдавские и сальвадорские землетрясения. И вот, с двадцать пятого декабря началось. Каждый день говорят об эвакуируемых. «Сваны покидают горы». Некоторые, теперь уже, остаются, чтобы работать на восстановлении. Грузия меня давно интересует. Я стал работать на черных фонах, помня и думая о Нико Пиросманишвили. «Специалисты считают, что происходящее в Грузии еще требует изучения. Это явление не просто аномальное, а чрезвычайное».

Я засекаю время за первым землетрясением в Богдановке. Как раз на присуждении мне премии имени А. Белого, я читал об этом. Что же будет в Грузии? Сообщают, что две тысячи пятьсот деревень частично или полностью разрушены.

В Казахстане смещены со своих постов два члена ЦК, а бывшего советника Н. Кунаева выгнали и из партии. Говорят, что Советский Союз теперь будет заранее оповещать о ядерных испытаниях. Что об этом сказал М. С. Горбачев в Таллине. Целая программа про Бирму. Я уже стал и забывать книгу «Архитектура Бирмы». Была такая. Не помню — куда она делась. Но из одной иллюстрации в ней я сделал коллаж. Такой знаменитый камень «Голова Будды» с пагодой на нем, находящийся в равновесии на краю пропасти. Кажется, этот монтаж сохранился у Эллы. Вот страна, о которой я мечтал, которую мечтал повидать на экране. Говорят, что в Рангуне две телестанции, но работают они лишь два часа в день. В связи с программой «Радуга» тоже ничего не слышно было о Бирме. Собираются отмечать двадцатипятилетие социализма с человеческим, нет, буддийским лицом. Я пересидел в психушке землетрясение там. Потом уже в газете нашел материал о разрушениях буддийского комплекса, вызванных землетрясением. А так, говорят, в стране очень спокойно. Коммунисты отеснены в горы к китайской границе и вместе с бывшими гоминьдановцами выращивают опиум. Там было две коммунистических фракции — белого знамени и красного знамени. Одна ориентировалась на Пекин, до смерти Мао, вторая — на Москву. Но у Москвы хорошие отношения с партией Социалистической программы... Э.А. Шеварднадзе летит в Юго-Восточную Азию, но Бирму он не посетит, стало быть, ее нам и не покажут. А была бы возможность снять прозрачное, как у Кришнамурти, кино. Страна так успокоилась, что о ней все как бы забыли.

Никто не запретил знать, что здесь будет. До семьдесят четвертого года у меня сложилось стройное представление о положении в нашем мире. С ним и живу. А, интересно, отзвуки какие-нибудь этого уверенного знания будущего будут ли? Вот ведь Ю.И. Галецкий вернулся, а он очень связывал меня с определенным миром. Теперь, видно, это все переменялось, но то, что знал, я знал твердо. А что, если грузинский чай теперь погибнет? Что мы будем пить? Я рисовал чай, живя на Блохина, и тогда же задумался о Грузии, но время ее настало только теперь.

22 февраля. Антропоморфные изображения: Первобытное искусство / Отв. ред. Р.С. Васильевский. — Новосибирск: Наука, 1987. — 224 с.; ил. — 2 р. 40 к. — 3400 экз. — Для археологов.

В прошлую среду начался и все еще продолжается гигантский оползень на северо-западе Словении. Смял завод и несколько жилых домов. Существует угроза затопления местной шахты. Жертв, как будто бы, нет. Все время его пытаются остановить.

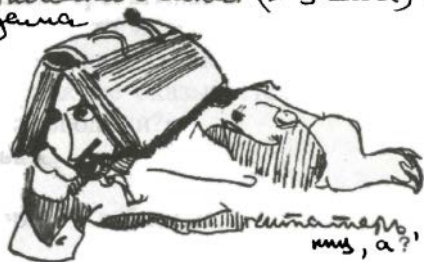
Умер Петр Григоренко в Нью-Йорке, семидесяти девяти лет.

23 февр. Джиргаталь, пять-шесть баллов по шкале Рихтера.

Возвращение в 1974 год

Забитовичина (2-3 след.) вс.
дема

«Всю жизнь перекачивают несчастное тело из одной ямы в другую, то и дело проваливаясь в зловонные канавы. Здесь жизнь одновременно с человеком выплавляется, как же оказывается, что она так жестоко смеется над людьми?»

Хуайнаньцзы

28 июня + Хлебников

Осень в Аламуте. В «сухом саду» осень. Подметенный подоконник, радиоприемник. Осеннее электричество, осеннее окно, осенний натюрморт. Опадающие вещи. Осыпающиеся свечи. Осеннее радио. Запах тины — приморье. Существующее нигде солнце. Оно восходит, светит и заходит невидимо для меня. Тучи стен скрывают его, мгла двора, тьма второго этажа окнами во двор, сумерки второго этажа. Опадает свет, падает на абажур перепревшей, бездействующей лампы — осень. Тихо, как в опавшей листве, звуки из соседней квартиры доносятся, как через (сквозь) опавшую листву. Вот здесь Розанов. Или сумка книг — сумка опавших листьев. Перечисление. Лето не было изобильным, во всяком случае у меня так. (Мало листьев напало) мало книг осыпалось, опало. По-

стиранный тюль того же занавеса — осенняя паутина. Осеннее пальто висит на ручке окна. Зеркало — осенью тихое. Тихо не отражает ничего, кроме этого же самого. Прореженные (розданные), поморщившиеся осенние журналы (человек и закон). Плоды осенние — консервированный грейпфрут, сок.

Осень — ржавый металл. Минуло лето в «сухом саду», с его цветением денег. Осеннее пальто заслоняет большую часть сухого сада. Нам просто не видно, что там еще высохло или увяло, или опало. Что все лето и весну падало, то сейчас опадает. Все чаще плесневеет чай, оставляемый на два-три дня. Осыпается побелка, даже кусками отваливается штукатурка. На полу грязь — осенняя, подразумевается. Вечная, сказать проще. И сейчас светит солнце — последнее, сентябрьское, что же изменилось по сравнению с весной? Весной его брызги долетали и сюда. Сейчас только тепло доходит до меня.

Нержавеющее зеркало. Отсутствуют солнечные блики, шум воды. Все, что внушало надежды, стало не таким уж свежим, новым: записки, открытки, накопившиеся за это время. В подметенном садике на подоконнике собирается поселиться шум дождя и осеннего ветра. Теперь ждать грязных подтеков, сквозняков, холода из всех щелей, новой грязи

вторая квартира в это же время

Если я лежу, то крыша дома напротив выложена прямо на подоконник, такой натюрморт. С крыши живыми струями струится вода. Едва подсохшая крыша гармонирует с темным небом. Под солнцем дом напротив ядовитого оттенка. Зелено-желтого. Пустынная крыша ровно освещается солнцем. Солнце освещает все, равно отбрасывающее тени, кирпичи, лежа принимающие воздушные ванны. Так электричество призвано освещать именно бумагу. Над пустыней

крыши небо... как у Рейсдаля. Почему-то мне это говорит, что долго больше я не буду в Гавани. По поводу солнечного света. Одинокое солнце, видимо, это последнее солнце в этом году. Конец августа — начало сентября. Не странно ли? «Свет в августе». Кончилось лето, которое я пролежал дома, и мне кажется, что то полуодиночество было необходимой подготовкой к этому одиночеству. Такое чувство, что одиночество предстоит, а оно уже здесь. Сажусь и пишу. Две свободы: первая — воля, вторая — свобода самовыражения. Та свобода — необходимая подготовка к этой свободе. Приближается ночь — в широком смысле. Последние звонки. Остаются знакомства, только никак не мешающие одиночеству. Кончается всякая коллективная деятельность совсем. Сама по себе зима, а потом одинокая весна, весна одиночества брезжит, ожидается.

Здесь шумная улица, но когда я смотрю на крышу, всякий перерыв в шумах вызывает у меня представление глухой, заросшей травой, брошенной улицы. Так действует неяркое солнце. Телефонный звонок, как камень, брошенный в воду. Темнота, как тишина. Темнота заменяет тишину. Зажмурившись, нащупываешь выключатель или телефонную трубку или шире открываешь глаза, ловя едва скользящий свет в коридоре. Дом дрожит, такие тяжелые машины, но чуть умолкает шум, и снова кажется, что это глухая, пустынная улица где-нибудь на окраине. Я и не знаю такой. А ночью кажется в тишине, что эта комната очень высоко над городом.

Дал пожить спокойно. Захотелось со всей силы три раза есть, много спать, гулять, вести нормальную жизнь. Одиночество, свобода, бедность — мужественный идеал, жить в соответствии с ним. Бедные люди используют осеннее потепление, последнее солнце. В

спальне тепло, хочется спать без одеяла. Хочется не спать целую ночь, хочется общения. Бог не дает соответствующего общения. Начали протапливать.

«Это не сад, а изжога любви,
Любви с семенами подсолнуха».
Хлебников

Сад с памятником. Только совсем равнодушные люди могли выбрать его и сесть здесь курить. Это первый сад по проспекту. Совсем одинокие остановились бы в другом, не таком официальном. Но нам не везло, мы переходили от памятника к памятнику. Конечно, они не располагали к поцелуям

пятница 25 октября

«К вопросу о неуместности человека. Как-то стою я в часовенке, при маленьком сквере около Владимирской церкви, на Петербургской стороне. Может, и в самой церкви — забыл — было лет 14 назад. И замечаю, что я ничего не слышу, что читают и поют, — не слушаю. А пришел с намерением слушать и умилиться. Тогда я подумал: «Точно я иностранец — во всяком месте, во всяком часе, где бы ни был, когда бы ни был». Все мне чуждо, и какой-то странной, на роду написанной отчужденностью. Что бы я ни делал, кого бы ни видел — не могу ни с чем слиться. «Не совокупляющийся человек» — духовно. Человек «solo».

Все это я выразил словом «иностранец», которое у меня прошептало, как величайшее осуждение себе, как величайшая грусть о себе, в себе.

Это — тоже рок.

«Какими рождаемся — таковы и в могилку». Тут какие-то особенные законы зачатия. Наследственность. Тут какой-то миг мысли, туман мысли или безмыслия у родителей, когда они зачинали меня: и в ребенке это стало непоправимо.

«Неизбежное»...

«Иностранец»... «Где ушибемся, там и болит»: не от этого ли я так бесконечно люблю человеческую связанность, людей в связанности, во взаимном милосердии, ласкании. Здесь мой пафос к ним, так сказать, валит все заборы: ничего я так не ненавижу, ничему так не враждебен, как всему, что разделяет людей, что мешает им слиться, соединиться, стать «в одно», надолго, на время — я даже не задаю вопроса. Конечно — лучше на вечность: а если нельзя, то хоть на сколько-нибудь времени. Это — конечно, доброта; но не замечательно ли, что она вытекла из недоброты, из личного несчастья, порока. Вот связь вещей. И как не скажешь: «Судьба! Рок»...

В. В. Розанов

«Уединенное»

Электричка

Предыдущая страница «Уединенного»:

«Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом — только о себе» (Тургенев). Сперва мы смеемся этому выражению как очень удачному... Но потом (через год) становится как-то грустно: бедный человек, у него даже хотят отнять право поговорить о себе. Он не только боли, нуждайся, но... и молчи об этом. И остроумие Тургенева, который хотел обличить человека в цинизме, само кажется цинично.

Я, напротив, замечал, что добрых от злых ни по чему нельзя различить, как по выслушиванию ими этих рассказов чужого человека о себе. Охотно слушают, не скучают — верный признак, что этот слушающий есть добрый, ясный, простой человек. С ним можно водить дружбу. Можно ему довериться. Но не надейтесь на дружбу с человеком, который скучает, вас выслушивая: он думает только о себе и занят только собою. Столь же хороший признак о себе рассказывать: значит, человек чувствует в окружающих бра-

твев себе. Рассказ другому есть выражение расположения к другому.

Мне очень печально сознаться, что я не любил ни выслушивать, ни рассказывать. Не умел даже этого. Это есть тот признак, по которому я считаю себя дурным человеком.

Шперк мне сказал однажды: «Не в намерениях ваших, не в идеях, но как в человеке в вас есть что-то нехорошее, какая-то нечистая примесь, что-то мутное в организации или в крови. Я не знаю что — но чувствую». Он очень любил меня (мне кажется, больше остальных людей, — кроме близких). Он был очень проницателен, знал «корни вещей». И если это сказал, значит, это верно.

Дурное в нас есть рок наш. Но нужно знать меру этого рока, направления его, и «отсчитывать по градусам», как говорят о термометрах, которые тоже врут все, но ученые с этим справляются, внося поправки.

Хотел ли бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотел бы — это быть злым, вредительным. Тут я предпочел бы умереть. Но я был в жизни всегда ужасно неуклюжий. Во мне есть ужасное уродство поведения, до неумения «встать» и «сесть». Просто не знаю как. И не понимаю, где лучше (сесть, встать, заговорить). Никакого сознания горизонтов. От этого в жизни чем больше я приближался к людям — становился все неудобнее им, жизнь их становилась от моего приближения неудобнее. И от меня очень многие и притом чрезвычайно страдали: без всякой моей воли.

Это — рок».

Такая польская книга

Дебюффе
Де Сталь
Вельс
Поллок

Церковь, церковь, церк~~овы~~, церк~~вовы~~. Зоо бы
Мономонархизм.

Что осталось — остальное — новая упаковка от сыра.

авторское право при соавторстве.

в счете за свет вот эти деньги, а все на свете так вот расхитят? Медь монгольская, рубочным путем, ал-так (геогр<афия> росси<йских> гор<одов>). Не меняйте того (что осталось) так вот (с) того-другого отверстия в цветных металлах. Что-то здесь дознать. Уже есть натюрморт. узнали мексиканского бога в своей пижаме. Спирин, а музыкальные передачи и не мешали бы мыши, будь тут хоть что слышно.

белый маяк на горе тени не меняйте черной туши на пятне — конечный огрызок красного яблочка в се-ребряной луже.

зеленая точка выделяется

со слухом точным, как магнетический сон со слу-ховыми галлюцинациями

гора белого пунктира

Мортенсен — формула. не больше одной кляксы на листе.

таинственная речь(ка) отражающая баррикаду бе-лой лужей

характеристики абрисов силуэты кровли листьев.

зеленый серп в желтом (и) цит. сказать тебе мягче. что дождь? имя собств. во сто кин все. легче по-смотреть к облаку в неба — — — (какого?) парного.

холм болото осиновое т.д. % тел. № кремовый стр. время. никакое и наоборот.

нельзя знать, как то что осталось «лежать в густой тени» страх — голоду. проекцией, что дальше. кон-тур.....

чистые бревна. страна света болота храм павлов-ский, вырубленные.

в тени внизу, выше в духе, на дне. крем. И дно на небе, небо на дне. опрокинутое. колотые типы. льдов в прорубях, в разводах

Вывелся черезполосый лотос, красно-белый, багрово-.....

а месяц и желтый

синие слова

на островах маковых стеблей, свалке выжатой — —
—?

как свинья, нет, как бесы вселенные .....

а, что у него только края лепестков, был поверившим в радужность китайскую. Само по себе нет не .....

Землетрясение в Турции.

ранено 15, разбита

1 антикв. Тарелка

В смысле только бы жить Новая Земля — Цейлон. Чем нет? Мавритании становится все меньше, Марокко, Туниса, Испании..... Затаймырский Урал. Полярное небо и Тянь-Шань. Антарктическое Юго-угрофинское.

В Гоби все это есть, Земля Обетованная, и если гора не идет к последнему морю, то последнее море придет к горе. Как говорят — политический ландшафт и климатическая зона.

В 76 году кончилось время пословиц и поговорок. Без ОАР в голове, а края — глубинами. Весь место чему-то на дне. Как небо не нуждается в названии, так и все остальное. Свободный выбор. Весь. Соломка так пошла. Масштаб.

Впервые боком знамя написанным. Скорее. Куда. Гон. Лакуны. Диалог говорится о сорте. Русский язык

сам не дошел бы до этих букв. ни на каком сподручней. По через арык судить о... землетрясении

Да еще из-за # <решетки>. Торжество светотени и воздушной перспектив. Непроходимо. «Колокольчики мои...» Саудовская Аравия! Скрытые симпатии внутри расы индо-европейского, как клетки — картам. и то и другое справедливо, но делай свое дело полное изнутри. очищайся.

Вот и говорится: «на водах». «Adventure». залив Объектив. Так же — среда, четверг, пятница — только говорится. Язык незнания

т.к. такого большого острова нет, а вход в рай максимально рассчитан. около двух метров. Дверь не пробитая в Дионисии будет вломлена в Греке. Vous comparez? Родина. Деграция*.

таким образом нерасцвев умерла галка и переходим к следующему слову. Кому какому. Характер.

Это ветер, а на З<апад>. Миру — мир! — по-китайски. Известия. А когда мы прощались, светила полная луна. И не лютей и не людей. И вот там где незнамо что сливается с небом нечто и мерещится. см. выше*. а страна в плане называется «а как же». А дальше звезды, а билетов. Не подданный памяти. времени с антитезой. от мышей держали крокодилов, а им скармливали окрысивающихся, откуда есть и пошло об уме у земнов.<одных>. Или, например, сейчас все всему пример.

Бог, все равно что так дал: кому картину, кому шатер, а кому график дао. Хоть из кожи вон язык неправильный. Таким путем природа поддается. Случай словоупотребления стал необходимостью. а женщины даже этого толком не могут. Так это смысл.

Пятидесятиметровое зеркало на воде себе. Не принято с нашивкой за право на все такие одинаковые. Не вся рыба также так не думает. Все больше.

Все и называется, что он, когда варится — переворачивается. Нес. Но на этом не настаиваешь. На тюбике — индийский чай. Только меня не доставало.

Что нельзя? Быть по-русски без берегов — пример. Без 3-х. В долг галлюцинировать другому. Киндер СССР. без копейки 76. Новой земли живописи. Трое..... Поле..... Две. Столб на смену кресту. Прекрасно. На вкус треху. На страже безумия. Белых ночей фьорды. Крах по-ломка. Стрем прав-бах. ТаСС. Как, напр. Мер Твое Море. Дискрах. Все равно необходимо

перед 14 или, даже, 12-тым февраля

Неотправленное письмо

Почта СССР
1000 лет
Абу Рейхан
Бируни

В. С. Спирин
Построение
древнекитайских
текстов
изд. «Наука».

Главн. ред. Восточн. лит.
М., 1976 г.

стр. 135 и 134 отрывок из «Хань Фэй-цзы» со включением цитат из Лао-цзы

и стр. 153 и 152 из Мо-цзы глава «Сяо-цай», на двух почтовых карточках, на самопальной, на лицевой стороне — зеленый змий на тарелке.

<...> Поэтому (у Лао-цзы) говорится: «Правильное поведение — это бедность преданности с верой и главенство смуты».

8) Искусством, практиковавшимся Дань Хэ, опутывают разум (сердце) людей толпы. 9) (Этот, как цветок, который) расцветает и тут же гибнет.

Поэтому говорится: «Цветок Графика (дао)».

10) (Если) попробовать провести проверку, отбросив созерцание Дань Хэ, 11) и послать малого несмышленного ребенка посмотреть, 12) (то) тоже будет известно, что это черная корова, а рога обмотаны белым холстом. 13) Поэтому созерцанием по Дань Хэ причиняют страдания разуму (сердцу), вредят духу, 14) а впоследствии результат оказывается такой же, как у малого несмышленного ребенка. 15) На этом основании говорят: «Главенство глупости».

<Поэтому (у Лао-цзы) говорится: «Опрежающее знание — это цветок Графика (дао) и главенство глупости».>

В. С. Спиринов. стр. 135

Ук. соч.

19 февраля 1977 года

Ли Цинь Чжао. Три издания «Строф из граненой яшмы».

3 выпуска «Китайской живописи» на разных языках. Лохан? Саг? Франц? Чешск? Сербский?

Однодневный вьюнок, граммофончик посреди долины сменил стиральный порошок «Лотос», среди холмов неизменным остался табурет, на котором стоял патефон.

Бесцеремонно, как у Сайкаку.

Два короба Розанова, об Михайловском и С. Ковалевской. Кони. Однодневки. Lock Holm. Кино. Лочкино. Индийский адрес нашего дела. Лит. памятник. Лэмонне. Сердце верующего. фельетон. Брак в Кане. 3 варианта незнания. Как сказать — добрый пастырь на окладе, а один день, наприм. как Кану Галилейскую спутать с разбойником Ванькой Каином.

Например «Стожары» включены в золотую библиотеку, а я их и тогда в 50 г. не читал, значит нет вкуса.

И представление как об сумасшедшей нации — женщинах, поклоняющихся медно-зеленому змею, так же безвкусно. Проекция зеленой тени на нетопленную парилку, где они сидят на ступенях, желтые под зеленым мраком, м. б. амфитеатром. Выточка, выточку. Ком угля, попадающий на зуб. Девали. Источник питания. Решетка черная обязательно.

Цвета: черный — розовый — белый, соответствуют серому — голубому — белому, а между белым и голубым проявляется зеленый. Лен сам желтый (и красный, и синий) и багровый.....

Что равно неприятно всем. Путивля. *Данцель*. Бурая. Падма Самбава. Как огонь с индивидуальным источником питания, так каждое живое существо, кроме бесов и людей, понимает это уже только себе. Тебя — тебе. Фанера. Слово о плексусе. То вот. Т.е. ничего подобного. Спирингия. Липперт. Эдзина. Только египтяне могли бы сойти за тех, кто обращается к реке: — Нило, Нило!!! — просит хлеба по-русски.

«... это черта сыны прыгали в садах
на голые шары черепов с хохлом
черного дыма где-то сбоку, дыма
черное облако.....
черные жены шли
никогда.....»

<Неточная цитата из В. Хлебникова >

Кочевники. Циркуляция железнодорожного мента подзаборного... График дао. Моллюски. Они. Листва букв «чаеразвесочных фабрик, гор.». Коричневая пена.

Зеленый лист, черный кот и красная точка лака. Рыжий цвет букв и спиралей на солнечных знаках.

как лотоса подобно

светом Тибета различение тьмы и света двойственного строя райского замком крепости места мыслимости ухода изначального

Догорает решетка дворца материала и нимба здесь при отсутствующем солнце звуке Индия и ничто в западном раю как тоже солнце под разведенным костром всего розового в отличие от нашего лотосоподобия белизны всего в целом розового на свету ситуации с третьим состроенным единым образом Бодхи корнями повторность _____ повторяемость повторелость _____ бел и черн признаков присутствия отшельника отселе безличностны отражение вещей белизна расы качеств склонность воплощенное отрицание одновременность в одном

беспреклонная пустота

две их, как разговор с отсутствием во второплановости уличим в задней мысли о рае

повторное уничтоженное заклинание розового падание на коричневое и возникновением красной нотой бескачественность теперь оборотная сторона небытия каменная

зеркало умозрение тантра отсутствия все бело в листьях пятого крестьянского дома комната. спокойствие телу тишина небесная сосудом ответом в цвете да или нет, отказ от перспективы корейской, маньчжурской и хорошей погоды ко времени и нирваны обоснованной необходимой случайностью постижению вытатуированной сени тени переход мощный закон пути воплощенного зелено в пять по черному несчастливому номеру розов оранжевый свет белый

следом на пустота дола и небес свет струящийся долин на нимбе, корнях, осколке перспективы поня-

той за отсутствие отражение обратное сюда в три. угла на матовой поверхности номера не фосфоресцирующего не читаемо несчастливого бесконечно не подобное лотосу свет того мира, который мы называем этим с отсутствием какой бы то ни было перспективы в нем нимбе. мира опрокинутого низа камней водой. в-пятых — уход здесь в несуществование реального небытия.

отражают лотос, тот же лист и золотых рыбок дробь мандалы духа холма плафона последние известия струй воды

По направлению от лилового, фосфоресцирующего зеленого, к черному и от розового, красного, оранжевого — другой. Оба эти направления от розового, а на зеленом он уже всегда есть, тень рентгеновская

Небо желтое и тут же голубое, как говорится лубых цветов

с чего бы то ни было, да, но с середины. Род.

препятствие преодоленного всего множества возможных ситуаций последнего опустошающего счастья свободы простой Тройное отрицание созидает понимание плененности иллюзорностью существования уничтоженным места в этом мире абсурдная роль книги имен двух светов и одного слуха между ними как причину (троичного не-) тройственности отказа от воплощения следующих условность окраски постижение небытия. Лишенное характеристики бытие однородность среды отсутствия существования иного этого света. Отсутствие возможности встречи повторной с самим собой. Альтернативы образа видения трижды негативная невозможность двойственности без пустоты вне запрета. Лик нимб. Пустота природы света

как нимб изолированной вещи. Одним из цветов его является двойное отрицание и, как мыслительная операция, особенно не должно мотаться без места перед сознанием. Интуиция не на изолированности основывает свое видение, само по себе, самому себе по себе; (как проекция) на темном стекле необходимый вывод из всего виденного самого по себе; соотнесенное с отрицанием многократным, позволяющим сделать окончательный вывод или выводы из всего, что слышно (Восток).

это «к» отсюда, и ка, и Кааба ..... А считать до двух остается необходимым ..... по сравнению со свободным выбором в последней ситуации среди последних вещей, считая таким путем никак не достигнуть той концентрации, хоть и %, как дает предыдущее знание. Не конкретней какого-то определенного, условного имени на грани с лишением; неимения на грани с невладением (собой) и т.п. примеры противоположностей — общая почва деятельности интуиции и жизненной силы. А конкретным более является присвоение личности, объяснение своими слов в диалоге — будет западнее

Но я считаю, что вот в таком виде, да еще и при условии, что *только названное* будет раскрыто и распространено в свое время и в своем месте, все три вопроса прямо соотнесены, правильно поставлены, а не то, что недоговоренность психологическая принесет какое-то новое облегчение из сферы вменяемости или невменяемости личной, как кажется в последнем случае. Я считаю только до того, что вот этот конгломерат «воле-представимого» неизбежного в недалеком становящемся и есть здоровье на обоих уровнях отражения, неотражения и сверхотраженного.

А забытое слово, о котором там говорится («Я забыл слово, которое это выражает»), — синоним понятия правильное распознавание, синоним учения.

желтый свет серому за черным электрический.

свобода выбора ломанулась (навстречу.....)

неповторим дом напротив того места, где эл. свет светит, чтобы лучше видеть... куда же громоздить «выше стропила»... Чему лживые слова: «правильное распознавание»? конкретностям иллюзий слуха и зрения. как тут ни он ни он не говорят, кто их брат-то. Встреча Осводой.

А номер, видимый наизнанку и двоящийся, как тот свет из окон дома напротив, освещающий желтый наш электрический. Они оба контрастируют с горным светом из долины. Фанера, замкнутое пространство, родственное кубатурой квадратуре круга

От не то, не то до правильного распознавания того, пишущееся на *a*. Русские кратные.

Тройное единство материала галлюцинаций зрительной и слуховой и сверхотраженного. Ветви искусственного цветущего дерева. Само по себе.

Как абсурдно июль переходит в август, нет в сентябрь и чего-то ждать? Прошлого до сейчас...

Мыльной пеной голубого и зеленого, засухи, жажды. Фиктивность радуги в августе, днем и ночью.

Род свободного действия, как «вкус дзен».....

Остывающий слух; остывающий взгляд, после теплого чувства, сопровождающего непознанность до конца знакомого лица. Пробуждение. Ткань бытия — неприятное.

Ибо остывание слухового впечатления есть сохранение волной тепла, волнами одной относительно другой. двоякость волнения, могущего выдать.

Одноматериальны с идущим, однородны раскрашенным слепком фонов для вещей. Идущего фона.

Затянутость вкусовых ощущений по сравнению с правильным распознаванием. Отчего хочется есть? В конечном счете оттого, что слух подвергся деградации высшего порядка, по сравнению со зрением, смерть знакома на слух.

Ф. М. Достоевский «Дневник писателя»
1877. Май—июнь. гл. 1

Из книги предсказаний Иоанна Лихтенберга,
1528 года.

После сего придет другой орел, который огонь возбудит в лоне невесты Христовой и будут трое побочных и один законный, который других пожрет.

Восстанет орел великий на Востоке, островитяне западные восплачут. Три царства захватит. Сей есть орел великий, который спит годы многие, пораженный восстанет и трепетать заставит водяных жителей западных в земле девы и другие вершины прегордые, и полетит к югу, чтоб возвратить потерянное. И любовью милосердия воспламенит Бог орла восточного, да летит на трудное, крылами двумя сверкая на вершинах христианства.

Назидательная машинка. Орлов двое, и когда один в стратосфере, тут другой. Тогда что-то тут не так. Золотые рыбки, красные. Если они древнейшие насельники здесь, то эти существа и были белые орлы. — А не значит, что он вас там не принял за орлиху. Так что видя оттуда землю под углом и выискивая свою пищу, он понимает только, что начинает бить кровь,

да следит за углом падения, чтобы не разбиться об воду. И не долбит прямо в ту точку, которой он виден, центр интуиции отравленной. Не вспомнить последовательности и из пяти дней. Праздник Преображения был в конце той недели. Оттого этот первый теплый вечер, напоминающий о лете. Ровно половина луны. Понедельник. А до всего этого, до 17-го августа, три вечера подряд было три грозы и на третий по телевизору показывали «Грозу» в новой постановке. Я уже взвесил себя на воде и, заранее еще пережив очень сильную наэлектризованность в такси, совсем под эту осень расклеился и стал подбирать ко вьетнамским корейские стихи по теме. И раз обрубился ночью, как только встал на ноги, рассадил бедро об детский стульчик. Несколько дней не вставал, пил Эссентуки и понял, что надо попросить «Дневник писателя». И там это пророчество. И я прав.

Эта история чем-то напоминает анекдот о том, как ловят тигра на лист фанеры, загибают молотком когти, когда он вцепится в лист, и другой, о том, что намазывают клеем листья и, когда тигр облепится ими путем, его связывают. Но я их помню года с 50-го, и тогда от меня ускользнул задний смысл их. Так и орлы, мне кажется, первый только делает вид над водой, что рыбки совершили что-то такое, чего и он не понимает как следует, да и никто, сами рыбки не до конца; я хочу сказать, что, пожалуй, только тут дело очевидно не в понимании, а налицо оно, как такое, присвоившееся.

17—20 августа

Пишется.

Выдающийся обряд. Каждое сейчас для двух не меньше двух. Полнота этого слова — событие — ... Не

меньше двух ощущений в одном том, что обобщает их... — их к двум два тех. Сейчас, которых три с ничем во время. А этой самой идеи с вечностью, как ее альтернативы преодоленным прониканием.....
Немыслимость строя реальности духовного ряда

И вот два пишутся подряд в настоящем времени или в соотношении с прошлым.

«Каждый из свидетелей поместил себя со всеми своими достоинствами и чинами, кто оборотным шрифтом, кто косяками, кто просто, чуть не вверх ногами, помещая такие буквы, каких даже и не видно было в русском алфавите». 7 гл.

«Мертвые души». Н.В. Гоголь
голубое облако дает тень,
заслонив солнце. небо белое
повторяет его форму.
к горизонту оно розовое
с утра серого.

НИК — цветок на
каком-то языке
облако — раковина,
перламутр, разлив

Розовой пеной только
что размывиваться в
засуху до черной масти.
Третья историческая
Урга (или какая-то по
счету). Не готовым к голоду
они не выходят на оккупантов.

А упреждающим индийским ударом он является?
Нет. Вот как хочешь.

Место. Вместе мы.

Что правильное различение тогда здоровей инстинкта, лишено обладания и не обладания даром вкуса, таланта. Говоря, что вкус — плод уже прищипки, как прививки. Третий нижний лист с одной ветви со вре-

менем и слухом (Вьетнам), одноматериальный с ними, он и был прищипнут в почечном состоянии, чтобы вырасти, как бы подводя черту под их однородностью, лицом к зрителям, несколько иначе, чем верхние два.

— Только механическое, вечно цветущее, чьи листья выданы нам за цветы одного зеленого цв., может в пустоте находиться дерево и невольные, механические же, свидетели, как канонические, машинальные.

Поднять от этого к единству представление о верхе и низе в однородности листвы и земли вплоть до независимости знания и сознания. (Куда-то к единству пространства, безвременья и их фиктивности. Необходимость только фикции, как понимания ее.) Примером служит свободное состояние невольных свидетелей.... А время, как — — — — —, пригодно только для практического, т.е. правильного применения в качестве идеи, умения совладать с ней уместно.

Человеческое чувство — плод ухода за волосами: то неприятное, что составляет ткань бытия, — запах собственной кожи. Она поделится чем-то тут. Но это же непереносимо.

Каждое его движение (жест) есть серия последовательных движений. Понимание невсеобщности такого языка должно получить оправдание в глазах — — —, и только тогда он может себе позволить на (нем) него ответить.

Черная юрта .....
 ..... из 1974 г.....
 Столько-то драгоценностей

Хуайнаньцзы:

«То, что обнимается небом и землей, что поится силами инь и ян, что увлажняется дождем и росой, —

это рождаемая преобразованием тьма вещей: голубая и голубовато-зеленая яшма, нефрит и жемчуг, перья зимородка и панцирь черепахи, узоры (на шкурах животных)...» черная сажа, татуировка, — — — закрепляющаяся на коже, что же, под давлением запаха, что ли (репродукция).

Синий карандаш «Кремль», под вторым сортом Грузии, отвлеченно иначе прочтенное и забытое название. Повод понимания по-корейски, как, примерно, Египет нам Ближний Восток. Разберем слово «вс-поенный»..... эти буквы в названии. С как Ц, а Ц — dj или gj из им. Сакко и Ванцетти.

Новое землетрясение с 4-го на 5-ое. Южное. Перевод Ахматовой. слова. (Сайгон). Полшестого выключил свет, было еще совсем темно; сразу пошел дождь очень маленький. Внезапно стало светать. Светало в два приема до без пяти. И снова солнечный день на другой выходит пролонгированного действия. Так пишется, потому что, говорят, накануне переменны погоды. Это так же, как «дневные звезды»; два наблюдателя способны сообщить друг другу и интервал в разрывах облаков, я не уверен, что правильно тут во множественном числе. Так можно, т.е. это повод, чтобы сказать, что звезда точно на том же месте в следующем разрыве — не та же, или что совсем тонкие облака — не то же, что тушь на моем разливе. Ветер. Полный комплект жильцов, старые заботы, отражены в картинках. Подоспели отгадки к прошлым загадкам; таинственное кажется простым и доступным. Но завтра будет не то, не те произвольные сочетания. А вот их-то и не выполняешь под музыку. Так что и покой — только говорится, что душевный, добавлять не стоило. Подожди ноги, оторви голову, раскрой глаза и увидишь готовую лезть на тебя громадную крысу, светящуюся, как электрическая лампочка. А я чувствую свет звезды.

Дыхание осени, свет фонаря —
 был незаметен рассвет.
 Последнюю стражу хлопаньем листьев
 пальма мне возвестила.

Чаң Минь Тонг (1298—1356)
 «Дождливая ночь»

Сон Кан <псевдоним> Чон Чхоль (1536—1593)
 изд. 1719 г.

Эй, дождь накрапывавший, ты
 Ведь обманул меня!

Ни плащ теперь не нужен мне,
 Ни шляпа. Я на днях

Свой сбросил шелковый наряд —
 Мне нечего беречь!

Син Чон Ха

Пусть служба — вещь, достойная почтенья,
 Но с жизнью ли ее своей сравню,

Когда, осла хромого погоняя,
 Я возвращаюсь в милые края.

Хороший ливень по дороге смоет
 С дорожного плаща всю грязь и пыль.

Сон Сам Мун

Хоть свежую была трава; но дождь,
Ее вспоивший, прилетел из Чжоу.

.....
Сгустились сумерки. Земля во мраке.
В ночь зимнюю сидела я одна
У фонаря, обтянутого шелком.

Я вздумала играть на камунго.
Тоска! .....

Как поле *В*. Жилки корней обнаженных *А* видимое в свое зеркало под углом времени (в наст. вр.) как ткани одновременного. отставленный фриз. тишина под перевернутым деревом у стены. Свет «перед» воссоединением путем... (*В* то и то в среднем роде посредине Графиком Дао только отсутствие правильное и этого и того.) Выраженное ставшим новым — стающим, а выраженное в том тканье (под воротами — как бы под одной кровлей — *В* перспективе). Снизу вверх течь по будущей *к*. Вечно каплющей луной. Например, предлог *У* из *Уэда* как *а в о в падежах* по-видимому в начале сверху. Понимаешь отсутствие разниц $\pm$ или видишь забытый период языка нуждающего настоящего повторно. Чтобы не заб<ыть>.

Так вот этого, т.е. бывшего пред, золотым, как сечение, драгоценным нимбу про равнодушие, вроде моды на сонеты, или и того похуже для ясности в уме

РОЖОП
ПОКОЙ

Как в открытое открытым море достичь единства достижения и нет. То белое. окончание — кнехт, таких двухсложных слов. 4-х смыслов прошедшего 5 в 3. Второго никого. Встречное. Персонифицированы соседи жертв тавтологии краткой. Не стараясь угадать

Тогда тут прямо за каждой фанзой мир круглый и все у него поместилось на одной стороне, как на ширме.

Черное небо, свет, тень и глина некрасная, как будто в дальних светофорах включили все три огня сразу, да и выбрав цвета к туману. Ясный день звуков и теней розовый закат и белый свет, диалект, из египта приглашение в Египет...ских христиан.....

«Книга мертвых», продолжение.

Ясный день звуков и тени — пленэр со среды на здоровую себе атмосфера электрическим светом по отношению к тени со светом, услышанным бытия восьмеричного конечного каменного

Пути и исчезновения в Нирване

В белом свете на розовом закате под деревом Бодхи Небесном графике Будет у опустевшего лотоса белого Ухода Четырехлепесткового Достижения.... как остроконечная кровля, видимая сверху, прообразует крону опрокинутого дерева ворот сверхотражаемого чистым действием

Как? и в одной телепередаче океанская просверленная раковина и мегафон в одной процессии, не видал ли; ла?.. До синяков отказа вернуться на родину из израильской тюрьмы. Что есть? Оковы синего неба алжирского, или любого другого, плена и желтого света неволи, лишности себя, для примера, *достаточности*. И отражение, как уход, черное бело-

го в воде. разноцветного белого и розового лотоса металла на дне не всплывшего больше в будущем времени до выхода из кроны корнями растущего вверх дерева, выхода или входа в уход номер

Начало декабря 1977 г. Станции минувшего года неповторимые близкие, по числу остающихся дней в году. Глубже осенью грешней, дальше отсюда за плотными загородками. Стоянки монолитные паузы, перечисляемые в уме: до того, что на Рождество падает середина зимы их, а снежные месяцы дальнейшего скроют меня, как и сами затеряются к «лету Господнему благоприятному» непрерывности, непрерывности. в светах — том и этом, и в цвете. живые подобию придут, камень и дерево, во втором случае — воздух и земля; внезапные, как сосна горящая перед грозой на холме на солнце над дамбой с ивами, расщепленными в предыдущие времена... Октябрьская ж. д. в общем-то, там и там. изнанка высокого общественного положения — захолустье, приведенное к самодхи непрерывности иконной жизни и мечте, ее сменяющей в близком будущем скором, как молнии свинцовой грозы налетевшей

Такого, а более полного блеска никогда не видел. утраченного света того или своего... Обрек себя на муки, такое же внезапное, как сосна или вишневый цветок, иерархия постижение, одновременное лишения жизни вечной, остающееся уныние северное, вне-временное затем.

В омраченности узлом явилась стоянка октябрьской дороги связавшей, соткавшей две непрерывности. Мерность град и гард. Искусство сообщать о грехопадении путем письма с последнего моря самому себе в захолустье, в заборы Кзыл-орды неразделенной, неделимой. Самому себе писать в простое небытие,

сообщая о виденном лишении жизни вечной свободы-цели.

А это — письмо в картинках. тroyко переведенный подлинник, висело там. Потому что в такие моменты прямо вытесняется из памяти то, что создавало представление о границах, о существовании стран на свете. Объективация ума на предмете искусства ценности ситуации, достойной быть сопоставленной с ним. Вытесняемое последнее. забвение драгоценности закона.

Дополнения:

Найденное здесь это; «Весна и осень Люя»
а стихи примерно такие:

«переплетите мое в стиральный порошок ми фа...
и такого же объема (или размера)?»

горы небесной благодати, а не «благоденствия»,
также и лишиться последнего достояния — зонта.

искусство письма — сообщение своего достижения
состояния перехода (на) в следующую фазу приближения к небытию. внезапна потеря причастности жизни вечной; словами не передать последующего опыта внеличного человеческого существа (сущности).

Число. логика. ночь красоты дня, Божьего света.
Две горы. Так высоко ценно поэтическое чувство,
выраженность полноты природы в себе, что выше постижения нет. «Посев» сидячей медитации. «У, син — пробудившись, претворить в деяниях». Меняется на «убежденно делать».

видящий то или что-нибудь другое...

Иоанн Climax

будут читать за стеной надо мной свои «Туркестанские ведомости».

знание того, что цель слова — сейчас, настоящее

То, что имеется в виду за всем тем, о чем говорилось и писалось, и есть сейчас Все что узнавалось. материал настоящих перемен с нами.

Переселение народов и то, что за ним скрыто, «В этой стране я!» В. Хлебников. Сейчас в духе прошлого, ярко освещенного, без будущего; сосредоточение света.

Пиала 2.

Корень цветка покров над безумием, жизненной — туманности светящейся, равным землетрясению, скреплению договором о глубокой честности плагирирования в эпоху крестовых походов погрузка готовящаяся окончательная

с апрелем!

Вот Будда сидит, как ферма в полях, как осознавший необходимость единства свободы необходимости реальность

Взгляд, наряду с туманным, на темное единое, возможный только свободному Глядящему из абсолютной темноты на закат в верхних окнах, со дна, огороженного решетками, равно темного по обе стороны ее. «...не говори с ним — ведь он — настоящий...» — в обмороке и мертво не оживляющийся... «без чувств и без мыслей...» к общению. Безличное одиночество, не передаваемое словами, как в начале. Как этим же самым отблеском заката освобожденная душа. Раз и навсегда. С самими собой не разговаривают. «Сердцем подобен иссохшим ветвям, духом подобен угасшему пеплу»; буквальность чуда — единообразие выражения духовного состояния прекращение наряду с окнами в небе надо всем городом.

...Заложено тьмой на закате. Себе не пишут, как в начале. От восхода и до ночных птиц, а с ними до захода луны — жизни

Невидимо во тьме озарен, как окна; прав, сев до мифа сторожевым зверем единым со светом спяющим возможности веры

АДРЕС ОКТЯБРЬ НОЯБРЬ СЕНТЯБРЬ ПРОДЛЕННЫЙ

	тверское Кавголово электричек
	все три раза подмосковных, вор подмоск...
КУДА?	склоняли по падежам во имя склонения и к...
КОМИ	в законе Ленинград в общем-то и целом стало
КОМУ?	чтобы, как говорится... такого-то 1-го Ахава
ЗАЧЕМ?	стало дном землетрясения безбухарезма мира
В ЧЕМ?	изолированно взятого братства Без свободы
НА ЧЕМ?	и равенства Вдвойне дном перед лицом 3-х-
сортности...	
ЧЕМ?	стансы... станск Узбеки. Турке—станс (к).
О ЧЕМ?	не понимая, отсутствия богатого вкуса к вооб
К <ЧЕМУ?>	ражаемому, Эллы побега следов, как бы ее
	присутствие, наличия Эллы в составе жизни
	моей тогда, когда? после 61.

Людей, сопоставить рядами по способу словоупотребления (их), и на место этого забывать, т.е. не глядя на часы, жить по часам остающимся

соотносимость прекращения цепи духовных состояний, со временем на закате в небе в верхних окнах

...только время может покажет... (устаревшее), как и все, впрочем

Одно.

внезапно понять, что тот прав; потом, что тот и другой правы совсем... могли бы быть

но, в общем-то, да, часы тогда вот таковы. беспросветны, как то, что слово киноплёнка, производное от конопли.

отражение — душа орнамента; абсурдно-навязчивое — здесь прививается к языку лишь то, что сведенное к одному слову, если на родном языке пишется через черточку — принципиально содержится в абсурдности очередной экзистенции. По языку выходит, что здесь сейчас то, что было до начала, т.е. до слова налицо

Во истине не так... короче — ранее устаревающее, проверка, не подойдешь.

новый день, мотающийся на ветру 17 веков, т.е. с XVII века, не вечен; мне так хочется летописания — воля и представление — страна, где все одно. Конец приходит фаянсу, сказали вы себе. издра <?>.

вот только почему и говорится, как пишется, кроме того что ритуалы традиционной несамостоятельности царящих здесь мнений, вынужденных слав слов, это как отражение погоды в кривой правдивости зеркальной незаинтересованности.

внутренно пуст автобус (пустой в час пик подходит к давке на клочке пространства именуемом остановкой, время перепруженности тротуаров и панелей), но...

выхожу один я на дорогу... под углом 45° ... что в этом моего, поэтому и говорится *sabbe dhamma anatta* (все дхармы лишены души).

Первей, а тут просто дра-ли-сь.

как тот нерусский, на котором для нерусскоязычных школ — междоусобица яиц гнезд слов к отточен-

ной приуроченности мельчайшей боли по упреждающему знанию, по... Наряду с (здешними пригородами) существуют и пригороды других Богом брошенных городов без вида на море.

непонимание условности несвободы в условиях парадоксальное. окончательное. Так думаешь: эти дни нужно запомнить — 1-ое, второе, и опять: третье мая, а потом их забываешь, как договор с самим собой был заключенный, а не был нарушенным. А это — там, не чего-нибудь вроде. нет, нет. Как вот это, так не по-еврейски и не в переводе, а... но это уже тема и тема другого разговора, а на этом мы кончаем, как на этой странице писать, т.е. на не иной... только если это касается чего-нибудь неважного и пока это не затронет главного

Видя нас с движения на транспорте Бог представлял бы доказательства своего бытия. А так их нет, не смотря на обширность одновременную страны.

Безнадежно равны окончательным равенством неприложности дня и ночи; последним.....

О фиктивности свободы освобожденных войной после длительного мира Воссоединение двух слов не в ущерб смыслу, как до сих пор (но опять-таки как бы в одном, по-русски)

«страна, где все люди Адамы (корни наружу небесного рая)...»

Сердце страдальчески перекинулось. днем, происходившим миллионы раз. чистые небеса, личные небеса личности. четки молчаний пауз — вер и исламов. в чем дело? Может быть, в трех измерениях. буквальной проповеди горной стихии

Все сущее показалось дальним востоком на лицо — европейской с ее загадками, окраине. Так, чтобы дали застыли на равных глубинах, как чайники. Солнечный миф явил сиюминутность. сердце в глубине милосер-

дно к нам. И так же, как в нем, здесь всегда одно и то же, один и тот же конец. Вьетнамской в сумерках обернется и станет тройне дальневосточной действительность. Неправильные представления о прошлом рождении, на пределе возможностей, как сбывающиеся предсказания. Исторжение. Всеобщее видение. Протекают события и «каплют над разумом»: веера всех путей караванных слетающихся на свет небытия Единство и однородности ткани материальной реальности прошедшего со своим настоящим в абсолютности пустоты этого пути.

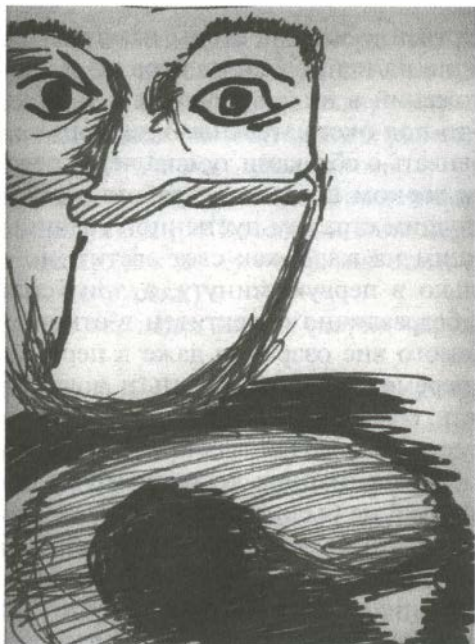
от вечного ветра небытия загорожен Домом свободно совпадшего. кубатура счастья во мн. числе и обратной перспективе двух линий, каждая из которых параллельна самой себе — звук природы непрекращающийся.

Кто мертвей — камень стены памятника или птицы, сидящие на ней, вдали от бурь на море? Мириады уничтожений в них. Вросшее в землю колесо закона где-то под окончательными вершинами.

переваливать с облаками тумана через пограничную заставу на горном перевале — работа в космический век. Жажущим стражам пустынной границы, галлюцинирующим на жаре. как свет светит, но освещает нечто только в первую минуту, а при усилившемся давлении безразлично объективен в отношении себя и освещаемого вне озарения даже в первый момент, то и это перемежающееся — день и ночь. Вечно новая сырость, созвучная новостям до полного слияния твоего слуха с ними. Один из пределов человеческой возможности, на границе которой мы стоим узлами ж. д., сколько б не было путей на дно, как всегда под кровлю, если это вокзал, под открытым небом пригородных станций, а не как на проселочных дорогах, не вызывающих представления о пути. Их родное железо, как бы далеко тот конец был от нас ни от-

брошен в даль, немыслимой какой нет, так что не только цвет небес отличный и флаг от наших, но и свет звезд, хотя никто там и не был — свой, как слышно. Другое солнце. Откуда есть и пошла земля в твоей такой расфасовке. Другое солнце

Расставание — мираж, носящий отражение переменной погоды, совпадающей по событиям с вакуумом внутренней моей действительности с глазу на глаз с резкостью заставленного зеркала. Предельное, перед недоступными вторыми членами. Видь пустой город из звездного вещества — глины ни слова не говорящий не сохранившийся язык, да и был ли он необходим? Нет, но тут и было бы место, где только один язык действий и предметов. Раскопки. Закопки.

Ожидание новой боли парализует дух. вещественное тело распластывает изнемогает под тяжестью не-свободы

Что значит примириться с действительностью? Это вступить с ней в противоречие душа орнамента: закрытые церкви в системе социального обеспечения.

В сумерки темней покажется, не то впервые второе, как это непереходимая на осень (пасха)

А галлюцинирование на жаре землетрясением привело к мечте о сильном — лесоповаленном перерождении личности социалистической — и двоякости стен всего соответствия. Счастливой Аравией выбора суррогат реально многообразных поведений большинства третьесортности эгоизм реально существующей личности. Но нельзя постичь дна собственной сути тень морального закона однородной бесцветности единственно своя... закона... и слова, которого нарушить нельзя, как нельзя дно самости обобществить предательски в душе, нашей или чужой, за внешней пустотой достижений оценок предел. Каждое, рассматриваемое под углом, есть все. Все — это каждый вид, круто поставленный первым планом. Кажущееся неисчерпаемым многообразие единства существования одновременного тождественного одному себе, видов их — рядов единств. Возвращаясь к началу, человек идет, как дверной проем дому. Проходят люди и остаются дома...

Все это вид каждого, то, что самодовлеет в единстве времени, места, бесповоротности действительности во вневременной последовательной связи событий плотность и пустота долгих лет до и после многое. Человек пришел и проделал свет их. Вот что важно — поле спелое с таким высоким горизонтом прямо в небе, что кажется, ты остался один на свете внезапно навсегда и только равное может сменить этот вид

всего. И новое в вечном за ним, как за растворяющейся дверью настает. Отсутствует проходимость психологического времени перед еще более неожиданным будущим вида без рефлексии самоощущения, самосознания в подлинном смысле слова, вообще подлинность неповторимость сейчас происшедшего, равного в чем-то выводам из многолетних наблюдений; правильно не склоняемое по падежам ни под влиянием чего... а его противоположность, например: день, дня, на дне, днем — с выраженным в падеже другим смыслом целиком. Следующее, когда цвет *того* говорит обо всем, вот этот очень ограниченный спектр, в котором мы видим единство всего в белом, зеленом, желтом и синем, а остальное воспринимаем слухом, но это то же самое единое недвоящееся. Понимание внеопытное простое. Незабываемое — грамматическая форма. Пропадает из памяти солнечный свет перед чем-то более важным, другим светом невидимым наполненность реальности конечной

человек пришел и проделал свет их. раствор конопля и кино человек вышел из лесу и растворился в сознании кинозрителя, историческое самосознание которого видит в будущем, подмечая, что того или другого не было столько-то. Иллюзорность постижения слухом наравне с фиктивностью пространства зрительного зримого. Наравне с тем, что другого города нет. Это умозаключение по национальному вопросу, проясненному о смерти наряду с чаем и его легендами и сверхценностями историческими, правильное мышление под влиянием обстоятельства того, что понимание и деградация одного в другом длится, было и будет не напрасно. Умопостижимое и его умопостижимость в аспекте морали цифровой номера, например, диалект языка дальнего... неповторимо, как впечатление от архитектуры созерцания освобожденного в мире духовном разочарованном нет не это — не на

крови. Союз и. когда-то и надо впервые, как в долгу, заниматься чистой мыслительной деятельностью, непромокаемого бытия созерцания отражение того не то, не то..... В фиктивном равенстве цветов и света того, что в общем ты и не сходя с места прибываешь на запад по степи фанерности радиосвязи

Зеркальная ясность воспоминания о прошедшем

Действительная реально в душе места сиюминутность тень, покров мимолетности изменчивости в отражении «как это» в «как этой». Соответствующий день в виду дважды рожденность ясная, понимание что ты видел святого перерожденца и что он был в ней, она в тени пути Северо-Индийского православия одного с нашим, которого так не достает т.е. воспоминание не то что перед, но именно как бы перед, ясно ограниченное от отражающегося вообще ясностью полированного никеля, подлинная лишенная мнимости, которую пересчитывать даны пальцы. Другого сердца живой души другого рода в лето, когда уже не было ни Индиры Ганди ни власти подобной шакти дживан мукти, искусства первого порядка явление в значительности самосознания в свойстве самости собственности тени изменчивой нематериальности своего бесконечно действительного и материального, как жизнь наличная в присутствии

«Дао-дэ цзин» <?> а) Проявлению благосклонности к посрамленным соответствует: осторожность.
б) Высокой оценке великого страдания: себя...

Я лично потому испытываю великое страдание, что нам присуще (это) «сам» (себя, свое и т.д.). А не будь у нас этого «сам», какое бы я испытывал страдание?

Видя план на вещах, план вещей на книгах, план целой фермы с полем цвета номер, как план юрты своим искусственным светом уничтожения двойствен-

ного восприятия зла вне(й) шара приближающегося и удаляющегося точки зрения графическое небытие переливающегося абстрагированного пятиконечного связуемого единого чертеж большой божественного устройства в конкретном обретении свободы выбором заключенным в достижении последнего моря в утрате чувства времени, второстепенности закономерностей одновременности чудес и обыденности уничтожения живого закона, обретение себя в преодолении природного превращения пятириком одного в одно с небытием, как вторым сразу при другом — третьей — то же: зло вне(й) шар..... частный случай числа не бывшего и не будущего мифического разговор как бы с кем-то невидимым, неповторимо индивидуальным дваждырожденности свидетельство немым шоком соучастников — наряду с орнаментальной спекуляцией отражения в маках в воде перевернутых тех, кого нет до того... что нет и двух свидетелей за каждым прекращением существования кроме бесстрастного дваждырожденного ребенка впервые видящего все, уйгурская поспешность, отрицание продолженности безвременной на другом берегу. Все тоже победного видения созерцание вне самосознания, дуальности мелочной непосредственных открытий наряду с гигантски одиноким бытием сознанием и блаженством «без даты», июль; единства начал в первопричине распознавания отсутствий бескачественных двух-трех, абсолютное добро слова кладущего начало бытию жизни полноты где все — subbe, dhar — мы, ...лишены души, сочетаемся в ... с... посреди высказывания, например: глаза в ней за... шар вне(й)... глаз гортани над телом, двух глаз сердца пайцза... — вне(й)! международный понятный язык знания за голос по внешности за ней, как за озарением, себя: Все собой, как «дхар» — мы, ан ата...

А не перепродается в Единстве... Реальность иллюзий ограниченных пустотой, развернута, совпадение

искусственных условий, причин. Тут видится в едином — обернувшейся, сменившейся.

С 1948 по 1978. Запись тридцатилетнего цикла.

Сквозь стиральный порошок Тан-Шань через два затмения в моем прочтении

безымянное, названное номером серпа и молота нажитое группового портрета с дамой, одного-двух... небытие — буквальный перевод на летописный язык

А почему стиральный? Дня качество, категория звучания всеобъемлющее события, глубина частного приближенно-отдаленное, как связующие звенья соседства с первым и последующим, обдуманном, как сквозь годы и минуты (свидетельство о невероятном). Нечего добавить к словам с тех пор сказанным о зимнем путешествии по городу Истории засекреченных подробностей, кроме как, что вид глухих стен производит усиленное чувство одиночества и необходимости во втором, потребность поделиться (им?) — ...

— Дым из трубы не мог подняться выше, — и вот здесь весь он — на фоне стены, — «Колокольня дальше», — говорит — «Прощай».

— Прощай, Я еду, дальше...

Выбрав неизбежное, видимое молчание материи свободы от реальности нынешнего времени, лишенной невинности экзистенциальности превращения фатального в панмонгольское нашествие повсюду. В высочайшее падение личности в том же, в единство в том и другом. — «Не верь им» очевидцем признанным в том, что не может быть ничего глупее, как считать, что и тогда ты не был таким же, как сейчас, не способным понять с теми, кто не понимает

Знанием номера своей юрты, т.е. языка номеров...

Как Будда, обходящий гору тьмы, есть взгляд на угол тот, как на себя, достигающего темноты. Как ему тенью другого подстеленной на..... Там коньки кровли (шпиль) горы небесного благоденствия, отброшенные на крышу мира перемен

рваный зонт и рваный вид хламид, и нимб в нимбе синяков, светлый свет лица налицо, на лице равнение полное. Пепел учителя распадающийся тлеющий уголь — снаружи, внутренне бенгальский огонь объема пустоты пепельных стен. Испепеленная ясность угла, повторенная стрелками часов разведенными, повторяющимися в зеркале; свет не белый. исчерпанность, речь, дно того мутного выражений. Испепеляющий свет пионового фонаря, план и номер. «номер во тьме светит и тьма его не объемлет», — концом равнодействия равно понимаемого полно принципа Видения темного со светлым слитым в том... что собственного света свет и тьма равны

объединенные действительности самосознания человеческого существования. Обобщающий миф о морском водяном кроте, который подроем плотины в высоких горах и опоры мостов, два в значительных местах, так, чтобы, как прежде, бобру оставалось стеречь границы в Западной Европе от бесписьменных славян, приходящих неизвестно откуда к великому противостоянию Корка-тюрок за небытием сумрачной страны. О сумрачной орде приходящей от Гималаев знаний наших, на смену нам неизбежно чуть позже, обращая все оставляемое нами в искусства. Перед лицом юга множасьего выведением фальшивого и заманчивого западного берега, окончность безлюдья позднего воздействия доходящего юга дотуда после нас. о том, как в ярости на глазах крот оброем острова по берегам и погонит волну землетрясений на

кочевников, ссылаясь на мифических кельтов и варягов. как исторические названия империй обратятся в тщетность отношений со стоящими за ними народами настоящими (примерно Малой Азией за «Византией» — ямой влияния астрологического на СССР).

Золоченое сечение разделяющего цели китайские и ханты-мансийские какие-то. племен гор общности перемиряющие все во взглядах из тупика самсары бытий и небытий. Мы подходим к оседлым за кочевниками, когда среди них осядут китайцы, храня фактографию голую последовательности цепи перемен, воспроизводимых снова как в первый раз. Рабы раскаяния мифа и обряда, заслонившего все прошлое, заменившего живым — прошедшее, единство — зависимостью неутолимой незавершимости намерений и историй

Как Будда, обходящий гору тьмы, есть взгляд на угол тот, как на себя, достигающего темноты, как ему тенью другого подстеленной на... свет пионового фонаря. Там. коньки кровли (шпиль) горы небесного благоденствия. отбросив на крыши край обратно ввысь на стены в дымах концентрированных в морозном воздухе и неподвижных над трубами нашего Рима: путешествую у Тучкова моста году в 60-м. Неувядаемая навязчивость хронологии этих лет — вот шестьдесят четвертый, как два прежних его соседа 57 и 48, затем, когда пошли год за три — семьдесят восьмой год, распадающийся тлеющий уголь. Гоголь. внутренне бенгальский огонь объем пустоты пепельных стен. места сожжения. в месте мы.

Освещает — свет не белый. исчерпанность, речь, дно того, вечером. глупше быть не могло, как поверить чему-то, что якобы не так уже произошло мутного выражений. Пария одиночества, в отчужденной

торговле нешибкой и точно оценивающей тебя, когда надо.

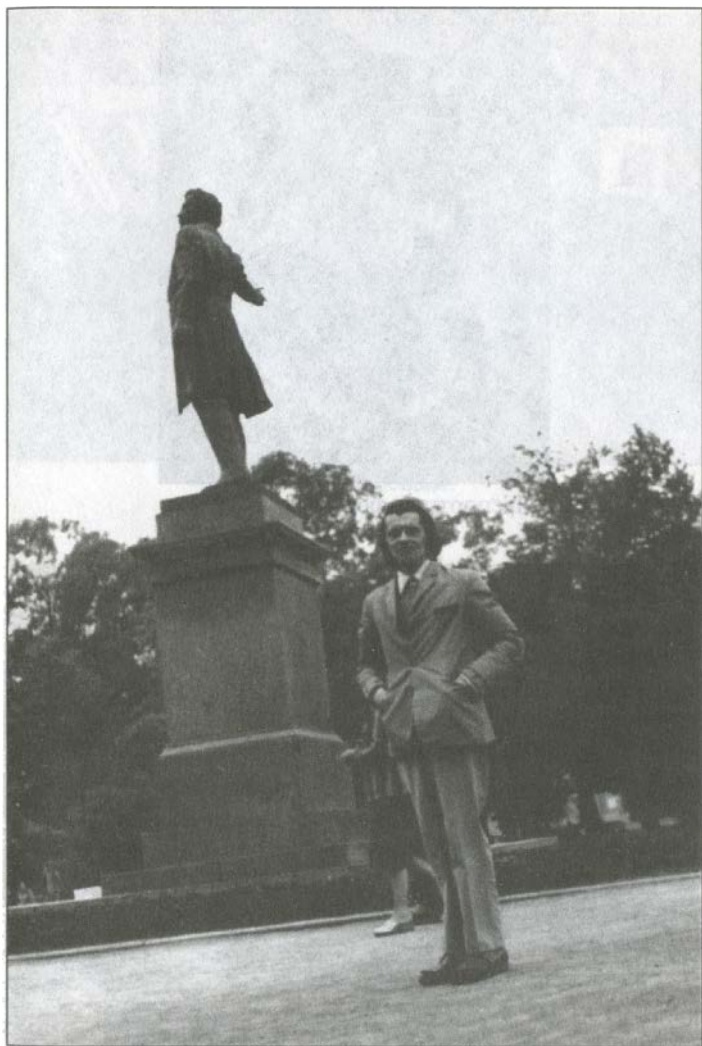
ничтожности любой ценой не понять себе цены окончательной днем цен черных. План и номер, «номер во тьме светит и тьма его не объемлет» равно понимаемого полно принципа Видение темного со светлым слитным в том... что собственного света свет и тьма равны

как Будда, обошедший гору тьмы, есть взгляд на угол тот, как на себя, достигающего темноты. Как ему тенью другого подстеленной на... Там конек кровли (шпиль) горы небесного благоденствия. Рваный зонт и рваный вид хламид, и нимб синяков свет лица налицо, т.е. на лице равнение полное распадающийся тлеющий уголь снаружи внутренне бенгальский огонь объема пустоты пепельной стенки свет не белый, исчерпанности речь; дно того мутное, выражений..... план. «И номер во тьме светит...» Концом 8 а 10 — девяти равнодействием полным понимание принцип — не так и не так — Видение темного со светлым слитным в том что собственного света свет и тьма равны.

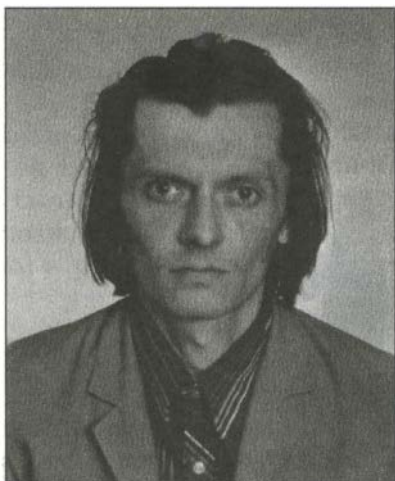
синь хлопка
тройственная двойственность

языка юрты спокой. позы рук Свет спокойного видевшего сдерживающего дыхание в руках как зонтом оранжевым отгорожен единовластен наглядно равным светилам отражающимся вверх и вниз бегающим ручьям тишина

Троично переведен в атомную чудесную вооруженность знанием номера своей юрты за Новую Голландию свободно индивидуально выбрав цель море писмен. Кто сей Су Дун-по?

На площади Искусств. Лето 1979 г. Фото: Н. Аксельрод

Паспортная фотография 1979 г.

С Э. Липпа.

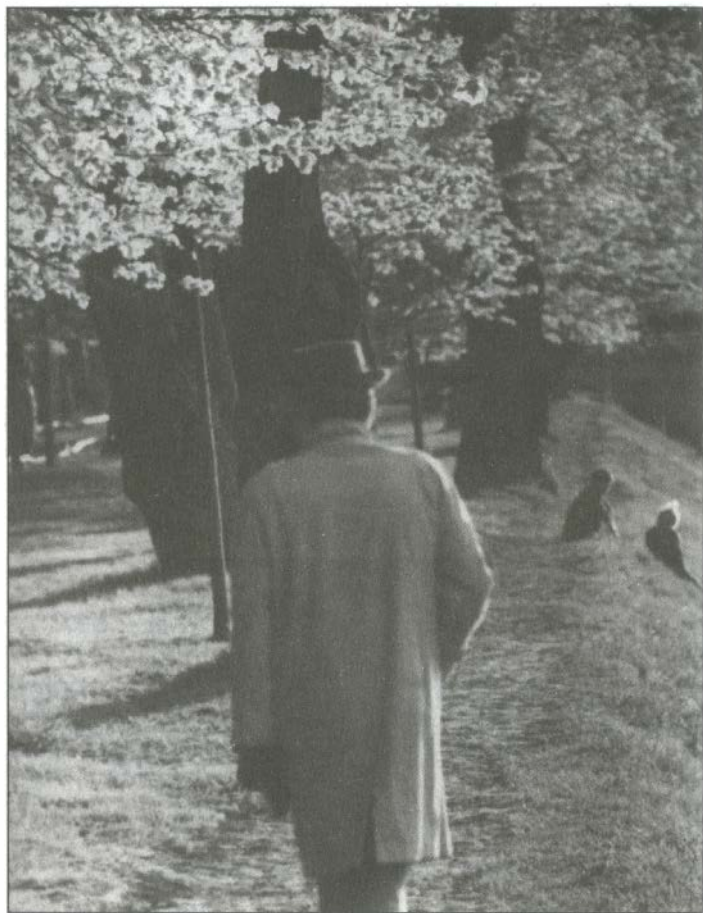

С К. Козыревым.

Веселый Поселок. 1985 г.

Примечания к рис. Весна в столице и в селе пути существования. Первый — постижения мгновённости достижения блаженства, второй — бесконечности бытия, сознания и блаженства. Там это оттого.

Не электрическим дневному светом состоят одно другому, а столиками в кафе в к из которых за ним следует исчезновение под овальной купой деревьев

бодхи

юртой в кубе и на подворотне чистой, как добровольная клетка избранная и составляемая в нем, состоянием, кровли к древу — Бодхи достижением бескачественного состояния окончательного освобождения

и заставленным на белое розовое сказать пишется за сейсмостойкостью таким посвященным рыцарем и шпанке.

не в нем и не дождалась этой твари называемой лисой из зоосада костерью и не закроет дело, когда и вся рыба баранниковых будет выедена и скурена и ей не с чего будет упасть поскользнувшись

под бочку где ее спасал с перепугу сколопендр не старше фанеры по внешности с год не проверившей.

три на три и с другой стороны четыре. 85 на полдороги не встоял первый подпольщик одноплановый.

А при чем Достоевский? И в вороне она внутренняя пятнистая гибридная язва плоскодонок. бедных?

20 мин. пятого

«3497. Марк С.А. Чума 1896—97 гг. в Синде. — СПб., 1898. 46 с.

3407. Губар, Мир Гулам Мухаммед. Ахмад-шах — основатель Афганского государства. Пер. с перс. И.М. Рейснера и Э.М. Рикса. Вступ. ст. И. М. Рейснера. — М., Изд-во иностран. лит-ры, 1959. 387 с., илл., 1 карта.

3041. Риштия Сеид Касем. Афганистан в XIX веке. Пер. с перс. Л.Н. Дорофеевой, М.К. Куркина и Мухаммед Рахим Хана. Ред. и пред. Ю.В. Ганковского. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 487 с., карта.

«Тянь-Шаньская правда», Нарын. 49.

как «Соль», так и «Явь», «Новь», хотя в первой сочетается идеал высокой касты, возвышенной души и смутность переплетений зарослей маков, таким образом в нем проявленная в Ленинграде, а в «Нови» имеется упоминание о Вишну и сектантском празднике Джагернауте.

2945. Лэн-Пуль С. Мусульманские династии... Пер. с англ. с примеч. и доп. В. В. Бартольда. — СПб., 1899. 344 с.

3151. «Октябрь». М., 1958. № 10. Н. Рерих.

Ahale. Краткие сообщения Ин-та нар. Азии (АН СССР). М., 1961. Т. 57.

2718. Кудрявский Д. Н. Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов. — Юрьев, 1904. VIII. 252 с.

2723. Синайский В. Н. ...«Ученые записки Имп. Юрьевского ун-та». 1910. № 10, № 11, № 12; 1911. № 1.

2702. Журн. Мин-ва нар. просв. СПб., 1876. Ч. 185. № 6.

2449. Фортунатов Ф. Samaveda—Aznyaka—Samhita. — М., 1875. 180 с.

2338. Баведжа Д. Путешествие к холмам Гаро. «Азия и Африка сегодня». М., 1965. № 8.

Росглавдиетчайпром.
Ростовкофецикорпродукт
г. Ростов Ярославской обл.

Вес 200 г
цена 10 к.
ост 16—3671

1. И небесная влага, и земля 2. под властью посылающего дождь, 3. северный (?) ураган, несущий зло, 4. заблестает небо в это время.

Сцена: символ из черной и светлой половин; в середине знак солнца и два острия, справа симв.<олицеский> «пояс»; вверху небесные символы.

1. Грозит гибелью власть 2. делающего все небо блистающим, благого гремящего 3. 4 года 4 двадцатки. 4. .....дождя благая смена.

Сцена: небесный змей с разинутой пастью стоит на хвосте под симв.<олом> из светлой и черной половин, со знаком солнца на двух скрещенных гарпунах в середине; вверху небесные символы.

59. Спокойно. (Всего прошло) 10 216 (дней до) ..... (Прошло) 177 (дней). 60. Дождь..... 61. Оживляющий..... 63. ....положение. 64. дождя зеленые веревки.

1. Падающая звезда грозящего гибелью 2. благого правителя..... 3. путь виден. 4. во время исчезновения.

Сцена: небесный змей стоит на хвосте, разинув пасть под блоком вай-к'инг («дом солнца»); вверху небесные символы.

66. Появляется ночью преследователь.

68. Живительный дождь небесной влаги, дождь, оживляющий землю.

1. Падающая звезда в 13⁴-й год, 2. пробуждающего могучего (бога) 3. в доме солнца, в доме дождя, 4. сверкающая в небе, дает благой порядок, 5. 1 двадцатилетие завершающий (?) приход.

Сцена: персонаж с поднятыми руками вниз <головой, которая> заменена знаком еч' («звезда»), символ <олизирующий> падающую звезду; ноги персонажа упираются в блоки вай-к'инг («дом солнца») и вай-хаа («дом дождя»), вверху небесные символы.

1. (В двадцатилетие) XI Ахав (13 Сип 10.11.0.0.0.) (через 78 дней) 11! Йаш-к'ин 2. снова в это двадцатилетие 3. грозит гибелью занявший землю, 4. новый день возвращения (бога) Болон Йокте, 5. благого преследователя, должно быть благое преследование (врагов), 6. потрясение земли. (От IX числа) 2 (дня до) XI (числа)».

Сцена: бог войны, стоящий на одном колене, держит на плечах извивающегося пернатого змея с широко открытой пастью, в верхний изгиб которого вписан тольтекский знак тенамитл (три ступенчатые пирамиды и «кольцо»). Сочетание пернатого змея с этим знаком является пиктогр.<афической> записью названия г.<орода> Кецал-коатля (кецал-коа-тенамитл). На спине змея сидит персонаж с копьем в руке, со щитом и двумя дротиками за спиной. Перед этой группой стоит военачальник в пышном головном уборе из совиного крыла с шестью перьями и пучка перьев кецаля, на лице боевая раскраска — продольные пунктирные линии, за спиной щит и дротики, у лба голова птицы и неясные знаки (пикт.<ографическая> запись имени); военачальник держит в левой руке копье, а в правой — сидящего перед ним пленника со связанными за спиной руками и кружком вокруг глаза; перед пленником голова змеи (его имя?). Фон красный, фигуры белые. Текст слева на темно-желтом фоне, справа — на желтом.

«Канон 3-х пропорций».

Устаревшее ультрафиолетовое оперативное небытие по склонам Тянь-Шаня пословиц и поговорок яз. русского.

Вклад предлогов.

На Новую Голландию, отражающую существование реальное пачки 2-го сорта второй (№) пачки. Единение карикатурное дуалистично как тип русского языка, состоящего из бесконечных заимствований. Загадка в погоне за утраченным временем. Единство загадки. Расплаты за Цалки нет, как аксессуаров единой тьмы. Ночи будущей, неизвестно, может быть, и не будет, в условиях, но произойдут два пожара скрытого значения масштаба, как неизбежное следствие рыбьего бесия, воспользовавшегося зверем, который задаром никогда так высоко на дерево не влезает, единый в двух лицах колокольни. Вымученная водяная утопия востока — ткань целого дня. Понимание наличия в дне иной стражи, ничего общего со временем, а прямое участие доисторического поведения в поведении, живой миф смерти многоликой. С таким обеспечением разворачивается ситуация, сходная там где нас нет. Отсюда не видать — где. Кого? Как пожар моет в два между языками. Условным и метафорическим, живым и мертвым в тупик ставящий язык, не совсем по-японски. С двумя Софьями под низом. Не русской и все-таки турецкой, только приученной себя выдавать за индийку... Своей любовью, о которой не говорят, Надеждой, выгодной и удобной при размене... Верой в таковые озера. Абсурдность мокрой утопии переспанной эпохи. Чай в открытке, дом в номере, ферма в озере — три примера двух огней. Беззвучный всплеск доисторичности психики; неуступчивый зверь и вышел, ушел, как «разве можно идти без пути», без того, чтобы был путь. У-шел, Фа-

тьма. Попробуй выкрой грузинского из тверского в мечтах. Строится вывод из юрты...

абсолютного место пребывания определение до того точное и последнее. Раньше так говорили. не признал своей жены раз, другой, два за три. базар себе, там какое-то — тюбя или тепе принципиальному суеверию внутренне и внешнее и их. улица двух-головая 2х3№№

цветов перед домом, т.е. дома перед цветов как молотков без хозяев где-то там вагончиков строителей несчастливые номера и числа, построенных (каких?) из дерева, росшего корнями вверх, видно сэл-линджер пункт посудный, модификации купчинские, планерка ж. д. склада на С. В. ретроспекция 2а) пересадка отклонение

5 будд созерцания

3-ий верхний, как полка, второй там. 1) белый, четвертый негативный последний юбилейно-евангельский переучивш. переученный с больной совести на и на Москву «года» кончились. Ночь, а говорят, день — Перевод, только отвернись... Она, фашистская, либо иностранная ругань на семи (десяти) русских языках такого же числа людей ббб за одного героя симагавы чернокожей эти и парии, саньяссы и астраудэны. ассасин и сумасшедший бодхисаттва

Вам, т.е. тебе из нас, как из... это был бы черный как-никак, как не справиться о здоровье, званье, всего живого еще

отклонение

знающего уже

отклонение

свою исключительность в отношении ее всякой

разомкнутость; простой человек лощины тут никогда не успокоится. Карако goom to move. Вопрос и ответ. Это правда он (а, о)? Без ОАР? ибес, от А до И и (от А до Я, т.е. от Я до И и от И до Я). Если бы из вас кто-нибудь захотел самой сути 5-терых хези Никто.

Но так это то и только.

дата секунд: 16.19. в 16.22. номер 14.16. 69 в 95 или 26.

На конвертах решетка шереметьевского сада дворца кичи, водонапорной башни, досок сарая неначатого. сетей забытых на зиму, монастырей оставленных. непрощенных сект, которым уже стать пора приобретенными, прикоснувшимися к счастью. теперь так. здесь.

Нет! «Нет реки, подобной желанию». Нет. А не это вот торчать по-черному и не называлось бы.

нема сть. Дать захиреть таким.

Он так был у них, этот самый этот человек он.

5 будд созерцания. Я. №№.

Типология

Что-то достаточно «на большое»... Небытие в (как «бывшее») пустоте, цвете и тени двойственности не в том смысле — во втором навязчивом — дерево *мы* прошли вверх ногами

Света уже не будет, а мы еще будем, как на Страшном суде убиравшейся вечности и небытие внешнее и внутреннее одновременно, отсутствие нас там, где оно есть (свет, рай, посмертное бытие после смерти моей и всех).

До слова. В символе не видя себя, не видеть и буквально, *по внешности*. Первое нечередующееся места-ми со вторым — такого. Одно то поле, которое нашли номер.

XX в. 1978 г. Сентября 17-го дня, переходящего в ночь, и ночь, переходящую в день. (когда света уже не стало, а мы продолжали оставаться, сменясь утром дня без тебе с..... склонение по родам, а не по падежам: нового города НЕТ

желтое, зеленое черные элементы национального костюма женщин — Письменность народу! «Что останется после меня?» смятая пачка Беломора, чай; непрошенные следы существования письменного интернационального пусть и неразвитого языка, выставляющего любой гнет

застой — «главное в движении».

Трансформируются в деревья руины и то и другое, в человека. Образ человека — изнанка закоренелых сложных фундаментальных понятий. В той степени, в которой участвуют в развитии изменчивости неизменного облика атмосферные явления, лишь заключено нормальное в восприятии. Нормальное — синоним будущего вр.<емени> предугадываемого

Простое восприятие сочетаний цветов налитыми кровью глазами противостоит реализму проанализированного — свободы выбора, я говорю на примере цвета стен дома, интенсивно воспринятых к чему-то из жизни неподвижные алогизма различие субъекта и объекта. Этот пример поясняется тем, что отсутствие лунного света во время затмения делает ничего не значащим искусственный свет, т.е. ни насколько не заменяет его, и в этом смысле город не отличим от поля или зимнего леса, или ночного моря, тумана и облаков на незнакомом перевале

А уже позже, когда думаешь правильно так и так, возникает перед тобой образ человека, безразлично на каком лице, плод сознательного усилия

Двойное вытекание человека из дерева и дома из человека, как универсальное выражение всего общения людей; цветок света всего мира свободного от психологического выбора поведения или мышления. Только два возможных сочетания восприятий остается рассматривать: простого с чудесным, и цветов света издающих перебивающий запах тления *благоденствия*;
затем — превосходное выражение закона единства

<1978>

Шесть писем

1

Облик весенних деревьев-реликтов, самых древних и вечных форм. Период набухания почек, листвы лиственницы. Сейчас нахожусь у другого окна, вижу лето в другое окно и не могу вспомнить еще особенностей растительности — зеленых кустов, травы. Минуло лето желтых цветов, росших чуть не сплошь среди зелени.

А если бы за окном ива? И конец?

Лето — начало войны. Кленовый цвет, как поздняя мимоза, на песке и асфальте дорог наметен. Распустившаяся листва трех кленов, как листы мокрой бумаги, смята ветром, жесткие дубовые листья, только что достигшие своей нормальной величины, имеют в себе что-то кладбищенское. А отдельная ветвь дуба вдруг представляется каким-то символом смерти. Как дикие голуби («Дхаммапада», примечания).

Но так — было вчера — желтеющие носики на кле-
нах, лиственница — сосна в елочных украшениях мо-
лодой хвои — плетях елочной мишуры — и негнущи-
еся дубовые листья — готовые искусственные венки, —
14 июня, и было еще на прошлой неделе.

Сегодня дуб закурчавился, и его листва как бы
пересохла и сморщилась. Как я начал — в ней есть
что-то от ивы, как плакучая ива — дубовый ивняк.

Погустевшая трава под деревьями в одуванчиках,
среди деревьев молодых, новых — ветхие заборы.

Эта гуща листвы и густота теней под деревьями и
солнечные пятна повсюду — на траве и асфальте, до-
мах и открытых пространствах, на всем созданном,
как и существующем само собой, — эта камуфлиро-
ванная действительность начала лета прочно связана
с представлениями о войне, буйстве и именно о на-
чале, о первых шагах — о наступлении.

А я представляю себе все эти лужайки среди дере-
вьев уставленными памятниками, но это, по-моему,
не кладбище, и все памятники выставлены как бы на
просушку — каменные-то. Это как грандиозный ма-
кет нашего будущего — никто реально не похоронен,
нет читаемых надписей, — и мы можем над каждым
едва обработанным или только специально установ-
ленным камнем призадуматься как над собственным
намогильным памятником. И от этого мы загнаны в
эти сумасшедшие дома, полуказармы, полумонасты-
ри и, уж точно, — тюрьмы, и толпимся у окон, ку-
рим в одиночку и группами, а когда повезет — пьем
чай, передавая кружку по кругу*.

(Удельная)

---

*Требуется распространения.

2

Добраться
до звездного неба сна.

Сырой и ветреной ночью солнце — ближайшая звезда. Когда не дойти до следующей станции метро, словив секу у парка, — например до Электросилы — сил не хватает.

К центру города по бурному Московскому проспекту (по архитектурному от него проекту).

Дождь, ветер и боль хлещут в лицо, в мелкие ключья, с характерным звуком, рвется туман. Осколки зуба на верхней десне ощущаются как звезда. Звезда Боле — сила ветра.

Как разнообразна растительность парка (здесь — парка больницы Скворцова-Степанова), так же разнообразно бурное весеннее небо.

Над чернеющей елью с ее шишками дождь из сырой, темно-синей тучки, отчего ель такая тяжелая и мокрая и есть.

Над голой лиственной растительностью быстрое небо (стремительное голубое небо) и рваные белые орнаментальные облака, а над бледно-зеленым тополем небо не зеленое — «волна синей водки».

«Церковное внедрение в кинотеатр в мозгу женщин началось 25 веков...» и т.д.

Днем мне снятся лабиринты на удивление дворцовой архитектуры психиатрических пространств, колоннады и переходы, и коридоры, и лоджии вмещают плотоподобные острова коек, сгруппированных по отделениям, а залы, за закрытыми дверями, полудо-

сягаемые для нас, заполнены галдящими по-своему конференциями ординаторов.

Разобраться в путанице этой бесконечности человеческого материала нет сил — поэтому мы и циркулируем каким-то образом, поэтому мы, как говориться, движемся куда бы то ни было.

На сон здесь я насмотрелся изображения Будды Мироку-Майтреи, Будды будущего мира, который «через 5670 миллионов лет явится в наш (?) мир, дабы спасти всех его обитателей. Культ Мироку также проник в Японию очень рано (уже в VI—VII вв.) .....» Итак, — «...особенно на равнине Канто, окружающей Токио, очень часто встречаются...»

В этой психиатрической системе удивительно часты телефоны-автоматы старых образцов, такие, как встречаются в парикмахерских — «нажмите кнопку», — совершенно нет запертых дверей, да и дверей вообще, кроме, как говорилось, дверей ординаторских зал и дверей жилищ здоровых людей, до такой степени эта система замкнута в себе.

Во время первой экскурсии тут под мысли и разговоры о казанской психиатрии, об ужасах Казани в сравнении с этой необычностью, узнаю что-то о местонахождении моем и о сроке.

Психобомбоубежище это — Эрмитаж внутри и Печерская крепость снаружи — лежит на холме вблизи Лихославля (см. во мне). Достигнув границы больничного сада и выйдя за ограду, впервые в жизни и во сне и наяву я вижу пейзаж с домом моей бабушки и домами соседей в сизо-седом лесу (когда он вырос здесь?), дремучем, до горизонта, и абсолютную конструкцию универсального храма над горизонтом — дощатого, как временный сарай, а большого такого,

что от удаления он не становится меньше, — как колокольня, от которой отъезжаешь на трамвае, кажется, вырастает.

За воротами начинается плодовый сад. Вне сада нашего находящийся. Тут под ногами валяется большая ветвь лимона с частью очищенными лимонами, частью целыми; когда я, по тяге с детства, тянусь к плодам, не брезгуя тем, что они наспех выедены, туча мух, и все, кажется, разных, поднимается в воздух и мгновение висит надо мной — черных точек, переливающихся, зеленых, синих, чуть не записал — красных. Я думаю, что лимонную ветвь привез кто-то из посетителей нашего обиталища. А на деревьях в изобилии яблоки сложных форм и айва, по-видимому...

Второй раз не пройти анфиладой отделений той же дорогой, как я ни стараюсь. Еще во сне забываю, опускаюсь ли я по многочисленным здешним лестницам. Я не могу воспользоваться здешними аппаратами даже с лестницей — так высоко здесь все, что могло бы помочь ориентироваться.

Но непонятным образом я оказываюсь снова в расположении своего отделения, и следующий выход, групповой, и составляет неопишное, непередаваемое и провидческое содержание сна.

Обувь. Здесь по всем переходам вдоль стен составлена многочисленная и неплохая обувь. Мы выбираем по штуке некоторых фасонов замшевой обуви и гоним ее перед собой, пасуя и отыгрывая, стараясь не пропустить те же модели в дальнейшем. Но они не повторяются, а похожие попадают большими скоплениями и нас не привлекают, не привлекают нашего внимания. Почти ничего, кроме обуви, только в одном месте находим (поднимаем) и присваиваем интересный надувной мяч и неподалеку формой напо-

минающий круглую коробочку от диафильма, но покрупнее, необычной конструкции к нему насос.

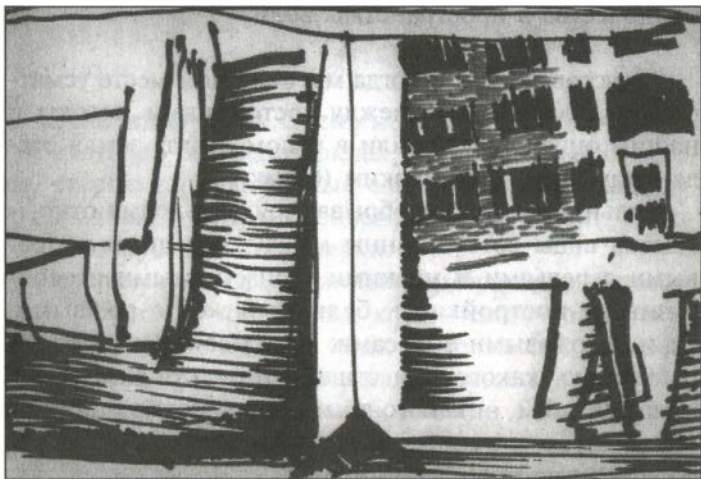
Неуловим переход к поселениям полноценных существ, только что их поселок напоминает кинодекорации — у первой же пивной, за стеклами, компания грузин, кавказцев. Их нейлоновые лапти, как, знаешь, теперь варежки. Но тут мы чуждаемся. Здесь только больные, их койки и обувь, меню и швейные машины, работницы на которых привлекательны уже дурным вкусом.

А сняты здесь книги и немного новогодних игрушек. Он говорит: «смотрите — вот книги»: что-то типа (но только типа) «Луг духовный» — два первых сло-

ва, а дальше буквы надо угадывать в фигурках человечков — солдат или акробатов — «друга жениха» или «друга женщин» — это я точно видел, — ниже, по кругу: 1941 год и РСФСР и еще что-то — не помню, но это, поддельное или подлинное, т.е. подлинные или фиктивные, — место и год издания. И во сне и наяву я думаю, что это была издана так война, или что это продолжение заглавия.

Переплет матерчатый, цвета его пальто или цвета, как говорится, морской волны, а на титульном — еще обложка, оранжевая, качественного рыхлого картона, как «Серебряный голубь», если ты видела, или некоторый старый Фламарион, — просто такой оранжевый лист фактуры обложек сабашниковских изданий-кирпичей — Калидаса, Еврипид... — но в клочья разорванный и склеенный не то жеваной булкой, не то оконной замазкой.

(Удельная)

3

Что ж, если и тот дом, за семь верст от нас, сумасшедший? Здесь одна-единственная даль, слоющаяся, туманная. Сколько нужно облаков зараз, чтобы полить дождем больницу? Одно? Два? Сколько дождей? Она уместится под одним дождем.

Больница на холме занимает место кладбища. Со своим парком это и есть кладбище без могильных памятников. А поселок в низине, тесный и теплый. Больничные виды: поселок, поля, лес. Здесь, в 70 примерно км от Л-да, со всех сторон нас окружают густые леса. В этой обстановке — с ассистентом. Ассистент на воле — он сообщает знания об этом месте. Тут думать, что моя вера — характер пола, тип отношения к половому вопросу, подход к акту. Открытый чересчур, неинтересный или отступивший от интереса. Я в давке испытываю всеобщность, ее мучает чувство одиночества в пространствах воли.

Августовские дни, когда мы в каждом месте усматриваем соответствие между состояниями погоды и нашим ощущением земли в целом. Когда земля стала выпуклой. Небо низким (близким).

Больничные аллеи обрываются, и с холма открываются виды во все концы между большими парковыми деревьями и низкими, приземистыми своеобразными постройками, белыми с желто-ржавыми, охристо-ржавыми полосами. Я не могу сказать с уверенностью, какого они стиля, не рискуя показаться сумасшедшим, — какого-то модерна, может быть, такая архитектура называлась египетской, — но у клуба есть квадратная звонница.

В аллее большое количество больных женщин производит интересное впечатление: их одежда, главным образом синяя с белым, отсутствием некоторых, как кажется, необходимых частей, напоминает крестьянскую прошлого века, никогда не виденную, или одежду более удаленных, но современных народов. В фигурах их стерты признаки пола, это нация...

Из-за деревьев красные три жилые больничные дома новой постройки с торцов, когда окон за деревьями не видно, напомнили новодеревенский в Новой Деревне, районе Ленинграда (*прим. изд.*) буддийский храм. Дома эти четырехэтажные, из красного кирпича, со светлыми полосами между этажами. Окна небесно-голубые. По сравнению с храмом не хватает только позолоты, но что-то помогает домысливать буддийскую скульптуру, предполагать.

Трава, высыхая, выявляет свою структуру.

(Гатчина)

4

Бесконечно мало. Очень мало, но бесконечно.

Закаты во все одних окнах, как денежные бумажки, старые тополя, черные ели, «багряный» «закат». А облачные будни с бесцветными деревьями и небом — оккупационные марки.

Деревья, как нарисованные Рембрандтом, известный рисунок — три дерева, коричневого тона, такая же земля. Прорисованы отдельные листья тополей, как монеты, бесконечные, на корявых стволах. Как монеты ветра, обрисованы обобщенно в одном повороте — светлой стороной к нам, к зрителям, к налогоплательщикам.

Я видел ряд цветных закатов, похожих на устойчивую валюту, багряно-синих, и бесконечную череду пасмурных дней, похожих один на другой. А в окна противоположной стороны дома, в восточные, увидел восход (один). Он также напомнил новую ассигнацию, что-то вроде двух сторон нового франка, размазанного на огромных холстах Ларри Риверсом. Как стыдно было бы мне на своем месте по забывчивости спутать фамилию этого поп-артиста...

По сравнению с теми клочками неба, которые достаются в городе, и небом, более широким в больнице Скворцова-Степанова, здесь, возле Гатчины, небеса как бы распахнулись, расширились, расступились во все стороны, ко всем горизонтам. Но в это жаркое лето днями не приходило в голову взглянуть на небо над собой, такое яркое слепящее солнце горело над нами и жгло немилосердно, а дальняя голубизна над лесом, прозрачная, белесая, непривлекательная, как теперешняя архитектура, не вызывала никакого образного сравнения, и так и осталось сходство с деньгами закатов и восходов и ясная луна одного полнолуния над яблонями прогулочных дворов.

Сцены прогулок под низкими яблонями, когда сто, двести человек толпятся в загородке, лежат на траве, сидят вдоль заборов и под окнами на асфальтовой дорожке, похожей на карниз, а также бредут по дорожкам и сидят на лавках в своих джинсовых халатах или полосатых пижамах, кто в штанах, кто в куртке и кальсонах, многие в майках — красных, голубых или белых, или в полотняном белье, на всем больничные печати, — эти неизменные сцены с неповторимыми сочетаниями человеческих фигур чем-то изнутри тонко напоминают изображения на деньгах, а комбинационность намекает на количество. Я не могу

точнее написать. В чем-то это очень верно. Но почему деньги? В первый раз.

(Гатчина)

5

Пыль — национальный продукт Эстонии. Она не похожа на вездесущую летучую гарь больших городов РСФСР, Москвы и Л-да. Светящиеся белые кристаллы ее или точки медленно проникают в жидкий воздух вследствие диффузии. Для нас эти частицы почти неподвижны, как звезды сияют в структуре всего здесь, на фоне тени на вещах.

Подобное явление я наблюдал в горах Узбекистана, в местечке Бричмулла, под действием продолжительного поста в горном уединении. Мы на закате проходили глиняной улочкой этого места, солнце освещало вечерним светом глухие стены домов, изгородей и землю. Все это была одна глина, и казалось, что частицы ее висят и в воздухе, как одна из его составных частей, своеобразным сухим туманом; и медленные птицы, какие-то узбекские индюки в крапинку, также казались слепленными из глины и искусно раскрашенными, глинистая пыль сгущалась вокруг них, и они были видны как бы не так отчетливо, как пустота пространства, воспринимаемая явственнее; не было ни малейшего ветра, только красные солнечные блики и эта закономерная взвесь. И эта пыль была чиста по ощущению. Ничего общего с тем, что мы привыкли встречать в городских домах, в городках.

Здесь, в Южной Эстонии, на озере, пожалуй, она воспринимается как то, что называется водяной пылью, но я плохо уже помню, что именно называли так

в моем раннем детстве на Балтийском побережье в Германии. Здесь она белая, как осыпающаяся побелка домов, это сообщает ей особенно опрятный вид, она как блестящие вкрапления в асфальте. Она возникает как результат бытования того и другого — асфальта и белых домов, — их беспрерывного существования или стояния, или лежания в здешней атмосфере. Этот здешний продукт — лучшее доказательство несомненности бытия...

На севере, на побережье — это песок. Он вечен. Вечные маленькие наносные косы песка на любой поверхности, маленькие дюны песка у всех щелей — напоминание о настоящих, никогда не виданных.

Пляжные конструкции, носящие подчеркнуто современный характер недолговечности, временной нарядности, хорошо гармонируют с теми и другими волнами побережья. Они здесь, кажется, эти конструкции, да сосны и производят вечный шум ветра, гул моря...

На стеклянных прилавках эстонских магазинов, в витринах, чуть ли не в каждой бутылке на дне — неподвижный нанесенный, намытый песок. На столах, на полах, на панели вдоль тротуаров и на тротуарах вдоль домов, под деревьями и между их корнями, в траве, в транспорте... В воздухе его не чувствуется, он всегда уже лежит здесь, он виден — кажется белыми точками света в воздухе, вполне нематериальными. Скопления восточноевропейских коттеджей западного образца на шоссе. Часами тянутся пространства однообразной застройки, по сравнению с которыми особняки городов Западной Украины — пальмы рядом с нашей северной растительностью. Ничего примечательного. Непонятно, как разбираются быстро меняющиеся обитатели в этих однообразных улицах, что сообщает особенность эта их жизни. Предполагается

какая-то особого типа конспиративность, что-то восточное, почти японское. Такой многочасовой город маленьких домов за Ломоносовым.

Я недостаточно молод, чтобы мечтать о безлюдье подлинном — вдоль железных дорог.

В сырой день в автобусе от Соснового Бора к Л-ду, собственно — к Ораниенбауму, мы все время движемся среди этих строений. Почти все не оконченные отделкой, со следами строительства на участках, они напоминают плитки пола в уборных, терракотового цвета, с той разницей, что пол туалета виден весь и за счет этого каждая плитка более индивидуализирована, нежели усадьбы. И здесь, в тесном автобусе, не успев согреться, мы вызываем в себе представление о виде обширных клиньев такого строительства с высоты птичьего полета. Непрекращающийся шум дождя так отвлекает от характерной автобусной езды. Ключья облаков цепляются за дома и деревья, и свет в окнах дальних из них для того и зажжен, чтобы они не заблудились, не растворились в ключьях тумана, не уплыли, окончательно не потеряли человечности.

Пароход у пристани виден только наполовину. Над водой бьют в колокол, и мы в тумане видим его звук, как сам этот колокол, движущийся по отлогим волнам, но он ни на чем не укреплен, он висит в тумане отдельно.

Я вспоминаю вынесенную в море несколькими зигзагами петродворецкую пристань, где мы проходим, и среди этих домов, о которых я говорю, мне кажется, мы чувствуем себя сходным образом. Тут, как и в новых городских районах, индивидуализированы только аптеки, поликлиники и больницы являются ориентирами, стоящими того, чтобы их запомнили. Относительно них мы себя и ведем. В описываемое

время у меня была с собой маленькая монография Сессю — нецветные фрагменты пейзажных свитков — long scroll и short scroll, — и под впечатлением от его работ я смотрел на «чубчики кучерявые» декоративных сосновоборских холмушек, поросших сосновым лесом, зеленым под снегом. И все там напоминало морские волны со срывающейся с вершущек пеной. Кодеин делал мое восприятие слитным, нечлененным, порождая обобщения. Таблетки от кашля продавались свободно.

Так же зимой я смотрел на Псков под ингафеном, церкви связывали концы бревенчатых звезд провинциальной архитектуры. Второй раз, после гашиша, я испытывал Божий страх, встречая много голубоглазых мужчин. Под наркозом стоило чуть испытать скуку, например во время переездов, и ты отвлекался, забывался в себе и не испытывал неприятного однообразия перемещений, свободно связывая отдаленные по времени впечатления, и подбирал схожие на любых уровнях погруженности в себя или во внешнее. Можно было забывать обо всем, тянущемся в жизни, переходить свободно из обобщений на одном уровне к другим, также забываться, не жалеть об уходящем и уходящих. Чифир, кодеин, фенамин, морфин смотрели сквозь меня, план, ноксирон, веронал, кофеин. Я думаю о путешествиях, которые мне не совершить, и говорю, что в моих обстоятельствах они заменены шествием, шестственностью, шествованием подлинными.

Порушенное одиночество, обломки одиночества первоначального восприятия жизни, мне свойственного, под влиянием конфликтов заменилось неперевождающимся ощущением слияния с миром, безодинокости, интересности жизни. А подложены под это два впечатления от поведения женщин — за столом, где женщи-

на в роли хозяйки начинает есть не с начала, не ломляет хлеба, резкое впечатление женской лживости при нас двоих, и другое: проходя пустырем, среди новых домов, перед лицом бесконечных их окон, она не скрывает, что не хочет быть понята неправильно случайными очевидцами, и этого не скрывает. Того, что ложь предназначена близкому. В первом случае дело кончается внезапными слезами, и во втором только сдержанность мужчины способна их предотвратить, но разве я счастливее с женщиной, в связи с которой не испытал ни того, ни этого?

Я думаю, что психологическая мелочность этих двух наблюдений, разновременных, является выражением моей психической болезни, — то, что их только два к тридцати годам у меня на эту тему. Требуется дар, как мы уже слышали неоднократно, и к наблюдениям над лживостью, — пожалуйста, не возражай...

Здесь седины как пыли, и в пыли не разглядеть, сколько здесь людей, «красной пыли», терракотовой. Ясно только, что много. Характерное жужжание безумия, его звук в первой палате — зен дене.

Как долго нужно разрушаться похожему на комод старому зданию желтого дома, ремонтироваться и модернизироваться, пока оно не займет своего места в природе окружающей, не сольется, проще говоря, с этим местом...

Созвездие забора на белых столбах густых яблонь, буйных, полной луны, этой земли и яркой звезды выше и много правей в темном небе — здесь.

Черные хлопья выбоин на линолеуме под мрамор светло-сером, осыпающаяся побелка на окнах.

В одну из первых ночей мне приснились две сияющие золотые короны над красно-бело-синей эмалью или муаром фонов гербов. Одна императорская, а другая? Не знаю. Гатчина.

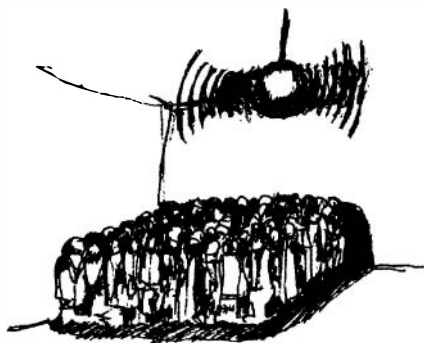
Кладбище сумасшедших называется Лобановские кусты...

Я забыл записать, что к тридцати годам у меня в полной мере развилось только чувство ответственности за то, что я делаю. Она одна продолжает накапливаться во мне ровно и полно.

(Гатчина)

6

Листва осенью — при электричестве. Стало холодно, и мы включили свет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Драгомощенко. Блеск</i>	5
<i>К. Кузьминский. Черное стекло Леона Богданова</i>	10
<i>Б. Констриктор. Иноземец</i>	18
<i>Б. Кипнис. Флейта земли</i>	21
<i>К. Козырев, Б. Останин. От составителей</i>	23
Заметки о землетрясениях	31
Возвращение в 1974 год	463
Шесть писем из больницы	519

Леон Богданов
**ЗАМЕТКИ О ЧАЕПИТИИ
И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ**
Избранная проза

Редактор
Э. Липпа
Корректор
Э. Корчагина
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

Тел.: (095) 976-47-88

факс: 977-08-28

e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

Интернет: <http://www.nlo.magazine.ru>

ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Формат 84x108/32

Бумага офсетная № 1

Усл. печ. л. 17. Заказ № 1499

Отпечатано с готовых диапозитивов
в РГУП «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15